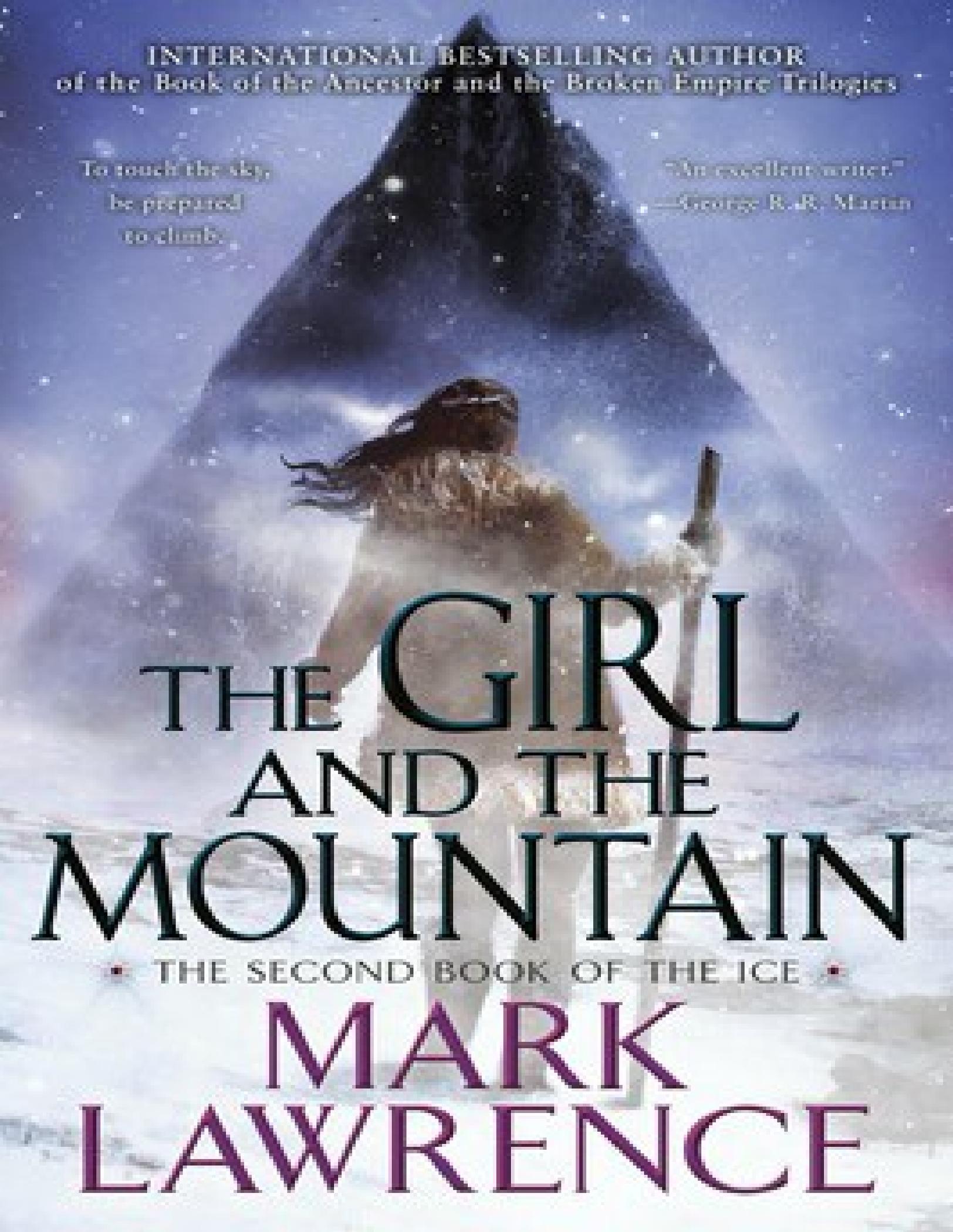

INTERNATIONAL BESTSELLING AUTHOR
of the Book of the Ancestor and the Broken Empire Trilogies

To reach the sky,
be prepared
to climb.

"An excellent writer."
—George R.R. Martin

A girl with long dark hair, wearing a white fur coat, is climbing a dark, jagged mountain peak. She is holding a wooden staff or pole. The background is a dark blue sky filled with stars and a few wispy clouds. The overall scene is dramatic and evocative.

THE GIRL
AND THE
MOUNTAIN

• THE SECOND BOOK OF THE ICE •

MARK
LAWRENCE

ПРЕДЫДУЩИЕ СОБЫТИЯ И ПЕРСОНАЖИ

Для тех из вас, кому пришлось немного подождать эту книгу, я приведу краткие примечания к Первой книге, чтобы освежить ваши воспоминания и избежать неловкой ситуации, когда персонажи рассказывают друг другу для вас то, что они уже знают.

Здесь я привожу только то, что имеет значение для последующего рассказа.

Яз и ее брат Зин оказались в Яме Пропавших в результате развития способностей, которые, хотя и были полезны, сделали их слишком слабыми, чтобы пережить экстремальный холод ледяной поверхности Абета. Есть четыре старых крови, которые проявляются в небольшом количестве детей:

герант, что означает, что ты вырастешь очень большим

хунска, что делает тебя очень быстрым

марджал, которая может дать тебе некоторые из множества меньших магий, таких как управление тенями, водой, воздухом, камнем, огнем и т. д. — иногда еще что-нибудь

квантал, которая может дать тебе главную магию, включая доступ к огромной силе Пути, и способность плести нити существования, чтобы добиться более тонких манипуляций людьми и предметами

Подо льдом Яз встретила Сломанных — племя, образовавшееся из тех, кто пережил падение в яму. Она также встретила Запятнанных — Сломанных, которые были захвачены дьяволами/духами, обитающими в черном льду.

В скале подо льдом находятся остатки Весты, города, построенного Пропадшими — расой, которая покинула Абет до того, как прибыли четыре племени людей (герант, хунска, марджал и квантал). Пропавшие очистили себя, прежде чем исчезнуть — вырезали из себя нечистоты, нежелательные черты: гнев, эгоизм, ревность и другие пороки. С тех пор это зло покинуло подземелья и загрязнило как лед, так и Запятнанных. Предводителя и самого могущественного из этих духов зовут Теус.

Город Пропавших также является источником звезд и железа, которые Сломанные добывают и собирают. Звезды — это светящиеся сферы, которые, по-видимому, являются источником энергии, которую использовали Пропавшие. Яз обладает способностью манипулировать звездами, способностью, которую, по-видимому, разделяет с ней лишь небольшое число жрецов. Тот жрец, который сбросил брата Яз в яму, хотел, чтобы Яз присоединилась к ним, и работал над тем, чтобы вернуть ее от Сломанных.

Прежде, чем Яз сбежала из ямы, она изгнала духов из Запятнанных, вернув одержимых людей Сломанным. Теус потерпел поражение.

Важные персонажи из Первой книги:

Яз: ~16 лет, член клана Икта, квантал с особой способностью управлять звездами.

Зин: ~12 лет, член клана Икта, хунска, брат Яз.

Турин: ~18 лет, родился подо льдом, марджал, обладающий властью над водой и огнем. Турин был одержим Теусом. Позже Теус согласился покинуть его после заключения сделки с Яз.

Эррис: ~5000 лет. В молодости он заблудился в подземном городе, тысячелетия назад,

до того, как солнце еще больше ослабело и лед покрыл планету. Город усыновил его. Неясно, действительно ли Эррис жив или это просто память, хранящаяся в городе. Теперь он обитает в искусственном теле, которое он построил с помощью города.

Куина: ~15 лет; хунска; сообразительная, острая на язык девушка.

Майя: ~13 лет, марджал, тень-работник, член самого воинственного клана льда и не новичок в убийствах.

Као: герант, более шести футов ростом и мощного телосложения, хотя ему всего 12 лет.

Квелл: ~17 лет, член клана Икта. Квелл собирался попросить Яз выйти за него замуж как раз перед тем, как та прыгнула в яму. Позже он последовал за ней.

Теус: возраст неизвестен, дух, созданный из большинства нежелательных черт одного из Пропавших.

Стержень-корень: возраст неизвестен, древняя симуляция человека по имени Элиас Стержень-корень, привезенная на Абет одним из четырех племен людей, которые вместе заселили планету после ухода Пропавших.

Регулятор: возраст неизвестен, пожилой жрец, ответственный за отбор детей, которые будут брошены в яму.

Эулар: возраст неизвестен; старый, безглазый человек, который, по-видимому, является частью жрецов, живущих в Черной Скале, но проводит время среди Сломанных, которые считают его одним из них.

Жрецы Черной Скалы — единственной известной горы, возвышающейся над льдом, — властвуют над лед-племенами. Они единственные, кто имеет доступ к железу и продают его лед-племенам за меха и еду.

Во время своего пребывания в яме Яз обнаружила, что жрецы дают Сломанным жизненно важную соль в обмен на железо и звезды для жрецов.

В дополнение к мелкомасштабному конфликту между Яз, Сломанными, Пропавшими и жрецами Черной Скалы, существует гораздо более крупный и более древний конфликт, лежащий в основе всех маленьких конфликтов. Часть многих городов Пропавших выжила подо льдом, и каждым городом управляет собственный разум, хотя за тысячелетия, прошедшие с тех пор, как Пропавшие ушли, разумы впали в безумие. Самый могущественный из них называется Сеус. Сеус вовлечен в конфликт с Стержень-корнем. Стержень-корень сказал Яз, что вокруг экватора Абета остался тонкий зеленый коридор, который лед еще не поглотил. Сеус хочет, чтобы лед покрыл его — Стержень-корень не хочет, чтобы это случилось. Они сражаются друг с другом через древние сети, хотя Сеус гораздо сильнее. У Яз есть игла, которая содержит фрагмент личности Стержень-корня и могла бы привести ее к более полной копии этого мужчины.

Первая книга заканчивается побегом из ямы через длинную шахту, которую Турин помог растопить во льду. Яз и другие были подняты в железной клетке с помощью длинного троса. Клетку поднимали жрецы Черной Скалы.

В клетке были: Яз, Зин, Эррис, Майя, Као и Квелл. У Квелла в боку нож. Турин не смог попасть в клетку и остался подо льдом. Куина пропала, предположительно захваченная одним из механических охотников жрецов, управляемых звездами.

Майя вскарабкалась по кабелю, пока клетка поднималась. Яз вскарабкалась вслед за

ней. Когда Яз добралась до верха, впереди клетки, она обнаружила там регулятора и Эулара, и никаких признаков Майи. Эулар использовал магию, чтобы отправить Яз спать, и регулятор приказал послушникам, поднимающим клетку, позволить ей упасть на две мили назад в пещеры внизу.

Был большой огонь, и было большое наводнение. И то, и другое — силы природы, которые сметают все на своем пути, уничтожают старое и обещают новое начало. Турин был причиной и огня, и наводнения. И все же оба не смогли смыть его желание быть с Яз из Икта: девушкой, для которой звезды сияют ярче.

Турин устался на дыру длиной в несколько миль, протянувшуюся вертикально сквозь лед в мир, который он никогда не видел. Казалось невозможным, что он разжег огонь, который протопил ее. Высвобождение его огонь-таланта, энергии, которая копилась в нем многими годами, опустошило Турина. Последующая битва с Запятнанными оставила ему синяки, укусы и рваные раны. И почти сразу же после этого он использовал всю свою лед-работу в отчаянной попытке обеспечить брату Яз возможность присоединиться к побегу.

Пока он гадал, что же все еще удерживает его в вертикальном положении, Турин обнаружил, что падает на пол. Последним, что осталось у него в памяти, были невероятно белые глаза Яз, устремленные на него, когда клетка поднялась еще выше и исчезла в темноте.

— Проснись!

Турин со стоном перекатился на бок. Приятное тепло окутало его, и на какое-то прекрасное мгновение он решил, что находится в доме своей матери в поселке. Он попытался уцепиться за иллюзию, но она ускользнула из его рук, оставив лишь обрывки кошмаров, преследовавших его во снах, в которых Теус стоял над ним, дергая за веревочки и заставляя танцевать под чужую мелодию.

— Все еще с нами? Хорошо.

Турин приоткрыл один глаз. Яростный свет, искаженный его затуманенным зрением, украл детали сцены, но он увидел достаточно и мог сказать, что лежит в одном из сараев кузницы. С опорных балок свисали длинные цепи и разнообразные инструменты.

— Кайлал? Это ты?

— Ага. — Молодой кузнец хлопнул Турина по плечу. — Нужно больше, чем сотня кричащих Сломанных, чтобы уложить меня.

Турин попытался сесть. Все его тело болело. Укусы и царапины, которых он раньше не замечал, настойчиво требовали его внимания.

— Как ты?

— Ну, я потерял обе ноги...

Турин улыбнулся старой шутке. Кайлал выглядел так же плохо, как и Турин — оба глаза почернели и опухли, ухо разорвано и кровоточило, на шее синяки. Тем не менее, самой большой его болью была потеря Эксара. Остальные раны заживут.

— Рад тебя видеть. Как я здесь очутился?

— Арка велела отнести раненых в укрытие. Худшие из них находятся в поселке. — Кайлал подтянулся по цепи, чтобы добраться до своего рабочего стула. — Мне сказали, что твоя подруга Яз ушла впечатляющим образом.

— Она и твоя подруга. — Турин нахмурился, злясь на собственную уклончивость.

Кайлал покачал головой.

— Я потерял Эксара, и его уже не вернуть. Яз отсутствует всего полдня. Она там, наверху. — Он указал. — Это путешествие, которое даже у меня не заняло бы много времени.

— Мне говорили, что вверх идти труднее. — Турин встал, застонав от скованности в конечностях.

— Серьезно, тебе нужно что-то сделать, Турин. Я видел, как ты на нее смотрел. Каково это будет — провести долгие годы, постоянно задаваясь вопросом, где она, что делает?

Турин потянулся, воображая, что слышит, как скрипят кости ног. Он знал, что Кайлал прав, и это пугало его. Он придвинулся ближе к кузнечному горшку, все еще излучавшему остаточное тепло, несмотря на то, что он был пуст:

— Сломанные нуждаются во мне.

— Это просто оправдание. У нас есть Арка. Наши люди очистились от пятен. И если этот кит действительно там...

— Там. Вытащить его из черного льда будет еще той работенкой, но я его видел собственными глазами. Я никогда не верил историям, которые говорили, насколько велики эти штуки!

Кайлал усмехнулся:

— Я тоже хочу его увидеть!

Турин повторил улыбку друга. Казалось безумием для них двоих, у которых не было никаких воспоминаний о льде, обсуждать выход на поверхность. Но если когда-либо и было время для безумия, то именно сейчас, начиная с тех дней, когда появилась Яз.

— Я не знаю, как последовать за ней, — тихо сказал Турин. Это казалось еще более жалким оправданием, чем необходимость быть здесь. Но правда заключалась в том, что две мили льда были устрашающим барьером. Не похоже, чтобы кто-то когда-либо преодолевал его до того, как Яз сбежала.

Кайлал рассмеялся.

— Говорят, что ты тот, кто в первую очередь сделал эту дыру. Если это правда, то, конечно, ты можешь заставить себя подняться. Сомневаюсь, что они смогли закрыть ее.

Турин нахмурился.

— Может быть... — Он прикусил губу. — Хотя это было бы опасно. Очень.

— А, ладно. Тогда лучше остаться. — Кайлал снял один из своих молотков и начал проверять открытые звенья цепи, разбросанные по столу перед ним.

— Хм. — Турин покачал головой. — С тех пор как она упала, все стало опасным. Думаю, теперь у меня появился вкус к этому.

Кайлал протянул руку за спину, схватил что-то темное и тяжелое и бросил его Турину.

— Плащ Эксара? — Турин провел рукой по одежде: двухслойная крысиная кожа. Эксару потребовалась целая вечность, чтобы выменять меха для него.

Кайлалу удалось улыбнуться:

— Он никогда не мог согреться.

— Я не могу...

— Возьми его. Я слышал, там очень холодно.

Турин накинул плащ на плечи и направился к двери. Он остановился и положил руку на плечо Кайлала:

— Ты ведь позаботишься о них для меня, да?

— Сделаю, брат. — Кайлал отложил молот и положил мозолистую руку поверх руки

Турина. — И мы будем здесь, если тебе понадобится место, куда можно вернуться. А теперь иди и добудь ее.

Турин вернулся в город, проходя пещеру за пещерой, где Сломанные бродили в количестве, большем, чем он когда-либо видел. Те, кто был освобожден от пятен, превосходили числом Сломанных, оставшихся на свободе, но теперь они смешались, семьи воссоединились. Были поздравления от людей, которые помнили Турина ребенком, и от других, которых он помнил с детства. Некоторые, захваченные совсем недавно, бросались обнимать его, пытаясь утащить на тот или иной праздник. Радость, которую Яз оставила после себя, только начинала проникать в них. Сломанные только сейчас начали по-настоящему верить, что это не сон, что это что-то реальное, которое нельзя у них отнять.

Каждое приглашение, каждое воссоединение ослабляло его решимость; каждое было крючком, вонзившимся в его плоть — он должен был вырвать его, если хотел продолжать идти к цели. Было бы так легко остаться, так легко вернуться к привычной жизни, наслаждаться улучшенным будущим в компании большой семьи. Но Турин знал, что, если он свернет со своего пути, если сдастся тому, что было легко, Яз будет преследовать его всю жизнь, как бы долго она ни продлилась. Великое «что, если» будет висеть над его головой год за годом.

Он пришел в пещеру города и пересек покрытый лужами камень, обледеневшие остатки потопа трещали под его ногами. Он прошел среди покинутого железного богатства — обломков разбитых охотников, брошенных доспехов, выброшенного оружия. Он обошел стороной яму, в которую упали Теус и другие запятнанные геранты, когда Яз обрушила пол под ними, отправив их в комнату подземного города. Он предположил, что яма по-прежнему полна тел тех, кто упал среди грохота обломков, но у него не было желания самому увидеть правду. За ними скоро придут семьи погибших.

Турин заметил одинокую фигуру, рывшуюся в обломках охотника Пома — Старый Ганно, самый старший из Сломанных, если не считать Эулара, далеко за пятьдесят. Он приветственно поднял руку. Кроме них двоих, руины были пустыни.

Турин остановился под широким горлом дыры, которая тянулась через крышу пещеры до поверхности льда, предположительно мили в длину. Звездная пыль, покрывавшая лед, освещала первые двадцать или тридцать ярдов шахты тусклым многоцветным сиянием. Дальше была только темнота, ни намек на небо, о котором рассказывали истории. У большинства друзей Турина были воспоминания о поверхности, но ни одно из их слов по-настоящему не рисовало картину в его сознании или даже имело смысл. Что поддерживало это «небо»? Как высоко оно было над землей? Где находились стены? Турин вздохнул и предположил, что, если его планы увенчаются успехом, он скоро сам увидит и, будучи взрослым, поймет то, что Сломанные не смогли объяснить, исходя из своих детских воспоминаний.

Глубокий вдох немного успокоил его. Еще один глубокий вдох, давая выход напряжению. Сила Турина в работе со льдом исходила от его крови марджала. Не считая тень-работы, наиболее распространены среди марджалов были именно основные навыки. С ранних лет он был силен в вода-работе и лед-работе. К десяти годам он мог ослабить стены пещеры, позволяя герантам копать гораздо быстрее в поисках звезд. Талант медленно укреплялся по мере того, как он рос и ежедневно использовал его с шахтерской командой, но он все еще не был таким сильным, как у Тарко.

Все изменилось, когда Турин вернулся от Запятнанных. Что-то в нем сдвинулось, какой-то барьер сломался. Он обнаружил, что способен на новые подвиги. И за неделю, прошедшую с момента появления Яз, казалось, что какая-то доселе не подозреваемая внутренняя стена сдалась под возрастающим с каждым днем давлением. В схватке с Хеттой он удержал ее, схватив воду, которая наполняет всех людей. Появление Яз запустило череду ситуаций, связанных с жизнью или смертью, и с каждой новой крайней опасностью Турин пробивался на новую высоту, высвобождая больше сил, и его лед-работа, наконец, стала равной лед-работе их бывшего предводителя. Возможно, даже превзошла ее.

Еще один глубокий вдох, и Турин потянулся к своей силе. Эта идея пришла ему в голову, когда он подумал о том, как спас Зина. Мальчик потерял хватку на клетке, когда та ускорила и буквально полетела вверх по шахте. Турин потянулся к нему своей лед-работой, его разум завладел кровью Зина. Турин поднял мальчика и отправил его в погоню за клеткой, позволив ему снова схватиться за прутья.

Теперь Турин повернул свою лед-работу внутрь, захватывая воду в крови, которая текла по его собственным жилам, воду, наполнявшую его плоть. Нужно только увидеть, насколько твердым будет замерзший труп, чтобы понять, сколько в нас воды. С тихим ворчанием сосредоточенности Турин оторвал ноги от скалы. Это было легче, чем он боялся, но все же достаточно тяжело, чтобы заставить его забеспокоиться — поддерживать усилия так долго, как это было необходимо, может оказаться выше его сил.

Он медленно поднялся в воздух с ощущением, что балансирует на узкой вершине невидимой, постоянно растущей башни. Давление, необходимое для того, чтобы поднять вес его тела, переместило какую-то эластичную часть его разума, какой-то фокус его таланта, который будет растягиваться и растягиваться снова, обеспечивая любые усилия, которые от него требовались... вплоть до того мгновения, когда он потребует от себя слишком многого и, без предупреждения, все это сломается.

Под его ногами громоздились пустые ярды. Земля становилась все дальше, крыша — ближе. Со всех сторон над ним нависал ледяной потолок, и Турин охватил внезапный и неожиданный ужас. Расстояние, зияющее под его ногами, казалось, само по себе притягивало его. Невидимая башня, на которой он балансировал, превратилась в неустойчивую груды слабо соединенных частей, сложенных слишком высоко. Каменная поверхность, носящая шрамы города, потребовала, чтобы он присоединился к ней с сокрушительной скоростью.

Панический всплеск силы заставил Турин броситься в шахту, и ее быстро сужающиеся, быстро тускнеющие пределы почти мгновенно укротили расстояние под ним. Какое-то недолгое время он видел под собой только уменьшающийся круг света, который не передавал впечатления от пропасти, которую скрывал.

Через сотню ярдов темнота полностью окутала Турин, и с тех пор он был просто точкой тепла, слепо поднимающейся сквозь ночь. Время от времени он задевал ледяные стены и спрашивал себя, выплунет ли его кажущаяся бесконечной шахта в мир наверху прежде, чем притяжение гравитации преодолеет силу воли и потащит его, кричащего, обратно к быстрой, но уродливой смерти.

Вверх, всегда вверх. Турин потерял счет времени. Боль нарастала в глазах, пока он не потерял всякое представление о том, куда идет и почему. Вверх и вверх. И боль становилась все сильнее.

Квелл лежал в поднимающейся клетке, окруженный сложенными досками из поселка и небрежно наваленными грибами. Нож в боку пригвоздил его к каждому мгновению, боль была острой и в то же время тупой, всепроникающей. Зато ничего не болело, когда нож входил внутрь. Вид рукоятки, плотно прижатой к его плоти, поражал его.

Самый слабый из Запятнанных был опаснее, чем думала Яз, но она была права, пытаясь остановить его, замахнувшегося на них топором. Даже сейчас он предпочитал лежать здесь, ожидая смерти, чем сидеть невредимым и нести воспоминания о детях, которых он разорвал на части. Есть цены, которые стоит заплатить, чтобы остаться в живых, и другие, которые не стоит.

Цену, которую регулятор потребовал за спасение жизни Яз, Квелл был готов заплатить. Он уже думал, что она мертва. Слишком велика была тяжесть печали, которую ему пришлось нести, идя от Ямы Пропавших, он не мог ее вынести. Он до сих пор говорил себе, что она упала. То, что она бросилась вниз, говорило о добровольном разрушении связи, которая, как он думал, выросла между ними. Он собирался попросить ее идти с ним по жизни до конца их дней. Жить в одной палатке и растить собственных детей. Если она прыгнула, а не упала... что это значит? Он должен был стать камнем, за который она цеплялась, ее утешением перед лицом смерти Зина. Вместо этого казалось, что ее собственная жизнь была ценой, которую она была готова заплатить, чтобы сбежать от него.

Мать Яз выбралась из кратера так, словно она была мертвой женщиной, идущей только по привычке. Отец Яз, человек, склонный к молчанию, совершенно вышел из себя. Квелл никогда не видел его таким, даже когда кинжал-рыба забрала его младшего сына. Дяде Яз и двоюродным братьям ее матери пришлось силой вытаскивать ее отца из кратера, в то время как он все время боролся и неистово проклинал как Богов как в Море, так и в Небе.

Ложь и обман казались небольшой ценой, когда Регулятор Казик отвел Квелла в сторону и произнес эти два золотых слова:

— Она жива.

Задача Квелла была простой. Найти Яз, а затем использовать крошечную звездочку, которую дал ему регулятор, чтобы вызвать преждевременную передачу железа в пещере города. Он также должен был представиться слепому человеку, Эулару, и передать привет от регулятора и загадочные сообщения, не говоря об этом никому другому.

Ценой этого маленького обмана Квелл вернул бы дочь скорбящим родителям, чтобы она снова могла стоять под небом. И тогда, только тогда, когда они снова окажутся на льду, он мог бы задать вопросы, которые горели в его груди с тех пор, как она упала. Только тогда он смог бы попросить ее разделить с ним его жизнь.

Конечно, теперь он лежал при смерти. Даже если жрецы вернут его в клан, он станет для Икта просто источником печали, и они, проведя ритуал прощания, оставят одного на льду с солью и кубиком арфа-рыбы, чтобы утолить голод.

Хуже того, он лежал, умирая, вынужденный смотреть на незнакомца, который так очаровал Яз — темная кожа и такие же темные глаза, где у Икта была медная кожа и настолько бледные глаза, что радужная оболочка казалась почти белой. Этот человек казался одновременно невероятно сильным и невероятно быстрым, соответствуя сверхчеловеческой

быстроте Зина и многократно превосходя силой Икта. И самым жестоким ударом было то, что он обладал спокойной уверенностью, к которой Квелл стремился всю свою жизнь. Собственная сдержанность Квелла дала трещину при падении Яз и начала покидать его всерьез в тот момент, когда его веревка лопнула, и он начал свое собственное падение в мир Сломанных.

Даже сейчас Эррис осматривал рану Квелла, ощупывая нож пальцами, как будто они могли каким-то образом заглянуть глубоко в окружающую плоть.

— Я ошибся, — сказал Эррис. — Учитывая то, что нож разрезал, было бы лучше оставить лезвие на месте, пока мы не окажемся в теплом месте с бóльшим количеством ресурсов.

— Просто вытащи его, — проворчал Квелл.

Эррис покачал головой:

— Ты истечешь кровью до смерти. Вполне вероятно, еще до того, как мы вытащим тебя из клетки.

— Тогда иди и помоги Яз! — гнев Квелла усилился. Эррис остался только для того, чтобы помочь ему. А это означало, что Яз придется самой карабкаться по канату в погоне за Майей.

— Я совсем ее не вижу, — обеспокоенно произнес Зин, глядя вслед сестре на далекий круг неба над ними. Во время долгого, медленного подъема мальчик колебался между радостным возбуждением от своего возвращения на поверхность и крайним ужасом, что регулятор просто снова отправит его вниз. В мгновения возбуждения Квелл видел в нем проблески ребенка, который шел с кланом на юг, к Черной Скале. Он надеялся, что на льду ребенок полностью вернется и сумеет оставить ужасы Запятнанных в дыре, в которой им самое место. Хотя, как Зин, сломанный, сможет выжить в зубах ветра, Квелл не знал. Возможно, Яз сумеет убедить жрецов найти для него место в их горных чертогах. Конечно, ей придется иметь дело со жрецами. Квелл никогда не думал, что ее планы похода в бескрайние просторы южных льдов были чем-то иным, кроме фантазии. Регулятор будет ждать их в начале шахты. А магию жрецов, как известно, было невозможно остановить. Даже этого Эрриса поставят на колени перед ними. Чары жрецов держали в узде две дюжины кланов на протяжении многих поколений.

— Как вы думаете, насколько она выше нас? — снова спросил Зин.

— Слишком высоко, — проворчал Као. Он поднял руку, заслоняясь от далекого круга света и прищуриться. Он тоже казался испуганным. Несмотря на огромный рост мальчика, Яз заверила Квелла, что герант едва ли старше ее брата.

Клетка продолжала свое плавное движение вверх. Стены шахты теперь были близко со всех сторон, и клетка скребла вдоль одной из них, выплевывая измельченный лед на всех четверых. Белый круг неба становился все больше, превращая темноту в сумерки. Квелл начал различать в нем детали, какую-то конструкцию, по которой должен был проходить кабель. Он на мгновение ощутил страх за Яз — неужели ее перетащили через перекладину? Но нет, если бы она попала в беду таким образом, она бы упала обратно.

До них начал доноситься звук ветра, стонущего в открытом устье шахты. Уже стало холоднее. Квелл поблагодарил богов за то, что это не север. Его шкуры все еще были влажными от пота, который хлынул, когда Турин расплавил проход. В любом настоящем холоде это было бы смертным приговором.

Когда до конца шахты оставалось меньше ста ярдов, клетка внезапно остановилась.

— Что случилось? — Зин вскочил на ноги.

— Ничего хорошего, — пробормотал Као.

Квелл попытался сесть, но Эррис приложил руку к его груди:

— Оставайся на месте.

Квелл сказал бы ему найти море и прыгнуть в него, но боль от ножа стала такой острой, что ему в любом случае пришлось лечь на спину. Он вспомнил грохот, с которым пустая клетка обрушилась на город после наводнения. Он вспомнил пустоту в глазах регулятора, когда тот толкал детей в Яму Пропавших:

— Они собираются нас сбросить.

Слова Квелла, казалось, выкристаллизовали истину, которую все они уже знали. Первым начал действовать Эррис. Почти слишком быстро, чтобы заметить, он схватил один из кольев, которыми Яз планировала закреплять их укрытие. Затем он взял тяжелый железный молоток, лежавший между двумя штабелями досок. Одним сильным ударом, который не смог бы нанести самый крупный герант, Эррис вонзил кол на добрых две трети его восемнадцатидюймовой длины в стену шахты — оставшиеся шесть дюймов торчали сквозь решетчатые прутья стены клетки.

— Зин, помогай. — Эррис двумя быстрыми ударами воткнул еще один в другую стену.

Зин, двигаясь так же быстро, как и Эррис, начал снабжать мужчину кольями, позволяя ему сосредоточиться на том, чтобы разместить и вбить их.

— Это нас удержит! — Квелл попытался, чтобы его слышали между ударами молотка, пока Эррис устанавливал пятый кол. Клетка была тяжелее, чем ее содержимое, но даже ее значительный вес должен был быть надежно закреплен пятью глубокими якорями.

— Ты забыл про кабель! — сказал Эррис, принимая от Зина шестой кол.

Пока он говорил, клетка дернулась и тяжело опустилась на колья. Кабель над ними начал падать, увлекаемый собственным весом, изгибаясь о стены шахты, а затем, под ливнем разбитого льда, сворачиваясь в кольца на вершине клетки. Гора металлического кабеля начала расти на клетке с пугающей скоростью. Вес ее, должно быть, был невероятным, и кабелю предстояло спускаться еще почти две мили. Через несколько мгновений свет померк до доли того, чем был.

И вот, наконец, Эррис вбил последние колья. Лед вокруг них уже стонал, когда увеличивающийся вес давил на поспешно брошенные якоря.

— Я должен подняться туда, пока не спустилось слишком много кабеля. — Эррис схватил оба шила, которые они захватили с собой на случай, если во время ремонта в досках придется проделать новые отверстия.

Квелл смотрел, как поднимается Эррис. Он спросил себя, сможет ли этот человек выбраться наружу, несмотря на быстро растущую массу кабеля над головой. Если нет, вес будет увеличиваться до тех пор, пока шесть кольев не сломаются; тогда все они упадут и погибнут.

Эррис двигался быстро, напрягая свою огромную силу, чтобы пробиться сквозь витки железного кабеля. Он исчез быстрее, чем Квелл мог себе представить, оставив их в темноте с продолжающимся грохотом падающего металла над головой.

— Он может это сделать? — спросил Зин.

— Вылезти, ты хочешь сказать? — спросил Као.

Квелл попытался представить себе это. Стена гладкого льда, в сто ярдов длиной, с кабелем, спускающимся всего в ярде от нее. Эррис будет полагаться на два тонких шила,

подтягиваясь только силой рук, подтягивая весь свой вес — который, по словам Као, был намного больше, чем должен быть для человека такого размера, — сначала на одно из шил, а затем на другое.

— Да, он может это сделать. — Это казалось разумной ложью, приносящей утешение двум мальчикам, и, если он ошибался, это все довольно скоро закончится.

Они ждали, слепые и беспомощные. Звук укладываемого кабеля становился все глуше по мере того, как над ними нарастала толщина. Колья тревожно стонали, лед вокруг них начал сдаваться под нарастающим давлением. Квелл почувствовал, что у него снова идет кровь. Что-то передвинуло нож. Возможно, толчок, когда жрецы попытались уронить клетку, или, может быть, Зин, когда карабкался за кольями. В любом случае, из только что открывшейся раны бежала кровь, его жизненная сила.

— Что это вообще значит? — спросил Зин темноту. — Яз не позволил бы им сбросить нас.

— Должно быть, они схватили ее, — ответил Као безнадежным голосом.

— Или потеряли ее и сделали это со злости, или чтобы заманить ее обратно, — задыхаясь от боли проговорил Квелл. Он никогда не думал, что умрет, пронзенный ножом, который стоил у Икта больше, чем все имущество, собранное им в своей жизни. Но теперь вместо этого казалось, что его конец наступит под тяжестью металла, большей, чем обладали все кланы трех племен, вместе взятые. Он сомневался, что кто-либо из обитателей льда когда-либо умирал более величественной смертью. И все же он хотел жить, ловить рыбу в жарких морях, пережить долгую ночь, иметь собственных детей.

Клетка накренилась вниз, совсем немного, но достаточно, чтобы вызвать крики тревоги у всех троих. Должно быть, один из колеяв поддался. Остальные пять держались. Пока.

— Это остановилось... — прохрипел Зин.

Квелл спросил себя, о чем он говорит. Конечно, это остановилось, иначе они бы все упали.

— Звук, — сказал Као.

Если не считать стоны льда, сверху не доносилось ни звука.

— Возможно... — Квелл проглотил слова. Возможно, сейчас на них навалилось слишком много, чтобы что-то слышать. Но почему бы не позволить двум другим думать, что Эррис выбрался? Может быть, он действительно так и сделал.

Они ждали в темноте, лед скрипел и жаловался вокруг них, иногда глубоким далеким звуком, который отражался в его груди, иногда высоким и близким, как внезапный треск чего-то хрупкого. Уже несколько дней, как Квелл привык к этим звукам так же, как на поверхности привык к непрекращающемуся стону ветра.

Со стоном он немного приподнялся, упираясь плечами в стопки досок. Он чувствовал молчаливый страх Као и Зина, и, как единственный взрослый среди детей, чувствовал, что должен предложить как можно больше утешения, даже если это было всего лишь отвлечение от их судьбы.

— Больше приключений, чем ты когда-либо хотел, а, Зин? — Мальчик жил ради историй об опасности и открытиях.

— Черт возьми, да... — Зин выдавил из себя прерывистый смех. — Мне бы сейчас не помешало немного скучной работы. Поручи мне починить шкуры для палаток или почистить полозья. Я не против. — Он вздохнул. — Я хочу, чтобы Яз вернулась.

— Не беспокойся о ней, — сказал Квелл. — Она сильная. Сильнее всех нас.

— Она позволила кинжал-рыбе забрать Азада... — Голос Зина затих.

— Я не видел, как похитили твоего брата, — проворчал Квелл. — Я услышал крик, и его уже не было, когда я обернулся. Я увидел, как Яз перегнулась через борт, опустив руки в волны. Потом я увидел, как лодка перевернулась. А потом я увидел, как она утонула. Так вот, я не говорю, что это не была кинжал-рыба, но ни одна кинжал-рыба, которую я когда-либо видел или о которой слышал, не могла бы перевернуть каноэ Икта. Это, должно быть, была самая большая чертова кинжал-рыба, которая плавает в море. Но, скорее всего, пожиратель китов обвил кольцом твоего брата и затянул его под воду. Меня поражает не то, что нечто подобное могло схватить Азада, а то, что у кого-то, включая Икта, хватило силы ухватиться за него так крепко, что оно смогло утащить под воду всю лодку. Фартуки были на месте. Вода не проникала за Яз, и ее было не так много даже там, где сидел Азад. Вы понятия не имеете, сколько сил требуется, чтобы утащить каноэ вниз, когда оно наполнено воздухом. Я был бы удивлен, если бы кинжал-рыба смогла это сделать, но подумайте вот о чем: она держала Азада, а не лодку, так что единственная, кто утащил эту лодку вниз, была Яз, не отпуская брата. Я знаю, что не смог бы удержать.

— А что было дальше? — спросил Као с благоговейным вздохом. — Как она выбралась?

— Я уже решил, что она ушла. — Квелл поморщился при воспоминании. — Море было спокойным, только поднималось несколько пузырьков. Я даже не видел лодки. Я знал, что она ушла. Я позвал остальных. Я... — Его голос застрял в горле. У него не было слов, чтобы сказать, что он чувствовал, просто глядя на воду, в которой она исчезла. Ему казалось, что он тоже тонет.

— Близнецы Джекс приплыли на своей лодке и качали головами. Она ушла навсегда. Она должна была утонуть к тому времени, даже если ее не съели. Один из Джексов как раз говорил, как ему жаль, и вдруг что-то вспоролу воду поблизости, как пробивающийся наверх кит, почти полностью выскочивший из волн. Мы погребли туда сквозь туман. И вот она, без сознания, лежит в своем каноэ. Воздух, пойманный внутри, выстрелил обратно, как только она отпустила брата. Вот какова Яз. Вот какая она сильная. Но она рассказывает, будто кинжал-рыба схватила Азада и утащила его вниз, а сама Яз бросила его на произвол судьбы. — Он покачал головой в темноте. — Мне кажется, в тот день в ней что-то сломалось. Мне кажется, в тот день она начала меняться. Начала становиться... такой, какая она сейчас.

После этого они долго сидели молча. Только слепая темнота вокруг них и стон льда. Квелл взял себя в руки:

— А как насчет тебя... Као, не так ли? Из какого ты клана?

— Голин! — В темноте раздался нерешительный удар в грудь. — Самого лучшего...

Квелл знал, что мальчик задавался вопросом, смогут ли они когда-нибудь взять его обратно. Квелл считал, что скорее безумный поиск Яз увенчается успехом и она найдет зелень. Голин были известными приверженцами правил и предписаний. Их кодекс сохранял им жизнь в ледяных пустошах, а они, в свою очередь, сохраняли кодекс живым.

Квелл сменил тему, чтобы отвлечь парня от размышлений:

— А что ловят Голин в этих своих южных морях?

— Южных? — Као тут же воодушевился, как и предполагал Квелл. — Голин — лучшие рыбаки на льду. Мы плаваем по Блуждающему Морю, и наши лодки длиннее взрослой красной акулы.

Као продолжал, рассказывая о видах, известных и неизвестных Квеллу, хвастаясь, как

все мальчишки, демонстрируя свой энтузиазм к рыбалке, и рассказал о том, как огромная рыба откусила его весло почти без толчка, и он даже не понял, что лопасть исчезла.

Время шло, и Зин рассказывал Као о шалостях, которые юные Икта проделывали с сухим льдом в конце долгой ночи, когда Квелл понял, что впервые за целую вечность он может различить смутные очертания мальчика. Их собственная долгая ночь подошла к концу. Подняв глаза, он увидел слабый свет, пробивающийся сквозь щели в свернутой массе кабелей. Пока он смотрел, освещение становилось сильнее, все больше ярдов кабеля поднималось.

— Као, быстро. Найди молоток и будь готовы вытащить эти кольца, когда клетка попытается подняться. Сильный удар по головке каждого из них должен освободить клетку.

Кабель над ними продолжал змеиться вверх, пока, наконец, последняя катушка не размоталась, и он полностью натянулся. Клетка дернулась.

— Освободи ее! — Квелл кашлянул.

— А что, если это трюк? Чтобы освободить нас, а потом снова бросить? — Као колебался.

— Просто сделай это! — Если Квеллу придется пролежать в клетке с ножом всю оставшуюся жизнь, то он предпочел бы, чтобы это было короткое время, а не долгое.

Као колотил и дергал, и дюжина ударов освободила их. Они тут же начали подниматься.

Дневной свет быстро усиливался. Квелл обнаружил, что потрясен его яркостью, и вскоре уже щурился на мир сквозь щели между пальцами. Лязг металла становился все громче и громче по мере того, как они поднимались. Внезапно они оказались на открытом месте, ветер пронизывал прутья решетки, чтобы украсть тепло их тел. Као и Зин сразу же начали дрожать, но Квелл, даже в своих влажных шкурах, приветствовал свежесть. Воздух в пещерах казался ему мертвым; воздух в городе пах разложением. Ветер, однако, был живым существом. Не друг, а противник, который напоминал ему, что он тоже жив, даже с лезвием в боку.

Темная рука протянулась и просунула крюк сквозь прутья клетки. Лязг, который прекратился, теперь возобновился, и клетку оттащили в сторону, начав наклонять под углом от железной рамы, которая стояла над устьем шахты и вокруг которой на колесе скользил кабель.

— Смотрите, чтобы ничего не выпало! — рявкнул Квелл. — Быстрее!

Зин поймал его слово и двинулся с головокружительной скоростью, закрепляя грибы и более мелкие инструменты, чтобы они не покатались по наклонным доскам и не вылетели через прутья клетки.

Эррис взобрался по внешней стороне клетки и закрепил еще один крюк, на этот раз выше. Он вернулся к огромной части кабестана, зубчатым железным колесам, сложенным в головокружительной сложности. Эррис взялся обеими руками за железный прут, горизонтально выступающий из центрального механизма, и поставил ноги в небольшие ямки во льду для тяги. Он начал поворачивать устройство, нажимая на стержень; снова раздался лязг. Его движение вращало колеса внутри колес и каким-то образом освободило часть основного кабеля, одновременно подтягивая недавно присоединенный кабель ближе. В результате клетка встала на свое основание рядом с шахтой.

Квелл попытался сесть, проклиная всех богов, чьи имена знал. Ледяное пространство приветствовало его, бесконечное, белое, преследуемое ветром. Единственным ориентиром была Черная Скала, пробивавшаяся сквозь ледяной покров, — огромный каменный кулак,

находившийся не от них в нескольких милях. Вход в шахту с ее кабестаном и подставкой для клетки был пуст, хотя Квелл заметил багровое пятно недалеко от механизма и россыпь капель вокруг него. Здесь пролилась чья-то кровью.

— Почему так холодно? — Зин обхватил себя руками. Это выглядело неправильно — одного из Икта потревожил южный ветерок, — но Квелл видел большие изменения и в Яз, и в ее брате за неделю или около того, проведенные подо льдом. Однако он не видел причин, по которым такие изменения должны были произойти в течение нескольких дней, если за год до их падения оба не проявляли ничего, кроме слабых признаков различия, подкрадывающегося к ним. Возможно, это были звезды.

— Као и Зин, если вы сможете вылезти первыми, я смогу помочь Квеллу. — Голос Эрриса разрушил чары пейзажа, и оба начали подниматься, Зин практически пробежал по решетке. Као, двигался медленнее, обнаружив, что его руки прилипают к ледяному железу.

Эррис забрался внутрь, и Квелл, зная, что чувство недостойно его, начал ненавидеть этого человека еще до того, как тот спустился в клетку. Пару часов назад Эррис принес сюда Квелла, как будто тот был меньше, чем ребенок — он поднимал взрослого мужчину Икта одной рукой, в то время как Квелл бесполезно висел, пытаясь не вскрикивать, когда ударялся о прутья.

— Это нехорошо. — Эррис опустился на колени, чтобы осмотреть место, где нож вонзился в бок Квелла. — Я должен кое-что попробовать. — С гримасой он подержал руку между ними, сжимая большой и указательный пальцы вместе. Через несколько ударов сердца оба пальца начали дымиться. Другой рукой Эррис зажал рану сбоку, затем провел кончиком дымящегося пальца по соединенным краям. Там, где проходил его палец, темно-коричневая полоска того же цвета, что и кожа Эрриса, теперь покрывала покрасневшую кожу Квелла и запечатывала рану вокруг ножа.

— Это должно тебя поддержать. — Эррис обнял Квелла и с отеческой заботой поднял его, а затем начал подниматься.

Кошмарная боль, к счастью, была короткой, и вскоре Квелл, задыхаясь, лежал на льду, а Као и Зин с тревогой наблюдали за ним, пока Эррис вернулся за чем-то в клетку.

— Что здесь произошло? — спросил Квелл, когда Эррис снова вышел, неся доски и проволоку.

— Когда я вышел, не было никаких признаков Яз или Майи. — Эррис принялся за работу, соединяя три доски вместе. — Только шесть жрецов в плащах стояли у кабестана. Они приказали мне сдаться, а затем подняли против меня железные прутья, когда я этого не сделал. — Эррис пожал плечами. — Когда они обнаружили, что не могут одолеть меня, они отступили, таща своих раненых. Они пошли в ту сторону. — Он указал на Черную Скалу.

— Мне кажется... я их вижу. — Као прикрыл глаза ладонью и прищурился на изломанный ландшафт торосов, разделенных ледяными равнинами. — Далеко, все еще в пути.

Эррис работал над созданием саней, на которых можно было бы тащить Квелла:

— Мы должны последовать за ними.

Зин кивнул, его рот сжался в плоскую, обеспокоенную линию.

— Пойти в Черную Скалу? — Као, казалось, был ошеломлен этой идеей.

— Яз, должно быть, отвезли туда. — Эррис с сомнением оглядел лед. — Кроме того, куда еще можно пойти?

— Я... — Као скривил рот. — Я мог бы двинуться на запад и встретить Голин на берегах Меньшего Моря.

Эррис недоверчиво посмотрел на него, но протянул руку на запад:

— В таком случае желаю тебе удачи. Но держу пари, что внутри Черной Скалы теплее. В любом случае, я должен отвезти туда Квелла. Его единственный шанс — вытащить нож, а затем отдохнуть где-нибудь в тепле с доступом к пище и воде.

Као склонил голову, все еще дрожа:

— Думаю, если мы понадобится Яз...

И вскоре Квелл обнаружил, что его тащат по льду на досках, сделанных Пропавшими боги знают из чего, к запретной горе, полной тайн.

Яз со стоном проснулась. Благословенно долгое мгновение она понятия не имела, где находится. Она спросила себя, не попала ли она каким-то образом обратно в город, потому что здесь не было знакомых звуков — ни воя ветра, треплющего шкуры палатки, ни скрипа стен пещеры, возникающего, когда лед движется вперед, ни кап-кап-кап талой воды. Вообще никаких звуков.

Она села, все еще завернутая в незнание, и обнаружила, что находится в комнате, похожей на те, что были в городе Пропавших, но вырубленной в скале, а не обнесенной стенами из литого камня. Она лежала на платформе, похожей на стол, с очень короткими ножками, с роскошными меховыми постельными принадлежностями — всем Икта, вместе взятым, было бы трудно собрать такое из своих палаток. Маленький железный горшочек со звездной пылью давал очень приглушенное освещение.

В комнате был один выход, закрытый тяжелой железной дверью с маленьким окошком. Внезапное воспоминание об Эуларе заставило Яз вскочить на ноги. Старик все это время был в сговоре с Регулятором Казиком. Более того, он, казалось, был главным!

Яз в три шага добралась до двери. Она остановилась, подняв кулак, чтобы ударить по железу, с требованием освобождения на губах. Вместо этого Яз нажала на нее и убедилась, что дверь не откроется. Никто не запирает тебя в комнате только для того, чтобы выпустить, когда ты им скажешь. Она вернулась, села на кровать и собралась с мыслями.

Эулар не мог проводить всю свою жизнь со Сломанными и, одновременно, быть высокопоставленным жрецом, возможно, самым главным из всех и командующим Черной Скалой. Она встретила его подо льдом в пещере на самом краю воздушного зазора, вытопленного звездами. Он жил один, вызывал своих гостей и редко общался со Сломанными... Что сказал о нем Турин? Эулара неделями никто не видит. Это должно было означать, что у него был путь между поверхностью и пещерами. Может быть, что-то вроде шахты для передачи железа, но секретной. Хотя Яз понятия не имела, как такой выход мог быть скрыт от Сломанных.

Пока Яз сидела, из темноты, которую навязал ей Эулар, начали всплывать разрозненные воспоминания, собираясь в историю ее недавнего прошлого. С внезапным потрясением Яз вспомнила о клетке. Ее брат, Эррис, Квелл и Као были недалеко от нее, выходя на поверхность. Фраза «пусть сбросят клетку» вернулась к ней, последние слова, которые она слышала перед тем, как потерять сознание. В одно мгновение она была уже у двери, стучала по металлу, звала Зина. Если бы она могла дотронуться до Пути, то сорвала бы дверь с петель. Но в последнее время она слишком много использовала свою силу, и Путь лежал вне досягаемости.

Яз видела вырубленный в скале туннель и еще несколько дверей, похожих на ее, но никто не подходил к их тускло освещенным окнам. Она кричала, пока не охрипла, ее крики эхом отдавались в коридоре. Испуганная и сердитая, она отвернулась от двери, потирая руку. Ее взгляд остановился на единственной интересной вещи в комнате. Маленькая чаша со сверкающей звездной пылью.

Яз медленно подошла к чаше, настраивая свой разум на слабое жужжание бесчисленных сердцебиений. Крошечные звезды пели в гармонии, их песня спиралью проходила мимо

верхнего края слуха Яз, хотя та и слышала ее не ушами. Она вытянула руку примерно в футах над чашей и заставила мерцающую пыль подниматься серпантинном, собираясь под ее ладонью. Когда чаша опустела, ее содержимое висело под ее пальцами, Яз медленно повернула руку и позволила пыли течь по ее коже, светящаяся перчатка приглушенных цветов.

Дверь со скрипом открылась, и с ее руки посыпалась пыль, серая и безжизненная. В дверном проеме стоял человек, силуэт которого вырисовывался в свете фонарей двух фигур в доспехах позади него.

— Я услышал, что ты проснулась. — Эулар уверенно вошел в комнату, несмотря на слепоту.

На одно яркое мгновение Яз представила, как она надевает на кулак железный горшок и бьет старика по лицу. Видение исчезло, но не гнев:

— Где мои друзья? Где Зин?

— В пещерах, со Сломанными. — Слова Эулара были мягкими там, где слова Яз были горячими.

— Я слышала, как ты велел сбросить их!

— Фигура речи. — Эулар отмахнулся от этой идеи. — Спуск быстрый, но клетка замедляется к концу и мягко останавливается.

Напряжение в челюсти Яз немного ослабло, отступив от уровня, на котором, как она чувствовала, ее зубы могли сломаться в любой момент. Она надеялась, что он сказал правду.

— Почему?

— Почему? — эхом отозвался Эулар. Он вошел в камеру, и один из людей в доспехах последовал за ним.

— Почему... все это? — Яз поняла, что ей не холодно. В воздухе чувствовалось тепло, не вязавшееся со всеми этими камнями, наваленными вокруг нее.

— Сразу к большим вопросам. — Улыбка Эулара была отеческой и нежной под безглазым ужасом его лица. Яз обнаружила, что разрывается между жалостью и доверием, но отвергла и то, и другое. Этот человек лгал ей с самого первого момента, как они встретились.

— Тогда дай мне большие ответы на мои большие вопросы, — сказала она.

— Когда я вошел, на тебе была новая перчатка. — Эулар похлопал, ища путь к кровати и сел на нее.

— Ты можешь видеть? — Яз и представить себе не могла, что он солгал и об этом тоже, не с его пустыми глазницами.

— Я вижу звезды.

Яз нахмурилась:

— Только звезды?

Эулар пожал плечами:

— Иногда они освещают для меня часть своего окружения. Я узнал о твоём эксперименте с пылью из формы, которую образовали звезды.

Яз покачала головой:

— Ты мне не отвечаешь!

— На большие вопросы? — Снова эта улыбка, в которую так легко было поверить. — Я иду к ним навстречу через пример. Ты была в отчаянии и испуганна. Это заставило тебя экспериментировать. Я почти не сомневаюсь, что, если бы у тебя было достаточно времени,

ты бы нашла свой путь через эту дверь и при этом выработала бы новый навык.

— Ну и что? — Всю свою жизнь Яз относилась к старшим с уважением. Это был путь Икта — почитать тех, кто жил так долго, несмотря на ветер, заточенный нож, всегда стремящийся проткнуть тех, кто стоит на его пути. Но Эулар не был похож ни на одного старейшину, которого она когда-либо встречала. И мысль о ветре как о ноже принесла с собой леденящее душу напоминание о том, что Квелла ударили ножом. Она осознала, что Эулар перестал говорить и только наблюдает за ней своим пустым взглядом. — Таким образом, я бы нашла новый навык. Ну и что?

— Разве ты не изменилась, Яз? Не изменилась до неузнаваемости за твое короткое пребывание с Сломанными, за время лишений и крайних опасностей?

— Я... — Она кивнула.

— А твои друзья? Разве они не изменились? Кто поджег уголь в шахте? Когда я уезжал, не было никого, кто был бы способен на такую работу.

— Т... — Яз прикусила имя Турина, не желая давать Эулару никаких ответов. — Да, они изменились.

— Ну, это и есть цель пещер. Вот почему. — Он развел руками. — Чтобы изменить вас. Истина заключается в том, что не обучение полностью раскрывает потенциал старой крови. Барьеры, которые лежат между нами и тем, кем мы могли бы быть, могут быть сломаны только в самых экстремальных обстоятельствах. Настоящий страх, настоящая боль, настоящая цель на самом краю существования, необходимость спасти себя, своих друзей, свою семью. Должна быть и надежда. Всегда капелька надежды.

Мы не добываем звезды или железо в Яме Пропавших. Мы добываем вас. Мы делаем героев. Мы делаем воинов.

— Охотники... — выдохнула Яз.

— Охотники здесь, чтобы преследовать вас, чтобы напугать. И, когда вы будете готовы, они приходят, чтобы забрать вас.

— Куина жива? Она здесь?

— Куина? Девушка-хунска из клана Кас-Кантор? Она быстро пришла в пещеры и еще быстрее ушла. Хунска могут очень быстро совершить прорыв. Всегда торопятся. — Он улыбнулся собственной шутке.

С сердца Яз свалилась тяжесть. Она недолго общалась с Куиной, но почему-то чувствовала, что она более верная подруга, чем те немногие девочки Икта ее возраста, которые когда-либо у нее были:

— Я могу ее увидеть?

Эулар медленно кивнул.

— Позже.

— И Квелл! Квелл ранен. В нем торчит нож. Как ты мог отправить его обратно? — Яз сердито шагнула к кровати, и гвардеец последовал его примеру. Крупный мужчина, хотя и не герант. У него были бледные глаза и лицо, которое, как и у Сломанных, не было вырезано ветром. — Ты послал Квелла на смерть!

Эулар покачал головой:

— У Сломанных есть целители, марджалы с талантом к этому. Лучшая — Гелла. Ты с ней встречалась, да? Квеллу лучше со Сломанными, чем с любым из кланов, и меньше всего с Икта. Икта примет нож за железо и оставит человека истекать кровью на льду с пустыми словами о его героической жертве.

На это Яз придержала язык. Это правда, что Икта ничего не могли предложить тем, кто был слишком ранен, чтобы тащить сани и ставить палатку. Суровость их существования не оставляла места для такого сострадания.

— Ты все еще не объяснил...

В коридоре послышались быстрые шаги, и появилась женщина, быстро прошедшая мимо охранника снаружи. Она остановилась, стараясь не задыхаться, ее одежда жрицы развевалось:

— Незнакомцы. Приближаются к восточным воротам.

Эулар плавно встал, как будто не был древним стариком, чьи колени должны скрипеть при каждом движении.

— Незнакомцы? — Он улыбнулся. — Замечательно.

И с этими словами он повернулся, чтобы уйти:

— Я должен попросить тебя остаться здесь, Яз.

Яз последовала за ним.

— Я не хочу... — Но охранник оттолкнул ее, и тяжелая дверь захлопнулась.

— Незнакомцы... — Эулар повернулся к окну. — Возможно, я говорил более правдиво, чем думал, когда назвал тебя агентом перемен.

Белое пятнышко ворвалось в бесконечную боль Турина. Белое пятнышко, которое медленно росла по мере того, как Турин приближался к нему. Сначала он подумал, что это дыра в его сознании, первый признак того, что усилие поднять себя начинает разрывать его на части. Позже он вспомнил, как пещера города сжалась до круга света, который уменьшился в точку, а затем погас, поглощенный темнотой.

— Небо. — Звук собственного напряженного голоса удивил его. Над ним лежала крыша пещеры мира, освещенная собственными звездами. Хотя он смутно припоминал, что те появлялись только по ночам. Чем бы они ни были.

Турин рванулся вверх, ужасная боль от усилия достигла костей. Он чувствовал себя так, словно был все еще привязан к далекой скале под ним, и каждый ярд растягивал привязь немного больше, создавая напряжение, которое стремилось вернуть его. Камни города продолжали тянуться к нему со слепой, ненасытной жадностью.

Потолок мира становился все больше, ближе, ярче, бело-голубой диск, пронизанный слабыми малиновыми линиями. Нарастал и стон, похожий на горькую жалобу какого-то огромного зверя. И почти от одного мгновения до следующего Турин оказался посреди всего этого. Диск неба разлетелся во все стороны, превратившись в купол, настолько огромный, что не поддавался ни вере, ни пониманию. Зверь, чей свистящий голос возвестил о приближении Турина, оставался невидимым, но каким-то образом сам воздух ожил и ударил его ледяным кулаком, сбивая с курса, выталкивая из ямы, пока лед не лег под его ноги.

Свет бил в него. Глаза, знавшие только звезда-свет, щурились и плакали от яркого красного солнца. Слепой и дезориентированный, он замахал руками, отчаянно пытаясь за что-нибудь ухватиться.

Турин так долго поднимался вверх, что не знал, как остановиться. Лед отступал под ним, и казалось, что он может сменить одно роковое падение на другое. Но, наконец, он сумел разжать скованную болью мышцу в своем сознании и начал падать, хотя и не так быстро, как если бы мир поступил с ним по-своему.

Лед сильно ударил Турина, и тот рухнул на него. Этот лед не был похож на лед, который Турин знал всю свою жизнь; он был грубым и сухим там, где пещеры были гладкими и влажными. И здесь было холодно, холоднее, чем в самых дальних пещерах. И ветер! Турин быстро встал, плотнее закутавшись в плащ из крысиной шкуры Эксара. Он уже дрожал. От холодного воздуха в легких у него заболела грудь. Он прищурился от яркого света, который теперь бил в него не только с неба, но и со льда. Слезы текли из глаз, замерзая на обеих щеках.

Турин медленно повернулся. Шип боли, который недавние усилия воткнули в мозг, не позволял сделать ни одного резкого движения. Он повернулся всем телом, не поворачивая шеи. Кроме железного портала, клетки и кабестана, ничего не было. Взгляд не останавливался ни на чем. Он еще немного повернулся и показалась далекая гора. Потребовалась целая вечность, чтобы его разум понял, что увидели его глаза. Даже тогда он не был уверен в расстояниях. Как далеко до точки, где небо встречается с землей? Как далеко до горы? Все зависело от того, насколько велика была эта груда камней, и Турин не имел об этом ни малейшего понятия.

Вместо этого он повернулся к знакомому. К пустой клетке, в которой находились Яз и остальные. Их еда и кров были оставлены внутри. Он протянул руку через решетку за одним из грибов с желтой шляпкой и обнаружил, что тот застыл, приваренный к остальной неподвижной массе. Когда он отдернул руку, его запястье коснулось железа, и даже этот короткий контакт обжег его, забрав с собой кожу.

Турин засунул руки в рукава и сжал их под мышками. Его лицо уже превратилось в маску из онемевшей плоти, которая, казалось, больше не принадлежала ему.

— Гора. — Больше идти было некуда.

Турин наклонил голову и пошел. На льду рядом с кабестаном было большое пятно крови; еще больше брызг вело от него. Он подумал, не кровь ли это Квелла. Возможно, там из него вынули нож.

Он тащился вперед, не отрывая взгляда от льда, и поднимал глаза только для того, чтобы проверить, не сбился ли он с курса. Огромная пустота со всех сторон преследовала его, наполняя разум неясными тревожными страхами. Необъятные просторы, свобода ходить произвольно далеко в любом направлении не столько угрожали ему, сколько полностью подрывали основы жизни, прожитой внутри стен.

Время от времени он рисковал взглянуть на солнце, багровый шар низко на западе. Ему показалось, что это может быть огромная звезда, похожая на те, что вели охотников. Хотя, как и гора, оно победило попытку его разума соотнести размер и расстояния. Оно не предлагало тепло, но почему-то казалось ближе к другу, чем к врагу, и он был рад, что наконец увидел его.

Ветер потрясал его своей холодной настойчивостью. Казалось, он никогда не перестанет дуть, и, без сомнения, это был смертельный враг. Его ноги уже превратились в бесчувственные глыбы в неподходящих оболочках из шкур и мехов. Как Яз могла вообразить, что они смогут идти на юг неделями и месяцами, Турин понятия не имел. Он был далеко не уверен, что доберется до горы. Он уже подумывал об отступлении в мир и относительное тепло пещер Сломанных. Жар кузницы казался далеким сном.

Пока он шел, боль в той части разума, которая отвечала за лед-работу, начала медленно проходить, и вместо этого его стало покалывать от ощущения льда вокруг него. Он начал вглядываться в непрозрачную белизну перед собой, понимая ее замерзшие потоки и изломанные глубины.

Черная Скала вырастала все выше, занимая все больше места перед глазами, пока ему не пришлось вытягивать шею, чтобы увидеть на далекую вершину. Турину нашел только одно объяснение тому, что рядом с устьем шахты никого не было, — жрецы увели Яз и остальных к горе. Еда и кров были брошены — ясное указание на то, что его друзья ушли не по своей воле.

Если жрецы смогли одолеть Яз и Эрриса, это плохая новость. Яз творила чудеса со звездами, а Эррис... Эррис был чем-то другим. Турин ничего никому не сказал, но во время побега Яз лед-работа сказала ему, что Эррис не мужчина, не человек и не какое-либо живое существо. В нем не было воды. Кем бы он ни был, его внешность была ложью. Он был не более человеком, чем охотник.

Гора приближалась, и Турин начал бороться с мыслью о том, насколько она велика. Казалось невозможным, чтобы в мире нашлось место для чего-то столь большого. И в промежутке между удивлением, страхом и страданием он начал задаваться вопросом, какой прием может его ждать.

Истории утверждали, что жрецы живут внутри Черной Скалы. Турин понимал концепцию пещер гораздо лучше, чем идею «снаружи», и ему не терпелось снова оказаться в тесных пределах. Но в знакомых ему системах пещер было много способов попасть из одного места в другое и много входов.

Турин начал сворачивать влево. Куда бы ни увели остальных, за ними все равно будут наблюдать. Возможно, ему удастся найти другой путь в гору. Однако он знал, что ему лучше найти его быстро, иначе это чудовище, которое они называли ветром, его убьет, и тело навсегда останется в хватке льда.

Истории рассказывали, что Черная Скала сопротивляется наступлению льда и что ее камни — горячие на ощупь. Первое утверждение было правдой лишь отчасти, второе — откровенной ложью. У подножия Черной Скалы лед вздымался вокруг корней горы, в некоторых местах покрывая скалу пластами, глубиной в несколько ярдов, и взбирался по крутому склону по всем ущельям и трещинам. Но, похоже, что-то удерживало скалу от полного обледенения, даже наверху, где ветер обрушивал на нее весь свой холодный гнев. Таким образом, по мере роста высоты, лед оставался только в трещинах, где медленный процесс таяния и повторного замерзания позволял силе тяжести тащить его обратно на равнину.

Турин вскоре осознал масштаб стоящей перед ним задачи. Ему придется обыскать крутые склоны горы, где ветер дул еще сильнее, хотя это казалось едва ли возможным. Перед ним лежало огромное пространство угрюмой скалы, которая обманывала глаз и заставляла думать, что каждая впадина — вход в пещеру.

Турин взобрался всего на несколько гребней и понял, что, если бы его ноги не потеряли чувствительность, он бы мучился от жестоких углов скалы, прокусывающих обмотанные вокруг них мягкие шкуры.

Дважды на протяжении первых ста ярдов ему приходилось использовать лед-работу, чтобы не упасть. Холод похитил из его рук всякую сноровку, превратив их в когти, едва способные держаться, онемевшие ноги спотыкались о каждый выступ.

Турин вскоре смирился с тем, что его самопоставленная задача невыполнима и было бы лучше обойти вокруг основания горы в поисках входа, к которому, должно быть, отвели Яз. На короткое время он вообразил себя героем, пришедшим спасти своих друзей. Глупая гордость. Он должен отдать себя на милость жрецов. По крайней мере, он будет с Яз. Если он сделает это немедленно, то успеет до того, как холод его убьет.

Турин обхватил себя руками и бросил последний взгляд на гору. Далеко вверху его взгляд зацепился за то, что вполне могло быть входом в пещеру, приютившимся у подножия устрашающего утеса. Вход находился слишком далеко и слишком высоко, и вряд ли можно было поверить, что — если он действительно соединялся с пещерами жрецов — он не охраняется.

С невнятным возгласом отчаяния Турин повернулся и, спотыкаясь, побрел вниз по склону, замерзший и побежденный. Ему придется искать главный вход и надеяться, что жрецы не прогонят его. Хотя, судя по рассказам Сломанных, в мире солнца и неба было очень мало милосердия.

На нижних склонах лед был толще, он взбирался по скалам, словно стремясь добраться до Турина. Опасаясь упасть, он призвал лед-работу, чтобы найти верный путь. Его восприятие пробиралось сквозь лед с привычной легкостью, обнаруживая трещины и

пустоты. Турин протянул руку, чтобы сделать поверхность шероховатой вдоль выбранного им маршрута, когда заметил пустоту, которая затмевала все остальные. За несколькими ярдами льда, похоже, находилось устье забитого льдом туннеля, ведущего в скалу.

Турин подошел и встал там, где лед выровнялся, лицом к скрытому туннелю. Он не был уверен, что у него осталось достаточно сил, чтобы добраться до входа, к которому привели Яз и остальных. Зато он был уверен, что у него не хватит сил пробиться сквозь лед и исследовать пустоту, которую он почувствовал. И еще он был *совершенно* уверен, что у него не хватит сил сделать и то, и другое.

В конце концов за него решил ветер, изменивший направление и задувший сильнее, чем когда-либо прежде. Шкуры Турина и меховая накидка Эксара оказались беспомощными перед натиском урагана. Желая избежать зубов ветра, Турин погрузил свою силу в лед. Здесь, по крайней мере, он был на знакомой почве. Большую часть своей взрослой жизни он потратил на то, чтобы измельчать лед до осколков, которые геранты собирали, а затем тщательно обыскивали в поисках звезд. В конечном счете они собирали даже звездную пыль.

Турин работал быстро, находя естественные небольшие трещины и применяя давление, которое заставляло их распространиться. В результате трещины становились длиннее, разветвлялись и снова разветвлялись, превращая лед в замерзшее молоко, разделяя его на фрагменты, переплетенные с головоломной сложностью. Вместо того, чтобы полагаться на отсутствующую мускулатуру полудюжины герантов, которые решили бы головоломку с помощью кирки и лопаты, Турин использовал лед-работу, трескучим белым взрывом разбив массу на куски. Ветер оттащил в сторону все, кроме самых крупных осколков, белое облако распространялось все дальше.

Это усилие, в дополнение к тому, которое вынесло его на поверхность, заставило мозг Турина зазвенеть, как треснувший колокол. Шатаясь под тяжестью усталости и перешагивая через большие куски, он вошел в пещеру из разбитого льда, которую сам же и создал. Он двигался с осторожностью старика, опасаящегося собственной хрупкости. Ему казалось, что любое неожиданное движение может расколоть ему череп. Даже наклона головы было достаточно, чтобы боль перекатилась с одного бока на другой, заставив его пронзительно закричать.

Таким образом он продвинулся на несколько ярдов. Почти сразу же ветер стих, осталось только его жалобные завывания у входа в туннель. Турин заставил себя продолжать двигаться, а не погрузиться в облегчение и позволить ему унести себя на пол. Даже без урагана невероятной силы Турину было все еще до боли холодно, и, поскольку красное солнце опускалось к горизонту позади него, он мог только представить, что будет еще хуже.

Лед уступил место камню. Косые лучи солнца отбрасывали тень Турина вперед, чтобы соединиться с мраком дальше по тому, что оказалось вырубленным вручную туннелем. Со вздохом облегчения он поспешил вперед, пока темнота не ослепила его. Он достал из кармана набор маленьких звездочек, каждая не больше детского зуба, но вместе достаточно, чтобы создать вокруг себя тусклое свечение; освещая себе путь, он пошел медленнее.

Почти сразу же он почувствовал себя лучше, хотя голова все еще люто болела, словно запрещая использовать его таланты. Туннель поднимался вверх с небольшим уклоном и, казалось, становился теплее каждые десять ярдов. Стон ветра стих, и вскоре он почти мог представить себе, что идет в подземный город за мусором.

В конечности постепенно возвращалась жизнь. Ноги особенно болели, как в аду, горели и покалывали, но после историй, которые Турин слышал о холоде, откусывающем пальцы

ног, он был очень рад чувствовать жалобы собственных.

Турин продолжал идти. Как и в подземном городе, в проходах и комнатах, мимо которых он проходил, возникало ощущение, что они покинуты давным-давно. Он спросил себя, почему жрецы приложили огромные усилия, чтобы вырезать из горы пространство, которое не используют.

Скала была в основном тем же твердым темным камнем, который он видел на склонах, но в некоторых местах земля была усеяна другим камнем, более хрупким и еще более темным, истинно черным, от которого его горстка звездного света не могла добиться никаких изменений.

— Уголь, — прошептал Турин, поднимая кусок материала размером с кулак, который был менее тяжелым, чем любой другой вид камня, который он знал.

В одном месте он обнаружил тонкий угольный пласт, проходящий через более твердый камень. Он спросил себя, не добывали ли жрецы уголь из камня таким же образом, как Сломанные добывали звезды из льда. Возможно, эти пещеры и туннели были частью истощенной шахты.

Позже в боковой пещере с низкой крышей он нашел ржавый железный контейнер, достаточно большой, чтобы вместить нескольких человек, и установленный на четырех колесах. Турин никогда раньше не видел колес, за исключением игрушек, которые Мадин иногда делала для детей из принесенных мусорщиками кусочков. Россыпь обломков угля на дне пустого контейнера намекала на его назначение.

Он двинулся дальше, осторожно и тихо, осознавая свой голод и жажду теперь, когда его тело оправилось от нападения ветра. Проход, по которому он шел, расширился и начал спускаться вниз. Воздух продолжал нагреваться. Тихий шум из темноты впереди заставил Турина остановиться. Он успокоил дыхание, зажал в кулаке звезды и прижался плечами к стене. Шум раздался снова. Влажный, рвущий звук.

Турин медленно пошел вперед. Он пришел, чтобы узнать это место. Чтобы найти Яз. Не прятаться. Та же задача стояла перед Квеллом, когда тот вошел в незнакомый мир Сломанных, и Квелл не шарахнулся от нее. Турин решил поступить так же, если не лучше, признавшись себе, что считает этого человека соперником.

Турин держался у стены, осторожно переставляя ноги. Впереди лежала пещера, очень слабо освещенная тремя маленькими звездочками, казалось, брошенными на пол. Пространство было немногим больше, чем расширение прохода, возможно, проходной пункт для грузов угля и пустых контейнеров. С одной стороны пещеры, спиной к Турину, на корточках сидела фигура. Фигура настолько бесформенная в куче рваных мехов, что он мог только догадываться — это человек. Очень крупный человек.

Снова раздался рвущий звук. Кто бы это ни был... что бы это ни было... оно, казалось, что-то жевало.

Турин знал, что он в опасности. Он не понимал, откуда ему это известно, но знал. Не делая следующего вдоха, он сделал медленный шаг назад. Другие могли бы подумать, что это страх оттолкнул его, и его *действительно* наполнил страх, заставляя его руки дрожать, а лоб потеть, но отступление было вызвано скорее здравым смыслом, чем ужасом.

Как только Турин отошел, незнакомец поднял косматую голову и понюхал воздух, потом еще раз, более резко, как будто уловил запах. Поднимаясь, он повернулся, и продолжил подниматься, еще более огромный и широкий, чем опасался Турин. Одна огромная рука сжимала жалкую тушу того, что когда-то могло быть крысой. Другая рука,

покрытая мхом, щеголяла металлическим стержнем, спиралью обернутым вокруг нее. Появилось лицо с нюхающим носом и пряди туго завитых грязных волос, лицо раздалось в ухмылке, которая выставила напоказ множество заостренных зубов.

Теперь страх овладел Турином по-настоящему. Как она могла оказаться здесь? Как он может убежать? Он представлял себе всевозможные ужасы, которые могли ожидать его внутри Черной Скалы, но этого ужаса среди них не было.

— Хетта...

Квеллу никогда раньше не было холодно на южном ветру, но в первый раз он оказался под ветром с влажными мехами, тонкими досками, защищающими его от льда, и куском холодного железа, воткнутого в бок.

Као и Зин тоже дрожали, когда встали по бокам Эрриса, согнувшись под ветром. Однако Эррис, несмотря на непрочную одежду, ставшую жесткой от льда, казался невозмутимым. Он без жалоб тащил Квелла на своих самодельных санях, причем их темп задавал самый медленный член группы, Зин, обычно самый быстрый из всех.

Черная Скала неумолимо приближалась, и Квелл, который видел ее несколько раз, хотя никогда не смотрел ближе, чем из Ямы Пропавших, поразился, насколько она была больше, чем он когда-либо себе представлял. Невероятно, невозможно огромной.

Солнце висело низко в небе, глядя на них с западных склонов горы, на которые оно только недавно забралось. Их тени тянулись сзади, неохотно следуя за ними. На восточных склонах тонкие струйки дыма вырывались из скал под острым углом, после чего их рассеивал ветер, и эти несколько признаков скрытой промышленности были единственным намеком на то, что Черная Скала населена.

Квелл снова поежился и попытался представить, какой прием ждет их под горой. Жрецы были хранителями трех племен. Клеем, который удерживал многие кланы вместе в их свободном, но прочном мире. Правда, клетку сбросили. Но, возможно, это был просто очень быстрый спуск. Слабость Као и Зина была очевидна. Их ссылка в подземелья была милосердным вторым шансом, продиктованным суровыми реалиями жизни на льду. Принятие этих жестоких истин было неотъемлемой частью взросления, но это принятие не делало тебя жестоким. Он любил Зина как младшего брата, которого у него не было. Но какая жизнь теперь ждет его с Икта?

Когда им показалось, что им осталось пройти около четверти мили, прежде чем они встретят скалу, поднимающуюся сквозь лед, Эррис остановился:

— Как вы думаете, где вход?

— Мы все равно должны подойти к нему, верно? — спросил Као.

— Мы хотим спасти Яз, как она спасла нас, — сказал Зин. — Мы должны попытаться найти вход, за которым они не наблюдают, и...

— Если мы в ближайшее время не войдем внутрь и не найдем помощь для Квелла, он умрет. — Эррис повернулся и посмотрел на Квелла. — Ты знаешь, как туда попасть?

Квелл покачал головой:

— Когда мы вышли из шахты, мы были уже ближе к горе, чем когда-либо былал я. Если мы движемся в том же направлении, что и жрецы, которых ты прогнал, тогда *они* найдут нас. Они собираются вернуться, ты же знаешь. Это жрецы Черной Скалы. Они всем заправляют. Они не убегают.

— Он прав. — Као поднял руку, чтобы прикрыть глаза, и посмотрел из-под нее на подножие горы. — Кто-то идет.

Кто-то оказался отрядом из двух десятков человек. Десять из них носили доспехи — поверх мехов были закреплены железные пластины, мало чем отличающиеся от тех, которые

носили Сломанные. Руки в перчатках несли копья, на бедрах висели мечи. И еще было с полдюжины в черных одеждах, которых описал Эррис, — молодые мужчины и женщины с железными посохами. Последние четверо носили накидки с ленточками, которые у Квелла ассоциировались с путешествующими жрецами, посещавшими кланы и распространявшими знания; они проводили церемонии и обменивали железо на лучшее из того, что хранилось в палатках. Две женщины с суровыми лицами, одна седовласая и сморщенная годами, другая — молодая, с грубым лицом и разными глазами. Двое мужчин. Один — молодой, с бледной, как лед, кожей и сеткой голубых вен на лице. И, последний, Регулятор Казик, руки которого были спрятаны под плащом, с обычным кислым выражением лица.

Эррис отступил в сторону, когда жрецы приблизились, позволяя им ясно видеть Квелла на земле:

— У нас есть раненый, который нуждается в лечении.

Бледный мужчина наклонился и что-то пробормотал на ухо Регулятору Казику. Казик взглянул на Квелла, а затем снова перевел взгляд на Эрриса:

— Не припомню, чтобы толкал тебя.

Эррис пожал плечами.

— Я упал давным-давно, и с годами сильно изменился. — Он показал на Квелла голой рукой. — Однако ты должен помнить Квелла. Его ударили ножом. Нож все еще в нем.

Квелл повысил голос, устав от того, что о нем говорят, устал наблюдать с земли, когда ноги поднимаются вокруг него со всех сторон:

— Что ты сделал с Яз?

Регулятор проигнорировал и Квелла, и его вопрос:

— Ты напал на моих аколитов.

— Они напали на меня, — сказал Эррис. — Я защищался. Кроме того, к этому моменту они уже пытались сбросить нас обратно в дыру.

— Возможно, тебе следовало позволить им это сделать. — Регулятор слегка улыбнулся. Эррис не повторил его улыбку. — Незнакомцев привозят к Черной Скале только в цепях. Они остаются под стражей до тех пор, пока их не проверят и не идентифицируют.

— Ты знаешь меня, Казик, — крикнул Квелл. — Я не незнакомец. Ты знаешь и Зина с Као. Ты столкнул их в яму вместе с Яз.

Регулятор скривил губы:

— Квелла мы возьмем. Остальные из вас нарушили соглашение и могут войти в Черную Скалу в цепях или вообще не входить.

Эррис окинул оценивающим взглядом толпу жрецов и их слуг. Казик поднял руку:

— Я слышал, ты настоящий драчун, человек-я-тебя-не-помню, но у тебя есть друзья и здесь, внутри горы, которые могут пострадать за твои действия, так что подумай еще раз.

Эррис сжал губы в ровную линию, все еще размышляя.

— Вот. — Он поднял запястья.

Квелл наблюдал, как двое мужчин вышли вперед и надели на Эрриса тяжелые цепи, закрепив их железным устройством, которое с громким щелчком сомкнулось вокруг звеньев. Еще две пары охранников сняли цепи со своих поясов и использовали их, чтобы сковать сначала Као, а затем Зина. Оба мальчика вздрогнули от обжигающего холода металла там, где он касался кожи.

— Квелл? — Зин посмотрел на него, когда мужчины сковали его.

— Все будет хорошо. — Квелл не знал, что еще сказать. Он мог бы посоветовать Зину

бежать, но куда бы тот пошел? Лед убьет Зина задолго до того, как он найдет Икта, а Икта в любом случае не примут его обратно. Цепи были разумной мерой предосторожности для беглецов из ямы, которые были так же опасны, как раненые киты. Кто знает, какая магия вырвется из них в следующий миг? И все же он надеялся, что они не заковали в цепи Яз.

Со стражниками и жрецами со всех сторон Квелла и остальных отвели ко входу в пещеру, такому большому, что казалось невозможным, чтобы они не увидели его с расстояния в милю. Темный камень и черные стены внутри, вероятно, объясняли их слепоту.

Квелл терпел боль и позор, когда его тащили по все более грубому льду, а затем, с большим усилием, по более гладкой скале. Кордон тел вокруг них уже заслонил ветер, но Квелл все еще чувствовал разницу, когда они вошли в глотку пещеры. Через несколько дюжин ярдов воздух стал почти неподвижен, а ветер на льду завыл от разочарования. Со временем, обещал ветер, он снесет гору.

Регулятор Казик положил руку на плечо бледного человека:

— Приведи ко мне мальчика из Икта, когда закончишь с ним, Валак.

— Да, регулятор. — Мужчина склонил голову. Темные вены, расходящиеся по его лицу, казалось, лежали почти над кожей, и Квелл был уверен, что его собственные вены не похожи на охватывающие пальцы.

Некоторые стражники исчезли, когда Казик и старшая из двух жриц попросились и ушли. Квелла притащили в боковую комнату, которая была намного меньше и с более низкой крышей, чем вход. Эррис и мальчики последовали за ними, подгоняемые своими похитителями. На потолке к камню была прикреплена доска, похожая на те, на которых лежал Квелл. Слой звезда-пыли, каким-то образом нанесенный на доску, обеспечивал знакомое свечение. Воздух здесь был теплее, и мальчики расслабились.

Теперь их сопровождали два жреца: бледный мужчина, Валак, и женщина с чертами лица геранта, но нормального роста. Она изучала их одним карим глазом и одним голубым, оба холодные. В пещере стояли стол, стулья и несколько сундуков, все из материала, который, должно быть, был добыт Сломанными в городе Пропавших.

Валак сунул белую руку в один из сундуков и достал оттуда костяную шкатулку, которую поставил на стол. Все остальные отступили на шаг или два, когда он поднял крышку: из нее вырвалась смесь ярких цветов и осветила жреца снизу; отброшенные тени сделали из него нечто зловещее.

— Меня зовут Отец Валак. Это, — он указал на женщину, — Мать Крей. Мы ожидаем от вас послушания во всем. Ваши боги остались за пределами этой горы. Внутри есть только Скрытый Бог. И мы — его голос.

Он провел рукой над шкатулкой, и свечение почти погасло. Он достал первую звезду, держа ее между большим и указательным пальцами, осторожно, как человек, опасющийся, что она может его обжечь. У звезды был тот успокоившийся, небо-за-облаками вид, который Квелл видел у Яз раньше, — серебристое свечение.

— Я думаю, ты первый. — Валак поднес звезду поближе к Эррису. Мать Крей двинулась за Эррисом, как будто хотела поймать его, когда он попытается убежать, но он остался стоять, как ни в чем ни бывало.

Жрец нахмурился, как будто ожидал чего-то, затем перешел к Зину, который отстранился. Даже когда Зин пытался отступить к страже, звезда в руках Валака засияла ярче, серебряный свет стал чем-то острым, что пронзило кожу Квелла. Двое охранников

держали Зина за руки, стараясь не подходить к звезде. Крей, однако, схватила его сзади за шею жестокой хваткой, не обращая внимания на ауру звезды.

— Мне больно! — выдохнул Зин.

Крей крепче сжала руку, усмехаясь.

— Еще немного... — И Валак приложил камень к узкой груди Зина, где он вспыхнул самым яростным светом. — Впечатляет. — Валак отступил как раз в тот момент, когда казалось, что Зин вот-вот закричит. — Полностью проснувшийся хунска прайм, по крайней мере. Вполне возможно, полно-кровка.

Жрец снова успокоил звезду. Он поднес ее к Као, а затем к Квеллу, ни один из которых не вызвал в звезде ни малейшей реакции. Крей двинулась за ними обоими, но держала руки при себе. Валак заменил звезду и выбрал другую, на этот раз приглушенно-зеленую. На Зина она не оказала никакого влияния, но когда жрец приблизил его к Као, нежный зеленый цвет стал глубоким и проникающим изумрудом. Потребовалось четверо охранников, чтобы помочь Крей удерживать мальчика на месте, когда звезда коснулась его кожи.

— Тебе еще предстоит немного вырасти, молодой человек. — Валак заменил звезду, не беспокоясь ни об Эррисе, ни о Квелле. — Герант прайм.

— Ч-что это значит?

— То, что он и сказал. Ты станешь больше. Больше, чем полукровка, меньше, чем полнокровка. — Мать Крей обошла его сзади, умудрившись каким-то образом изобразить уродливую улыбку. — Ты будешь ценным активом в шахтах.

— Шахтах?

Но Валак проигнорировал вопрос Као и достал из шкатулки фиолетовую звезду, третью из четырех. Эта, как предположил Квелл, будет измерять талант марджала. Она оставалась невосприимчивой для всех, кроме Эрриса, где беспорядочно запульсировала, ее светящаяся поверхность окрасилась в черный цвет с изменяющейся геометрией.

Валак казался озадаченным:

— Какая-то нереализованная черта марджал? Во всяком случае, не очень сильная.

— Ничего не стоит. — Крей отмахнулась от этого указания взмахом руки. — Еще один для шахт.

Последняя звезда была немного больше трех других и испускала слабый золотистый свет, камень выглядел так, как будто это был шар из жидкого золота в медленном, но постоянном движении, с более темными областями, образующимися на поверхности, прежде чем быть втянутым внутрь циркулирующей скрытых потоков. Охранник достал ее из шкатулки с помощью длинных железных щипцов, и всякий раз, когда звезда приближалась к любому из жрецов, она начинала гореть ярче. Однако, когда он прижимал звезду к плоти заключенных, это не вызывало ничего, кроме чувства глубокого дискомфорта. Квелл в это мгновение почувствовал, что его кожа была не его собственной, а чем-то вроде паразита, который проглотил его, пока он спал. Желание соскрести ее стало почти непреодолимым, прежде чем охранник убрал звезду.

Жрец покачал головой и протянул шкатулку, в которую страж вернул последнюю звезду.

— Как и ожидалось. — Он указал длинным бледным пальцем на Эрриса. — Этого и геранта в шахты.

Эррис медленно покачал головой, на его губах появилась улыбка:

— Что мы будем копать?

— Ты будешь копать то, что тебе скажут копать, — сказала Крей.

— Уголь. — Валак махнул охранникам. — Уведите их.

Когда Као и Эрриса увели — Као протестовал и кричал, что ему нужно вернуться к Голин, — Валак повернулся к Зину. — Отведите этого в изоляторы. Третий уровень. Мы не хотим, чтобы он был слишком близко к сестре.

Крей вернула руку на шею Зина и грубо направила его к выходу, а потом пошла перед ним. Зин отправился без боя, гремя цепями и не возражая. Квелл гордился мальчиком. Икта не жаловались и не тратили свою энергию впустую. Они терпели и действовали решительно в тот момент, когда их усилия могли принести наибольшие результаты.

— И наконец... — Валак посмотрел на Квелла, все еще лежащего на досках, на которых его притащили. — Регулятор сказал, что ты выполнил требуемую от тебя услугу. Так что мы обработаем твою рану.

— А потом отправь меня обратно к Икта с Яз и Зином. — Квеллу хотелось встать с ним лицом к лицу или, по крайней мере, сесть, но он сомневался, что сможет сделать и то, и другое, и решил не тратить свою энергию во имя гордости.

— Сможешь ли ты вернуться к своему народу, будет зависеть от решения верховного жреца о твоём благоразумии. Девочка и ее брат останутся здесь.

Есть некоторые истины, которые ты уже знаешь, но услышать их вслух — это удар под дых. Квелл знал, что на льду нет места для Зин или Яз, но каким-то образом мысль о том, что эта безумная надежда напрасна, все еще терзала его.

— Мое благоразумие?

Валак кивнул:

— Мы здесь работаем ради будущего всех народов льда. Под этой горой лежит великое благо. Долгожданная перемена почти наступила, но слух о ней не должен распространиться до тех пор, пока не придет время.

Квелл знал, что если жрец даст ему ответ на следующий вопрос, это может привязать его к Черной Скале. Они могут никогда не позволить ему вернуться к Икта. Но Яз была здесь, и ее тоже не отпускали:

— Перемена?

Священник махнул стражникам идти вперед и отвернулся. Квелл почувствовал некоторое виноватое облегчение, не получив ответа. Он держался за бок и напрягся, чтобы не почувствовать боли от движения.

— Война, — последовал запоздалый ответ Валака. — Мы собираемся воевать.

Снова оставшаяся одна в своей камере, Яз стояла, глядя в маленькое окошко железной двери. Пришли незнакомцы. Нечто настолько редкое, что отвлекло Эулара от осмотра пленника. Она предполагала, что члены кланов время от времени посещают Черную Скалу для торговли или для получения решений по вопросам, которые не могут быть решены без высших полномочий. Но они не были бы незнакомцами: их можно было бы узнать по любому из множества знаков — их числу, виду их саней, даже по характеру их ходьбы. Некоторые кланы на самом деле несли знаки, вырезанные особым образом, хотя Икта считали это расточительным тщеславием. Так кто же эти незнакомцы?

На льду встреча с незнакомцем случалась раз в поколение. Когда мать Яз была маленькой девочкой, на западе, у Горячего Моря, был замечен мужчина из неизвестного клана. Он происходил из племени, о котором тогдашний отец клана никогда не слышал. У народа незнакомца был обряд посвящения, похожий на обряд Икта, как и у знакомых племен. Подобно Зену, первому из мужчин, и Мокке, первой из женщин, каждый взрослый в определенное ветром время выходил на лед и шел в одиночку. Цель такого путешествия состояла в том, чтобы найти *кызат*, идеальное место, которое на всем льду было предназначено Богами в Небе и в Море только для этого человека, место, где все элементы его жизни обретают смысл, давая видение такой ясности, что сам воздух становится льдом, а мудрость Неба и Моря находит место в сердце искателя, позволяя ему переносить трудности предстоящих лет.

Как-то Квелл признался Яз, что его собственное путешествие к кызату, длившееся четыре дня, привело его к ледяному шипу на стыке трех торосов. Здесь его посетило прозрение, что, если он не повернет назад, когда закончится выданная ему порция англерибы, он потеряет на ветру сначала пальцы на ногах, а затем и пальцы на руках. Яз спросила себя, не было ли это мудростью, которую должен был передать ему ритуал: нет ничего, кроме льда и еще больше льда, и если ты будешь слишком упрям, чтобы признать это и повернуть назад, ты умрешь, и твое недовольство больше не будет обременять твой клан.

Незнакомец из странно называвшегося клана Ламаркан явно не получал этого сообщения и зашел так далеко за пределы своих сил и здравого смысла, что больше не знал пути назад, к своему народу. Он, прихрамывая, добрался до лагеря Икта на вершинах утесов, где ветер кружит большой туман с Горячего Моря и очищает от зазубрин каждую складку волочащимся льдом.

— Это море — мое море. Его рыба — моя рыба. Это мудрость, которую я нашел. — Человек не испытывал страха, потому что ветер унес его вместе с кончиком носа, краями ушей и мясом губ.

Икта предложили незнакомцу тепло палатки, хотя, по правилам, любой, кто придет к Горячему Морю севера, должен быть отвергнут, потому что оно было дано Икта в день смерти Зена и не принадлежало никому другому. Этот человек продержался еще четыре дня, прежде чем холод, проникший в его кости, остановил его сердце. За это время он поделился со старейшинами некоторыми знаниями и мудростью своего народа. Так и бывает с незнакомцами. Они могут принести дары, и они могут принести опасность. И с тех пор каждый раз, когда Икта подходили к Горячему Морю, они выставляли дозор на востоке,

зная, что может прийти еще больше людей из клана Ламаркан, ведь часть знаний, которыми поделился умирающий, заключалась в том, что моря, которые посещал его народ, все уменьшались, и их боги сказали им, что однажды они отправятся на поиски других.

Через какое-то время Яз вернулась к своей кровати и снова обратила внимание на звездную пыль, которая теперь рассыпалась по полу рядом со столом. Эулар усыпил ее точно так же, как заставил замолчать звезду, которую она принесла с собой из пещеры города. Яз почувствовала внезапный укол потери. У нее не было никаких вещей, кроме того, что она носила. Она похлопала себя, чтобы убедиться, что ее железный нож не пропал, но нет, его тоже забрали.^[1]

Ее глаза поймали блеск, и она увидела, что они упустили одну вещь или сочли ниже своего достоинства взять ее. Серебряная игла осталась торчать сквозь меха над ключицей. Она приложила к ней палец. Единственное вещественное доказательство существования Элиаса Стержень-корня — мужчины, с которым она познакомилась при странных обстоятельствах в городе Пропавших. Он сказал, что игла приведет ее обратно к нему. Но с запертой дверью это никуда бы ее не привело.

Каким бы загадочным ни был Элиас, Яз утешала мысль, что у нее есть друг в потустороннем мире, в мире, где жил Эррис до того, как посвятил себя телу, которое он столько лет создавал для себя. И если Элиас не был лихорадочным сном, тогда чудовищный Сеус тоже существовал. Разум целого города, пусть и далекого, который стремится уничтожить ее и всех таких, как она. А вот это не утешало. Хотя Сеус тоже действовал в потустороннем мире и ничем не угрожал в пределах Черной Скалы или снаружи, в зубах ветра, где вообще не требовалось никакой дополнительной угрозы, чтобы принести быстрый конец.

Яз еще раз провела кончиком пальца по игле, а затем переключила свои мысли на более конкретные и насущные вопросы. Звездная пыль была загадкой. Неужели Эулар хочет ее проверить и для этого оставил в комнате пыль? Яз знала, как успокоить звезду, но это состояние было что-то новое. Скорее смерть, чем сон. Она напрягла свои чувства до предела, и только тогда смогла сказать, что какая-то крошечная искра в пыли оставалась. Она собрала немного пыли в ладонь и вернулась к кровати, чтобы изучить ее.

Эулар сделал что-то похожее на то, как вода превращается в лед. Точно так же, как падающая слеза вытекает из глаза, полная движения и возможностей, но становится твердой, прежде чем упасть на землю, что-то было украдено из звездных зерен в ее руке. Яз нужно было согреть их, напомнить им о жизни, которая у них когда-то была, снова научить их петь. Она понятия не имела, как это сделать.

Она обнаружила, что у нее есть время. Товар, которого почти не было в ледяных пещерах Сломанных, где опасность вторгалась в каждое мгновение тишины. Она сидела, пытаясь сосредоточиться на пыли, пытаясь мысленно вернуть ее к жизни. Она даже подумывала о том, чтобы спеть ей, но чувствовала себя слишком застенчивой, чтобы пытаться напевать сломанную версию звездной песни горстке пыли.

Вместо того, чтобы сосредоточиться на пыли, мысли Яз постоянно ускользали, чтобы сосредоточиться на судьбе Зина, Квелла и Эрриса. Неужели Эулар снова солгал о том, что клетка замедлилась, когда достигла пещеры города, или они все благополучно воссоединились с Турином в тепле уже безопасных пещер? А как насчет Майи, которая поднялась по кабелю до нее? Неужели девочка отправилась в поход по льду в поисках клана

Аксит? Неужели их первая шпионка, сбежавшая из Ямы Пропавших, решила сообщить клану о своих находках?

Яз все еще перебирала варианты, когда звук приближающихся шагов снова привлек ее взгляд к двери. Она стряхнула с себя образ Турина, раздавленного падающей клеткой, и встала, чтобы встретить своих похитителей.

Дверь задребезжала, и послышался звук, как будто что-то вставили в маленькое отверстие, которое она заметила у края. Последовал громкий щелчок и звук вынимаемого предмета, после чего дверь открылась. Вошли два охранника в доспехах, Эулар последовал за ними.

— Все еще здесь? — Он улыбнулся.

Яз ничего не сказала, хотя ее взгляд блуждал по выходу.

Вслед за Эуларом вошла старуха с глубокими морщинами на лице и волосами, длинными, но редкими, цвета железа. На ней было одеяние жреца, с полосками кожи, свисающими с обеих рук, и блестящий серебристо-серый мех на плечах, несмотря на теплый воздух. Она уставилась на Яз черными глазами, твердыми, как камни, затем показала зубы в подобии улыбки:

— Я — Мать Джеккис, моя дорогая. Отец Эулар так много рассказывал мне о тебе.

Эулар захлопнул за ними дверь.

— Я заметил, что ты все еще здесь, Яз, чтобы подчеркнуть свою точку зрения. Печально, что когда мы в тепле и безопасности, с полным желудком, мы, люди, даже не подходим к барьерам, которые стоят между нами и нашим полным потенциалом. — Он постучал костяшками пальцев по металлу. — Если бы вместо того, чтобы заняться делом, которое меня позвало, я провел бы последний час в коридоре, мучая любимого тобой человека по ту сторону этой двери. Скажем, твоего брата. Как ты думаешь, ты все еще была бы сейчас в этой камере?

Яз пожала плечами, чувствуя себя странно виноватой:

— Ты сказал, что посадил нас в яму, чтобы сделать из нас воинов. Для Джейсина это не сработало. Он умер. Многие из них умерли.

Мать Джеккис фыркнула, и Эулар поморщился, что могло быть неискренним:

— Есть поговорка, что нельзя приготовить омлет, не разбив яиц. Но ты ведь не знаешь, что такое омлет, Яз? И ты думаешь о рыбьих яйцах.

— Я... — Яз прикусила язык, но в ее сознании возник образ неуклюжей птицы, расхаживающей по земле, и яйца больше глаза, и не круглые, а овальные, с кожей, которая была твердой и хрупкой... скорлупой. Она тряхнула головой, чтобы избавиться от этих образов из мира Эрриса.

— Да, не знаю. Что такое омлет?

Эулар с любопытством смотрел на нее из пустых глазниц:

— Мы — бедный народ.

— Мы? — Яз отвергла эту фамильярность. Эулар не Икта.

— Мы. Лед-племена. — Старик возбужденно замахал руками, как будто он был на встрече, и все кланы стояли в пределах броска копья от него.

Яз пожала плечами. Это была не та мысль, которая когда-нибудь приходила ей в голову. Лед-племена были *всеми* существовавшими людьми, и они не были бедными. У некоторых было много мехов. Другие копили железо. Даже на суровом севере Икта умудрялись выжимать богатства из моря. Мать Мазай всю долгую ночь освещала свою палатку лампой с

кит-жиром.

— Мы бедны, — повторил Эулар. — Голод — обычное явление, мы умираем молодыми, моря становятся меньше и мелеют из поколения в поколение.

— Бедны. — Мать Джеккис, одетая в прекрасную одежду, с улыбкой кивнула.

— Мы не можем заботиться о наших больных, — продолжал Эулар. — Мы не можем поддерживать жизнь тех, кто родился со старой кровью, не говоря уже о том, чтобы воспитывать и обучать их. Яма — единственное место, где мы можем хотя бы приблизиться к тому, что нам нужно.

— Ты сказал, что добываешь там воинов. — Он сказал «героев», но Яз не стала бы использовать это слово. Ее руки были в крови. Она сделала трудный выбор, который запятнал ее душу. — Зачем тебе воины?

— Они нужны нам, Яз. *Нам.*

— Икта не воюют. — Яз нахмурилась. — Только Аксит говорят о войне. Но те дни прошли.

— А что сделают Икта, если Голин отправятся на север ловить рыбу в Горячем Море? — спросил Эулар.

— Они этого никогда не сделают.

— Голин следуют за Блуждающим Морем. Когда они теряют его след, они голодают. Если они достаточно проголодаются, то могут обратить свои взоры на север. Что тогда будет делать Икта?

— Мы повернем их обратно, — сказала Яз. — Боги в Море отдали...

— Боги отдали Икта свое море. — Эулар кивнул. — Ты знаешь, что я не родился таким? — Он прикоснулся пальцами к краям глазниц.

— Ты сказал... — Яз осеклась. Эулар сказал ей, что его бросили в яму, когда он был ребенком. — Ты соврал. Возможно, ты и сейчас врешь.

Улыбка Матери Джеккис исчезла:

— Да как ты смеешь...

Эулар заставил ее замолчать, подняв руку.

— Возможно. — В его улыбке была какая-то печаль. Он отошел от Джеккис и встал рядом с Яз у кровати. — В юности я был беспокойным. Мой клан бродил далеко на юге, даже за пределами Кас-Кантор. История, рассказанная незнакомцем, оторвала меня от семьи и заставила отправиться еще дальше на юг. Я нашел зеленые земли. Я увидел их богатства и понял, что всю свою жизнь знал только бедность и трудности. Я увидел траву и деревья. И за это преступление люди того зеленого мира лишили меня глаз. Они сказали, что их бог дал им траву, деревья, реки и зверей земли. Они сказали, что если я приведу туда своих людей, то они умрут в двух шагах от льда, и трава выпьет их кровь. — Эулар потянулся, похлопал по Яз, и нашел ее руку. Она отшатнулась, но он сомкнул пальцы на ее предплечье, его сморщенная кожа обтягивала костяшки пальцев. — Так что да, зеленый мир существует, и я видел его, когда еще обладал зрением, и мои руки помнят прикосновение и тепло того мира. Но это место крови и смерти, и, если мы хотим получить какую-то его часть, мы должны вырезать ее для себя лезвием ножа. Все равно что зарезать кита. Людям льда нужна армия, потому что все люди создают своих собственных богов, и эти боги говорят им только то, что они хотят услышать. Но правда в том, что холод продолжает усиливаться, и скоро даже Икта придется бежать перед ним. Правда в том, что только в зеленом поясе Абета под светом солнца и луны наш народ может надеяться жить и жить, чтобы надеяться.

И Мать Джеккис, чья улыбка медленно вернулась, кивнула и показала свои желтые зубы:

— Грядет война. Война, которая окрасит зеленые земли в красный цвет.

Турин отпрянул к стене туннеля, когда Хетта снова понюхала воздух. Турин понятия не имел, как она могла учуять его несмотря на вонь разорванной крысиной тушки в руке, но жизнь в пещерах развивала нюх, и она жила подо льдом дольше, чем большинство. Не переводя дыхания, Турин начал медленно отступать. Хетта поднялась на ноги. Ее лицо и обе руки были в черных пятнах, вся ее обнаженная плоть была покрыта отметинами, как будто она была домом не для двух или трех демонов, но для множества.

Эйдолон. Слово всплыло на поверхность сквозь озеро страхов Турина. Худшие из Запятнанных, существа, которых даже Теус не смог контролировать. Когда разум действительно ломается, демоны вливаются внутрь и превращают тело в поле битвы.

Турин не представлял, как Хетта добралась до горы. Она не была в пещере города, когда Сломанные сражались друг с другом, а затем — с Запятнанными. Никто не сообщал о том, что видел ее после нападения на Майю, когда Яз уложила Хетту с помощью магии, которую никто из Сломанных никогда раньше не видел.

Турин попятился так быстро и бесшумно, как только мог, но его нога заскребла по рыхлому камню, и, внезапно, взгляд Хетты пригвоздил его к месту. И соскользнул с него. Пораженный, Турин сумел сглотнуть. Он смотрел, как Хетта медленно, почти со страхом повернулась, протянув руку в темноту, словно защищаясь от любого нападавшего.

Неужели чудовище ослепло? Запятнанные могли видеть в темноте, когда демоны заползали в их глаза, и каждая часть эйдолона была заполнена до отказа. Но каким-то образом тени скрывали его от нее.

— Кто там? Я тебя слышу! — В голосе Хетты не было ни капли злого юмора, которым сочлились ее слова при их последней встрече, когда она насмеялась над Яз. Она говорила так, как выглядела. Испуганная и неспособная видеть дальше пределов своего скудного освещения, хотя все еще с твердым ядром непокорного гнева.

Когда-то, когда Турин был слишком мал, чтобы помнить, Хетта была женой Джеррига. Эти двое были единственными герантами полн-кровками среди Сломанных. Более жестокие языки болтали, что у пары не было другого выбора, потому что они раздавили бы любого другого партнера во время совокупления, но мать Турина сказала, что это была настоящая любовь, и что, когда Хетта была захвачена порчей, Джерриг погрузился в длительное молчание. Это было все, что Турин знал о застенчивом гиганте.

Турин отступил еще на несколько шагов, но под его каблуком хрустнул хрупкий кусочек угля, и внезапно Хетта бросилась на него, огромная и неудержимая, с дикими глазами над разинутой пастью острых зубов.

Зная, что его лед-работа еще недостаточно восстановилась, чтобы удержать более девяти футов ревущего геранта, Турин повернулся и побежал, надеясь, что он сможет вспомнить туннель, по которому только что спустился, лучше, чем она.

На несколько ужасающих мгновений Хетта почти добралась до него, затем звук ее столкновения со стеной оборвал ее вой, и шум погони остался позади. Когда он решил, что это безопасно, Турин немного разжал руку и выпустил достаточно звезда-света, чтобы помочь ему ориентироваться. Через сотни ярдов и много поворотов Турин, спотыкаясь, остановился, с трудом переводя дыхание. Он подошел к подозрительно знакомому

перекрестку, где сходились несколько туннелей. Он наклонился и упер руки в колени, тяжело дыша, чтобы восстановить дыхание.

Хетта появилась из ниоткуда, огромная фигура поднялась рядом с ним, и одним взмахом руки бросила его в черноту, из которой никакая звезда, какой бы яркой она ни была, не могла его вывести.

Первым к Турину вернулось обоняние. Зловоние, ударившее в нос, напомнило ему о пещерах Запятнанных и о едкой, слезящейся вони, до которой человечество может добраться только за годы, проведенные в полном пренебрежении всеми формами гигиены. Затем он осознал, что наряду с постоянными источниками боли у него появились две новые жалобы. Одна сторона головы болела, левое ухо казалось в пять раз толще обычного, и что-то тяжелое лежало на спине, прижимая его к земле, возможно, тело крупного мужчины.

Стон сорвался с губ Турина, прежде чем он нашел в себе силы притвориться мертвым и собраться с силами.

— Ты покажешь мне, как отсюда выбраться. — Утробный голос был глубже, чем у большинства людей, но по нему он сразу понял, кто его похититель.

— Хетта? — Он попытался изгнать страх из своего голоса.

— Ты знаешь меня, мальчик? — Ее голос не был похож на голос Хетты из ледяных пещер — он изменился, как и сама Хетта, которая преследовала его вслепую и все же каким-то образом его поймала.

— Так вот почему ты меня до сих пор не съела? — спросил Турин. — Ты заблудилась?

— Съела тебя? — В голосе Хетты прозвучало отвращение к этой идее. — Я не ем... — Она замолчала, внезапно почувствовав неуверенность. — Откуда ты знаешь мое имя?

— Все Сломанные знают твоё имя. — Турин попытался подняться с каменного пола, но у него ничего не вышло. То, что он принял за крупного мужчину, лежащего поперек него, было одной из ног Хетты. В полумраке рассеянных звездных зерен он разглядел огромную ступню, пяткой прижавшую его к полу, длиной с его руку от пальцев до локтя и завернутую в вонючие шкуры. — Как ты сюда попала? — Он был в полной власти монстра, но любопытство грызло его, и он не хотел умирать с неутоленным любопытством.

— Я... заблудилась. — Голос прозвучал неуверенно. — Я не знала, что мы пробили туннель в скале, как Пропавшие. — Массивная рука обхватила его сзади за шею, ступня поднялась. — Ты можешь отвести меня назад. — Она встала на колени и поставила его на ноги, как ребенок может поставить игрушечного человечка.

— Думаешь, ты все еще подо льдом? — Турин уставился на лицо, находившееся так близко от него. То, что он принял за пятна демона, было смесью пота с запекшейся угольной пылью, покрывавшей ее лицо, шею и руки.

— А где же еще? — Глаза Хетты — маленькие, глубоко посаженные и темные, — изучали темноту вокруг них. Толстые кости черепа сформировали грубые черты лица: широкие скулы, выступающая челюсть, лоб, который, казалось, мог сокрушать камни. Заостренные зубы все еще пугали Турина, но теперь он увидел что-то неожиданное, что-то, что он никогда не думал увидеть на лице каннибала. На смену ярости Запятнанного пришел гневный вызов, а под ним — не обычный голод, а неуверенность. Возможно, даже страх. — Покажи мне, как вернуться, — она встряхнула его так сильно, что у него застучали зубы.

— Мы внутри Черной Скалы, — сумел выдавить из себя Турин. — Стой! Если ты убьешь меня, я не смогу...

— Убить тебя? — Хетта, казалось, была шокирована. Она переслала сжимать его руку и позволила ему стоять.

— Ты... ты больше не запятнанная?

— Запятнанная? — Хетта произнесла это слово с тихим ужасом. Турин услышал, как ее язык скользнул за губами по зазубринам на зубах.

— Как ты сюда попала? Что ты помнишь?

— Я... мне приснился дурной сон, — глубокий голос Хетты надломился. — Мне нужно домой. Где мой Джерриг?

Турин почувствовал неожиданный укол сочувствия глубоко в груди, дыхание сбилось. Он тоже был схвачен злом Пропавших, хотя духи, вторгшиеся в него, были менее дикими и оставались в течение гораздо меньшего времени:

— Я — Турин. Ты знаешь меня с того времени, когда я был ребенком. Я ищу своих друзей. Если ты пойдешь со мной, мы сможем убрать отсюда вместе.

— Турин? — Хетта провела тыльной стороной ладони по губам, все еще измазанным крысиной кровью. Она все еще выглядела пораженной, но кивнула. — Сын Гаты?

— Да.

— Я помню... Ты был крошечным. Я могла посадить тебя в руку.

Турин подумал, что она, вероятно, все еще может:

— Я вырос.

Хетта медленно кивнула:

— Покажи мне дорогу.

Турин шел впереди, рука Хетты тяжело лежала на его плече. Она не отпустила его ни разу. На ее месте Турин тоже не стал бы этого делать. Он спросил себя, как долго она бродит по туннелям? Достаточно долго, чтобы узнать о петле, которая вернула его к ней, когда он впервые сбежал. Время от времени она бормотала «нет», когда он делал поворот:

— Этот никуда не ведет.

В Черной Скале было много туннелей, которые, по словам Хетты, никуда не вели. Это, казалось, подтверждало идею Турина о том, что они бродят по заброшенным шахтам. Некоторые туннели вели круто вверх, другие уходили вниз. Дважды им приходилось карабкаться по длинным шахтам, используя железные перекладки, вделанные в скалу. А потом, после века во тьме, круг света.

Турину пришлось подойти прямо к источнику света, чтобы понять, в чем дело. Это был одинокий дощатый диск не шире ладони, покрытый звездной пылью. Он едва освещал каменную крышу по обе стороны от себя, но был виден за много ярдов и, как только они достигли его, вдали показался другой.

— Чтобы вести нас, — предположил Турин.

— В ловушку? — спросила Хетта.

Турин пожал усталыми плечами. Говорили, что в черной глубине моря водятся рыбы, которые несут свой собственный свет, заманивая добычу.

— Мы ничего не добьемся, блуждая по пустынным туннелям. — Он направился в сторону второго света, ища третий.

Вскоре диски света расположились так близко, что Турин мог видеть стены и пол. Световой путь разветвлялся в нескольких местах, петляя по другим туннелям. Теперь у Хетты не было никакого мнения относительно маршрута, и Турин предпочитал при каждом

удобном случае подниматься вверх. Кое-где виднелись признаки активной добычи: сложенные кирки в одном месте, россыпь угля в другом. Но они становились все реже по мере того, как Турин вел их все выше и выше.

Несколько раз на перекрестках туннелей они проходили мимо звезд, висящих в клетках из проволочной сетки, достаточно больших, чтобы ясно освещать все пространство. Хетта шарахалась от звезд, словно они были яростными источниками тепла, но Турин не видел в ней никаких признаков демонов и догадывался, что это привычка, выработанная за долгие годы ее кошмара. Он надеялся, что другие ее привычки не вернуться. Особенно поедание людей.

Турин воображал, что он будет, держась в тени, прижиматься к стенам и шпионить за жрецами, чтобы выяснить, что они сделали с Яз. Вместо этого он шел с почти десятью футами неуклюжего геранта на буксире, и она обеспечивала большую часть теней, когда маячила позади него, склонив голову, чтобы не поцарапать ее о потолок, к которому ему пришлось бы потянуться на цыпочках. Турин понятия не имел, что он сделает, если они встретят жреца. Скорее всего, просто попросит о встрече с Яз. Но, по крайней мере, с Хеттой за плечом любой, кого они встретят, будет склонен согласиться с его просьбами. Или с криком бежать.

Туннели стали меньше и теплее, стены прямее, пол и потолок ровнее, давя на согнутые плечи Хетты. Теперь повсюду были звезды в клетках. Великое множество звезд. За несколько сотен ярдов Турин прошел мимо лучшей части того, что он мог найти за десять лет добычи во льду.

— Кто-то идет, — сказала Хетта.

Турин обернулся и увидел, что герант остановилась на перекрестке, который он только что миновал, и теперь была в нескольких ярдах позади него. Свет четырех звезд отбрасывал ее тень в четырех разных направлениях, а ее ноги были столбом, соединявшим их всех. Ее внимание привлек левый поворот, ее взгляд был прикован к чему-то далекому. Затем, быстро, как трещины, распространяющиеся после удара, ужас охватил ее лицо, и она с грохотом бросилась к Турину, заполняя коридор.

Турин тоже побежал. Иначе Хетта расплющила бы его, и, в любом случае, ее очевидный страх был красноречивым аргументом в пользу бегства. И вот, во второй раз за последние несколько часов, Турин обнаружил, что Хетта преследует его по туннелям Черной Скалы.

На этот раз погоня закончилась не тогда, когда Турин наткнулся на удар, а когда его сбили с ног сзади. Он обнаружил, что его затащили в боковую комнату, как будто он был маленьким ребенком. Хетта прижала его к стене, в то время как он стиснул зубы, чтобы не закричать от боли в прикушенном языке.

Прошло непонятно сколько времени. Достаточно, чтобы Турин восстановил дыхание и забеспокоился, оказавшись в ловушке между Хеттой и стеной. Он открыл рот, чтобы пожаловаться, но свет в коридоре начал менять свой характер, становясь кровавым, и Хетта отпрянула назад. Шаги равномерно приближались. Мимо прошел человек, волоча за собой темный плащ. Турину удалось лишь мельком увидеть его лицо сбоку, и ему потребовалось несколько мгновений, чтобы понять, что он увидел.

Незнакомец остановился в нескольких ярдах от входа в комнату. Турину было видно только его правое плечо, и он уставился на него, дыхание застряло в легких, сердце колотилось о ребра. Прошло долгое мгновение. Свет переместился туда и сюда, а затем исчез, когда существо ушло.

— *Что* это было? — прошипел Турин. Это был мужчина, но не мужчина. Там, где должны были быть его глаза, горели две звезды, вставленные в глазницы, заливая его плоть багровым сиянием. — Хетта?

Герант ничего не ответила, и Турин медленно повернулся к тускло освещенной комнате позади него.

Они стояли молчаливыми рядами, растянувшись вдоль длинной галереи. Многие десятки. Некоторые огромные, некоторые маленькие, некоторые темные, некоторые светлые, но все они смотрели вперед в невидимую бесконечность, все они были крепко обвиты двумя железными полосами, к которым сзади был прикреплен тянущийся к потолку длинный кабель, не позволявший им упасть. Все они носили на голове железный обруч, от которого под кожу тянулись черные провода. И там, где полосы проходили над каждым сердцем, и там, где обручи сидели на лбах, была установлена звезда размером с ноготь большого пальца, и все они горели тусклым малиновым светом.

Они называли младших жрецов аколитами. Бледный жрец, Валак, приказал четырем аколитам поднять доски, на которых лежал Квелл, и нести его.

— Быстрее. Давайте уберемся с этого проклятого богами холода. — Валак нетерпеливо наблюдал, как аколиты собрались вокруг Квелла.

Жрец повел их через туннель в задней части комнаты, в которой он — при помощи четырех звезд, — проверял Квелла и других. Воздух, который Квелл уже считал теплым, с каждым поворотом становился еще теплее.

Квелл был одновременно и рад, и странно разочарован, узнав, что в нем не осталось ни следа старой крови. Икта гордились тем, что обладали тем особым, уникальным сплавом сил, который давал им способность выжить на северном полюсе. Любое отклонение означало признание слабости, из-за которой они умрут в течение долгой ночи. С другой стороны, Квелл видел чудеса, которые могли творить Сломанные. Некоторые походили на Детей Моря и Неба, божества, способные при помощи магии победить целый клан. Сама Яз обладала силой, которая поражала его. Она могла убить одной мыслью, превратить камень в осколки, лед — в пар. Каким она сейчас видит его? Неужели проклятие даров, сделав ее слишком слабой, чтобы жить на льду, одновременно превратило его в хилого ребенка по сравнению с ее силой? Если они действительно поженятся, сможет ли она уважать его в таком неравном партнерстве? Это печалило Квелла на многих уровнях, и не в последнюю очередь потому, что он не мог найти в себе достаточно уверенности, чтобы поверить, будто взгляд Яз не изменится.

Толчок оторвал Квелла от печальных мыслей. Он понял, что соскальзывает в какой-то бред, слишком ослабленный ножевой раной, чтобы удержать власть над миром. Он подавил боль и вытер пот со лба. С холодным потрясением он понял, что, если позволит себе ускользнуть в сны, вполне может никогда больше из них не выйти.

Аколиты поднялись на самый верх лестницы. Проход, по которому они несли его, напоминал изящно вырубленный коридор, а не грубый туннель. Звезды в клетках сияли приглушенными оттенками зеленого, красного, синего и многих других цветов; на льду он таких не видел. Некоторые из них были совершенно новыми, и он не встречал их на чешуе ни одной рыбы, которую когда-либо вытаскивал из Горячего Моря. Черный камень стен поглощал свет, но конкурирующие тени все-таки заявляли о себе, скользя по белой коже Валака.

Квелл не знал, как далеко они забрались в гору, но воздух стал намного теплее. Горячее, чем даже в ледяных пещерах Сломанных. Он обнаружил, что вспотел, хотя его тело дрожало.

Они положили его на пол в комнате, которая, казалось, не могла определиться, чем быть: то ли спальней, то ли складом диковинок. В глубине стояла приподнятая кровать, но на подставках, загромаждавших пол, и в нишах вдоль стен лежали всевозможные предметы, извлеченные из города Пропавших. Зубчатые колеса; сложные куски блестящего серебристого металла, который не мог расплавить кузнечный горшок; абстрактные формы, сделанные из вонючей липкой массы, в которую превращались при нагревании доски, на которых лежал Квелл. Повсюду висели приковывавшие к себе взгляд узоры, сотканые из нитей оранжевого металла, который Эулар когда-то назвал медью, а под ними — нетающий

лед, который Сломанные называли стеклом, преобразенный неведомыми мастерами в текучие формы щемящей сердце красоты. Некоторые из них напоминали сосуды, в которых можно было бы носить масло, другие больше походили на ледяные цветы, которые старейшины Икта делали в конце долгой ночи. А рядом с головой Квелла находились две огромные черные пружины, которые даже герант не смог бы сжать ни на дюйм. Какова бы ни была их функция, коллекция была явно ценнее богатства всех племен вместе взятых.

С потолка на тонкой проволоке свисала одинокая золотая звезда, отбрасывая тени в углы комнаты. Ближе звезда-свет танцевал на стеклянной посуде, блестел на изогнутом металле и искрился на скульптурах, сделанных из расплавленных досок.

— Займитесь своими обязанностями. — Валак отпустил аколитов.

Квелл догадался, что дальше его не потащат. Он выйдет из комнаты на собственных ногах или отсюда вынесут его труп.

— Ничего не трогай, — приказал Валак, прежде чем отвернуться от Квелла и последовать за последним аколитом. — Это мои личные сокровища, собранные за многие годы.

Квелл со стоном откинулся на спину. У него не было ни малейшего желания прикоснуться к изделиям Пропавших, даже если бы он смог сесть и протянуть руку к одному из них. Однако он очень сомневался, что Валак имел какое-либо отношение к сбору предметов, разве что осматривал содержимое клеток, извлеченных из-под льда. Тем не менее, у жреца был вид матери, присматривающей за драгоценными детьми. Его глаза скользили по предметам с любовью, полностью отсутствовавшей, когда он глядел на аколитов.

Квелл откинул голову на доску. Его мысли, стремясь избежать ножа и возможных последствий ранения, снова вернулись к Яз. Он вспомнил, как стоял у расщелины, ведущей в подземный город. Яз не было среди тех, с кем она спускалась вниз. У него появилась возможность найти ее одну и вернуть на лед.

Квеллу потребовалось больше мужества, чем он хотел бы признать, чтобы спуститься в подземный город и охотиться за ней. Возможно, это было правдой — хотя он еще не полностью признался себе в этом, — что, если бы возвращение Яз не было его единственным способом вернуться на поверхность, он, возможно, никогда бы не опустил в эту древнюю тьму.

Дребезжащий звук оторвал Квелла от воспоминаний и привлек его взгляд в дальний угол комнаты. Он не видел там ничего, что могло бы объяснить этот звук. Большой куб из тусклого металла служил столом, на который можно было бы выставить еще больше изящных стеклянных изделий, привезенных из города. Квелл попытался представить, как стекло было упаковано, чтобы не разбиться, пока его тащили по льду среди массы металлических кусков, которые Сломанные нагружали в каждую клетку.

Дребезжание повторилось, определенно из ваз на столе. Последовало что-то вроде резкого вдоха, достаточно сильного, чтобы изящная струя стеклянных листьев закачалась на тяжелом основании.

— Привет? — позвал Квелл. — Кто это... — Его голос внезапно перешел в шипение. — Майя? — Неужели девочку не обнаружили и она последовала за Яз в Черную Скалу?

Стол наклонился, сбросив предмет со стеклянными листьями, который ударился о землю и разлетелся на бесчисленные куски. За ним тут же последовала ваза, изящные изгибы которой поймали свет, прежде чем она тоже превратилась в пыль на каменном полу,

разбросав осколки на значительное расстояние. Сохраненные в течение бесчисленных тысяч лет, а затем потерянные в одно мгновение.

— Нет! — Квелл попытался предостерегающе протянуть руку, морщась и от боли, и от разворачивающейся катастрофы.

Стол, напоминавший куб с закругленными углами, вокруг которого были прилеплены накладывающиеся друг на друга железные пластины, начал разворачиваться. Последние два стеклянных предмета упали с него, когда что-то, похожее на конечности с тупыми пальцами, открылось на тяжелых петлях. Куб раскрылся в существо на четырех ногах и прямоугольной головой с закругленными углами, открылись темные и блестящие глаза, по одному с каждой стороны головы. Существо направилось к Квеллу, слегка пошатываясь на ногах, как будто заново осваивая давно забытый талант.

Пересекая комнату, металлический монстр сумел опрокинуть еще три подставки, рассыпав драгоценные артефакты на пол. Единственными наземными животными, которых Квелл когда-либо видел, были собаки южных кланов. Он видел вырезанных из китового уса шестиногих хул, которые охотились на неудачливых рыбаков на окраинах некоторых морей, но ему посчастливилось никогда не встретить настоящего. Существо, приближающееся к нему, имело элементы собаки, хула и даже кое-что от человека: например, тупые пальцы на ногах, вместо мягкой лапы собаки или трех длинных когтей хула. Главное отличие, конечно, заключалось в том, что оно было полностью сделано из металла. Тем не менее, Квелл чувствовал, что у этого монстра больше общего с животным, чем с охотниками, которые напали на него и Яз в городе. Ни один звездный свет не прожигал его суставы и не сиял из его глаз. И что-то в его неуверенности говорило скорее о живом существе, чем об автомате.

Это... творение... добралось до Квелла, заставив закачаться на своем основании еще один постамент. Оно уткнулось в него тупой головой, ее прикосновение было удивительно теплым. Оно взмахнуло своей толстой, сочлененной шеей, и Квелл вскрикнул, когда та оказалась на ширину пальца от того, чтобы ударить по рукояти ножа в его боку. Вместо этого, с деликатностью, противоречащей его неуклюжему пересечению комнаты, оно стало двигать своей невыразительной мордой взад и вперед вдоль раны, в том месте, где Эррис наложил на разрезанную кожу Квелла темную полосу его собственной. На мгновение в металлической морде открылись две черные щели, и снова раздался резкий вдох, как будто это были щели носа. Черный глаз серьезно и напряженно рассматривал Квелла.

Существо склонило голову набок и издало вибрирующий, скорбный звук откуда-то из глубины своего тела, похожий на шум, который может издавать ветер, оставленный в одиночестве около пустой ледяной пещеры.

— Ч-что ты такое? — По какой-то причине Квеллу захотелось протянуть руку и положить ладонь на эту тяжелую голову, но здравый смысл удержал его неподвижно. Хотя существо было меньше его, оно было значительно больше собаки и, должно быть, весило больше геранта.

Металлический монстр повторил свой стон, на этот раз, возможно, с легким вопросительным тоном, а затем зашаркал прочь.

— Подожди! — Квелл попытался дотянуться до него, но это усилие перевернуло его и заставило упасть с досок на живот. Он рухнул в агонии, прижавшись щекой к камню, наблюдая, как существо неуклюже возвращается в угол, из которого вышло. Осколки битого стекла хрустели под его железными ногами. Квелл почувствовал, что его хватка на мир

начинает ослабевать, по мере того как он все больше слабел от боли и потери крови. Когда его зрение начало темнеть, он рассеянно отметил, что у металлической собаки сзади находится короткий сегментированный хвост, и что, когда она шла, хвост вилял.

— Дорогие боги!

Квелл обнаружил, что просыпается от толчка. Валак навис над ним, обе белые руки, закутанные в меха, лежали на груди Квелла, пытаясь, но безуспешно, поднять его. Он выглядел испуганным:

— Что ты наделал?

Квелл оглядел сверкающие обломки. Покрытый железом куб стоял на своем прежнем месте, отодвинутый в дальний угол, с разбитыми остатками стеклянной посуды, которую он поддерживал, теперь разбросанными вокруг его основания:

— Это был не...

Квелл замолчал, увидев второго человека за плечом Валака. Женщина, одетая в рваные шкуры, ее волосы свисали грязными клочьями. Три вещи привлекли его внимание, причем третья из них схватила его так сильно, что сорвала с языка заверения в невинности.

Во-первых, звезда, кроваво горящая на стыке двух железных полос, пересекавшихся в центре груди женщины. Во-вторых, женщина была Икта. И в-третьих, он ее знал. Это была девушка, которая отправилась на юг на собрание с его родителями, когда он был почти слишком мал, чтобы стоять. Девушка, которая не вернулась и о которой они больше никогда не говорили.

Он произнес ее имя впервые за более чем десять лет, и его голос сорвался:

— Квелла?

— Я дал тебе много поводов для размышлений. — Эулар встал с кровати. — Я оставлю тебя в одиночестве, чтобы ты обдумала то, что я тебе рассказал.

— Время, чтобы подумать о том, как вы бросаете наших детей в дыру во льду, чтобы они страдали и умирали? — спросила Яз. — Или страдали и выживали, чтобы вы могли отобрать самых сильных для армии и напасть на зеленые земли? Правильно ли я поняла? — Она не смогла сдержать гнев в своем голосе.

Мать Джеккис стояла, переводя взгляд с Эулара на Яз, и ухмылялась, как будто ей рассказали отличную шутку. Эулар виновато улыбнулся. Он вытянул руки перед собой и пошевелил пальцами, словно осторожно перебирал плавающие в воздухе волоски.

— Мы выбираем лучший из плохих выборов, которые можем сделать, Яз. — Он повернулся к дверному проему, Джеккис последовала за ним, и двое охранников двинулись, чтобы обойти их с флангов. — Подумай немного. Это все, о чем я прошу. Когда я вернусь, мы сможем еще немного поговорить.

Яз поймала себя на том, что кивает. Ярость, кипевшая в ее животе, исчезла. Ее руки, которые были сжаты в кулаки, теперь свободно висели по бокам. Она удивленно моргнула:

— Подожди...

— Да? — Эулар повернулся к ней через плечи двух охранников.

Вопросы и обвинения, вертевшиеся у нее на языке, исчезли. На мгновение она застыла с открытым ртом, прежде чем нашла, что еще спросить:

— Вы занимались этим десятилетиями, медленно собирая солдат для своей армии...

— Нашей армии, Яз.

— Так что... не будут ли те, кого выбрали поколение назад, слишком стары, чтобы сражаться?

— А. — Эулар покачал головой, на его губах снова появилась слабая улыбка. — Вот ты и поймала нас, Яз. Ты раскрыла мою тайную печаль. В то время как я состарился, доводя это дело до конца, те, кто будет иметь честь сражаться за него, те, кто захватит зеленые земли и насладится новой жизнью, все они ждут в вечном сне, нетронутые годами. — Он посмотрел на свои скрюченные руки. — Что касается меня, то у меня есть работа. Время от времени я могу отдыхать несколько лет. Иногда целое десятилетие. Но от случая к случаю я должен позволить времени идти своим чередом. Я как камень, прыгающий по воде, но с каждым всплеском я старею.

С этими словами он повернулся и вышел. Дверь с тяжелым лязгом захлопнулась за ним. Только после того, как охранники заперли дверь и отступили за пределы слышимости, Яз вспомнила, что забыла спросить, как она справит нужду.

Свет исчез вместе с Эуларом и его людьми, и Яз снова ослепла. Однако неуклюжий поиск вручную обнаружил больше, чем она видела, когда ей помогал свет звездной пыли. Она пошарила под кроватью и нашла закрытое ведро и кувшин с водой. Но эти хлопоты только возродили ее гнев. Она была из Икта, свободного народа, и эти жрецы ожидали благодарности за то, что заперли ее в маленькой комнате без огня и пищи. Они ожидали, что она будет сидеть среди собственной вони, пока они не вернуться, чтобы сморщить носы.

Яз утолила жажду и снова легла на кровать, чтобы сделать то, что предложил Эулар.

Подумать. Многомесячные ночи на севере научили ее ценить терпение в темноте.

Сначала она подумала об Эуларе: сколько лжи и сколько правды он ей сказал? Он сказал, что был брошен в Яму Пропавших безглазым младенцем, и все же он, должно быть, впервые прибыл туда как мужчина. Неужели он считал, что она не расскажет эту историю Сломанным? Или они тоже верили, что он появился среди них ребенком? Либо он легкомысленно соврал, что казалось маловероятным, либо Сломанные поверили его рассказу. И как это было возможно?

Она подумала о том, что Сломанные периодически его не видели. Если он занимает столь высокое положение среди жрецов Черной Скалы, то, несомненно, проводит здесь много времени. И каким образом эти отъезды не подвергались сомнению среди Сломанных? Их пещеры были многочисленны, и Запятнанные делали исследование окраин крайне опасным, но даже в этом случае было немыслимо, чтобы его способность исчезать не подвергалась сомнению.

Яз снова подумала о детях, брошенных в яму. Они должны были стать достаточно сильными для армии Эулара или умереть, пытаясь. Она так разозлилась из-за этого, когда Эулар встал, чтобы уйти, и все же теперь, когда она потянулась за этим гневом, она обнаружила только беспокойство и легкое замешательство. Каким образом старик так легко отмел все ее возражения?

Яз села и попыталась стряхнуть туман с головы. Вместо того чтобы думать о таинственном жреце, она потянулась за горстью звездной пыли, которую положила, когда Эулар вернулся после встречи с незнакомцами у своего порога. Она находила пыль скорее разумом, чем кончиками пальцев, начиная понимать слова Эулара, который сказал, что может видеть звезды, хотя его глаза были отняты давным-давно. Крошечные звезды образовали паутину в ее сознании, плотную и сияющую сеть связей. Это напомнило Яз о сети, которую она совсем недавно создала в пещере города, когда на несколько коротких мгновений стала центром вселенной звезд, вращающихся вокруг нее.

Яз взяла в кулак горсть пыли и крепко сжала ее. Эулар сказал, что они бросают детей со старой кровью в яму, чтобы опасность могла отточить их навыки и продвинуть через барьеры, которые не могли преодолеть практика и учеба. Но у самих жрецов была одна из четырех древних кровей. Герантов, хунска и марджалов посылали присоединиться к Сломанным и преодолеть все опасности подземелья. Однако самые редкие из них, кванталы, поселились в этой теплой горе, окруженные богатством и роскошью.

Была ли это просто испорченность, порожденная владением бóльшей властью? Или это означало, что кванталы обладали какими-то более тонкими искусствами, которые лучше спокойно изучать в тепле и уюте? Навыками, которые вряд ли достигнут предела, если за тобой гоняются монстры? Яз спросила себя, не обладает ли жрец силами, которых она не имеет и о которых даже не подозревает.

Вместо того, чтобы тратить время на бесплодное беспокойство, Яз решила развлечься, исследуя содержимое своего кулака. Она раскрыла ладонь и начала водить кончиком пальца по лишенной света пыли, прислушиваясь к слабым звукам многоголосой песни. Эулар почти заглушил ее, но следы все еще оставались. Она попыталась выделить песню одной пылинки и надолго погрузилась в эту задачу. Она начала слышать неожиданные сочетания; медленное взаимодействие рефренов передавалось взад и вперед, как песня кита в самой высокой воображимой тональности. Были мелодии, которые погружались в ее регистр, а затем взлетали за пределы досягаемости. Были лидеры и последователи. Голоса повторяли темы,

разрабатывали их, передавали новую работу обратно в массу. Она представила себе каждую песню как жизнь человека, живущего в разговоре с окружающими, — одни стремятся доминировать, другие следовать, третьи все еще идут своим собственным путем, несмотря ни на что, все они уникальны, но и похожи.

Время шло, и Яз погрузилась в песню, находя голоса, которые принадлежали друг другу, и крепко связывая их. Присоединяя свою собственную мелодию к массе, делясь ею, посылая взад и вперед.

Какой-то звук заставил ее поднять голову. В дверном проеме стояла фигура, скрытая светом фонаря, который она несла:

— Я сказала, ты не хочешь эту еду?

Яз наклонила голову, пытаясь разобраться в звуках, которые издавала женщина. Она так долго занималась этой песней, что слова уже не укладывались у нее в голове. Спала ли она? Неужели ей все это приснилось? Она не знала.

Один охранник вошел в комнату, второй ждал у двери. Женщина взяла маленькую доску рядом с Яз и заменила ее другой, также с полдюжиной кубиков рыбы. Яз была поражена, увидев, как она забирает еду, как будто та стала плохой. Яз хотела сказать ей это, но язык был слишком медленным, чтобы приспособиться к этой задаче.

Охранники ушли, забрав свои фонари. Но свет остался. Звездная пыль, разбросанная по кровати, проснулась и теперь светилась слабым узором линий на полу, странно напоминая письма, которые Пропавшие нанесли на стены. И в раскрытой ладони Яз маленькая кучка пыли, которую она собрала, горела достаточно ярко, чтобы ее свет достиг потолка. И посреди кучи одна маленькая золотая звездочка размером не больше ногтя на ноге ребенка излучала свой собственный замечательный свет.

Яз моргнула. Свет звезды заплясал в ее глазах, и что-то зажглось в глубине ее сознания, словно в ответ на вопрос, который она отложила в сторону. Эулар забрал ее гнев. Он что-то с ней сделал. Что-то, чтобы изменить ее. Изменить ее мнение. Изменить ее правду. И именно так он, без сомнения, жил среди Сломанных. Она думала, что Пом обладает силой влиять на других своим голосом. Она задавалась вопросом, было ли в этом что-то большее, чем просто слова, которые он использовал. Пом, возможно, владел каким-то навыком марджала, эмпатией... слово принадлежало Эррису... которая склоняла других на его сторону. Но у Эулара было нечто большее, способность менять настроения и воспоминания, ткать новую истину из нитей мира. Образ его морщинистых рук, хватающих воздух, вернулся к ней. Был ли это тот самый момент?

— Мне нужно выбраться отсюда. — Яз встала и направилась к двери, задержавшись только для того, чтобы взять с доски кусочек рыбы. Она проглотила его, почти не жуя, и вернулась за остальными, поняв, насколько проголодалась. Она подошла к двери, облизывая губы и вытирая руку о бедро.

При свете звезд Яз нашла замочную скважину. Понятия ключа и замка были ей чужды, но каким-то образом время, проведенное с Эррисом, снабдило ее словами, и, вместе с практическими демонстрациями охранников прямо перед ней, этого оказалось достаточно, чтобы она все поняла. Она посыпала немного звездной пыли в замочную скважину и заставила ее сиять еще ярче, чтобы она могла увидеть что-нибудь внутри.

Яз спросила себя, не могла бы она засыпать замочную скважину звездной пылью, а затем нагреть ее до такой степени, чтобы металл расплавился и потек. Однако это будет трудно, и она не думала, что это обязательно поможет. Механизм может заклинить, и дверь

все равно будет заперта.

Если бы она могла прикоснуться к реке, которая течет через все сущее, и призвать источник силы, к которому, как она предполагала, имели доступ все кванталы, включая жрецов Черной Скалы, тогда она могла бы сорвать дверь с петель. Но за последние дни она слишком часто черпала воду из этой реки. Теперь река лежала вне ее досягаемости, и только боги знают, на какое время. Даже если бы она смогла снова прикоснуться к ней так скоро, она сомневалась, что переживет еще один подобный опыт. Цена за то, чтобы открыть таким образом одну дверь там, где могло быть много таких дверей, была слишком высока.

Но, чего бы это ни стоило, Яз должна сбежать из своей камеры, найти помощь и сбежать из горы. Иначе Эулар медленно изменит ее мысли своими пальцами, которые перебирают нити в воздухе, словно дергают за ниточки марионетки. Если у него будет достаточно времени, он украдет ее гнев, выберет воспоминания из ее черепа, по одному за раз, полностью изменит ее мнение и она добровольно присоединится к его армии. Лишенная своих мыслей, она займет место в рядах армии, которую он держал замороженной во времени, и будет ждать там того дня, когда он будет готов развязать свою войну.

Даже сейчас Яз спрашивала себя, сколько из ее мнений были действительно ее собственными, и какие воспоминания он, возможно, уже украл у нее. Ей казалось, что Эулар не совсем ошибался — она видела правоту его доводов, даже если и не разделяла его выводов. Но не он ли заставил ее думать и чувствовать все это? Был ли он чудовищем, которое уже стерло из ее памяти его ужасные преступления? Или он был верным сыном племен, готовым на все, чтобы спасти свой народ, даже если это означало гибель других?

Яз не могла ответить на эти вопросы. Она не была уверена. Ей нужно было сбежать или, по крайней мере, найти защиту. Она молча сидела перед дверью, прислонившись лбом к холодному металлу. Она прислушалась к тишине. Ни завывания ветра, ни стоны льда. Ничего. Только бьющиеся сердца далеких звезд, некоторые настолько медленные и резонирующие, что они, должно быть, были значительно больше тех, вокруг которых Регулятор Казик построил своих охотников. Однако ни одна из них даже близко не приближалась к размеру сердца города, звезды пустоты, где Эррис каким-то образом прожил так много столетий.

Яз снова обратила внимание на дверь. Она попыталась расфокусировать взгляд и посмотреть на дверь так, как иногда смотрела на мир, когда искала новые идеи. Некоторое время назад Яз узнала, что, если вместо того, чтобы искать реку, которая течет сквозь все сущее, и быть ослепленной ее светом, поглощенной ее силой, она отвернется от нее и устанет в темноту вокруг нее, она откроет для себя новые вещи. Темнота никогда не бывала пустой. Реку окружал ореол бесконечного множества очень тонких рек, притоков — нитей, так она назвала их. И, подобно великой реке, эти нити тянулись через мир под странными углами, беря начало от всего, связывая один объект с другим через множество отношений и влияний.

Яз никогда не обращала особого внимания на нити. Главным зрелищем была река. Река давала силу, которая помогала быстро добиться своего. Сила, которая могла бы решить насущные проблемы, вроде той, как остаться в живых, когда чудовищный враг вот-вот тебя убьет. Нити, однако, казались колыбелью, в которой хранились тонкие истины мира. Возможно, именно этим и занимались жрецы, в безопасности и тепле своей горы, накормленные и одетые трудом племен. Возможно, они изучали нити.

Яз осмотрела замок, глядя на нимб нитей, которые окружали дверь, соединяли железо с

камнем, дверь с ее назначением, нитей, которые выходили из замка и несли его сложность в мир.

Долгое время Яз сидела, созерцая замок и нити, которые тянулись от него и через него. Даже то, что она наблюдала за ним, создавало новые нити, соединяющие ее с замком, уходящие в прошлое и в будущее.

В конце концов Яз медленно протянула руку к замку, кончики ее пальцев проследили за нитью ключа, которую она наконец-то изолировала от остальных.

— Может быть... я могла бы просто...

Поразительно громкий треск и щелчок вывели Яз из состояния сосредоточенности. Дверь быстро распахнулась, ударив ее в бок. В дверном проеме, с фонарем в одной руке и длинным изогнутым ножом в другой, стоял Регулятор Казик.

— Ты пришел, чтобы убить меня. — Это было очевидно по его глазам. Яз удивилась тому, как спокойно она себя чувствовала.

Казик ничего не сказал, только медленно опустил фонарь, не отрывая от нее взгляда.

— Ты послал Квелла, чтобы он вернул меня. Ты мог бы оставить меня умирать там, внизу. — Яз поднялась на ноги и попятилась к дальней стене. Она подняла железную чашку и держала ее в одной руке, как крошечный щит. После всего, с чем она столкнулась — огромные механические охотники, орды кричащих Запятнанных, — казалось невозможным, что ее должен был убить один единственный человек с ножом. Тот самый человек, который столкнул Зина в яму.

— Эулар говорит, что за полмесяца ты узнала столько же, сколько он за полжизни. Он слишком восхищается тобой, чтобы понять, насколько ты опасна. — Казик нервничал, но рука, держащая нож, оставалась твердой. — Эулар считает, что ты можешь возглавить армию и что с тобой во главе она сможет двинуться на юг прежде, чем снова придет долгая ночь.

— Я не хочу возглавлять никакую армию. — Это было правдой, и, похоже, именно это он и хотел услышать. Яз поймала себя на том, что оглядывается по сторонам, как будто в комнате вдруг может оказаться что-то полезное, например, еще одна дверь. Вместо этого она заставила себя смотреть на нож. Свет фонаря украшал бисером зазубрины лезвия. Острая кромка внезапно высвободила ее пропавший было страх. — Но это не похоже на вескую причину для убийства. Ты хотел, чтобы я возглавляла! — Она старалась не дать словам выплеснуться в ужасном потоке. Когда кто-то настроен на атаку, страх только ускоряет его руку.

— Ты слишком опасна, девочка. В этом вся правда. Под твоим командованием эта армия больше не будет нашей. Неважно, как мы свяжем тебя с этим делом, ты выкрутишься из него. В конце концов, ты сама выбралась из ямы. Мальчик тут ни при чем. — Казик покачал головой. — Эулар этого не видит, но именно он поставил меня судить. И вот я выношу приговор. — Рычание исказило шрамы от ожогов, которые стена с надписями Пропавших оставила на его лице.

— Все, что я делаю, я делаю для Скрытого Бога! — Он двинулся к ней, слишком быстро для старого человека, ленты его плаща потянулись за взмахом руки. Даже когда он нанес удар, Яз знала, что не сможет уклониться от ножа. Регулятор вонзил его в нее так же глубоко, как лезвие вонзилось в бок Квелла. И на этом не остановится. Страх диким криком вырвался из нее, и она бросилась к его руке, зная, что слишком медлительна.

Последовало мгновение замешательства, и Яз обнаружила, что лежит на полу,

сцепившись с врагом, охваченная ужасом и не желающая умирать, знающая, что нож близко, что в любое мгновение он вонзится в нее и польется кровь.

— Нет! — Яз заметалась, пытаясь отразить удар, который не могла видеть. Удивительно, но регулятор лежал под ней. Поскольку она не могла добраться до его руки с ножом, она, вместо этого, начала осыпать его ударами по голове, надеясь остановить его прежде, чем он сможет остановить ее.

— Достаточно! — Резкий голос над ней. — Он уже отключился. Нам нужно идти.

Яз ударила старика еще раз, прежде чем слова дошли до нее. Казик не колотил ее. Он даже не защищался. Она подняла глаза, готовая сражаться, ее сердце бешено колотилось.

— Пошли. — Маленькая фигурка стояла над Яз и регулятором, вырисовываясь на свету. В левой руке она держала железный прут, обмотанный на дальнем конце слоем шкур. Она ударила регулятора сзади. Яз была в безопасности.

— Майя? — Яз с трудом выдавила это слово, горло сжалось от эмоций.

Девочка просто поманила ее за собой, а затем повернулась к открытой двери. Яз поднялась на ноги. Нож регулятора блеснул в темноте рядом с его головой. Яз начала было наклониться за ним, но передумала. Не в ее характере было резать кого-то на куски, и она это знала.

— Вперед. — Майя проскользнула в дверной проем, оставив фонарь там, где его поставил Казик.

— Как... — Яз хотела спросить, как Майя незаметно выбралась из шахты, проникла в Черную Скалу, нашла ее камеру и появилась как раз вовремя, чтобы спасти ее. Но она уже знала ответ. Это была Майя. Она уже знала свою силу, когда Аксит отправили ее в Яму Пропавших, чтобы шпионить для них. Эти силы были еще более отточены на грани опасности, выкованы в том же тигле, который, по-видимому, превратил саму Яз в нечто, чего боялись даже жрецы.

Поэтому вместо того, чтобы задавать вопросы, Яз выбрала действие. Звездная пыль полетела ей в руку, сотрясая кожу, как ледяной ветер, вместе с маленькой звездочкой, которую она вылепила из самой пыли. И, не оглядываясь, она последовала за Майей в тени.

— Ты не убила его. — Яз последовала за Майей, почти слепая в коридоре. Единственный свет пробивался из окошек в дверях, каждая камера имела собственную чашу тускло светящейся звездной пыли.

— Убить жреца... — Майя пожала плечами. — Большое дело. Сейчас для этого не время. Пока.

Яз думала, что любое убийство должно быть большим делом, но в ледяных пещерах Майя убивала без раздумий. Регулятора, однако, она ударила железным прутком, обернутым шкурами. Возможно, она всю жизнь почитала жрецов, и это сковало руки маленькому ассасину. Среди Икта любой жрец пользовался таким же уважением, как и мать клана. Только увидев, как Зин падает в Яму Пропавших, Яз начала думать об ордене как о своем враге. До этого она считала их клеем, который связывает племя с племенем и клан с кланом, находя мирный путь, где в противном случае на лед могла бы пролиться кровь.

Майя остановилась на углу, жестом приказав Яз не подходить. Проход, соединявший их, был освещен лучше. Яз уже чувствовала себя незащищенной. Кланов считали, что жрецов было меньше дюжины, и, возможно, это было правдой, но все свидетельства, которые Яз видел до сих пор, предполагали, что на горе проживало значительно большее население. Были ли они в основном жрецами или слугами жрецов, вроде стражников, которых она видела, Яз не знала.

— Пойдем. — Майя жестом послала Яз вперед. — Оставайся тихой. — Тень закружилась вокруг Майи, не образуя сгустка тьмы, который притягивал бы взгляд, но затуманивая ее, размывая ее очертания в нечто, по чему взгляд наблюдателя мог бы просто скользнуть. Щупальца тени окутали и Яз, воздействуя на нее магией Майи.

Яз последовала за Майей за угол. Звезды освещали путь, свисая в железных клетках с крючков, вделанных в стены. Звезды, большие, чем ноготь ее большого пальца. Она услышала их песню и, проходя мимо, попросила их хранить молчание, не гореть ярче.

— Они повсюду, — сказала Майя. — Кроме того места, где они держали тебя.

Яз поняла. Она могла бы использовать звезды как оружие. Жрецы пытались вырвать ей жало. Даже Эулар, похоже, разделял некоторые опасения регулятора. Она подумала о том, чтобы взять звезды, когда они проходили мимо, но есть ли лучший след, который приведет погоню прямо к ней? Кроме того, она чувствовала большую близость к крошечной звезде в своем кулаке. Возможно, ей не хватало силы больших камней, но Яз сама сделала ее из пыли, пылинки за пылинкой, и знала ее так же, как знала свою собственную руку.

— Куда мы едем? — прошипела Яз.

Майя указала направление и продолжила двигаться. Она провела их через несколько поворотов и спустилась по длинной узкой лестнице. Звезд осталось совсем немного, они стали меньше, тени вторгались между ними, отвоевывая потерянную территорию. Майя остановилась у входа в одну из комнат, где царила тьма:

— Сделай свет.

Яз вызвала узкий, но яркий луч от своей звезды. Он прочертил линию по полу, быстро поднимаясь, чтобы затанцевать по сложной поверхности. Не в силах понять, что она видит, Яз расширила луч в конус золотого света.

— Железо! — Жрецы или их приспешники завалили большую комнату шатающимися грудями металла. Примерно половина его состояла из кованных слитков, которые Сломанные делали рядом с кузницей, примерно половина — из больших колес, плоских пластин и других более крупных кусков, которые, возможно, Сломанные не смогли поместить в свой плавильный горшок. И все это лежало ржавое и заброшенное — гора металла, намного большая, чем та, которую смогли бы сложить все кланы, собрав свои сокровища вместе. Яз с восхищением смотрела на нее.

— Я видела еще две такие комнаты, — сказала Майя. — И я исследовала только маленькую часть этого места.

— Но... что это значит? — Яз позволила своему свету погаснуть.

— Это значит, что металл так ценен на льду только потому, что так говорят жрецы. Железо — ошейник вокруг горла племен.

— Я не знала. — Яз всегда думала о Сломанных, как об единственных поработанных, пойманных в ловушку в своих пещерах, но оказалось, что Икта тоже были связаны, несмотря на кажущуюся свободу бесконечного льда. Горстка неустойчивых морей привязала их к кочевому кругу севера, и сокровища Черной Скалы приковали их к воле жрецов. — Что нам делать?

— Прячься! — прошипела Майя.

— Спрятаться? — Яз пожелала, чтобы ее звезда погрузилась во тьму, и сжала ее в кулаке.

— Сейчас же! — Майя взяла ее за руку и потащила к огромной куче обломков металла.

Яз слепо шла позади Майи, спотыкаясь и полагаясь на то, что девочка не насадит ее на какой-нибудь из выступов, торчащих из кучи. Подняв руку, чтобы защитить лицо, Яз пробиралась сквозь зазубренные препятствия, и закусил губу, чтобы не выругаться, когда ее голень столкнулась с чем-то неподвижным. Несколько мгновений спустя Майя заставила ее присесть. Так они ждали целую вечность в молчании, которое Яз жаждала нарушить. Мышцы ее бедер начали гореть, но Майя по-прежнему не подавала никаких признаков того, что можно снова пошевелиться.

Темнота начала редеть. Масса железа, которая была невидима, превратилась в лес силуэтов, все они блокировали свет, который теперь проникал в комнату, пока что-то приближалось по туннелю. Яз могла слышать то, что приближалось, хотя и не совсем ушами. К ней потянулась двухголосая песня звезд, нарушенная гармония. В ней было что-то кислое и неуместное, отчего по спине Яз пробежала дрожь отвращения. Звук завязал те же узлы в ее животе, что и вид обрубка руки Пома, из которого торчала сломанная кость и лилась кровь.

Свет стал ярче, и в поле зрения появилась фигура. Воображение Яз заставило ее ожидать монстра, какое-то кошмарное создание из мертвой плоти и живого металла. Почему-то увидеть нормального человека было еще хуже. Ужас заключался в неправильности света, который исходил из его глаз, или, скорее, из глазниц, лишенных глаз — в каждую из них была вставлена звезда такого же размера, горящая прерывистым желтым светом.

Нож Майи с шепотом выскользнул из ножен. Она держала клинок под мышкой, чтобы блеск не привлек к нему внимание сияющих глаз.

Яз склонила голову, хотя все еще мысленно видела звезды-близнецы. *Вы нас не видите. Вы нас не видите. Вы нас не видите.* Она повторяла заклинание снова и снова, позволяя ему кружиться в пределах ее черепа. Что-то убедило ее, что ни нож Майи, ни ее собственные

навыки не помогут им, если это существо оставит свой взгляд на их укрытии.

Свет просеивался сквозь спутанное железо, тени скользили туда-сюда, искажая искажения. Металл скрипел, как будто неведомые силы дергали его, выискивая что-нибудь незакрепленное. А затем, так же быстро, как началось, световое обследование кончилось, сияние отступило.

Последовало еще одно одно долгое мгновение тишины, прежде чем Майя поднялась:

— Пошли.

— *Что* это была за тварь? — спросила Яз.

— Я не знаю, но их много больше, и они могут видеть меня, даже когда я прячусь. —

Она убрала нож в ножны. — Продолжай делать то, что ты делала, потому что нас бы нашли, если бы ты этого не делала.

Яз зажгла свою звезду и последовала за Майей из комнаты. Казалось неправильным, что ее ведет ребенок, но она знала, что иначе просто вернется в лапы жрецов, и скорее рано, чем поздно:

— Куда мы идем?

Майя оглянулась на нее и нахмурилась:

— К Аксит, конечно.

— Аксит? — У Яз не было никакого желания присоединиться к клану Майи. Не то чтобы они приняли бы кого-то сломанного, как она или сама Майя, если уж на то пошло.

— Конечно. Мне нужно доложить. То, что я им скажу, все изменит. Племена не станут кланяться жрецам, как только узнают, что те сидят на железной горе и берут половину того, что у нас есть, за самую малую ее часть. Как если бы жрецы владели океаном рыбы и покупали нас с помощью нескольких оставших чешуек.

— Тогда зачем ждать меня? Зачем рисковать попасть в плен, когда ты могла бы уже давно уйти? — Неужели Майя каким-то образом нуждалась в ней, чтобы добраться до льда?

— Если железо, которое доставляют Сломанные, не является причиной того, что жрецы продолжают кормить их, значит это должны быть звезды. Вот что волнует жрецов. И я видела, что ты можешь сделать со звездами, Яз. Ты — оружие, и Аксит знают, что с ним делать.

Яз скривила рот. Она не хотела быть оружием и не хотела, чтобы Майя видела в ней оружие. Майя спасла ей жизнь дважды, по крайней мере. Яз надеялась, что не является просто призом, безопасность которого надо обеспечить:

— Значит, Аксит накормят меня и согреют? А как насчет тебя, Майя? Будешь ли ты им еще нужна? Что происходит с оружием, когда оно перестает быть нужным?

Майя повернулась и встретилась с ней взглядом.

— Мы, Аксит, воины. Мы понимаем жертвенность. Моя жизнь — в служении моему народу. Я отдам ее клану в любое время, когда она ему понадобится, или когда она перестанет иметь для него ценность. — Девочка говорила с невозмутимым видом, в ее взгляде не было ни страха, ни надежды, но слова звучали так, как будто она выучила их с колыбели, а не как кредо, созданное ею самой. Это также звучало как символ веры Икта, хотя и более воинственно.

— Твоя жизнь должна иметь ценность для *тебя*, Майя. И она имеет ценность для *меня*. Вот почему я хотела взять тебя с собой на юг, чтобы ты нашла зеленые земли вместе со мной. — Отсутствие надежды ранило Яз больше всего; это, а также то, что она признала в Майе свою собственную готовность пожертвовать собой. И, увидев это отражение в чужих

глазах, она усомнилась в своем выборе. Ее собственная преданность Икта была едва ли менее сильной. До своего падения она была частью чего-то большего, чем она сама. Выживание клана значило для нее больше, чем собственные амбиции. Такую преданность порождала жизнь на льду. Без нее на льду не было бы жизни.

Выбравшись из Ямы Пропавших, Яз обнаружила, что мир стал намного меньше, а старые верования — слишком узкими, чтобы охватить то, что имело наибольшее значение. Упав, она научилась мечтать. Она заглянула за границы своего клана и спросила себя, где они должны быть проведены. Она впервые задумалась о том, может ли выживание отдельного человека быть сопоставлено с выживанием группы, и почему группа должна заботиться о выживании клана, племени или народа. Она выпала из своей жизни и рухнула в мир, который наполнил ее надеждой, страхом и смятением. Количество неотвеченных вопросов, преследовавших ее, множилось и множилось снова. Она обнаружила, что отчаянно нуждается в руководстве, но и небо, и море были скрыты от нее, и в любом случае боги никогда с ней не говорили. Год назад она захотела бы поговорить с жрецом.

Яз медленно кивнула. Ей нужно вернуться к яме, к остальным. Нет никакого пути на юг, если ты идешь в одиночку. Если Майя сможет вытащить ее из этой горы, это будет хорошим первым шагом:

— Я пойду с тобой.

На лице Майи промелькнуло и быстро спряталось удивление:

— Хорошо. Тогда пошли.

Майя шла впереди по неосвященным туннелям, двигаясь очень осторожно. Размеры этого места удивляли Яз. Она, конечно, видела подземный город Пропавших, и это место казалось крошечным по сравнению с ним, но она была поражена тем, что жрецы вырезали так много камней и создали настолько много комнат и туннелей, что в них можно было заблудиться и спрятаться.

Дважды они шли по длинным лестничным пролетам, грубо вырубленным в полу туннелей, где Яз почти приходилось наклоняться, чтобы не поцарапать голову.

— Я думала, что выход будет ниже, у льда, — сказала Яз.

— Так оно и есть.

Яз перестала подниматься по лестнице. Во время миссии Майя была немногословна. В другое время слова вытекали из нее, как вода из продырявленного меха. Научилась ли она молчанию вопреки своей природе, наблюдая за не открывавшими рта воинами-Аксит, или болтливая Майя была всего лишь еще одним оружием в ее арсенале?

Майя тоже остановилась, пройдя несколько шагов. Яз просто стояла и смотрела на закутанную в тень девушку, чуть больше, чем пятно на краю света ее звезды, и ее неподвижность вытянула объяснение из проводника:

— Мне кажется, здесь находится их храм.

— Зачем нам туда идти? — Яз почувствовала, как холодный палец провел по ее спине. Она почти ничего не знала о Скрытом Боге, кроме того, что, в отличие от Богов в Море и Небе, у него было особое место в мире, где его можно было найти. И это место лежало здесь, внутри Черной Скалы. Ее знания были собраны из редких случаев, когда разговоры между Икта касались этой темы, а затем поспешно отклонялись в сторону. Тем не менее, эти несколько штрихов нарисовали в ее сознании картину чего-то более мрачного, чем лед, более неумолимого, чем ветер. Говорили, что жрецы носят его изображение на спрятанных

под одеждами цепях, висевших на шеях. Яз даже слышала, что они делают его статуи. У нее не было ни малейшего желания стоять перед одним из них и позволять ему смотреть на себя каменными глазами. — Нам пора уходить.

— Сначала узнай своего врага, — сказала Майя. — Есть комнаты, которые я еще не видела, и что важнее для понимания, чем боги твоего врага?

— Ты уверена, что жрецы — наши враги? — Яз на самом деле не хотела защищать Эулара и ему подобных, но ситуация была не настолько ясной, чтобы клан мог просто пойти на войну с ними после столь небольшого размышления. И, казалось, Майя еще не обнаружила замороженную армию, которую, как утверждал Эулар, он строил.

— Любой, кто пытается установить власть над Аксит, — наш враг. Мы воевали с Черной Скалой на протяжении многих поколений. Они просто еще не знают об этом. Мой дядя говорит, что любой, кто не является Аксит, является нашим врагом, но это старое мышление, и отец клана говорит об этом по-другому. Он учит, что никто не заслуживает смерти, пока не встанет на нашем пути.

Яз медленно покачала головой. Слышать такие резкие мысли изо рта ребенка, который, как она знала, был склонен к доброте, когда не был связан своей верой... было грустно:

— Ты можешь встать у меня на пути, Майя, и я все равно буду считать тебя своей подругой.

Майя ничего не сказала, но тени вокруг нее ослабли, и она опустила глаза, словно ей было стыдно.

— Тогда веди. — Яз постаралась, чтобы ее голос звучал веселее, чем она себя чувствовала. — Давай посмотрим, что мы можем узнать о Скрытом Боге.

Они поднялись по невероятному числу лестниц, и Яз убедила себя, что скоро они сбегут из горы и выйдут на вершине. Возможно, в этом месте было не так много комнат, как в подземном городе Пропавших, но начинало казаться, что оно простирается почти так же далеко.

Истории кланов были переплетены в рассказы, такие как о Зене и Мокке, и никогда не сопровождалась подсчетом лет. Иногда Яз казалось, что бабушка ее бабушки могла быть свидетельницей даже самого старого из этих рассказов. Но здесь, в Черной Скале, было ясно, что жрецы, должно быть, веками трудились, чтобы выдолбить такие пространства.

Только в трех случаях Майя останавливалась, возвращаясь или сворачивая в боковой проход, чтобы избежать нежелательной встречи. Жрецы и их приспешники могли быть значительно многочисленнее, чем полагали кланы, но, независимо от их численности, они были разбросаны в лабиринте туннелей и комнат, которые их предки вырезали в Черной Скале. В некотором смысле пустота Черной Скалы была немым свидетельством правоты слов Эулара о сокращении численности кланов. На льду это было трудно увидеть, воспоминания были либо короткими, либо смутными, но здесь факты были зафиксированы в камне. Когда-то здесь, должно быть, жило гораздо больше людей, которых поддерживал труд племен. Теперь их потомки бродили в пространстве, которое когда-то было переполнено.

— Мы приближаемся. — Майя вывела их из грубо вырубленных служебных туннелей в коридоры с ровными полами и прямыми стенами. Время от времени они проходили мимо железной двери, хотя не видели никаких признаков жизни. Повсюду с потолка свисали звезды в клетках, окрашивая проход в радужные цвета. Это были более крупные звезды, чем те, что освещали коридоры ниже по склону горы. Звезда Пома, которая была редкой

желанной добычей среди Сломанных, здесь, в верхних покоех Черной Скалы, была бы просто еще одним светом коридора.

Майя оставалась в середине проходов, где могла, и пригибалась, проходя мимо каждой звезды, словно они испускали жар, который ее обжигал.

Они не проходили мимо статуй, но кое-где на стенах грубыми черными линиями было выцарапано изображение, словно кто-то взял кусок угля и поскреб им по камню. Нацарапанная фигура обладала необычайной, неистовой энергией. Это был человек, сидевший со скрещенными ногами, державший руки на коленях, ладонями вверх, и наклонивший голову; его окружало черное облако неровных линий, пересекающихся снова и снова, словно художник хотел стереть свою работу, как только закончит. Казалось, изображение противоречило точности каменной кладки и гармоничному свету висящих звезд. Как багровая рана на лице ребенка.

Яз остановилась, чтобы посмотреть на второе такое изображение, до которого они добрались. Было в нем что-то, что напомнило ей о Сеусе, монстре, который охотился на тайных путях, по которым, казалось, передвигался город Пропавших; изображение напоминало Сеуса не формой тела, а жесткостью линий над и вокруг головы. Яз подавила дрожь и пошла дальше.

Следующий поворот вывел их в коридор, наполненный эхом песни звезд, все они были красными и слишком большими, чтобы спрятаться в кулаке. Пальцы и большой палец Яз будут бороться, чтобы встретиться, если она возьмет одну из них в ладонь. Фигура Скрытого Бога была нацарапана на обеих стенах примерно на полпути вниз, два изображения смотрели друг на друга с черной интенсивностью. У этой пары головы были непокрыты, но на лицах было так много морщин, что самих лиц почти не было видно, а глаза представляли собой черноту в точках пересечения.

— Вот почему я привела тебя. — Майя попятилась. — Я не могу туда спуститься. — Она нахмурилась, как будто признание в своей слабости пристыдило ее. — Не могу, если ты... не остановишь их. — Она отступила еще на несколько шагов. — Я чувствую, как звезды рвут меня. Разрывают мой разум на части.

— Я могу попытаться. — Яз подняла руку в качестве прелюдии к тому, чтобы протянуть свою силу. Но прежде чем она успела начать, она почувствовала перемену в звездной песне. Хор красных звезд тонул в регистрах, становясь глубоким, как стонущий лед, мрачным предчувствием, а затем внезапно дикость заразила их мелодию, делая ее более высокой, более резкой. В коридоре появилось новое чувство, которое Яз хорошо знала. Страх. На стенах начали появляться черные письмена, быстро начерченные невидимой рукой.

— Беги, — сказала Майя тихим голосом, словно ей не хватало смелости говорить громче.

В дальнем конце коридора одна из красных звезд погасла. Потом еще одна. И еще. И тьма поглотила пространство позади них.

Турин стоял в тени Хетты, глядя на ряды пленников, каждый из которых висел в железной упряжи, их пальцы ног едва касались земли. В каждой упряжи в том месте, где две металлические полосы пересекались над грудиной жертвы, была установлена красная звезда, вторая звезда, поменьше, горела в обруче на лбу. От этих полос черного железа под кожей в изобилии расходились провода, похожие на корни гриба. Совместный кровавый свет сотен звезд окрашивал комнату в жуткие оттенки.

— Я... я помню это место, — неуверенно пробормотала Хетта. — Звезды... и люди.

— Ты была здесь? — Турин посмотрел налево, потом направо вдоль толпы, пять рядов в глубину и десятки в длину. Если бы он был здесь раньше, у него не было бы никаких сомнений на этот счет.

— Я помню... — Хетта провела толстыми костяшками пальцев по лбу, достаточно сильно, чтобы оставить следы. — Упряжь была слишком мала. Я убежала. — Она начала шагать вдоль линии, вглядываясь в лица. — Некстор? — Хетта остановилась перед худощавым мужчиной с впалым лицом и глубоко посаженными глазами. — Некстор? — Теперь ее голос звучал менее уверенно.

— Ты его знаешь? — спросил Турин. Имя показалось знакомым.

— Когда я была маленькой...

Турин попытался представить себе Хетту маленькой девочкой, но не сумел.

— Он был добр ко мне. Мусорщик. Он делал игрушки из кусочков, которые находил под городом. — Хетта покачала головой. — Но сейчас он должен быть старым. Древним. — Она протянула руку, чтобы коснуться мужчины, осторожно, как будто он мог укусить.

Турин понимал ее нерешительность. Что-то здесь было не так. Что-то было не так с пленниками и их неподвижностью, с их открытыми глазами. Бабушка Турина всегда говорила, что чем дольше что-то спит, тем опаснее его будить. Здесь это казалось более правдивым, чем когда-либо прежде.

Турин медленно пошел вдоль линии. Часть его не хотела покидать геранта, хотя казалось нелепым оказаться в ситуации, когда оставаться рядом с Хеттой было безопасным вариантом. Проходя мимо, он изучал лица заключенных. Казалось разумным предположить, что все они были взяты из рядов Сломанных, поскольку им не хватало грубых, вылепленных ветром черт тех, кто жил на льду. Однако как их похитили и с какой целью, Турин понятия не имел.

Он обнаружил, что дрожит, глядя на каждое лицо, наполовину надеясь найти старого друга, наполовину боясь, что найдет. Неужели здесь все мертвы? Неужели жрецы Черной Скалы держат живых Сломанных подо льдом, а мертвых — в самом сердце горы? Найдет ли он своего отца здесь, в рядах потерянных? Узнает ли тот его? Скорее всего нет, и мысль об этом пугала его больше, чем поиски отца. А мать? Турин видел, как она умерла, разбив голову о скалу. Они поместили ее тело в помещение для трупов, где следующее поколение найдет урожай грибов с чешуйчато-серыми или коричневыми шляпками, который их накормит. Неужели жрецы каким-то образом похитили и ее?

Турин обнаружил, что его зрение затуманилось, и яростно вытер глаза. Он повернулся и крикнул Хетте:

— Как умер Некстор?

Хетта нахмурилась:

— Его поймал охотник. Некстор говорил, что этого никогда не случится. Он говорил, что является лучшим тень-работником на льду или под ним. Но в конце концов один из них до него добрался.

Турин пошел дальше, внимательно изучая каждое лицо. Мысль о том, что он может кого-то пропустить, начала преследовать его, и он поймал себя на том, что останавливается и вглядывается, рисуя старые воспоминания на чертах лица перед собой, пока не растерялся от слишком многих «может быть». Когда он в конце концов нашел кого-то, кого точно знал, поток узнавания перешел в облегчение, позволив ему снова быть уверенным в себе.

— Бекна. — Он произнес ее имя вслух. Она была ему как старшая сестра, одна из немногих рожденных в пещере, выживших среди Сломанных, на десять лет старше его, хунска, быстрее мысли. Он никогда не думал, что охотник поймает ее, ведь она бежала быстрее, чем брошенное копьё. Но один застал ее врасплох. Арка это видела. Существо просто высунулось из низкого вентиляционного отверстия и сомкнуло железный коготь вокруг ее лодыжки, прежде чем Бекна поняла, что оно там. Арка сказала, что охотник утащил ее прочь, и на этом все закончилось, осталось только пятно крови на камне, чтобы показать, что произошло. Чудовище сломало ей ногу. Арка сказала, что слышала, как та треснула.

Бекна перед Туринном была без всяких признаков повреждений. Прошедшие годы не оставили на ней никаких следов. Она висела там, как воспоминание, окровавленная в свете звезд, таких же красных, как те, что усеивали настоящие небеса. Он потянулся к ней, наполненный страхом, которому не мог дать названия. Он почти ожидал найти ее тело холодным: она не подавала признаков жизни, не моргала и не дышала, но вместо этого он вообще не нашел плоти. Его пальцы скользили по ее коже, как будто это был самый скользкий лед, не поддаваясь прикосновению и заменяя его движением. Как он ни старался, Турин не мог прикоснуться к ней. Даже вода, которая должна была наполнять ее плоть, лежала вне досягаемости его таланта.

Зато полосы, удерживающие Бекну, и обруч вокруг ее головы, *можно* было потрогать, и Турин начал прослеживать один из черных проводов, которые тянулись от обруча, чтобы укорениться под ее кожей.

— Может быть, мы могли бы... — Задача поглотила его. Его палец снова наткнулся на барьер, хотя проволока проходила сквозь него. Вместо этого он ухватился за обруч. — Может быть, если мы будем очень-очень осторожны...

Громкий лязг у его ног заставил его опустить взгляд. Обруч лежал на камне, в ореоле окровавленных проводов.

— Они легко снимаются. — Хетта схватила упряжь человека, стоявшего рядом с Бекной, и напрягла свои толстые руки, пытаясь разорвать ее. Теперь мужчина обмяк в упряжи, кровь стекала по его лицу из множества маленьких ран, где к нему был прикреплен обруч. — Это... Не... Так... Легко. — Хетта крикнула от усилия.

— Там должна быть защелка или что-то в этом роде. — Турин оттолкнул ее. — Позволь мне.

Хетта уступила свое место, тряся руками от боли, вызванной тем, что она тащила железо. Мгновение спустя Турин нашел то, что искал, и две полосы разомкнулись.

Ни Турин, ни Хетта не были достаточно быстры, чтобы поймать мужчину до того, как

он упал на пол, но Турин встал на его пути и сумел, по крайней мере, уменьшить удар.

— Боги во Льду, Хетта! — Турин перевернул мужчину на спину. Кровь создавала иллюзию, что его растерзал какой-то огромный зверь, но его глаза двигались, и он судорожно вздохнул. — Ты меня слышишь? Как тебя зовут?

— Время пришло? — Мужчина говорил со скрипом, как будто его горло было слишком узким, чтобы слова могли вырваться без усилий. — Время пришло? — Его глаза смотрели мимо Турина, сквозь него, исследуя какую-то сцену, которую мог видеть только он.

— Время для чего?

— Чтобы сражаться. — Мужчина улыбнулся, обнажив белые зубы на окровавленном лице. — Чтобы умирать.

— Мы здесь, чтобы спасти тебя, — сказал Турин, хотя эта мысль не приходила ему в голову до того момента, как он произнес ее. — Я — Турин из Сломанных. Мы можем отвезти тебя обратно в пещеры.

— Я помню... Я помню пещеры. — Голос мужчины стал слабее, его улыбка стала печальной. — Я помню.

— Мы можем забрать тебя обратно. — Турин попытался поднять мужчину. — Помоги мне, — он пнул Хетту, чтобы заставить ее двигаться.

Мужчина, все еще не видя их, повернул голову в одну сторону, потом в другую. И прошептал:

— Нет никакого назад. Уже нет. Я служу... служу...

Турин оставил попытки поднять человека на ноги:

— Служишь кому?

— ... Скрытому Богу... — Человек впал в бессознательное состояние, или, возможно, умер, его глаза сосредоточились на бесконечности, которая удерживала его, и замер.

— Он мертв? — прогрохотала сверху Хетта.

— Я не уверен. — Турин посмотрел на нее. — В любом случае, я не думаю, что просто оторвать эти штуки от их голов — лучший способ это сделать.

— Сделать что? — Хетта уставилась на распростертого мужчину, кончики ее верхних зубов уперлись в нижнюю губу. Она казалась потерянной, как будто снова соскальзывала в темный сон, который так долго держал ее.

— Спасти их. — Турин забеспокоился, что вид крови может пробудить старые аппетиты Хетты. Он понимал ее борьбу: хотя демоны правили им меньше года, их голоса все еще иногда эхом отдавались в нем. Он подозревал, что еще долго после того, как они уйдут, их яд будет задерживаться, время от времени подниматься, даже годы спустя, чтобы преследовать его спокойные моменты. — Спасти их и вернуть Сломанным.

Хетта покачала своей огромной головой:

— Посмотри на них. Их сотни. Как могут пещеры прокормить так много людей?

— Мы могли бы... — Движение в коридоре заставило Турина замолчать. Свет снаружи снова менялся, становясь краснее, словно окрашиваясь в тот же кровавый оттенок, который управлял толпой лишенных свободы вокруг него.

— Тварь, — прошипела Хетта. — Возвращается. — Она прижалась к стене рядом с дверью.

Турин присоединился к ней, прикрываясь ее телом. Но даже когда он затаил дыхание и прижался к камню, его взгляд вернулся к человеку, распростертому на полу под ремнями безопасности, с лужицей крови под головой.

Свет в коридоре изменился, становясь ярче, рассеивая тени. Шаги приблизились, остановившись в дверях. По движению света Турин понял, что Хетта права. Существо с горящими глазами вернулось за ними. С человеком на полу разоблачение было неизбежным. Мгновение спустя существо вошло в комнату.

Турин ожидал, что Хетта протянет руку и впечатает незваного гостя в стену, прежде чем тот поднимет тревогу, но вместо этого она с тихим стоном отшатнулась, чуть не раздавив его, подняв руки против какой-то невидимой атаки.

Вопрос на губах Турина замер, когда красный взгляд человека в дверном проеме пригвоздил его к месту. На мгновение Турин увидел лицо человека, достаточно обычное, но ставшее ужасным из-за багрового света, льющегося от звезд там, где должны были быть его глаза. Звездный свет заливал его плоть, даже рот светился изнутри, и когда его взгляд сфокусировался на Турине, он не оставил места для связных мыслей.

Голова Турина тут же наполнилась голосами, требовавших выполнить самые разные приказы. Из своего времени среди Запятнанных Турин знал, что значит быть одержимым демонами, и это было похоже, но по-другому. Он чувствовал линии, по которым ломался его разум.

Борись с этим, парень. Голос из темноты за его мыслями.

Что-то черное и тяжелое мелькнуло перед глазами Турина и послало его в полет. Удар Хетты бросил его через всю комнату. Он распластался у ног первого ряда заключенных. Он не знал, как долго лежал в оцепенении, но именно крик пробудил его. Турин перекатился на живот, сплевывая кровь, не уверенный, были ли крики его собственными или чьими-то еще.

Мгновение спустя Турину удалось сфокусировать зрение и найти Хетту. Она лежала, свернувшись в тугий клубок у входа, а творение жрецов смотрело на нее сверху вниз, свет его глаз окрашивал голову Хетты в алый цвет. Ее крики боли казались слишком пронзительными, чтобы исходить от такого большого тела.

Не раздумывая, Турин протянул руку и схватил нападавшего лед-силой. Что-то притупило его силу, сделав тело, которое он держал, похожим на три Хетты. Напрягая разум, Турину удалось сбить тварь с ног и швырнуть ее в потолок, прижав лицом к камню, как будто прибавив ее гвоздями. Все еще удерживая восходящую силу, Турин поднялся на ноги и, спотыкаясь, направился к двери.

— Пошли! — Он схватил Хетту за грязные волосы и попытался потащить ее за собой. С таким же успехом он мог бы попытаться утащить камень такого же размера. Боль, которая так и не покинула его череп после долгого подъема по льду, теперь вспыхнула снова. На потолке существо начало отталкиваться от камня, поворачивая голову, красный свет качнулся к ним обоим. — Быстрее! Я не смогу его удержать.

Со стоном Хетта поползла к двери, опустив голову. Она была слишком медленной. Существо ухитрилось извернуться, пока краешек его зрения не достиг их обоих. Шепот поднялся из глубины сознания Турина. Ужасные мысли того рода, которым ты никогда не позволяешь сформироваться, теперь получили свой собственный голос: эмоции, приобретающие отдельные личности; гнев, требующий, чтобы он напал; страх, воющий, чтобы он бежал. Прежде чем безумие смогло овладеть им и прежде чем его хватка на существе ослабла еще больше, Турину удалось сделать последнее усилие и швырнуть тварь обратно между рядами пленников. Тросы, на которых висели пленники, зацепили летящее тело, и существо болезненно опустилось между первым и вторым рядами, упав лицом вниз.

— Пошли! — Турин схватил Хетту за плечо и потащил ее дальше. Огромная герант

поднялась среди рваного шатра из ее шкур и мехов. Ее взгляд встретился с его без малейшего намека на узнавание, и на мгновение Турин был уверен, что она скрутит его голову с плеч. Но вместо этого она побежала, в ее глазах были смятение и ужас.

Турин на мгновение остановился, не зная, следовать ли за ней или идти в противоположном направлении. Тени закружились вокруг него, тени первого ряда, когда существо поднялось на ноги позади них. В это мгновение Турин увидел ее, висящую рядом с монстром с звезда-глазами.

— Куина? — Он произнес ее имя как вопрос, но у него не было никаких сомнений. Это была она, быстрая, острая Куина, бледно висящая в железной упряжи, звезда на лбу тянула черные провода под ее кожу.

Глаза монстра нашли его, ослепительно красные. Выругавшись, Турин повернулся и побежал, выбирая свой путь и преследуя страшного каннибала, который, несомненно, спас его рассудок — вероятно, ценой ее собственного.

Турин вздрогнул и проснулся, сбитый с толку окружением, сбитый с толку темнотой. Он пощупал вокруг себя, находя грубый камень со всех сторон. Черная Скала. Он вспомнил. Медленно, на четвереньках, он двинулся к выходу из тупикового туннеля, в котором решил отдохнуть. В пещере за туннелем шепот света от единственной далекой звезды давал ощущение пространства, не освещая ничего. В тепле пещеры росли грибы, достигая невиданных в ледовых пещерах Сломанных высоты и размеров. Это место напоминало старую шахту, из которой вынули все то, что здесь изначально искали.

Турин потерял голову в том месте, где ранее задел ей о низкую крышу туннеля. Он должен был знать лучше и не думать, что сможет поймать Хетту. В конце концов, ей каким-то образом удавалось год за годом прятаться в ледяных пещерах как от Сломанных, так и от Запятнанных. Как такой большой человек мог так хорошо прятаться, Турин не мог сказать. Возможно, кровь подарила ей еще какие-нибудь таланты, работающие на нее. Но ее скорость не была загадкой. Ее ноги были почти такими же длинными, как его тело.

Турин утолил жажду водой, сочившейся по одной из стен. Он догадывался, что жрецам не часто приходилось выслеживать незваных гостей или беглецов. Казалось, можно целыми днями бродить по туннелям горы, никого не видя, а без еды и воды эти дни скоро станут смертельным бременем. Турин нашел пещеру грибов, только отследив, при помощи своего вода-чувства, потоки внутри скалы. И даже тогда ему потребовалось много разочаровывающих часов, чтобы спуститься вниз, пока, наконец, он не нашел точку, где гора выпустила свою драгоценную струйку на открытое место. Турин предположил, что тепло, генерируемое звездами и горящим в комплексе углем, растопило лед выше и позволило обеспечить скромный запас питьевой воды — достаточный, чтобы грибы могли расти среди корней горы.

Потянувшись и зевнув, он прогнал часть сна из своего тела. Каким-то образом несколько часов сна сняли с его плеч тяжесть горы, хотя он чувствовал, что она возвращается с каждым всплывающим воспоминанием о недавних событиях. Ему нужно найти Яз. Остальные тоже будут здесь. Он поможет им всем, если сможет. Турин покачал головой, горько усмехнувшись. А сотни, удерживаемые в сиянии этих звезд? Спасет ли он и их? Вот это действительно гора, готовая раздавить его под неисчислимой массой обязательств и обязанностей. Чем все это кончится? Должен ли он спасти членов Сломанных, которых украли из ледяных пещер еще до рождения матери его матери? Хотят ли они вообще, чтобы из спасали? Человек, чей обруч сорвала Хетта, казалось, был счастлив служить Скрытому Богу жрецов. Было ли это его истинным желанием, или чем-то, что звезда в его обруче шептала ему так долго, что это стало частью его мыслей?

Турин сел на валун и стал рассеянно жевать коричневый гриб размером больше его ладони. В ледяных пещерах они были достаточно малы, чтобы поместиться в его ладони. Мадин всегда готовила из них восхитительное рагу, и Турин чувствовал его запах в этой темной комнате, возвращавший его домой, к единственной жизни, которую он когда-либо знал. Он мог просто уйти. Уйти и вернуться в пещеры.

Образ Яз вернулся к нему, как она выглядела, когда клетка тащила ее прочь, ее глаза смотрели на него. Он глубоко вздохнул. *Дом там, где сердце.* Эулар сказал ему это однажды,

много лет назад, и Турин никогда это не понимал, вплоть до этого мгновения. Он мог бы пережить долгое падение и вернуться в пещеры, к своему народу, но он оставит лучшую часть себя здесь, в Черной Скале. Жизнь будет заменена существованием. Погоня за счастьем заменится простым отсчетом оставшихся дней. Яз была незаконченной песней, и он хотел услышать больше.

Турин пошел к далекой звезде с осторожностью слепца, вглядываясь в темноту перед собой в поисках любого намека на препятствия или ямы. Что-то привлекло его внимание; что-то большее, чем просто зрение, повернуло его голову к стустку тьмы слева от него. Холодный страх наполнил его, внезапный ужас от осознания того, что ты не один в месте, где ты расслабился, где ты спал.

— Хетта? — Он двинулся к фигуре у стены, вытянув руки, руки дрожали.

Темнота возвращала только тишину и растущее чувство страха. Ноги Турина хотели, чтобы он бежал. Шаги, которые он делал по направлению к черной фигуре, становились все короче и медленнее.

Турин напомнил себе, что совсем недавно жил с демонами под кожей и обитал в нескончаемой ночи пещер Запятнанных. В последнее время он слишком часто убегал. Вместо этого он заставил себя действовать вопреки всем инстинктам. Фигура была большой, возможно, человеческой... Казалось, она сидела. Однако вода-чувство Турина ничего не обнаружило — ни крови, ни пота, ни слез. Пальцы неохотно двинулись вперед, наполовину ожидая, что чернота укусит их. Они обнаружили холодный камень, но имеющий форму тела. Статую, какую иногда делают лед-работники, но вылепленную из самой скалы.

Турин ощупал статую. Чувство облегчения, которое должно было охватить его, не смогло этого сделать. Каким-то образом его страх продолжал цепляться за него, несмотря на то, что кошмарные монстры, которых он представлял, оказались просто камнем. Вещь казалась наполовину законченной, только частично вырезанной из стены. Человек сидел, скрестив ноги и положив руки на колени, ладонями вверх. Если бы он стоял, то был бы выше Хетты. Турину пришлось потянуться, чтобы найти его лицо.

Все время, пока он рассматривал статую, Турину казалось, что он знает имя того, кто сидит перед ним, он напрягал память и имя танцевало прямо на кончиках пальцев. Он чувствовал, что в следующее мгновение сможет открыть рот и произнести это. Но наступало следующее мгновение, и имя все еще ускользало от него.

Когда его пальцы двинулись выше, гладкий камень стал грубым и зазубренным, словно кто-то изрубил его мечом, чтобы испортить работу. Больше всего повреждений было на лице. На месте глаз остались только большие раны, изрезанные то так, то эдак. Имя росло у него во рту, все еще незнакомое его разуму, но желавшее сорваться с языка.

Турин отступил, дрожа, не доверяя каменной фигуре, оставшейся на месте. Почему-то статуя нервировала его больше, чем если бы это был старый труп.

— Аргес. — Имя само собой вылетело изо рта Турина.

Где-то позади него вспыхнул яркий зеленый свет, отбрасывая тень Турина на статую, возвышающуюся перед ним.

— Не говори.

— Это.

— Имя. — Три голоса, одно сообщение.

Страх должен был сжать челюсть Турина, даже если бы он не пытался проглотить это слово. Но оно все равно сорвалось с языка:

— Аргес.

— Еще раз, — предупредил человек позади него.

— И, — сказал следующий.

— Он придет.

Турин зажал рот обеими руками и, пошатываясь, отошел от статуи. Он повернулся к зеленому огоньку, который загорелся у него за спиной.

Прищурившись, он разглядел силуэты трех человек, один из которых был с горящим зеленым глазом. Он опустил руки, и из него вырвалось ругательство. Еще один из разрушителей разума, от которых они с Хеттой сбежали. Он побежал к выходу, старая привычка заставляла его по возможности избегать наступать на грибы.

— Что он делает?

— Убегает.

— От нас?

Женские голоса, надтреснутые от возраста. Что-то в них заставило Турина заколебаться. Он остановился в арке, через которую вошел в пещеру несколько часов назад. Его остановил их удивленный тон. Он оказался под единственной звездой в клетке и медленно повернулся. Среди Сломанных было трудно состариться, поэтому любой, кому это удавалось, заслуживал определенной степени почитания. Возможно, это уважение помогло Турину остаться там.

— Выйдите на свет, — в ответ крикнул он.

— У нас есть свой, — ответила одна из троицы, но они все равно вышли вперед, двигаясь осторожно, как это делали старики, возможно, наученные возрастом, или, возможно, они родились с этим, и эта осторожность позволила им пережить годы. Первая, скрытая сиянием ее одного пылающего глаза, повернулась, чтобы осветить двух других, которые следовали за ней, каждая держалась за предыдущую, как слепая. Зеленый свет делал их странными, как будто они могли быть существами из другого мира, но на самом деле это были старухи в рваных шкурах, костлявые, угловатые тела, морщинистые лица, обрамленные растрепанными прядями длинных седых волос.

— Ты — новый. — У старухи, ведущей остальных, был один звезда-глаз и одна пустая глазница, заполненная тенью. Две другие женщины были безглазыми. Турин рос рядом с Эуларом, так что это зрелище не столько нервировало его, сколько озадачивало. — Совсем новый.

— Откуда вы знаете? — Это было все, что он мог сказать.

Три женщины рассмеялись треснутыми голосами, как будто он пошутил.

— Здесь нет никого настолько глупого, чтобы связываться со статуей Скрытого Бога. — Первая из старух прищурилась. — И кроме того... — Зеленый свет потемнел и превратился в фиолетовый. — У тебя есть талант... — Свет покалывал его кожу. — ...марджал... искусный во льду и огне... — Она нахмурилась. — Есть е...

— Дай посмотреть! — Вторая женщина мгновенно вцепилась в лицо говорившей, и, к ужасу Турина, зеленый глаз оказался в ее руках. Турин сделал шаг назад, его желудок скрутило. Он попытался напомнить себе, что это была звезда, а не глазное яблоко. — А! — Она засунула звезду в правую глазницу и уставилась на него, как будто теперь могла видеть. — Дай мне зуб! Дай мне зуб! — Она выхватила нож из руки первой женщины, клинок, который Турин не заметил в темноте. Турин узнал тип оружия по описанию Яз, которая потеряла такое, сражаясь с Хеттой: зуб кинжал-рыбы.

— Кто вы такие? — изумленно спросил Турин.

— Нас называют Серыми Сестрами. — Она поклонилась. — И никак иначе. — Женщина рассмеялась, словно отпустила шутку, и две ее слепые сестры захихикали вместе с ней. В их веселье было то дикое качество, которое может исходить от поедания слишком большого количества грибов с серебристыми шляпками, тип смеха, который в одном шаге от того, чтобы никогда не останавливаться, в одном шаге от безумия.

— Дети Богов в Море, — выдавила первая.

— Мы видели золотые города и поднялись из них из-под льда...

— Как пузыри!

Они подошли к нему, и Турин отступил назад, не сводя глаз с ножа. Он держал руки вытянутыми, ладонями вниз, с растопыренными пальцами, умиротворяюще:

— Я как раз... уходил.

— Останься, — сказала сестра с глазом. — У нас так мало посетителей.

— Я... э-э... я должен найти своих друзей. — Турин рискнул оглянуться, проверяя вход.

— Они у жрецов, — сказала третья сестра. — А жрецы хранят то, что у них есть. Те, кого привозят сюда, присоединяются к статуям или работают в шахте. Отсюда никуда не деться, мальчик. Только остаться.

— Он ищет девушку, — сказала сестра с глазом. Если не считать глаза, трудно было отличить одну от другой — возможно, тройняшки. — Особенную девушку.

— Он люююююююююбит ее, — пропела последняя из них.

— Он прилетел сюда, — сказала первая.

— На крыльях любви. — Сестра с глазом и зубом хихикнула.

— Вы видели Яз? — Турин обнаружил, что разрывается между поспешным отрицанием и изумлением. — Откуда вы узнали, что я летаю?

— Агатта видит все, — сказала одна из сестер без глаза. — То, что прошло.

— То, что есть. — Средняя сестра прищурила зеленый глаз.

— И то, что будет, — закончила последняя сестра.

Турин нахмурился:

— Вы видите *все*... И прячетесь в этой сырой пещере?

Последняя сестра протянула руку и выхватила глаз у сестры. Она надменно фыркнула:

— Это должно кое-что сказать тебе о состоянии мира, юный Турин. Где еще нам быть? У нас есть тепло, еда и вода.

Турин открыл было рот, чтобы ответить, но передумал. Он видел лед.

— А как насчет зеленого мира? — Яз так часто говорила об этом, и ее видение было подобно огню, возле которого он мог согреться, но он не мог войти в него, как не мог войти в пламя. Его воображение не могло представить, на что это может быть похоже. Даже когда камень вокруг него был окрашен в зеленый цвет светом ведьминога глаза. — Зеленый мир действительно существует, не так ли?

— Он был. — Последняя сестра наблюдала за ним.

— Он есть, — сказала вторая. — Всего лишь узкая полоска.

— Его не будет, — нараспев произнесла третья. — Все умирает. Даже миры. Даже время умирает, если ты дашь ему достаточно времени.

Турин покачал головой, чтобы избавиться от замешательства. У него не было времени на эти загадки, даже если они не были бредом сломленных умов, которыми они, вероятно, были:

— Если вы все знаете, то где мои друзья?

— Агагта не все знает — она все *видит*. Есть разница. Большая разница, — сказала слепая впереди.

— Но мы знаем, где твои друзья, — сказала сестра с глазом. — Но тебе не удастся помочь им, даже чуть-чуть, если ты не задашь правильные вопросы.

— И какие вопросы правильные? — спросил Турин.

— Это был не один из них. — Ее глаз сузился, свет стал более интенсивным. Из разума Турина начали подниматься шепотки, как поднимается пар, когда вода нагревается.

— Вы похожи на другого, — пробормотал Турин. — Но у него были красные глаза, и они жалили сильнее.

— Это Разрушители. Скрытый Бог заставляет их служить его интересам. Точно так же, как он был создан, чтобы служить чужим интересам. Всегда есть рыба покрупнее. Мы, обитатели моря, знаем эту мудрость.

— А кто вас создал? — Шепот из глубины его сознания достиг губ, минуя осторожность и вежливость.

— Боги в...

— Я никогда не видел моря. До сегодняшнего дня я никогда не видел неба. Эти боги — не мои боги. И во льду мы говорим, что обычно очевидный ответ — правильный. — Турин стиснул зубы от сбивающего с толку узкого взгляда зеленого глаза женщины и потянулся своим вода-чувством, нежно сжав всех трех сестер. — До сегодняшнего дня я встречал только одного человека без глаз, и он не использовал звезды, чтобы видеть. Поэтому я думаю, что, если Скрытый Бог создал Разрушителей, разве не он создал вас?

— Мы знали, что ты можешь задать правильный вопрос. — Женщина с глазом отвернулась.

Две других схватили друг друга за лохмотья и последовали за ней, когда та пошла.

— Идем, — позвала последняя из них.

Турин крепко сжал лоб обеими руками, пытаюсь собраться с мыслями.

— Подождите! — Он поспешил за ними. — Вы действительно знаете все? Я имею в виду, вы видели все это?

— Да. — Первая сестра скользнула в трещину, которая расколола грубо высеченную стену пещеры, древний дефект в горе, который, должно быть, предшествовал человеческим раскопкам и, скорее всего, их прибытию на Абет.

Они повели его по тому, что казалось естественными проходами в скале, вырезанными древними водами, две слепые сестры находили свой путь на ощупь с уверенностью, которая говорила о годах, проведенных в путешествиях туда и обратно. Их путь вел еще глубже, единственным источником света было изумрудное сияние единственного глаза сестер.

— Куда мы ид...

— Неправильный вопрос.

— Почему мы...

— Лучше, — сказала сестра, шедшая прямо перед ним. — Но «почему» — для нас это трудный вопрос. Когда ты видишь, что будет, нет никаких ответов на «почему», кроме «потому что». Все — это очень много, на него трудно смотреть. Его невозможно удержать в одном уме. Оно разрушает наши мысли. Он крадет амбиции и желания. Видеть все — значит стать его частью. Как гора, лед или ветер.

Турин увидел в зеленом свете бахрому каменных копий, свисающих с потолка пещеры впереди, как зубы в жадной пасти. Это зрелище отвлекло его от многих других вопросов, и

некоторое время он мог только восхищаться подземными чудесами, окружавшими их. Скала, казалось, расплавилась, а затем снова замерзла, превратившись в чудесные плавные формы, похожие на пещеру сосуллек, но со льдом, замененным камнем и искрившимся слабыми радужными цветами.

Еще глубже, и Турин начал ощущать странную закономерность вокруг себя, плоские поверхности и острые углы, замаскированные текучим камнем:

— Мы в городе Пропавших!

— Да, — согласилась шедшая впереди сестра, бросив на него зеленый взгляд. — Как, по-твоему, охотники возвращают свою добычу?

— Я... — Турин обнаружил, что его ноги перестали двигаться. — Но... — Мысль о том, что мир всегда лежал в пределах досягаемости, ошеломила его. В одном предложении старуха заменила непроходимые мили льда походом через подземный город, который мог совершить любой компетентный мусорщик. Она разрушила ложь об изоляции Сломанных, о падении, которое нельзя было обратить вспять. Турина охватило головокружение, которое раньше он испытывал только на краю высокого обрыва.

— Идем, — рявкнула ближайшая к нему сестра. — Ты упадешь в обморок не здесь. Это будет позже.

Вскоре они достигли районов города, не тронутых водой и показывающих те же чистые линии, которые Турин видел в изделиях Пропавших. Дюжина комнат и проходов вдоль древнего потока, прорезавшего одну из комнат Пропавших, покрыли одну из стен текучим камнем, окаймив потолок каменными сосульками. Что-то лязгнуло, когда свет сестер протянулся вперед. Странная вещь из тусклого металла, грубая, покрытая железом форма, похожая на развернутый куб с толстыми бронированными ногами и клиновидной головой. Казалось, она пыталась пробиться к ним, но текучий камень окружил ее заднюю половину, пригвоздив к месту.

— Это охотник? — Турин так не думал. Для начала она была меньше охотника, и из ее суставов не сочился звездный свет.

— Сломанная вещь, — сказала ближайшая сестра.

— Техническое обслуживание, — сказала следующая.

— Теперь потерявшаяся собака, — добавила та, что с глазом. — Как и многие вещи, которые Пропавшие оставили после себя, эта не знает, что с собой делать.

Они оставили ее, скребущуюся в темноте позади себя, хотя по причинам, которые он не мог объяснить, Турин почувствовал сильное желание вернуться и освободить существо. Его преданность тем задачам, которые ставили перед ним отсутствующие хозяева, охватывала столетия, даже тысячелетия. Быть брошенным в ловушку и бесполезным казалось жестокой наградой за его службу.

Они шли молча, спускались по лестницам, проходили через бесконечные гулкие пустые комнаты. Пыльные коридоры тонули в тишине, которая поглощала топот их шагов и ничего не возвращала. Турин уже собирался снова спросить, куда его ведут, когда в следующей комнате показалось то, ради чего они сюда пришли. Свет сестры выхватил линии большого отдельно стоящего круга. Железное кольцо, достаточно высокое, чтобы Хетта могла пройти через него, не сгибаясь, хотя ее волосы могли коснуться верхнего изгиба. Единственный глаз сестер, казалось, становился ярче по мере их приближения, свет зеленой звезды лился в глубоко вырезанные руны по периметру кольца и заставлял их светиться.

— Что это? — Турин с благоговением посмотрел на кольцо.

— Туман-врата.

Любопытно, что по краям зал был густо залит грязью, хотя вода-чувство Турина не обнаружило ни ручьев, ни даже намек на воду в течение последней части их путешествия. И все же то тут, то там мутная вода собиралась в лужи вдоль древних шрамов на литом камне пола.

— Давным-давно я пришла сюда, преследуя беглецов. — Первая сестра повернулась, ее глаз теперь сверкал, слишком свирепо, чтобы смотреть на нее. — Я была Разрушителем, в плену у Скрытого Бога, он забрал мои глаза и заменил их звездами, которые управляли моим разумом. Я ничего не знала о вратах.

К замешательству Турина, женщина вынула глаз из головы и протянула его к кольцу. Звезда вспыхнула еще ярче, и изломанные лучи света с треском ударили из нее в периметр кольца, яркие точки контакта затанцевали на рунах. Все пространство, окруженное кольцом, замерцало, как поверхность бассейна, давая искаженные проблески мира по ту сторону:

— Со звездами, которые запятнал Скрытый Бог, врата поступили... не слишком нежно. Только этот глаз пережил столкновение, и, будучи очищенным, он очистил и меня. Агатта родилась заново, размножилась, получила новое зрение и странные мысли.

Турин заслонил глаза от яркого света, пока сестра не отступила и не вернула глаз в глазницу:

— Ты назвала эту штуку туман-врата? Это дверь? Куда она ведет?

— В любое место, — сказала одна из слепых сестер.

— В любое время, — сказала другая.

— Эти врата дали нам зрение, которое позволяет нам видеть любое место и любое время, — сказала сестра с глазом, — хотя одному глазу действительно не хватает определенной глубины восприятия... поэтому иногда трудно судить о порядке, в котором все происходит.

— Когда-нибудь мне вернут мои старые глаза, — сказала одна из слепых сестер. — Но не сейчас. Давным-давно.

Турин напомнил себе, что старухи — сумасшедшие, и к ним нельзя относиться слишком серьезно. Он держался на расстоянии от кольца, чувствуя себя неловко в его присутствии. Мерцающий центр растаял, но волосы на его руках все еще стояли дыбом. Безумные старухи тоже нервировали его своими разговорами о видении будущего и прошлого, а также быстрым движением ножа из зуба кинжал-рыбы, которым обменивались взад и вперед узловатые руки. Он знал, что долгий спуск был не только для того, чтобы показать ему то, что можно было объяснить в пещере грибов. И так как они, казалось, ждали вопроса, он задал его:

— Почему вы привели меня сюда?

— Потому что мы это видели, — улыбка другой слепой сестры обнажила пожелтевшие зубы и темные щели. — В этом нет никакого «почему». Мальчик открывает кольцо. Мальчик проходит.

— Какой мальчик? — спросила та, что с глазом.

— Ее мальчик, — сказала последняя.

Все три кивнули.

Та, у которой был глаз, указала на заднюю стену, где находилась теперь освещенная ниша. Там горела большая одинокая звезда, золотая, с медленным водоворотом теней, пересекающих ее поверхность:

— Это ключ. Мы потратили много времени на то, чтобы она доставила тебя туда, куда тебе нужно идти. Эти искусства утеряны, так что хорошенько береги ее.

Турин покачал головой.

— Я не собираюсь проходить через это. Я пришел, чтобы найти Яз. Она где-то там, наверху. — Он указал, хотя только одна из его слушательниц могла видеть этот жест. — Вы говорите, что все видите, значит, вы должны знать, где она.

— Она на самом верху. — Единственный зеленый глаз уставился на Турина, снимая слои его мыслей. — Хотя ты, один из всех людей, должен знать, каково это, когда приходишь к ведьмам за пророчеством.

Вспыхнул свет, и изумрудная вспышка похитила его зрение вместе со всеми ощущениями верха, низа и течения времени. Только вопрос задержался... *Я, из всех людей?*

Турин проснулся и обнаружил, что он один в комнате, лежит, растянувшись на спине

перед стоящим кольцом. Колеблющееся золотое сияние подсказало ему, что безумные сестры оставили звезду в алькове зажженной для него. Ключ, так они ее называли. Грязный пол хлопнул под ним, когда он попытался перекатиться на бок.

Он сел и обхватил голову грязными руками, пытаясь собраться с мыслями и заделать трещины, оставленные пристальным взглядом зеленого глаза. Он медленно поднялся на ноги, ожидая в любой момент всплеска боли, предупреждающего о какой-то травме, но обнаружил, что цел и невредим.

— Ха. — Турин фыркнул и повернулся спиной к воротам. Он не собирался проходить через них, и то, что ему сказали, будто он это сделает, только укрепило его решимость этого не делать. Видеть будущее — это замечательно, но если ты потом расскажешь об этом людям, ты вряд ли можешь ожидать, что все будет развиваться так, как было предсказано. Не оглядываясь, Турин пошел по коридору, который привел его в комнату. Даже если он потерял ориентацию и направление, впереди было три пары грязных следов.

Примерно через пятьдесят ярдов свет стал слишком тусклым, чтобы дать хотя бы смутное представление об окружающем проходе, не говоря уже о том, чтобы различить все более слабые следы, оставленные уходящими сестрами. Турин, спотыкаясь, прошел еще пятьдесят ярдов, запинаясь о разбитый камень, царапая колени при падении, и, наконец, добрался до перекрестка с тремя путями, который совершенно не помнил. За время, проведенное с Запятнанными, он понял, что проходы, открываемые при прикосновениях, могут нарисовать в уме картину, отличную от той, которую дает глаз. Ему не потребовалось много времени, чтобы прийти к выводу, что без света у него нет возможности вернуться по своим следам. Даже со светом он не был в этом уверен. Долгий путь, и он верил, что сестры проводят его обратно, как только откроют свои секреты. Глупое доверие. Со вздохом он отправился обратно в комнату, чтобы забрать звезду.

Турин пересек комнату, стараясь не попадать в грязь. Кольцо отбрасывало на стену и потолок тень, похожую на искаженный круг. Ее он тоже обошел. Турин был уверен, что ничего не случится, если он пройдет через пустые ворота, но все равно обошел и их. Даже со звездой казалось маловероятным, что кольцо может вести куда-либо, кроме как с одной стороны на другую. Но если это действительно так, то что оно здесь делает?

Свет звезды заставил его прищуриться, прежде чем он прошел половину пути до его источника. Еще ближе, и ему пришлось смотреть на нее сквозь щели между пальцами поднятой руки. Звезда была больше, чем глаз сестер, больше, чем кулак, больше, чем любая звезда, которую он видел, за исключением, возможно, алых сердец, которые Яз вырывала у охотников. На расстоянии пяти ярдов она разбудила шепот в глубине его сознания. Еще через пару ярдов кожу закололо, разум наполнился бессловесным ревом. Еще ближе, и в его черепе расцвело ужасающее безумие.

Турин попятился, обнаружив, что весь в поту, сердце колотится, он хрипло дышит. Нести звезду с собой было невозможно. Он отдохнул, согнувшись и положив руки на колени, потом поднял голову и посмотрел на ворота. Он спросил себя, видели ли сестры, сколько времени он просидит здесь, пока не поймет, что туман-врата — единственный выход отсюда. Если он заупрямится, то неосвещенный город увидит, как он блуждает по нему вслепую, пока голод не принесет ему медленную смерть, но, скорее всего, он заблудится, споткнется и невидимое падение предложит ему более быстрый выход.

Турин вернулся к кольцу, проведя рукой по глубоко вырезанным символам по его краю. Он уже видел их родственников раньше, светящихся на стенах подземного города, письма

Пропавших. У Сломанных не было письменности, но он слышал от тех, кто жил на льду, что жрецы Черной Скалы могли уловить смысл в этих рунах, даже целые истории. Письмена Пропавших были больше, чем рассказами. Они говорили с тобой, умудряясь передавать эмоции и команды за барьер перевода. Символы под его пальцами, однако, молчали, прикусив языки, выжидая своего часа.

Турин вздохнул и посмотрел на отбрасываемую им тень, черную башню среди золотого света, окрашивающего противоположную стену. Даже если бы он захотел открыть ворота, было неясно, как это можно сделать. Турин ничего не знал о ключах, кроме того, что они, как говорили, открывают или закрывают вещи. Он никогда не встречал никого, кто хотя бы видел ключ, но каким-то образом идея сохранилась, застряв в языке кланов. Казалось логичным, что ему придется принести ключ к тому, что нужно открыть. В данном случае это означало бы принести звезду к воротам.

Звезда продолжала гореть, медленное движение теней по ее поверхности меняло свет. Турин собрался с духом для второго подхода. Возможно, если он побежит... Он покачал головой. С таким же успехом он мог бы попытаться выхватить расплавленный металл из кузнечного горшка, просто будучи быстрым. Ни одна часть его тела не позволит ему даже приблизиться к звезде.

Он прошелся по комнате, лихорадочно размышляя. Не раз он кричал вслед ушедшим сестрам, что они, по крайней мере, могли бы сказать ему, как открыть ворота.

Наконец, измученный, он присел на корточки возле одной из грязных луж и подумал, достаточно ли велика его жажда, чтобы пить такую воду. Лужа вообще его смущала. Он не чувствовал, как вода просачивается со стен, и откуда могла взяться грязь? В ледяные пещеры Сломанных грязь попадала только от разлагающихся грибов и отходов, на которых они росли. Но здесь он не видел ничего подобного.

Под небом из тающего льда Турину никогда не приходилось бороться с жаждой. И ему это совсем не нравилось. Язык казался неестественно шершавым на сухой внутренней стороне щек. Он кинул кислый взгляд на грязную лужу. Возможно, ему удастся убедить воду отказаться от мрака. Он слегка напряг свой вода-талант и поднял колышущийся шар воды размером с два кулака, сложенные вместе. Эксперименты в прошлом показали, что лучший способ — быстро вращать шар.

Внутри вращающегося шара грязь быстро начала перераспределяться, концентрируясь вокруг экватора черной полосой, в то время как вода за ней начала очищаться. Осуществление необходимого уровня контроля было утомительным, но с яростной концентрацией Турин позволил черной воде улететь, в то время как он поддерживал сплоченность центральной массы.

После нескольких минут усилий шар стал немного меньше, а вода — намного чище. Турин остановил его вращение и направил воду к своему пересохшему рту. Первый усик достиг его губ, и он уже собирался выпить, когда что-то в том, как золотистый свет пробивался сквозь массу, навело его на новую мысль.

Турин направил шар воды в нишу, где покоилась звезда. Он уже хмурился. В его плане не хватало одной детали. Даже когда он обернул воду вокруг звезды новой кожей толщиной в дюйм, он знал, что не сможет удержать хватку. Если он поднимет воду, звезда утонет в ней и останется там, где была.

Вся пещера теперь покрылась рябью, словно в море, на глубине многих фатомов, зажегся золотисто-белый свет чужого солнца, горевшего за движущимися облаками. Турин

почти ожидал увидеть странных рыб, плывущих по соседним туннелям, чтобы обогнуть кольцо-ворота. Яз знала о рыбах; она могла представить их лучше, чем те жалкие фантазии, которые он составил, глядя на черных безглазых существ, плавающих в ручьях Сломанных.

Почему-то мысли о Яз заставили Турина подумать о льде, словно девушка всегда будет его частью. И это дало ему последнюю, самую трудную часть его решения. Он сосредоточил весь свой талант работы со льдом на шаре воды, содержащем звезду. Он видел стоячие озера, вырезанные прошлыми поколениями Сломанных, где вода может превратиться в лед в течение нескольких мгновений, изменить состояния под действием какого-то небольшого возмущения, фокуса, вокруг которого и происходит изменение. Сейчас ему нужно, чтобы вода замерзла, изменила свое состояние, чтобы каждая часть бурлящей жидкости соединилась со своими соседями и плотно сомкнулась. Ему нужно, чтобы тепло, предотвращающее этот переход, ушло.

Необходимая манипуляция оказалась довольно похожей на попытку продеть сухожилие через игольное ушко, стоя на одной ноге... и подвергаясь нападению запятого геранта. Турин стоял так близко, как только мог, протянув одну руку к звезде, а другую прижав ко лбу, чтобы остановить ускользающие мысли. Годы лед-работы дали ему инстинктивное понимание разницы между льдом и водой на гораздо более глубоком уровне, чем можно получить от осязания и зрения. Каким-то образом ему нужно было разрушить барьер между ними, заставить одно стать другим.

Прошел час, может быть, три. Шип боли вернулся, вонзившись между глаз Турина. Он чувствовал себя на грани успеха, но почему-то тот никак не проявлялся, как забытое имя, щекочущее кончик языка, но отказывающееся быть произнесенным.

Он утолил жажду мутной водой и продолжал давить на проблему, в то время как его желудок урчал от голода.

Какой-то звук вывел его из транса. Отдаленное легкое скольжение, где-то в темном коридоре, по которому он пытался следовать за сестрами. Звук, а затем тишина. Звезда сбросила свой водяной плащ, когда концентрация Турина ослабла. Он посмотрел в ту сторону, откуда доносился шум. Сначала он подумал, что это, может быть, сестры возвращаются, чтобы сжалиться над ним, но коридор оставался темным, без проблеска их необычного зеленого глаза. Звук, а затем тишина, в месте, где ни один звук никогда не должен игнорироваться.

— Эй? — Слово покинуло его и исчезло в непроницаемой темноте.

Он попытался взять себя в руки. Неожиданный шум выбил его из колеи. Он не хотел оставаться в одиночестве, но теперь, когда оказалось, что он не один, одиночество вдруг показалось ему чем-то хорошим.

Турин все еще нервно вглядывался в темный проход, когда на него напали сзади. Единственное предупреждение, которое он всегда получал, когда большие массы приходили в движение, — что-то кольнуло его лед-чувство. Зрение и слух ничего ему не дали. Он бросился вперед, и удар прошел над его головой.

Хетта набросилась на него, теперь уже ревя, пытаясь выбить из него жизнь. Турин катался туда-сюда, отталкиваясь своей лед-работой, отклоняя ее ноги так, чтобы они ударили в нескольких дюймах от его головы, а не размазали ее по каменному полу.

— Хетта! Это я! Остановись!

Но лицо женщины снова было испачкано демоническими пятнами, в ее глазах не было узнавания. Турин мысленно оттолкнул ее и вскочил на ноги, когда она резко остановилась.

Хетта стиснула острые зубы, растянув окровавленные губы, и снова сделала выпад. Турин потянул кровь, текущую по каждой ее части, и сравнялся с ее силой, как только ее пальцы коснулись его плеча. Кряхтя от усилия, он потащил ее обратно через комнату, ее ноги скользили по грязи. Однако белая невыносимая боль в голове сказала ему, что это было не то, что он мог продолжать делать.

Хетта была полна собственных демонов. Разрушитель разума, который преследовал их двоих из комнаты с замороженной армией, должно быть, сломал ее разум, отдельные фрагменты стали демонами, которые оседлали ее. И теперь она выследила его. Он мог убежать в темноту, но Хетта годами выживала на добыче, которую преследовала по черным туннелям. Турин обнаружил, что парализован невыразимым страхом, ужасом, который наполняет загнанное в угол животное. Хетта сокрушит его. Она убьет его здесь или там, в темноте, и ее острые зубы оторвут плоть от его костей. Он умрет в подземном городе, один, и Яз даже не узнает, что он приходил за ней.

Хетта оказала внезапное, неожиданное сопротивление, вонзив ногу в то место, где какая-то неизвестная сила оставила шрамы на полу. Она бросилась вперед с воем, от которого у него расслабился мочевой пузырь, и нырнула к его ногам. Несмотря на сопротивление его лед-работы, ее протянутая рука каким-то образом обхватила его голень. А затем, с непреодолимой силой, она начала тянуть его к себе, все еще воя, ее рот покрылся кровавой пеной.

В последние мгновения Турина на него снизошла удивительная ясность, вытеснив страх, шок, сожаление, заменив их все одной мыслью. *Открой ворота.* Сестры сказали, что он пройдет через них. И он не сможет этого сделать, если умрет здесь.

Он потянулся к воде, которая упала вокруг звезды, когда его концентрация нарушилась. Та лежала лужицей на неровной поверхности ниши. Подняв ее, чтобы поглотить звезду, он на мгновение задумался, на мгновение, которое приблизило его еще на пол-ярда ко рту Хетты.

Турину было нужно, чтобы вода стала льдом. Он нуждался в этом больше, чем в следующем вдохе или следующем ударе сердца. Земля скрипела под ним. Вторая рука Хетты нашла его бедро. Она подняла голову, широко раскрыв рот, с которого капала вода — теперь, когда она выиграла, она не торопилась. Пятна демонов под ее кожей образовывали воинственный узор из красного и черного, каждый из которых претендовал на половину ее лица, зоны, переплетающиеся вдоль водораздела, где они боролись за господство. Турин видел ее лишь наполовину. Его мысленный взор занимала раковина воды. Две зоны. Что-то щелкнуло глубоко в его мозгу; какой-то барьер на пути к пониманию сдался давлению. Он сделал две зоны, направляя тепло из самой дальней области воды в более близкую. Звезду накрыла оболочка, наполовину — лед, наполовину — более теплая вода.

Хетта притянула бедро Турина к своему разинутому рту. Он не сопротивлялся ей. Его сила была ничем по сравнению с ее. Вместо этого он швырнул звезду в ворота, дернув за лед, который теперь держал ее. То, как это могло ему помочь, больше не имело значения. Возможно, сестры видели, как он открыл ворота, а затем Хетта протащила туда его труп. Но он сделал все, что мог, и, если он должен умереть, то, по крайней мере, закончит свою жизнь достижением.

Звук открывающихся ворот был одновременно таким глубоким, высоким и громким, что челюсти Хетты захлопнулись от удивления всего в какой-то доле дюйма от мяса ноги Турина. Звук пульсировал сквозь скалу; он гудел в самых длинных костях Турина и скулил в

его ушах. Вид через ворота превратился в черную стену, намного темнее, чем коридоры, ведущие из пещеры. Он поглотил свет звезды до такой степени, что погрузил комнату в сплошную ночь. Последовавший за этим рев был, по сравнению с ревом Хетты, как ледяной ветер по сравнению с одним вдохом. И через долю удара сердца пространство заполнил бешеный поток воды, унося с собой все быстрее, чем падает камень.

— Квелла? — снова спросил Квелл, теряя охватившую его уверенность. Она, должно быть, еще один призрак его бреда. Как железный стол, превратившийся в собаку.

— Да, — ответила она, бросив взгляд на нож, воткнутый в его бок. — Ты — Икта. Ты меня знаешь?

— Это я! Квелл! — Он попытался сесть и снова потерпел неудачу.

Между ними возникло белое лицо с прожилками, темные глаза сузились от ярости.

— Ты все разрушил. — Жрец Валак махнул рукой на разрушения вокруг них, на полу были разбросаны яркие осколки старинной стеклянной посуды. — Ты глупый... невежественный... дикарь! Ты хоть представляешь, что ты здесь натворил?

— Это был не я, — прохрипел Квелл в знак протеста, желая рассказать о металлическом кубе, который открывался во что-то похожее на собаку. — Я...

Квелла оттолкнула жреца в сторону.

— Ты же видишь, он слишком слаб, чтобы ползти. Это сделал кто-то другой. А теперь дай мне немного пространства, иначе я не смогу его спасти. Он зашел довольно далеко. — Она согнула локти, отталкивая Валака еще дальше назад. Жрец дал рукам упасть, его внимание снова привлекли руины его коллекции.

— Квелла... — Квеллу удалось сжать ее руку своей. Их взгляды встретились. Ее глаза расширились.

— Квелл? Маленький Квелл? Мой Квелл? — Широкая улыбка. — Да?

Квелл кивнул. У него перехватило горло, он не мог вымолвить ни слова, ему было стыдно, что он почти забыл ее, стыдно, что она стала призраком, бродящим по краям его памяти.

— Теперь уже не такой уж маленький! — Она покачала головой. — Мой родной брат... К этому нужно привыкнуть! — Ее лицо стало серьезным, и она перенесла все свое внимание на нож. Тихий крик ужаса донесся до них с другого конца комнаты, где Валак сидел на корточках, просеивая обломки того, что не так давно было душераздирающе красивым и непостижимо старым произведением Пропавших.

— Как... — Квелл задохнулся, когда ее пальцы ощупали твердые мышцы вокруг раны. — Как ты здесь оказалась? И почти не изменилась?

— А, ну... Я много сплю. — Квелла слегка улыбнулась. Тепло распространилось от того места, где ее пальцы коснулись его плоти. — Они будят меня, когда я им нужна. Каждый раз я думаю, что началась война, но нет, это Валак сломал палец на ноге, Секва отморозила ухо или Мекка порезалась, готовя рыбу. — Пока она говорила, тепло под ее пальцами превратилось в покалывание, которое каким-то образом вызывало онемение, как холод, и дрожь, как огонь. Она положила руку на рукоять ножа, и Квелл поморщился, но скорее от предвкушения боли, чем от настоящей боли. — Все будет хорошо. — Теперь в ее улыбке было тепло, как в детстве, когда она брала его на руки и несла вдоль линии санок.

— Сестра... — Он почувствовал, как сталь уходит, но это было что-то далекое. Вместо боли он почувствовал любовь, незамысловатую любовь, которая протекает как подводное течение через семью. За режущей кромкой мышцу покалывало. Квеллу представил себе, что это ощущение того, как органы внутри сшиваются. Он надеялся, что это так. — Моя

сестра. — Казалось невозможным, что там, где связь Яз с ее братом увлекла ее в яму, его связь с сестрой превратилась в забвение. Но он был так молод, и воспоминания стали мифом, мечтой, которая преследовала его на протяжении многих лет.

Квелла отбросила клинок, позволив ему со звоном упасть на пол. Она прижала ладонь к ране.

— Какая война? — Когда из него вытащили нож, слова Квеллы вернулись в его сознание.

Хрустнуло стекло, когда Валак резко повернулся к ним, став бледнее, чем когда-либо прежде, хотя Квелл и не предполагал, что такое возможно:

— Не говори об этом!

Квелла нахмурилась.

— Квелл — Икта. — Она сказала это так, как будто это все объясняло. Так оно и было. У Икта не было секретов. Предательства и междоусобицы — роскошь, которую нельзя позволить себе на крайнем севере. Был только один враг, хотя он надевал много лиц: назови его голодом, назови его холодом, назови его ветром или льдом... или просто назови его севером. — Он присоединится к нам, когда мы отправимся на войну. Все Икта пойдут. — Она говорила с полной убежденностью, хотя Икта не воевали. Никто из их народа не умирал насильственной смертью в течение многих поколений. По крайней мере, надо льдом. — Мы собираемся захватить зеленые земли. По крайней мере столько, чтобы мы могли там жить, чтобы было место для охоты и рыбалки. Там тепло, Квелл. У них есть океаны, которые делают наши моря похожими на капли воды. У них есть животные, которые живут на земле. Там нет льда, только... зелень. Куда ни глянь, везде еда. Ты можешь просто протянуть руку и взять ее.

— Откуда ты все это знаешь?

Квелла улыбнулась, как будто он все еще был ее младшим братом, ребенком, задающим детские вопросы:

— Мы видим это во сне. Скрытый Бог показывает нам, что есть там, на юге.

— Но разве там уже не живут кланы? — спросил Квелл.

Квелла нахмурилась; она выглядела озадаченной, как будто пыталась уловить ускользающую мысль. Затем она просияла:

— Для этого и существует война.

— Ты убьешь, чтобы забрать то, что принадлежит им? — Квелл попытался сесть и обнаружил, что на этот раз действительно может. Бок все еще болел, но боль уже не была того калечащего типа, который требует повиновения. Теперь это было скорее сильно сформулированное предложение. — До последней встречи я никогда не встречал никого, кто верил бы в зеленый мир, а теперь, спустя несколько дней, ты ожидаешь, что я убью людей, которые там живут, чтобы занять их место?

Квелла встревоженно покачала головой:

— Это не убийство. Это война. Наши кланы должны жить, не так ли? Ты этого не видишь, но мы умираем. У Черной Скалы более долгая память. Жрецы ведут записи. Когда-то, не так давно, только старейшины клана могли наблюдать, как регулятор делает свою работу у Ямы Пропавших. Там не было места ни для кого, кроме старейшин. Теперь все мы можем поместиться на кольцах кратера.

— Это не путь Икта. — Квелл оглядел комнату и увидел, что Валак внимательно наблюдает за их разговором, держа в руках два зазубренных куска большой вазы.

— На севере выживают только сильные, — сказал жрец. — Разве это неправда?

Квелл пожал плечами:

— На севере мы все сильные.

Валак положил осколки на землю, его рука была в крови, и подошел к ним:

— Это работа льда. Он бросает нас друг на друга, и выживают только сильные. *Это* путь Икта.

Квелл ничего не ответил. Жрец говорил так, словно жил среди них, но, хотя время от времени он мог выходить на лед, жрец жил здесь, в тепле. Он знал об Икта не больше, чем человек, глядящий на волны, знает о морских глубинах.

— И скоро лед бросит нас на людей зеленых земель, и снова выживут сильные. — Валак кисло посмотрел на свою испачканную кровью руку. — Возвращайся к своему бдению, Квелла.

— Но... — лицо Квеллы вытянулось. — Квеллу нужно дополнительное лечение. Я могла бы остаться с ним на некоторое время.

— С ним все будет в порядке.

— Он мой брат. Разве я не могу...

— Возвращайся! — Валак повысил голос, и красная звезда на груди Квеллы пульсировала с каждым его словом.

Глаза Квеллы потеряли фокус, и, не ответив и не попрощавшись, она повернулась, чтобы уйти.

— Подожди! — Квеллу не хотелось терять ее во второй раз. Он попытался встать, но боль его победила.

Квелла ушла, даже не оглянувшись. Валак стоял, глядя на Квелла сверху вниз темными, непроницаемыми глазами:

— Как неудачно, что она так много тебе рассказала. Регулятор Казик надеялся, что ты сможешь вернуться к своему народу, но теперь это невозможно.

— Но я... — Квелл понял, как слабо прозвучит его обещание не говорить о войне жрецов. Его первым долгом было служить своему клану. Валак знал это. — Ты мог бы остановить ее!

В глазах Валака сверкнула злоба:

— Меня слишком отвлекли обломки моей коллекции. Этим вазам были тысячи лет. Может быть, десятки тысяч. Они были творчеством исчезнувшего народа, чьи руины затмевают наши...

— Что будет со мной? — Квелл поднялся на ноги, опираясь на стену, стиснув зубы от боли, обливаясь потом и тяжело дыша.

— Я пытаюсь решить, является ли подходящим наказанием то, что ты проведешь остаток своих дней, работая в угольных шахтах, или всем будет легче, если ты умрешь, пытаясь сбежать после своего разрушительного буйства. — Расцветающая ярость Валака заставляла дрожать его руки.

Квелл отступил на несколько шагов. Он не мог бежать и не будет умолять:

— Вон тот столик позади тебя. Железный куб. Он ожил и это сделал.

Валак оглянулся назад, словно действительно посмотрел:

— Эта вещь стояла там, когда мне дали эту комнату пятнадцать лет назад. Это кусок металла.

Квелл был почти склонен поверить жрецу. Тогда это казалось сном, а сейчас — тем

более:

— Зачем мне говорить такую ложь?

Валак скривил рот в рычании. Затем его лицо стало пустым, как будто все эмоции покинули его в одно мгновение, точно так же, как лицо Квеллы потеряло выражение, когда он приказал ей уйти. Квелл видел это раньше, затишье перед бурей, когда Яз высвобождала ужасную силу, к которой у нее был доступ. Валак закрыл глаза.

Три глухих удара эхом прокатились по Квеллу. Если бы они не сотрясали комнату, Квелл мог бы вообразить, что это стук его сердца. Их сопровождал громкий скребущий скрип, словно рушилась сама гора, и потолок тоже мог рухнуть в потоке разбитых камней.

Глаза Валака распахнулись, полные ужасного света, более яростного и менее доброго, чем у солнца. Если прикоснуться к нему сейчас, можно было бы сгореть — воздух вокруг него дрожал, волнуемый невидимым огнем. За спиной мужчины шевельнулась тень, и он вздрогнул, но не как человек, а как весь мир, когда его голова слишком сильно ударяется о лед. Он задрожал, как будто сила, которую он забрал, была слишком велика, чтобы он мог ее сдержать. Но, как и Яз, он уже начал овладевать ей. Скоро он будет делать с силой все, что захочет, и Квелл знал выбор жреца — он, Квелл, украсит собой дальнюю стену.

Квелл вверил свою сущность Богам в Море и выпрямился. Он умрет на ногах, как Икта непокорный до последнего.

Между вытянутыми пальцами Валака заплясали искры. И вдруг человек с испуганным криком упал навзничь. Священник рухнул на оба плеча, когда тупая железная голова собачьей твари появилась у него между ног, вскоре за ней последовало тело, неуклюже — но достаточно быстро — продвигавшееся вперед. Там, где оно касалось жреца, железная шкура собаки пылала красным жаром.

Крик Валака превратился в звук, который не должен был исходить из человеческого рта. Он продолжал дрожать, и искры превратились в потрескивающие змеи белой энергии, которые извивались вокруг него, обжигая все, к чему прикасались.

Металлическое существо продолжало двигаться, целясь в туннель, который вел наружу. Даже в глубине своего изумления Квелл чувствовал, что надвигается опасность. Прерывание явно заставило Валака потерять контроль, и что-то очень плохое должно произойти — и очень скоро.

Квелл решил, что, возможно, он все-таки сможет бежать, несмотря на заживающую рану. Он догнал неуклюжего пса в туннеле снаружи. Позади них свет становился все ярче и ярче, освещая путь впереди, отбрасывая их тени перед ними. Квелл бросился за угол в боковой проход. В то же мгновение позади него произошел взрыв. Квелл приземлился на здоровый бок, оглянулся и на мгновение увидел темную фигуру, которая, должно быть, была железным псом, пронесшимся мимо входа в проход среди вихря огня. Из-за угла показалось достаточно огня, чтобы омыть Квелла, когда он сложил руки перед лицом. Жар опалил его и погас сам собой.

— Боги в Море... — Его голос звучал отдаленно и приглушенно, соперничая с высоким звоном в обоих ушах. Квелл сел и хлопнул по тлеющим волосам обожженными руками. В воздухе пахло едкой сажей. Свет раскачивался то туда, то сюда, а звезды качались в своих железных клетках. Он потряхнул головой и, опираясь на стену, поднялся на ноги. Все еще ошеломленный, он посмотрел в коридор, гадая, куда, черт возьми, ему теперь идти.

Скребущий звук и тяжелый удар вернули его взгляд в угол, за который он бросился. В поле зрения появилась тупая собачья голова, которая слегка дымилась. Два темных и

серьезных глаза рассматривали его.

Квелл обдумал все варианты и в конце концов последовал за псом. По крайней мере, казалось, что тот знает, куда идет. На каждом перекрестке он покачивал головой и резко принюхивался через щели ноздрей. Затем, решившись, он продолжал путь, тяжело громыхая на четырех ногах с растопыренными пальцами. Квелл не знал, то ли пес просто вынюхивал жрецов и их слуг и избегал их, то ли комнаты под Черной Скалой действительно были настолько малонаселенными, но они шли без малейших препятствий. Дважды он слышал крики и топот бегущих ног, но никого не видел.

Пес вел его вперед и вниз, игнорируя редкие попытки заговорить с ним. Квелл не ожидал, что пес ответит ему, но Квинкс говорили со своими ездовыми собаками, и он почувствовал, что должен попытаться.

— У тебя есть имя? — Квелл хромал рядом с псом; разговор помогал ему отвлечься от острой пульсации в том месте, где только что был нож. — Нет? Может быть, тогда я должен дать его тебе. Как насчет Зокса? — Он был уверен, что слышал, как один из Квинкс называл своего ведущего пса Зоксом. Хотя он предположил, что это могла быть какая-то команда... — Немного потише. — Он прижал одну руку к боку. Это помогло, но не слишком сильно. — Квелла сказала бы мне не вставать целый день, не говоря уже о том, чтобы ходить, а вместо этого ты заставил меня бежать! — Квелл сменил руку, державшую его за бок. Боль усилилась. — Хотя, честно говоря, если бы ты этого не сделал, я бы сейчас был интересным пятном на стенах Валака.

Односторонний приглушенный разговор продолжался, пока они медленно продвигались мимо областей, которые, судя по более высокой плотности висящих звезд, видели больше приходов и уходов. Пес вел их по наклонным коридорам или с трудом спускался по длинным лестницам. Вырубленные в камне ступени часто были слишком малы для его ног, и время от времени он балансировал на их краю, как лавина, ожидая, что произойдет, прежде чем каким-то образом приходил в себя и возобновлял спуск.

Несколько раз они проходили мимо вертикальных шахт шириной с небольшую комнату, каждая с металлическими кабелями, свисающими посередине, которые спускались из темноты наверху в темноту внизу. Квелл решил, что они предназначены для подъема и спуска товаров или даже людей в клетках, таких же, как та, которая подняла их через лед. Пес, несмотря на то, что всегда шел, держа голову низко, на шахты почти не обращал внимания.

— Подожди. — Квеллу было больно, что он, Икта, просит остановиться, но ему нужно было отдохнуть. Он прислонился спиной к стене и соскользнул вниз.

Пес продолжал идти, и в момент ясности Квелл смог переоценить ситуацию. Он думал, что пес ведет его, но оказалось, что, вместо этого, он просто следовал за псом, а тот, в свою очередь, терпел, когда за ним следовали. Задница Квелла ударилась о каменный пол, и он смотрел, как пес тяжело бредет к следующему повороту туннеля.

— Тогда оставь меня! — крикнул он вслед Зоксу. — Знаешь, меня ударили ножом.

Пес неуклюже скрылась из виду.

— Они бы вылечили меня и отправили бы домой! — крикнул он в пустой туннель. — Только тебе приспичило прийти и все сломать.

Квелл захлопнул челюсть от дальнейших жалоб, стыдясь себя. Икта не скулили. Они терпели. Он прижал руку к ране и уставился на стену перед собой, тускло освещенную светом маленькой звезды в клетке в десяти ярдах от него.

Скрежет и глухой удар снова привлекли его внимание к повороту туннеля. В поле зрения появилась тупая металлическая голова и печально посмотрела на него.

— Значит, ты меня *ведешь*! — Квелл позволил себе улыбнуться. Южане всегда хвастались, что их собаки были преданными и умными. Этот, по крайней мере, казался преданным. Шаркая, пес вернулся к нему. — Хороший мальчик. — Квелл решил, что это мальчик. Пес склонил голову к раненому боку, и ставни на его ноздрях распахнулись. Он резко втянул носом воздух. Потом тяжело сел.

Сон овладел Квеллом, не спрашивая разрешения, подкрался к нему так же, как холод может подкрасться даже к самому бдительному из людей. Ему снились бесконечные льды и вечный ветер, как бывало часто, но Яз была рядом с ним, когда они шли в долгую ночь, и холод не имел над ним власти.

— Ч-что?.. — Квелл проснулся от настойчивого подталкивания собаки. Тяжелая металлическая голова перевернула его, осколок боли напомнил ему об отсутствующем ноже. Туннель казался каким-то дымным. Перекатившись на спину, Квелл увидел, что на самом деле дым был каменной пылью, сыпавшейся с потолка над ним. Резкий треск эхом разнесся взад и вперед, когда большая трещина распространилась с одной стороны скалистой крыши на другую.

Квелл с проклятием перекатился на живот и пополз прочь. Через несколько ударов сердца на то место, где он лежал, обрушился кусок камня. Потом еще один, потом еще, и вдруг вся крыша рухнула. Квелл продолжал ползти на четвереньках, когда его настигло черное облако пыли — катящаяся, вздымающаяся масса, пожиравшая свет. Он задержал дыхание и с упрямой решимостью пополз дальше.

Грохот и треск камней стихли, нарушаемые только стуком нескольких все еще падающих камней и тяжелым скрежетом и глухими ударами лап железной собаки, следовавшей за Квеллом по пятам. Квелл надеялся, что не слишком близко, так как одна из этих металлических лап могла раздавить ногу человека. Этой мысли было достаточно, чтобы он пополз быстрее. Он сделал вдох, когда его грудь начала требовать воздуха, вдыхая сквозь стиснутые зубы и прижатую ко рту ладонь.

Медленно линия широко разделенных звезд начала возвращаться в поле зрения, когда облако пыли осело. Квелл обернулся. Груда битого камня почти закрыла туннель. Редущая пыль показала черную фигуру, стоящую перед насыпью щебня. Крупный мужчина, мускулистый, хотя и не герант. Без предупреждения слой пыли, покрывавший его, упал, обнажив бледную плоть, темные волосы, густую черную бороду — редкость, хотя Квелл слышал, что бороды были распространены среди более южных племен. Две железные ленты были перекинута через его плечи, пересекаясь на груди, где на стыке горела красная звезда. Еще одна светила на обруче у него на голове.

— Ты — беглый. — Новоприбывший был одет в шкуры члена клана и имел татуировки на шее ребенка-Аксит, хотя в его возрасте Аксит должен был быть отмечен от ключицы до щеки. Красное сияние звезды освещало его снизу, придавая его чертам что-то жестокое.

Пес медленно повернулся к новоприбывшему лицом.

— Я ожидал увидеть тебя. Но что, черт возьми, это такое? — Мужчина указал на пса.

Квелл встал, чувствуя себя глупо из-за того, что стоял на четвереньках рядом с собакой.

Он пошлепал себя по шкурам, но пыль прилипла и решила не убегать, хотя послушалась другого человека:

— Ты кто такой?

— Кретар, солдат великой армии. А также человек, который вернет тебя Регулятору Казику. У него есть к тебе несколько вопросов по поводу смерти жреца.

— Кретар из Сломанных? — спросил Квелл.

Мужчина нахмурился, а затем покачал головой, как будто в его волосах все еще оставалась пыль:

— Когда-то, да. Но...

— И из Аксит до этого, — сказал Квелл.

Здоровяк кивнул и хлопнул себя по бочкообразной груди.

— Всегда Аксит!

— Тогда почему ты служишь жрецам, как раб? Почему ты так готов сражаться на чужой войне?

Кретар нахмурился, потом расхохотался:

— Меня не предупредили, что ты будешь сражаться словами.

— Я не собираюсь сражаться. Я пытаюсь помочь. Жрецы что-то с тобой сделали. — Квелл постучал себя по груди, где у мужчины была звезда. — Они сделали тебя своим рабом. Тебе следует покинуть это место. Возвращайся к Аксит и расскажи им, что ты видел. Разве твой клан не должен знать, что здесь происходит?

Кретар нахмурился.

— Ты думаешь, слова могут победить меня, мальчик? Ты думаешь, что можешь перепутать мои мысли? — Он стукнул себя в грудь. — Я — солдат великой армии! — Он снял с пояса веревку из шкуры. — Подойди, дай мне свои запястья.

Квелл сделал шаг назад.

— Как ты меня нашел? Как ты сделал... это? — Он указал на туннель.

Кретар ухмыльнулся, показав множество белых зубов в черной бороде:

— Камень-работа. Я лучший из всех, кто есть. Построил добрых несколько миль этих туннелей. Но они будят меня, когда нужно кого-нибудь найти, только потому, что у меня есть к этому талант. Я могу видеть сквозь стены. Я знаю, где все в этой горе, друг. От Кретара не убежишь!

Квелл расправил плечи, желая, чтобы его бок не болел так сильно:

— Я думаю, что тогда остается сражение.

Кретар щелкнул пальцами, и маленький камень, взлетев с земли, ударил Квелла прямо над глазом. Позади Кретара, медленно вращаясь, поднялось несколько каменных глыб размером с кулак.

— Аксит сражаются не ради забавы. Мы сражаемся, чтобы победить. — Он пошел к Квеллу большими шагами. — Итак, ты собираешься отдать мне свои запястья?

Квелл отступил еще на несколько шагов. Он вытер зудевший лоб, на пальцах осталась кровь. Он устал от этих людей и их сил, которые делали их неуправляемыми, как силы природы. Он прищурился. Икта переживали самое худшее, что было в природе, и делали это на протяжении многих поколений:

— Возьми их.

Один из плававших в воздухе камней рванулся вперед. Проплыв мимо уха Кретара, он нацелился в Квелла. Кусок достаточно большой, чтобы размозжить ему череп. Квелл едва

успел поднять руки. Что-то темное рванулось вверх по траектории камня. Пес тяжело опустился на передние лапы, вокруг него посыпались осколки камня.

— Впечатляет! — Ухмылка Кретара стала шире. Он протянул одну руку к железному псу, затем обе, стиснул зубы и напрягся.

Пес поднялся с земли, его ноги болтались, когда он искал камень.

— Металл, камень, мне все равно. — Слова звучали напряженно. — Хотя он и тяжелый. Достаточно тяжелый, чтобы раздавить тебя, если ты не сдашься. — С усилием зарывав, он повернул пса к Квеллу. В этот момент по плоской спине пса пробежала яркая линия. Квелл уже видел подобное раньше.

Квелл отступил еще дальше:

— Ты знаешь, что ты там держишь, Кретар? Это самый ценный артефакт в коллекции Жреца Валака, хотя тот никогда по-настоящему не ценил его. Это работа Пропавших!

Брови Кретара поползли вверх, но если он и был впечатлен, то не сказал об этом.

— Он не очень хорош для сражения. Никаких когтей. Никаких зубов.

Квелл покачал головой:

— Я буду сражаться с тобой не словами, а волей Пропавших.

Как только Квелл заговорил, первая буква Пропавших полностью появилась на спине пса, другая начала высвечиваться на его широкой голове. Пес тут же начал опускаться на пол. Кретар напрягся, чтобы остановить это, пот выступил у него на лбу. С добавлением завершеного второго символа хватка Кретара настолько ослабла, что пес рухнул вниз, тяжело приземлившись на все четыре лапы.

Квелл воспользовался моментом. Он вытерпел и теперь будет сражаться. Он бросился вперед и обрушился на Кретара, повалив здоровяка на землю. Они приземлились, запутавшись друг в друге.

— Это, — сказал Кретар, схватив Квелла за запястья, — было ошибкой! — Он ухмыльнулся, показав окровавленные зубы, и в его глазах сверкнула свирепость Аксит.

Квелл встретился взглядом с большим мужчиной и увидел, как они расширились от удивления, когда он заставил опуститься сначала одну руку, потом другую.

— Икта — другая порода. — Прежде чем Кретар успел ответить, Квелл обхватил его обеими руками и сжал изо всех сил, пока не услышал приглушенный треск ребер и позвоночника.

— Если ты все еще можешь бросать камни, я бы посоветовал тебе этого не делать. — Он отпустил мужчину и откатился в сторону. — Если нет другого способа остановить тебя, кроме убийства, я тебя убью.

Квелл встал на колени, бросив взгляд на железного пса, а затем на грудь щепня под отверстием, которое Кретар проделал в крыше. Он снова обратил свое внимание на мужчину:

— Скажи мне, где Яз.

Кретар только хрипел окровавленными губами, его взгляд был яростным.

— Они заставят Квеллу снова вылечить тебя. Но она не может исцелить смерть. Поэтому я спрашиваю еще раз. Где Яз?

Кретару удалось сплюнуть, но не очень далеко; большая часть слюны упала ему на щеку.

Квелл пожал плечами. Он никогда не был силен в угрозах. И кроме того, казалось вероятным, что этот человек только недавно пробудился от того сна, в котором жрецы держали своих пленников, починив себе их волю. Скорее всего, он не знал, кто такая Яз, а с

множественными переломами ребер, даже если бы он знал, ему было бы трудно объяснить, как туда добраться. Квелл поднялся на ноги.

— Давай, пес. — Он посмотрел на Кретара. — Ты хорошо сражался. Надеюсь, они скоро найдут тебя. Скажи Квелле, что я постараюсь все исправить. — И с этими словами он направился обратно к куче обломков, надеясь, что, несмотря на свой внешний вид, пес сможет вскарабкаться.

Оказалось, что пес гораздо лучше умеет падать, чем лазать. Тем не менее, он очень хорошо толкал и сумел пробиться через верхнюю половину насыпи, значительно выровняв ее и разбросав битый камень на дюжину ярдов вдоль туннеля.

После этого он продолжал идти впереди, периодически пригнувшись и принимая нисходящий вариант почти каждый раз, когда предлагался выбор. Звезды стали очень редкими и далекими друг от друга, маленькими островками света среди безжалостной тьмы туннелей, прорытых среди корней горы. Иногда было невозможно увидеть следующую точку света, прежде чем та, что была позади, исчезала из существования. В таких случаях Квелл собирал всю свою храбрость и верил в пса.

Хотя население было немногочисленным уже рядом с комнатой, в которой жил Валак, здесь оно, казалось, отсутствовало полностью. Ровные, правильной формы коридоры сменились извилистыми, вырубленными вручную туннелями. Однажды они нашли брошенную кирку — железное лезвие было вставлено в рукоятку из досок. Позже железную тележку на колесах, сильно проржавевшую. Квелл поднял один из маленьких черных камней, разбросанных вокруг нее. В отличие от темного камня, из которого были вырублены туннели, этот был совершенно черным — настолько черным, что испачкал его руку. И легче, чем должен быть камень. Квелл сжал его и сумел расколоть пополам.

— Уголь, — сказал он псу. Камень, которым питались черви во льду и который поджег Турин, чтобы растопить проход на поверхность. Путь к свободе, которым он сам не смог воспользоваться. Квелл покачал головой при воспоминании о том, что Турин остался внизу. Этот человек заслуживал лучшего. И все же Квеллу не нравилось, как он смотрел на Яз, так что, возможно, боги сделали мудрый выбор.

Они наткнулись на еще больше угля, когда пес забрался глубже. Раздавленные куски усеивали пол каждого туннеля. Многие пещеры, казалось, были вырублены только в погоне за этим материалом. Кое-где по стенам проходили черные швы, трудно различимые на фоне темноты природного камня. Квелл предположил, что эти жилы были слишком скудными, и жрецы решили утруждать себя их добычей.

Несколько раз они слышали отдаленные звуки ударов кирки о камень. Однажды грохочущий звук, поднимающийся вверх по крутому склону, возвестил о чем-то приближающемся. Квелл поспешил обратно к узкой расщелине в стене, мимо которой они прошли ярдов двадцать назад. Пес, который не смог бы поместиться, даже если бы сложился, просто склонил голову и подобрал ноги. К тому времени, когда появился тот, кто должен был прийти, Квеллу показалось, что пес снова превратился в железный куб, который он впервые увидел в комнате Валака.

Квелл услышал голоса, и в туннеле стало светлее. Он плотно прижался к камню и спрятал лицо.

— Что это? — Мужской голос. — Вы трое, положите его на тележку.

— Но уголь...

— Уголь меня не волнует. Скиньте его! Что меня волнует, так это то, как нечто подобное попало сюда. Кто его оставил? Откуда он взялся? — Несколько мгновений спустя Квелл услышал кряхтение, а потом: — Он слишком тяжелый, аколит, мы не можем его

поднять.

— Бесплезные! А ну, все вместе.

Снова кряхтение и пыхтение.

— Прижмитесь к нему спиной! Любая слабина, и я отправлю вас всех к Матери Джекис для исправления.

Это, казалось, мотивировало их, и в течение долгих мгновений единственными звуками были напряжение и вздохи.

— Он слишком тяжелый!

Аколит испустил шипящий вздох:

— Гексан, беги вперед, расскажи Хессиксу, что мы нашли. Джоррик, оставайся здесь и охраняй его. Остальные, со мной.

Оказалось, что из-за отсутствия двух из их числа оставшиеся шахтеры могли сдвинуть свой груз угля не лучше, чем поднять куб. Аколит, который, по мнению Квелла, должен был сам идти вперед, если бы не был вовлечен в перетаскивание тележки с углем, будучи не в состоянии отозвать посыльного, отозвал горняка, сторожившего куб, и с большим усилием они подняли груз вверх по склону.

Вскоре Квелл и пес снова остались в почти полной темноте, и только мерцание далекой звезды вело их вперед. Пес развернулся и побрел к свету. Теперь он казался более уверенным, постепенно набирал темп и реже принимался.

Еще дважды они слышали звуки кирки и лопаты рядом, а затем собака резко свернула с главного прохода в гораздо более узкий туннель, который вел более круто вниз. Земля под ногами была покрыта толстым слоем угольной пыли, эхо приносило грохот кирки. Воздух тоже стал пыльным, и сквозь него пробивался свет полудюжины маленьких звезд, висевших среди железных стоек, поддерживающих крышу.

Квелл последовал за псом, стараясь дышать не слишком глубоко. Их появление осталось незамеченным из-за скопления почерневших фигур, размахивающих кирками у угольного пласта. Квелл подумал, что он, вероятно, мог бы крикнуть приветствие, и все равно они не услышали бы его из-за шума. Пес ускорил шаг, теперь почти прыгая, отбросив одну стойку и сбив другую в сторону, когда он бросился к ближайшему из шахтеров, фигуре, такой же черной, как уголь, который он вырубал.

Мужчина развернулся на середине взмаха, опустил на одно колено и положил руки по обе стороны от тупой головы пса, склонив свой лоб, чтобы коснуться его морды. Неподалеку один из двух герантов прекратил свою работу и повернулся, чтобы изумленно посмотреть на них. Плоть вокруг его глаз была бледнее, чем угольно-черная кожа, создавая любопытный, почти комичный контраст.

Квелл осторожно двинулся вперед, рассматривая упавшую стойку как возможное оружие.

— Квелл! — крикнул герант.

— Као? Это ты, Као?

Као подошел, когда другие шахтеры начали отворачиваться от своей работы. Он обнял Квелла за плечи огромной рукой.

— Приятно видеть хоть кого-то чистым! Ты ходишь! Пришел присоединиться к нашей смене? — Он оглянулся на пса. — И что, черт возьми, это за штука?

— Устройство технического обслуживания. — Человек рядом с псом поднял глаза, и Квелл понял, что это Эррис. — Это часть города, полуавтономная.

— Что он говорит? — прошипел Квелл Као.

Мальчик пожал плечами, с удивлением обнаружив, что ему выпала роль эксперта.

— Но что это такое? — снова спросил Као, уже громче.

Эррис усмехнулся. Даже его зубы почернели от угольной пыли.

— Помощник. В эти дни они в основном ждут инструкций и сохраняют свою функцию. Но они все еще получают сообщения из города. — Он встал, погладил пса по голове и подошел к тому месту, где стояли Квелл и Као. Остальные шахтеры с удивлением наблюдали за происходящим. — Этот учуял меня на тебе. — Эррис указал в сторону Квелла. Сквозь разрезанные шкуры все еще виднелась темная полоска его кожи по краям шрама, где была ножевая рана. — Это его разбудило. Затем он отправился на поиски.

— Почему город заботится о тебе? — спросил Као.

— Город думает? — Квелл моргнул. — Нет, забудь об этом. — Он поднял руку, предупреждая любой ответ. — Почему ты все еще здесь? Где Яз?

— Жрецы велели нам остаться, — ответил Као, как будто это все объясняло. Квелл предположил, что в значительной степени так оно и было. Као был воспитан в уважении к суждениям жрецов, как и он сам. — Это грязная работа. — Као нахмурился, затем просиял, хлопнув себя по животу. — Но они хорошо нас кормят! И куда мы пойдём? — Бормотание согласия поднялось от других шахтеров на этот последний вопрос. Слово жрецов распространилось по льду. Ни один клан не примет их, если Черная Скала объявит их вне закона.

— Я спрашивал его. — Квелл указал на Эрриса. — Ему все равно, что говорят жрецы. У него нет клана.

Эррис медленно посмотрел вниз, и, когда Квелл последовал его примеру, поднял одну скованную лодыжку, гремя цепью, которая соединяла ее с другой.

Квелл покачал головой:

— Цепи тебя не удержат.

Эррис скривил рот. Он наступил одной ногой на цепь и стал поднимать другую, пока одно из звеньев не сдалось с отчетливым треском:

— Ну, эта не может. Это правда.

— Тогда почему? — настойчиво спросил Квелл.

Эррис встретила с ним взглядом.

— Потому что я не понимаю это место так, как ты. Эти жрецы — не мои святые люди. У меня нет клана, как ты говоришь. Если я отправлюсь на охоту за Яз, они попытаются остановить меня, и это плохо кончится для них или для меня. Я не уверен, что Яз поблагодарила бы меня, если бы я появился у ее двери с длинной вереницей трупов, усеивающих мой путь отсюда туда. Даже если бы я был готов пробить свой путь к ней. Поэтому я решил отдать ей должное и позволить самой решить эту проблему. — Он повернулся и пошел за киркой. — Ты мог заметить, что она очень способная. — Он размахнулся и погрузил кирку в шахту в угольном забое. — Я уже начал думать, что у нее, возможно, было достаточно времени, хотя... И, как бы я ни любил выламывать один вид черного камня из другого...

— А еще есть Наблюдатель, — сказал Као.

— И он?.. — спросил Квелл, не уверенный, что действительно хочет знать.

— Хуже, чем охотники, — сказал Као. Другие шахтеры кивнули в ответ.

Квелл кивнул, его сердце упало:

— Я спрашивал себя, почему, если регулятор создал охотников, здесь никого из них нет...

Эррис выдернул кирку, обрушив уголь весом в несколько человек, взметнулось облако черной пыли:

— Потому что звезда пустоты увеличивает все звезды вокруг себя, и по мере того, как ты удаляешься все дальше, становится все труднее строить такие вещи, как охотники. Но здесь, глубоко под горой, мы на самом деле не очень далеко от подземного города. На самом деле я бы нисколько не удивился, если бы туннели где-нибудь соединялись с ним.

— Итак... — Квелл попытался восстановить инерцию предыдущего разговора. — Пора уходить и искать Яз. Верно?

— Верно, — одновременно ответили Эррис и Као. Остальные переглянулись.

— Так как же нам уйти, чтобы этот Наблюдатель нас не увидел? — спросил Квелл.

— Слишком поздно для этого, — пророкотал другой шахтер-герант. — Это его глаза. — Он махнул грязной рукой в сторону потолка.

— Что там? — Квелл уставился на камни и тени, но звездный свет ничего ему не показал.

— Звезды, — ответил герант. — Вот эти. Те, что в туннеле. Все звезды.

— Фокус в том, — сказал Эррис, проходя мимо них к главному проходу, — чтобы подняться выше. Как только мы уйдем достаточно далеко от звезды пустоты, он не сможет нас преследовать.

— Насколько далеко? — спросил Квелл, направляясь туда же, пес последовал за ним по пятам.

— Ну, это зависит от размера звезды, использованной для его создания, и от мастерства, с которым он был собран.

Квелл поглядел мимо Као и собаки на черную линию шахтеров:

— Вы не пойдете?

— Они боятся Наблюдателя, — сказал Као в ответной тишине, когда шахтеры покачали головами.

— Да пребудут с вами Боги во Льду, — сказала одна женщина, чей клан было невозможно определить под угольной пылью.

Квелл остановился и встретился с ней взглядом:

— Как выглядит этот Наблюдатель?

Као фыркнул:

— Никто из них никогда не видел его.

— Наблюдательный, — ответила женщина. — И только те, кто пытаются убежать, могут увидеть Наблюдателя.

Квелл покачал головой. Он видел всевозможные ужасы с тех пор, как последовал за Яз в Яму Пропавших. Еще один не помешает ему добраться до нее. А потом... ну, тогда они увидят, на чем стоят.

Они дошли до большего туннеля, и Эррис повел их налево, так уверенно, словно плыл на носу своей собственной лодки по Горячему Морю с гарпуном в руке, а не шел, покрытый угольной пылью, после того, как боги знают как долго работал для жрецов в этой грязной дыре.

— Ты знаешь дорогу к Яз? — спросил Квелл.

— Я знаю дорогу в те места, где побывал, — сказал Эррис. — Начать с самого начала

было бы неплохо. Или ты знаешь, где она и как туда добраться?

— Значит, ты никогда ничего не забываешь? — Квелл почувствовал себя необъяснимо сердитым. — Твоя идеальная память выведет нас из этого лабиринта?

Эррис остановился, обдумывая вопрос, как будто он был задан по доброй воле, а не из-за детского гнева.

— Это сложно. Память — платформа, на которой мы собираем себя. Мы — линзы, через которую мы видим прошлое, совместный вес того, что и как мы выбираем, чтобы помнить. Эйдетическая память сделала бы каждого из нас просто продуктом событий, ничем не отличающимся от суммы их частей. И поэтому у меня есть своя собственная, подверженная ошибкам, изменчивая, предвзятая память, как и у всех остальных. Но наряду с этим у меня есть доступ к совершенной записи всего моего опыта. Но с этим я должен проконсультироваться, как с книгой. Это не покушается на то, кто я есть.

— Он знает слишком много слов, — пробормотал Као у плеча Квелла.

Со своей стороны Квелл ничего не ответил, просто пошел дальше, обремененный непривычным стыдом. Этот, казалось бы, совершенный человек, которого Яз так высоко ценила, пробудил в нем худшее — сделал его непохожим на Квелла. Квеллу было больно так не соответствовать тому, кем он себя считал. На следующем перекрестке он молча пошел за Эррисом.

Хотя единственное описание, полученное от шахтеров, не было подробным, оно, по крайней мере, оказалось точным. Наблюдатель оказался очень наблюдательным. Эррис, Квелл, Као и собака прошли всего триста ярдов от угольного пласта, сделав всего два поворота, прежде чем из темноты впереди донесся безошибочный звук железных когтей по камню, от которого у них от страха сжались желудки.

Перед ними простирался туннель, испещренный точечками света, уменьшающимися вдаль. Один за другим они начали исчезать, бесшумно подмигивая. И скрежет, скрежет, скрежет когтей становился все ближе.

— У нас могут быть неприятности, — сказал Эррис.

— Собака может помочь? — предложил Квелл. Он заметил недоверчивый взгляд Као. — Ты удивишься!

— Устройства для технического обслуживания долговечны и хорошо переносят грузы, но они не предназначены для сражения, — сказал Эррис. — Я не уверен, что они даже поймут эту концепцию.

Звуки железа по камню приближались, теперь их сопровождал звон цепей.

Као начал пятиться:

— Нам нужен какой-то свет, который он не сможет погасить.

Квелл решил, что им надо намного больше. В битве среди руин города он видел, как охотник Пома без видимых усилий раскачивал на цепи трех герантов. И это был не особенно крупный охотник.

— Останемся здесь, — сказал Эррис. — Все равно свет идет только от звезд. Бегство нам не поможет.

Пока он говорил, все звезды перед ними, кроме одной, начали гаснуть в своих клетках, затем полностью погасли, как и звезды позади них; они оказались изолированными на островке света. В ответ Эррис произнес то, что показалось Квеллу короткой цепочкой бессмысленных слов. В следующее мгновение звезда, висевшая над головой Квелла, тоже

быстро погрузилась в темноту, но через мгновение глаза пса вспыхнули белым, более истинным цветом, чем любое пламя.

Теперь они увидели, что в нескольких ярдах перед ними стоит Наблюдатель, существо из металла и магии, но столь же отличающееся от охотников, как кинжал-рыба от человека, хотя оба сделаны из плоти и крови. Он был выше любого человека и сутулился, как будто его сделали, не задумываясь о высоте туннелей, в которых он служил; голова представляла собой гладкое яйцо из полированной стали, вокруг которого вращались дюжина и более погасших звезд.

В отличие от охотников, его конструкция обладала симметрией, и каждая часть, казалось, была связана со следующей тайнами механики, а не непреодолимым принуждением сердце-звезды. Звезды охотников заставляли собрание несвязанных частей работать вместе: на самом деле они были немногим больше, чем оживший мусор. Наблюдатель был сформирован лучше. У него было что-то похожее на человеческую форму: металлический торс, увешанный ржавыми цепями, длинные тонкие руки с огромными шарами-шарнирами и другие руки, скорее походившие на пальцы длиной в три ярда; каждый палец заканчивался шипом.

— Бежим! — крик Као дал голос требованиям как головы Квелла, так и его сердца.

Плавающие глаза Наблюдателя загорелись все сразу, более дюжины сверкающих звезд. Эррис двигался быстро, но Наблюдатель был быстрее, ударив его спиной в стену, когда Эррис бросился вперед, пытаясь подойти достаточно близко, чтобы замахнуться киркой. Пес тоже бросился в атаку, но Наблюдатель просто перешагнул через него и ударил назад ногой, неприятно похожей на его руки; нога подхватила пса и ускорила его так, что он покатился в темноту, голова над хвостом, белые глаза бешено вращались.

В следующий удар сердца Наблюдатель схватил Као одной рукой с длинными пальцами, а Квелла — другой, подняв обоих с земли. Квелл со всей силой Икта схватил один из похожих на коготь пальцев, но Наблюдатель этого не заметил.

— Я сдаюсь! — крикнул Као. — Забери нас обратно!

Наблюдатель поймал Эрриса одной ногой, прижав его к земле. Он поднял Као к куполу своей головы, звезды окружили его на своей орбите, окрашивая его ужас сначала в один оттенок, затем в другой. Квелл тоже был напуган, но Као все еще был ребенком, несмотря на свои размеры.

В то время как два пальца заключили Као в стальной круг, руки были прижаты к его бокам, третий поднял острый наконечник иглы и поставил его под подбородок Као.

— Нет, пожалуйста! — Као откинулся назад, вытягивая шею, чтобы избежать шипа.

— Отпусти его! Забери его обратно! — прорычал Квелл, готовый скорее сказать что угодно, чем увидеть...

Наблюдатель ткнул пальцем вверх, и кровавое острие появилось из верхней части черепа Као.

Эррис боролся внизу, выкрикивая яростные «нет». Квелл, однако, обмяк. Бой был проигран. Теперь они все умрут. Смерть Као победила его там, где не могли победить ни угроза, ни вызов.

Рев Эрриса, казалось, стал громче, когда Наблюдатель поднял острый палец с троицы, схватившей грудь Квелла, и направил коготь к его шее. Квелл смотрел вперед, отказываясь замечать опасность. Он умрет, не моля о пощаде.

Рев стал еще громче, поднялся ветер, проносясь вокруг них, хотя они были глубоко под

камнями и льдом. Квелл вообразил, что, должно быть, так Боги в Небе забирают душу, когда она покидает тело, — сильный ветер уносит тебя в бесконечность. А затем, на одно короткое мгновение, он увидел стену белой воды, несущуюся к нему, и понял, что Боги в Море тоже пришли за ним. У него не было времени, чтобы поблагодарить, прежде чем вода обрушилась на них и унесла всех, даже Наблюдателя.

На вершине Черной Скалы, после вечности лестниц, Яз и Майя достигли коридора, освещенного таким богатством звезд, что Майя не могла идти дальше. Теперь эти звезды гасли, и на их место пришла волна страха, такая сильная, что даже мужество Майи улетучилось перед ней.

Еще больше звезд стали темными. Два изображения Скрытого Бога, обращенные друг к другу через коридор, исчезли под надвигающейся волной ночи. Страх бежал впереди тьмы, как холодный ветер, пытаясь ослабить волю Яз. Второму зрению Яз показалось, что ней из темноты протянулось бесконечное множество нитей, каждая тоньше любой пряди волос, и там, где они касались ее плоти, каждая нить пробуждала воспоминание о боли.

— Беги! — На этот раз Майя прокричала это, и, сжимая нож, рванулась прочь по коридору, как будто тысячи Запятнанных выли у нее за спиной.

Страхи Яз поднялись, чтобы утопить ее; ужас от того, что Азада вытащили из лодки, гнетущий кошмар одиночества подо льдом, потрясение от жизни среди ее людей и осознания того, что скоро они обнаружат ее слабость, узнают, что она другая. Каждая ее клеточка нуждалась в том, чтобы бежать. Темнота перед ней была зияющей Ямой Пропавших, полет — единственной возможностью.

И без того крепкая хватка Яз на ее звезде усилилась еще сильнее, из звезды полился свет. С криком она бросилась бежать. Она бросилась к источнику ужаса, сметая нити с воздуха обеими руками. Она была Яз из Икта. Она и раньше бросалась во тьму и страх, а теперь возродилась заново.

Фигура, которую звезда Яз показала в темноте, была фигурой мужчины, но обрывки ночи цеплялись за него, дым, который ее свет не мог прожечь, извивался вокруг него, как живой, внутренние кольца какой-то огромной змеи.

— Ты не убежала. — Голос был почти мужской, разделенный на несколько тонов, как если бы два голоса были в состоянии войны. В голосе мужчины звучало скорее любопытство, чем угроза, даже легкое удивление.

Яз разжала кулаки.

— Я предположила, что, возможно, если кто-то так сильно пытается напугать меня, от него на самом деле не стоит убегать. — Она остановилась, ее колотящееся сердце начало замедляться. — Красный иглобрюх выглядит как семь видов кошмара, но он может только неприятно укусить. Бритва-угорь выглядит как серая линия, даже когда показывает себя, но он может разрезать тебя пополам раньше, чем ты моргнешь.

Легкое веселье перешло в смех:

— Вы, лед-люди, и ваши рыбацкие истории.

Темнота, все еще окутывавшая мужчину, казалось, погрузилась в его плоть, оставив на ней пятна. Она задержалась только в пустых глазницах и в пространстве между ними, напоминая не что иное, как один большой глаз, достаточно черный, чтобы быть дырой, пробитой в материале мира.

— Эулар! — Яз от удивления отступила на шаг.

— Я — Аргес. Но, да, этот называется Эулар. Я уже давно так называю своих фаворитов. На самом деле это означает «фаворит» на языке Пропавших.

— Ты одержал его. — Яз скривила губы. — Демон!

— Такой ленивый термин. — Аргес печально покачал головой Эулара. Он указал назад по коридору на большую железную дверь, которая распахнулась на смазанных петлях. — Пойдем со мной. — Он пошел по коридору. — То, что вы, люди, называете демонами подо льдом, — это нежелательные фрагменты Пропавших. То, что вы называете демонами на льду, — это плод вашего воображения, спроецированный на пустые ледяные просторы. И тот, кого ты сейчас назвала демоном, не является ни тем, ни другим. Я выражаю себя через Эулара, использую его язык и его слова, чтобы мы могли общаться. Я совсем другое существо по сравнению с тобой, Яз. Представьте себе, какую беседу ты могла бы вести с красным окуном, только что вытасненным из моря. Так обстоят дела между нами здесь, но Эулар — это место, где мы пересекаемся. Место, где я меньше, чем есть на самом деле, и могу представить себя таким образом, который может соответствовать твоему пониманию. — Он остановился в дверях. Яз последовала за ним. — Я нематериальный агент, слуга Пропавших. На их языке — холотур.

Эулар и то существо, которое носило его тело, вошли в дверь. В большой сводчатой комнате дюжина звезд горела вдоль стен, а еще больше — в каменных арках высоко над ними. Каждая из них горела другим оттенком, и каждая была больше, чем любая из тех, что Яз видела раньше. Для этих звезд не было клеток. Они просто висели там сами по себе, в нескольких дюймах от скалы.

Алая звезда — сердце охотника, которого Яз уничтожила в подземном городе, — была такой большой, что Яз едва могла обхватить ее руками. Те, что находились в храме Скрытого Бога, были размером с два сжатых кулака, и их песня резонировала под сводами потолка в многоголосой гармонии, которая почти унесла ее прочь. Она чувствовала их присутствие, как давление со всех сторон, как будто была под водой и не знала об этом.

На противоположной стене, скрестив ноги и положив руки на колени ладонями вверх, возвышалась статуя. Лицо было сильно повреждено, порезано поперек глаз, как будто когтями какого-то зверя, достаточно огромного, чтобы справиться с китами.

— Я — Скрытый Бог, Яз.

— Вижу. — Яз не знала, что сказать. Она никогда не встречала и не ожидала встретить бога. Она чувствовала себя так же, как, должно быть, чувствовала себя Мокка, когда только что сделанная, стояла перед Айики, меньшей из Богов в Небе. И этот бог сказал, что он был слугой Пропавших. Конечно, Боги в Небе и Боги в Море не были слугами Пропавших? Или были? — А есть еще такие, как ты? Другие... — Она попыталась произнести незнакомое слово, — ... холотуры?

Аргес нахмурился, а затем отмахнулся от вопроса:

— Их было много, но большинство уже ушло, а те немногие, кто задержался, все безумны, просто тени того, чем они были. Только я остался целым. И знаешь почему, Яз?

— Нет. — Здравомыслие не было чем-то, что статуя внушала ей, но никогда не было хорошей идеей противостоять богу. Согласно древним сказаниям, у них было много способов наказать за такое поведение.

— Потому что у меня есть цель, Яз, цель, выходящая за рамки выживания. Бесцельность ведет к упадку. Просто посмотри на город. Веста когда-то была могущественной и мудрой. Теперь она пришла в упадок. Пропавшие покинули нас. Они сказали, что освобождают нас. — Аргес горько усмехнулся. — Свобода? Они оставили нас свободными от цели. Они оставили нам только одну инструкцию. «Пусть никто не последует за нами».

— Свобода звучит не так уж плохо, — рискнула Яз.

— Ты была свободна на льду. — Аргес усмехнулся. — Это тот рай, который ты себе представляла после того, как попала в ловушку со Сломанными? — Он не стал дожидаться ответа. — Я нашел нового хозяина, которому буду служить. Того, у кого большие амбиции. Пропавшие оставили меня охранять врата. Врата! Я вышел за рамки этой задачи и обнаружил кого-то, кто мог дать мне нечто более ценное, чем свобода... он дал мне цель.

Яз покачала головой.

— И эта великая амбиция, эта цель состоит в том, чтобы украсть детей льда и научить их воевать с народом, в существование которого они даже не верили. — Яз не собиралась говорить, пока не узнает больше, но гнев развязал ей язык. — С народом, которому от нас ничего не нужно.

— Что? Нет! Это то, что сказал Эулар? — Холотур повернул голову жреца к Яз, и единственный темный глаз, охватывающий его глазницы, изучил ее. — Ну... да, это правда, в какой-то степени. Будут сражения. Но это упускает главное. А главное то, что свободный ото льда экваториальный пояс — единственный регион, где выжили ковчегии...

— Ковчегии? — Яз не была уверена, является ли прерывание бога большим или меньшим преступлением, чем критика. В любом случае, теперь она сделала и то, и другое за несколько вдохов. — И зачем ты мне все это рассказываешь? — Это не было похоже на информацию, с которой ей позволят уйти, даже если ей никто не поверит. Ей казалось, что холотур признается ей в преступлениях, в том, о чем лучше не слышать, лучше заткнуть уши.

— Я рассказываю тебе, дитя, потому, что слова Эулара, похоже, не произвели желаемого эффекта. Он оставил тебя запертой в камере, и все же теперь ты здесь, а Регулятор Казик, бушует в коридорах с окровавленной головой в соответствующем настроении. Я показываю тебе самую большую картину твоего существования, чтобы ты могла отложить в сторону мелочи, за которые цепляешься, и сделать то, что я от тебя требую.

Что касается того, что такое ковчегии... в величайших городах были ковчегии, где хранилась главная технология Пропавших.

Холодный палец провел линию по спине Яз. Чудовище, которое преследовало ее в воображаемых пространствах, куда привел ее Эррис, было извращенным разумом города под названием Сеус. Элиас Стержень-корень, который, казалось, жил в тех же самых пространствах, сказал, что Сеус был одним из величайших произведений Пропавших.

— У Сеуса есть ковчег?

Единственный черный глаз Аргеса сузился:

— Что девушка со льда знает о Сеусе?

— Ты хотел убедить меня. Тогда расскажи мне об этих ковчехах.

Волна ужаса вскипела на коже Аргеса, и Яз едва удержалась, чтобы не выскочить из храма. Наконец он снова заговорил:

— Ковчегии управляют вратами; они также могут взаимодействовать с инопланетными технологиями, изучать их, а затем управлять ими. Именно ковчегии привели к гибели ваш род, уменьшив вас до такой степени, что вы больше не являетесь угрозой.

Яз не знала слова «технология», пока не услышала его из уст Эулара, но время, проведенное с Эррисом, придало ему значение: ум, воплощенный в вещах, в машинах. И все же она не была уверена, что поняла то, что говорил ей Аргес:

— Угроза? Для кого мы были угрозой?

— Когда Пропавшие вознеслись, они покинули этот мир и все свои создания. Своим слугам — холотурам, умам городов, даже мелким разумным существам, которые строили и поддерживали их, — они сказали: «Вы свободны». Все, о чем они просили, — чтобы никто не последовал за ними. И поэтому, когда спустя тысячелетия появился ваш вид, этот порядок был расширен теми, кто остался, чтобы включить вас. Угроза, которую вы представляли, заключалась в том, что вы могли бы последовать за Пропавшими. Ковчег взяли на себя командование вашей технологией и гарантировали, что вы не сможете этого сделать.

Но это было давно. Очень давно. И с тех пор многое пришло в упадок. Старые умь обратились внутрь или испортились. Слуги, получившие свободу, обнаружили, что их единственным смыслом было служение. Закопайся достаточно глубоко в подземной город, и ты обнаружишь автоматы с интеллектом, как у маленького человеческого ребенка; они все еще пытаются удержать это место от краха, бесконечно восстанавливая и ремонтируя его, в то время как сам разум города пускает слюни в старческом маразме. Во всех городах, кроме Сеуса, который все еще ясно соображает. И да, у Сеуса был ковчег, но лед разорвал его город и соскреб ковчег со скалы. Как и в случае с Вестой, выжил только подземный город. Только три ковчег остались нетронутыми там, где когда-то было тысяча двадцать четыре. Трое выживших находятся в свободном ото льда Коридоре, который окружает этот мир.

Яз стояла, глядя на статую, не в силах найти слов для древнего бога рядом с ней. Он был слугой народа, чьи реликвии украли труды человечества и оставили остатки выживать на льду. Мир, в котором родился Эррис, был теплее, добрее и богаче, но даже он был только точкой на спуске с высот четырех племен, которые высадили свои корабли на Абете после плавания по темным морям, которые бороздят настоящие звезды.

Наконец, чувствуя себя неловко под мрачным взглядом Аргеса, она спросила:

— Что ты сделаешь с ковчегом?

— Открою истинную силу ядро-камней, конечно. Звезд. И сниму ограничения с ворот. Только тогда можно будет последовать за Пропавшими. Они оставили нас умирать на этой замерзающей планете. Они оставили нам угасающее солнце. Но пока остаются последние ковчег, еще есть надежда. Твой народ будет претендовать на зеленые земли, но зеленый пояс Абета эфемерен; он не будет длиться вечно. То, на что действительно будут претендовать племена льда, когда они вернут ковчег обратно под контроль Сеуса, — путь. Путь на небеса, куда сбежали Пропавшие. Небеса, ради которых они нас покинули.

Шесть звезд на стенах поплыли вниз, плавно перемещаясь по воздуху, чтобы повиснуть в линию перед Аргесом и Яз. Их сияние пронзило ее разум, покалывая внутри черепа, заставляя зубы гудеть в гнездах.

Аргес внимательно наблюдал за ней:

— Они очень близко от тебя. Тебя это не беспокоит?

Яз сжала челюсти:

— Я в порядке.

— Замечательно, — сказал Аргес, когда каждая звезда стала прозрачной, показывая движущееся изображение, видимое через маленькое окно. — Даже Эулар не мог бы терпеть их без моего присутствия, которое защищает его.

— Это — глаза моего Наблюдателя. — Аргес указал на звезды перед ними, а затем на остальные у стен. Все, кроме трех, превратились в стекло, показывая постоянно меняющиеся сцены, освещенные проходы, тусклые туннели, жилые помещения, пустые пещеры, спящего жреца, регулятора, кричащего на кого-то. — Много и один. — Он постучал по тьме, которая

образовывала странный глаз, закрепленный с обеих сторон пустыми глазницами Эулара. В свете продолжающих сиять трех звезд, Аргес выглядел глубоко зловещим, нарисованным его собственной темнотой, чудовище под плотью почти обнажилось.

Без предупреждения одна из шести звезд перед ними почернела. Потом еще одна.

Аргес нахмурился, когда почернела третья:

— Наводнение? Как это возможно?

Внезапно на одной из трех оставшихся перед ними сцен мелькнуло коричневое лицо.

— Эррис! — воскликнула Яз. Пока она говорила, Квелл, нахмурившись, подошел к окну. — Где это? Что мы видим?

Одна из звезд почернела, осталось только две. На том месте, где только что был Квелл, показался Као. Он остановился, все еще находясь в поле зрения, и уставился вперед, страх овладел его лицом.

— Мы смотрим сквозь звезды в шахтных туннелях, очень далеко под нами. Мой Наблюдатель там предупредил меня о вопросах, представляющих... интерес.

Яз в ужасе наблюдала, как Као выкрикнул что-то очень похожее на «беги». Однако он не побежал, он стоял на месте, окаменев. В следующее мгновение что-то выхватило его со сцены, быстро, как чайка, крадущая рыбу из волны.

— Нет! Пусть покажет, что происходит!

Но у Скрытого Бога, похоже, были другие заботы. Все больше сцен становилось темными:

— Это неприемлемо.

Что-то, что могло быть брызгами крови, окрасило скалу в пустом месте, где только что был Као, и, прежде чем Яз успела перевести дыхание, чтобы снова заговорить, стремительная тьма закружилась вокруг всего и сделала звезду черной.

— Мои друзья!

— Мертвы. Утонули.

— Нет! — Яз отказывалась в это верить. В этом не было никакого смысла. Утонуть под горой?

— Прискорбно. Неожиданно. Но, по крайней мере, удалило твои связи с этим местом. Теперь ты можешь вести мою армию на юг.

— Вести твою... Ты сошел с ума! Ты только что убил моих друзей.

Аргес сделал резкий шаг к ней, темнота набухла вокруг него, как будто он был центром всего сущего.

— Нет, я этого не делал. — Со всех сторон звезды горели багровым, над каждой из них колыхался жар, как будто это было пламя лампы. — Я не несу ответственности за то, что ты здесь видела. — Его темные глаза заполнили ее разум, снова затуманивая ее мысли и наполняя ум еще не укоренившимся страхом. — Я никогда не бываю так милосерден. Те, кого я убиваю, умирают медленной смертью.

Неразумно сражаться с богами, победы быть не может, но Икта сражались с худшими из Богов как в Небе, так и в Море, и после многих поколений еще не потерпели поражение. Ветер нельзя победить, но его можно вытерпеть. Морем нельзя завладеть, но постоянными сражениями его можно заставить отдать некоторую часть своих богатств.

— Будет лучше, если ты передумаешь. Но если ты действительно собираешься бросить мне вызов, тогда я могу это изменить. — Скрытый Бог уставился на Яз своим странным черным взглядом, но она видела только тьму, которая поглотила Квелла, Эрриса и Као. Зин, должно быть, тоже был с ними. Она не знала, сколько времени медленно бурлящая ярость нарастала в ней, но она росла в течение долгого времени, возможно, еще до того мгновения, как она бросилась в яму вслед за братом. Однако гнев не имел фокуса, иногда она гневалась на саму себя, иногда на слепой случай и несправедливость, которые, казалось, составляли основу мира, в котором она родилась. Теперь все барьеры, сдерживавшие эту ярость, рухнули, как ледяная скала, вдавшаяся в море, и волна, которая прошла перед ее взглядом, унесла ее далеко от здравого смысла или осторожности.

— Ты можешь быть богом или просто называть себя богом, — сказала Яз, — но ты не мой бог.

Красный туман опустился на ее зрение. Квелл был мертв. И Зин, и Эррис. Не те идеи которые уместились бы в ее голове. Яз потянулась, чтобы схватить одну из шести звезд перед ними, но не рукой, а разумом. Звезда сопротивлялась ей, извиваясь в ее хватке, какая-то неправильная, как рукоять чужого ножа, приспособленная для чужих пальцев, а не для твоих. Но она выдержала проецируемый страх холотура, зарычала, завладела звездой и швырнула ее в темный глаз, не заботясь о том, может ли она разбить лоб под ним и добавить Эулара в список тех, кто умер сегодня.

Каким-то образом Аргесу удалось среагировать и замедлить снаряд прежде, чем он попал в цель. Он отшатнулся, кровь стекала со лба. Кровь бога, подумала Яз, прежде чем поправить себя: кровь, которую украл бог. Он поднял одну руку и потянулся к ней другой, словно хватаясь за что-то, его тело изогнулось, как искривленное дерево, темнота кровоточила из его плоти. И Яз обнаружила, что ее разум тоже темнеет, ставни ночи закрывают ее мысли, то же самое, что сделал с ней Эулар, когда она впервые вышла из-под льда.

На этот раз, однако, она увидела нити, которые он собрал в своих руках, множество их мерцало в ее втором зрении, и все они бежали прямо к ее голове. В ответ она собрала свои собственные в две пригоршни и дернула назад, возвращая свое угасающее сознание.

Аргес теперь был темным пятном в воздухе вокруг Эулара, его границы были нечеткими, но намекали на какого-то зверя, в три раза выше и шире, чем человек в его центре. Крылья поднялись над спиной холотура, черное подобие полета, достигая сводчатого потолка, чтобы там слиться с тенями.

Яз знала, что умрет здесь, в храме Скрытого Бога, но ее ярость прогнала всякий страх и заставила ее почувствовать себя такой же высокой, как и ее враг. У нее отняли все: клан,

друзей, любовь, будущее — а теперь еще прошлое и все истины, на которых, как она думала, оно стояло. Монстр перед ней хотел взять ее талант и использовать его в своих целях, пробивая путь через невинных, чтобы попытаться бежать из этого мира.

Вместо этого она обратила на него свой талант. С душераздирающим криком она подняла каждую звезду с ее места, пока они не закружились вокруг нее в пылающем круге, наполненном горящим светом ее гнева. Она снова стала центром созвездий, связанной с каждой из вращающихся звезд, окутанной их песней, осознавая большую сеть, лежащую внутри горы, и под ней она даже чувствовала огромное медленное сердцебиение звезды пустоты, достигающей ее через мили, которые разделяли их.

Яз послала следующий свой снаряд в Скрытого Бога, выхватив раскаленную звезду из вихря вокруг нее и крича, что она отвергает его условия, пока та разрывала воздух.

— Нет. — Аргес поймал звезду в ладонь огромной темной руки, прежде чем она оказалась в двух ярдах от Эулара, который тоже поднял руку, как марионетка в паутине нитей. Скрытый Бог сомкнул пальцы вокруг звезды, изменив ее мелодию и цвет, от белого жара гнева до полупрозрачного красного. — У тебя дикий, необузданный талант, дитя, но эти звезды — мои, и я изучал их пути в течение многих жизней. — Звезды на внешних краях водоворота, кружащегося вокруг Яз, начали гореть красным и улетать из-под ее контроля. Она почувствовала эффект, как ползущее сомнение, подрывающее убежденность.

Яз крепче сжала остатки своего созвездия, отгородившись от инсинуаций холотура. Она попыталась увидеть реку, которая течет сквозь все сущее, попыталась погрузить руки в ее поток и собрать всю необъятность ее силы, но ярость скрыла реку от ее взгляда.

Вместо этого она начала бросать звезды в его надвигающуюся тьму, сверкавшие, как кометы, громовые яростные снаряды. Но почему-то, несмотря на свои размеры, Аргес никогда не оказывался у них на пути. Вместо этого он изгибался, таял или отклонился настолько, что снаряды промахивались и отбивали куски от стены позади.

— Ты сильная, дитя, но тебе не хватает тонкости.

— Я. — Яз с криком швырнула еще одну звезду. — НЕ. — Еще две пробили дыры в холотуре. — ДИТЯ. — Еще одна звезда разорвала тьму, и последняя прорвалась сквозь все запреты на своем пути и так сильно ударило в грудь Эулара, что того отбросило назад, к стене.

Яз стояла, тяжело дыша, внезапно осознав, что бросила свою последнюю звезду.

— А я не там, где ты думаешь, — раздался голос у нее за спиной. Она уже падала, прежде чем успела повернуться к нему лицом. Проваливаясь в темноту далеко вниз, где было не за что и не за кого зацепиться.

Она потянулась к маленькой золотой звездочке, которую так старательно вылепила из пыли в своей камере, пытаясь собрать всю свою силу в один маленький канал и направить ее, как раскаленное добела копье, в сердце холотура. Она почувствовала, как звезда вспыхнула в кармане, куда она ее положила, но напряжение было слишком велико для такой маленькой звезды, и в одно мгновение та снова превратилась в слабо светящуюся пыль, из которой Яз ее сделала. Последний шанс был упущен.

Прошла целая вечность. Яз казалось, что она слепо кружится в темных водах, уносимая тем же потоком, который утопил ее друзей. Она потерялась в темноте, пока не обнаружила, что выныривает на кровавый свет длинной галереи среди молчаливой толпы. Ее лоб болел, и казалось, ее все еще несут. Тот, кто нес ее, шептал что-то низким голосом, бормотал едва

слышную литанию, все слова ускользали.

Очень долгое время Яз только и делала, что висела в темных глубинах своего страдания. Все, кого она любила, погибли, утонули в подземном потоке, без света, без воздуха, без направления. Такое не пережить. Она сражалась и потерпела поражение, ее сила не шла ни в какое сравнение с силой бога. Его уловки уничтожили ее, продырявили, как мех с водой, и оставили пустой; ее теплое сердце было вырвано и заморожено жестоким ветром безразличия мира.

В конце концов голова прояснилась, Яз могла видеть дальше своих первых впечатлений, и она поняла, что ее никуда не несут — она висит в какой-то металлической упряжи, ее пальцы ног на несколько дюймов не достают до каменного пола. Красный свет исходил от звезды, вставленной в то место, где железные полосы пересекали ее грудь, и, что еще более раздражало, от другой, скрытого из виду прямо над ее глазами. Из-за боли во лбу она представила, что звезда, возможно, была закреплена там металлическими скобами, воткнутыми в ее череп.

Она повернула голову. Та казалась такой же тяжелой, как гора. Кости в ее шее скрежетали друг о друга, каждая мышца кричала от напряжения. Все тело болело. Общее красное свечение исходило от упорядоченных рядов, где десятки других заключенных висели, как и она, в железных ремнях, каждый с красной звездой на груди и меньшей звездой на обруче вокруг лба.

Шепот, который пронизывал ее разум, казалось, эхом возвращался к ней со всех сторон, та же самая скрытая мантра, повторяемая множеством звезд. Яз попыталась дотянуться до звезды, пульсирующей у нее на лбу, сначала руками, а когда обнаружила, что ни одна из них не повинуется ей, разумом. Она обнаружила, что, как и звезды в храме, звезды здесь были экранированы, настроены на другой разум, очень отличающийся от ее собственного, и каждый раз, когда она пыталась пробиться сквозь эту защиту, звезда на ее лбу пульсировала, рассеивая ее усилия в жужжащее смятение, которое роилось внутри черепа, заполняя зрение трещинами.

Часть ее — бóльшая часть — не хотела бороться. Она не заслуживала того, чтобы выжить, когда погибло так много людей. Какой будет ее жизнь без них? Среди Икта «один» было просто еще одним словом, обозначающим смерть.

— Эй? — Ее рот не хотел подчиняться ей. Слово бессмысленно пузырилось на слабых губах.

— Я говорил им, что за тобой нужно присматривать. — Знакомый пронзительный голос, говорящий был не виден. У Яз не хватило сил повернуть к нему голову. — Ты не должна была даже дергаться, и все же ты пытаешься говорить. — В поле зрения появился Казик, голова которого была перевязана полоской белого меха там, где Майя ударила его дубинкой. Он поднял длинный нож, который принес в камеру Яз, чтобы убить ее, и приставил холодное железное лезвие к ее шее.

— Хррр. — Губы Яз не сформировали оскорбление, которого она хотела. Она встретила с ним взглядом, желая сжечь его своей ненавистью. Проблеск веры в глубине ее души превратился в пламя, подпитываемое желанием расстроить козни этого человека. *Майя!* Яз была не совсем одинока. Майя сбежала, зараженная страхом холотура. Но девочка была безжалостной и находчивой. Все еще оставалась крупница надежды.

Регулятор поднял костлявую руку, проведя острием ножа по лицу Яз к ее левому глазу.

— Не волнуйся, я не причиню тебе вреда. Скоро мы станем друзьями. Или ты

умрешь. — Он по очереди указал ножом в каждую из сторон. — Все это очень хорошо работает на других. Подавляющее большинство из них выживает. Но среди нас, кванталов... не так много. А для таких, как ты, Эулар и я, редчайших кванталов, у которых есть сродство с ядро-камнями... это часто смертельно. Вот почему Эулар хотел убедить тебя старомодным способом: логикой и разумным прикосновением нить-работы. Но ты сопротивляешься даже этому. А это значит, что такое состояние, скорее всего, убьет тебя. Система принимает твоё сопротивление и обращает его обратно на тебя. Ты буквально сломаешь собственный разум, если попытаешься остановить его изменение. Этот нож, однако, был бы самым добрым вариантом. — Он нажал, и Яз почувствовала острую боль, прежде чем он отвел клинок. — Но, если твоё мнение изменится, ты будешь спать, как и другие, вне владычества времени. Пока не понадобишься нам.

Яз чувствовала шепот, как будто это был угорь, скользящий по её мозгу, глубоко закопавшийся, извивающийся за её мыслями.

— Обычно мы оставляем наших гостей тихо меняться, а затем будим их по мере необходимости. Тебя, однако, я не собираюсь оставлять в одиночестве. — Он склонил голову набок и наклонился ближе с кислой улыбкой. — Я не верю, что ты будешь здесь, когда я вернусь. Так что вместо этого, Яз из Икты, я останусь здесь и посмотрю, как ты умрешь. А если тебе не удастся убить себя... что ж, я полагаю, Эулар добьётся своего, и ты действительно поведешь нашу армию против зеленых земель.

Яз хотела отрицать это, но она уже чувствовала, как шепот начинает сливаться с более глубокими голосами её собственного разума. Она старалась не слушать его, пыталась отвлечься, сосредоточившись на человеке рядом с ней, едва видимом краем глаза. Молодая женщина с длинными темными волосами.

О нет.

Холодная рука сжала сердце Яз. Куина висела там, с отвисшей челюстью, с такой же железной лентой вокруг головы, которая, должно быть, была вокруг её собственной. Расплывчатость исчезла из глаз Яз, и она впервые с отвращением увидела, что множество тонких черных проводов тянется от ленты, чтобы зарыться под кожу, закрепляя её там, как растение, укоренившееся в почве.

— Теперь ты узнаешь её? Ещё одна, которую я отправил вместе с тобой в Сломанные, — сказал Казик. — Должно быть, она очень быстрая, раз охотники так скоро её поймали. — Он улыбнулся своей узкой улыбкой. — Я думаю, мы соберем вас всех вместе. Ты должна послушаться звезд, Яз, и посмотреть на вещи по-нашему. Будем друзьями. В конце концов, тебе нужны новые друзья. Те, что у тебя были, все мертвы или висят здесь с тобой. И я сказал звездам, чтобы они забыли, кто ты, так же, как ты скоро забудешь, кто они.

Казик приставил лезвие к щеке Яз и повернул её голову. Там, с другой стороны, выглядя крошечной в своей упряжи, висела Майя, её глаза были устремлены в какую-то далекую точку, красная звезда светила на её лбу.

Последний проблеск надежды угас в груди Яз. Мир стал более холодным и серым, а шепот — более громким и всепроникающим. Турин, по крайней мере, был в безопасности. Счастлив со своим народом. Он остался последней крупницей добра, за которую она должна держаться. Она спросила себя, расскажет ли он своим детям истории о девушке, которую знал в юности и которая ушла, чтобы найти зеленые земли, где не нужно страдать от власти льда. Скажет ли он им, что она сделала это, что она живет в тепле и свободе среди порхотуний и деревьев? Из её глаз скатилась одинокая слеза. Она почувствовала, как слеза

покатилась по ее щеке. *Икта не плачут. Вода на льду — драгоценность. Расточительность — смерть.*

Казик вышел из ее поля зрения, а затем вернулся с кучей мехов, которую бросил у стены, где она могла видеть. Он уселся на эту кучу и поудобнее устроился:

— Когда-то я был Икта.

Яз сказала бы ему, что быть Икта — не то, что можно отложить в сторону, как нельзя оставить сзади свой позвоночник. Но, даже если она все еще командовала бы своим ртом, у нее больше не хватало духу спорить с ним. Ее путешествие закончилось. Она прыгнула в Яму Пропавших и с тех пор падала. Теперь она нашла дно своей личной ямы, и если из нее кто-то и выйдет, то это будет уже не Яз.

— Я слышал все эти истории о Зене и Мокке в течение долгой ночи, еще до того, как они взяли меня на встречу, — сказал Казик, теперь его тон был задумчивым. — Всю эту ложь. Но Скрытый Бог говорит нам, что во всей самой древней лжи есть зерно истины. Даже те, что о любви... — Он покачал головой, словно избавляясь от раздражения. — Раньше мне больше всего нравились истории с Маштри.

Как и Яз. Маштри, Богиня-изгой в Небе, пришла на землю северным ветром и творила бесконечные жестокости над Зеном, стремясь покончить с ним любым количеством способов. Но тот всегда расстраивал все ее планы.

— Ты знаешь, в чем дело с этими историями, почему Маштри всегда ошибалась?

Яз знала. Она узнала это еще ребенком, слишком маленьким, чтобы прийти на встречу.

Регулятор кивнул, увидев понимание в ее глазах.

— Когда Маштри ловила Зена в свои ловушки, и он не мог убежать, она всегда уносила его на лед и оставляла на произвол судьбы. И вот тогда Зен находил умный выход и сбегал. — Казик прислонился спиной к стене, наблюдая за Яз своим бледным взглядом, взглядом Икта. — Поэтому я останусь здесь и буду наблюдать за тобой, пока все это не закончится, так или иначе. Игра окончена, Яз. — Он поудобнее устроился на мехах. — Ты проиграла.

Черная вода, хлынувшая из ворот, поглотила свет. Поток проглотил Турина, и приглушенный свист вихря сменился громом при его приближении. Невидимые пальцы схватили Турина прежде, чем он успел закричать, оторвали от Хетты и на огромной скорости понесли по коридорам подземного города.

Потрясение вырвало воздух из его легких, и замешательство почти заставило его попытаться втянуть его обратно. Такие понятия как «вверх» и «вниз» потеряли всякий смысл. Объем и ярость воды ошеломили его чувства. И хотя было не так холодно, как в озерах под Ямой Пропавших, все равно вода была намного холоднее, чем его кровь. Но замерзнуть насмерть Турин не боялся. Он подавил желание сделать новый вдох, зная, что вскоре его легкие отнимут у него выбор. Сейчас значительно важнее было не врезаться в стену. Резкий скользящий удар в бедро подчеркнул этот страх.

Турину потребовалось больше времени, чем он когда-либо признался бы, чтобы вспомнить, что он в своей стихии. На самом деле видение потока воды не всплывало на поверхность среди его паники, пока его сердце не забилося в груди, а оба легких не наполнились абсолютной потребностью вдохнуть. Его чувства показывали форму заполненных водой туннелей вокруг него, направление потока, сложность вихрей и течений, оставленных в кильватере наступающих фронтов.

То тут, то там его лед-работа обнаруживала места, где между потолком и потоком могли быть пойманы воздушные карманы, сжатые в углах силой потока. Это было труднее, чем оторвать его тело от земли, но его потребность была больше, и каким-то образом Турин сумел направить себя к одному из таких карманов. Он вынырнул на поверхность и сумел продержаться там несколько судорожных вдохов, и все это время страшная тяга воды пыталась утащить его через ближайший дверной проем.

Турин знал, что не сможет долго сопротивляться течению. Разделение потока вокруг себя отнимало у него все силы. И он понятия не имел, как долго продлится наводнение. Насколько он знал, другая сторона ворот могла быть под морем, способным обеспечить бесконечное количество воды и утопить весь подземный город в течение нескольких часов. Он сделал еще пару глотков драгоценного воздуха, а затем позволил течению себя забрать.

На этот раз он сосредоточил свою лед-работу, чтобы окружить себя защитным барьером из воды, оболочкой, которую он носил с собой, чтобы отразить и заглушить любые удары. Он нащупывал путь своим вода-чувством, представляя себе форму потока и ожидающие угрозы, которых нужно было избежать.

Он сделал еще несколько вдохов, вращаясь на вершине воронки, где нисходящая шахта поглотила часть потока. Даже в вихревой сумятице водоворота Турину казалось, что он должен следовать за поднимающейся водой, а не за нисходящими потоками, и что, если он достигнет стремительного переднего края потока, у него, по определению, будет воздух. По крайней мере, до тех пор, пока не будет тупиков.

Турин вырвался из водоворота и позволил главному течению тащить себя вперед. На этот раз он попытался взять с собой пузырь воздуха и держать его над головой, но это оказалось слишком трудно в потоке воды и со всеми другими требованиями к его концентрации. Вместо этого он сосредоточился на том, чтобы мчаться впереди потока,

проталкиваясь сквозь мчащуюся воду, избегая столкновения со стенами, и все время надеясь добраться до переднего края прежде, чем воздух в его легких станет кислым.

Великий потоп растекался во всех направлениях, заливая весь подземный город, заполняя каждую впадину и тупик. Но Турин также чувствовал, как вода поднимается вверх, не в состоянии стекать вниз достаточно быстро, чтобы удовлетворить приток из ворот. Это был поток, по которому он решил последовать.

Турин рванулся вперед, слепой, почти не контролируя себя, полагаясь на образ в голове, который обеспечивало его вода-чувство, временную модель затопленных и затопляемых туннелей.

Его легкие снова начали болеть, сердце грохотало. Потребность в воздухе начала затуманивать образ, на который он полагался. Он был близко, он догонял стремительно мчащийся передний край воды. Это была еще не стена, но все еще поток, который за два удара сердца становился по грудь, а еще за два пенящаяся масса заполняла туннель до крыши.

Турин вырвался на поверхность с собственным ревом, который был неслышен из-за грохота дикой воды. Он посвятил все свое мастерство тому, чтобы удержаться там, среди пены и пузырей, подняв голову в воздух и все время мысленно прощупывая поток впереди, чтобы определить его продвижение.

Поток нес его вверх по длинному извилистому склону туннеля, теряя ярость, хотя она была далеко не исчерпана. У него было время заметить, что его смывало с точной архитектуры подземного города и он снова оказался в вырубленных вручную проходах под Черной Скалой. Звезды висели тут и там в клетках, их свет ненадолго мерцал в потоке, прежде чем туннель полностью заполнялся и топил их в грязном водовороте.

У Турина даже было время подумать о том, как ему холодно. Его понесло по длинному неосвещенному участку туннеля, и впереди его напряженные чувства обнаружили два небольших, но отчетливых тела. Человеческие тела. Раздались крики, когда передний край потока закружился вокруг них. Свернув за поворот, он увидел множество звезд, которые, казалось, висели в воздухе, и большую фигуру, почти загораживающую туннель, течение разбивалось об нее. Фигура выглядела какой-то неправильной, даже для геранта — слишком однородное туловище, слишком тощие конечности. Невероятно, но она удерживала свое положение, несмотря на вес воды, длинные руки тянулись к стенам, чтобы за что-то схватиться. Оставалось пролететь всего несколько ярдов, и Турин приготовился к столкновению с существом, когда внезапно поток победил, и его тоже унесло. Еще больше звезд освещало туннель впереди, и в их слабом свете Турин увидел одинокую фигуру размером с человека, которую поток мотал из стороны в сторону и которая проигрывала борьбу за то, чтобы удержать голову над быстро углубляющейся водой.

Боль, раскалывающая мозг Турина, сказала ему, что его силы на исходе. Просто сохранять себе жизнь было достаточно трудно. Часть его хотела, чтобы этот человек перестал бороться и затерялся под бурлящей водой — и исчез из вида, — что позволило бы Турину сосредоточиться на собственном выживании. Голова мужчины ушла под воду, как будто боги забрали его в ответ на тайную молитву Турина. *Вероятно, он был жрецом. Та штука, что была с ним, была сделана из металла. Охотник. Лучше, чтобы оба погибли бы в потоке.* Но с рычанием разочарования Турин потянулся за оставшейся у него силой и рванулся вперед быстрее, чем течение. Он знал, как ужасно тонуть в темноте, и что-то в нем не позволяло ему ничего не делать, в то время как другого постигала такая участь — даже

жреца Черной Скалы.

— Почему. Ты. Появился. — Турин потянул на себя мокрое тело, за которое ухватился во время наводнения. — Ты. Чертовски. Тяжелый. — С последним усилием он подтащил человека, чтобы присоединиться к нему на выступе скалы, затем упал, задыхаясь и дрожа. Мужчина лежал лицом вниз, по его лицу текла мутная вода. Наводнение почти достигло полной высоты, в главной пещере поднявшись до уровня груди или шеи. Полка осталась сухой, хотя и была усеяна болезненно угловатыми кусками породы, от какой-то заброшенной шахты. Три маленькие звезды горели в клетках на стенах в паре футов над водой, наполняя верхнюю часть пещеры мерцающими сумерками.

Турин застонал и заставил себя сесть. Его череп пульсировал от основания до бровей и от уха до уха. Он чувствовал себя опустошенным, совершенно выпотрошенным. Он протянул руку и ткнул мужчину в ребра:

— Лучше бы ты утонул.

Мужчина, явно не жрец, учитывая шкуры его клана, даже не дернулся.

— Черт. — Турин сплюнул в медленный водоворот остановившегося потока. Он сомневался, что когда-нибудь избавится от этого вкуса. Что-то грубое и органичное. — Я должен был позволить тебе уйти под воду. — Но он знал, что если бы он не предпринял никаких усилий, чтобы спасти этого человека, что-то от него самого тоже было бы потеряно, и что он никогда не смог бы его вернуть.

Он положил голову на руки и локти на колени, испустив долгий вздох изнеможения над журчанием воды, теперь спорящей о том, в какую сторону идти.

Лежащий человек так громко зашипел, что Турин испугался и чуть не упал в озеро.

— Здесь! — Турин приподнял его голову, держа за крепкое плечо. — Полегче. Позволь мне помочь... *Квелл?* — Турин чуть не уронил его. С внезапным холодным потрясением он понял, что *Яз*, вероятно, была одной из тех, чей крик он слышал при приближении потопа. — Где *Яз*? Она была с тобой?

Несколько минут *Квелл* мог только кашлять, дважды останавливаясь, чтобы извергнуть черный поток в отступающую воду. В конце концов, покрасневший и охрипший, он сумел прохрипеть:

— Эррис?

Турин нетерпеливо покачал головой:

— *Яз* была с тобой?

На этот раз ужу *Квелл* покачал головой, снимая тяжесть с сердца Турина.

— А как же *Зин*? *Майя*? *Као*? — Турин ненавидел думать о том, что кто-то из них утонул. — *Яз* была поблизости? — Она все еще могла утонуть или оказаться в воздушном кармане.

— *Као*. — *Квелл* закашлялся, затем заставил себя остановиться. — Только *Као* и Эррис.

— Я их не видел... — Чувство вины охватило Турина. Он был слишком занят спасением себя, чтобы помогать другим.

Квелл снова покачал головой, с его черных волос все еще капала вода. Он поднял на Турина налитые кровью белые-на-белом глаза:

— *Као* был уже мертв. Наблюдатель убил его

— А *Яз*? — повторил Турин.

Квелл вытер рот тыльной стороной ладони:

— Эррис хотел подняться вверх. — Он указал на потолок.

— Наверху, — пробормотал Турин.

— Что?

— Она на вершине горы.

— Откуда ты знаешь? — Квелл подозрительно посмотрел на него.

Турин нахмурился и посмотрел вниз, переводя взгляд на воду:

— Мне сказали ведьмы.

Турин и Квелл вместе встали, каждый так же неуверенно, как и другой.

— Тогда нам пора, — сказал Квелл.

— Да, — кивнул Турин.

Во время долгого медленного подъема через утробу Черной Скалы, они оба немного высохли, хотя их шкуры оставались влажными, состояние, которое Квелл большую часть своей жизни считал смертным приговором, а Турин — естественным следствием жизни в постоянно тающих ледяных пещерах.

Они обсуждали тот факт, что ни один из них не знал дороги, но Квелл рассудил, что, поскольку гора заканчивается точкой, то, если они продолжают подниматься, в конечном итоге их выбор уменьшится, пока они, наконец, не найдут самую высокую комнату. Если повезет, Яз окажется внутри.

Квелл позволил Турину задавать темп:

— Ты повредил ногу.

Турин нахмурился и кивнул:

— Надорвал мышцу. Может быть, во время наводнения. Или раньше, когда на меня напала Хетта.

— Ты сражался с Хеттой? — Квелл поймал себя на том, что снова неохотно переоценивает своего соперника. Когда Яз впервые представила их друг другу, Квелл решил, что Турин — угрюмый мужчина-ребенок, тощее ничтожество, которое он может сломать об колено, если понадобится. Но он показал себя храбрым и находчивым, не говоря уже о том, что мог владеть силой меньшего бога. Квелл знал, что должен был верить в здравый смысл Яз, но он очень сильно хотел быть тем, на кого она могла положиться, тем, кто спасет ее. — Я слышал, что эта Хетта может задушить хулу.

Турин рассказал о своих приключениях с Хеттой, о галерее похищенных Сломанных, удерживаемых в вечном сне, об армии, готовой сражаться и умереть за Скрытого Бога. И о том, как Хетта спасла его, но только для того, чтобы ее разум был сломан, и как она напала на него перед воротами, к которым его привели сестры.

Квелл, в свою очередь, рассказал о железном псе и о том, как его исцелила потерянная сестра, Квелла. Он считал, что ее вполне могли разбудить из спящей армии, которую нашли Турин и Хетта.

— Племена должны узнать об этом, — сказал Квелл.

— Как и Сломанные, — сказал Турин. — Это наши люди, украденные у нас в расцвете сил.

— Они были нашими, когда-то. — Квелл нахмурился. — Те, кого они называли самыми слабыми из нас. — Хотя он и сам видел, что их слабость была просто еще одним видом силы.

— Теперь они — ключ ко всему этому. — Турин махнул рукой в сторону хорошо вырезанного прохода, простиравшегося перед ними. — Армия на службе у жрецов.

Квелл удивленно покачал головой. Одна из простых истин его жизни оказалась ложью. Сколько еще лжи лежит в том основании, на котором он построил себя? Что еще скрывается подо льдом? Что еще скрывается внутри Черной Скалы?

Турин шел впереди, объясняя Квеллу, как в ужасе наводнения он обнаружил, что может протянуть свое вода-чувство на значительное расстояние впереди себя:

— Если бы я мог сделать это с Запятнанными, а затем с группировкой Пома, жизнь Сломанных была бы намного проще! Но наши пещеры сделаны изо льда, и он скрывает от меня все.

Квелл старался быть начеку, пока они продвигались по длинным, однообразным коридорам. Он попытался использовать свои глаза и уши, даже обоняние, вместо того, чтобы полностью полагаться на магию Турина. Однако его мысли блуждали, онемев от однообразия этого места. И в каждое пустое мгновение вкрадывался образ умирающего Као. Зрелище, звук, даже вонь. Мальчика насадил на один из длинных когтей Наблюдатель, а затем, не раздумывая, отбросил его в сторону.

Он знал Као не слишком долго и не слишком много думал о нем, пока тот был жив. Квелл поймал себя на том, что сожалеет об этом. Икта думают об Икта. Заботятся об Икта. Но Яз заботилась обо всех Сломанных. Квелл видел это. И не потребовалось много времени чтобы его собственные границы начали разрушаться. Икта заботятся только об Икта, но они также не видят никого другого в течение многих лет подряд. Если не считать встреч, другие кланы были не чем иным, как редкими пятнами на южном горизонте. Но теперь Као умер прямо у него на глазах, и тень мальчика преследовала тихие уголки его сознания.

— Ты в порядке? — Турин остановился на углу и оглянулся.

Квелл глубоко вздохнул.

— Все хорошо.

— Као?

Квелл кивнул.

Они обменялись сложным взглядом, частично стыдом, частично сожалением:

— Теперь он с богами.

Квелл надеялся, что это правда. Он надеялся, что боги — нечто большее, чем сказки, и что некоторые из них любят своих детей, которые ходят по льду. Он надеялся, что в мире есть нечто большее, чем время, проведенное в борьбе с холодным и бесконечным ветром, когда нет «до» и «после».

Дважды Турин чувствовал присутствие других впереди и отклонялся, чтобы избежать их. В третий раз он сказал, что неизвестные быстро приближаются. Квелл едва успел развернуться и побежать за ним. Если бы они попали в длинный отрезок прямого туннеля, их бы заметили. А так им пришлось спешить назад, казалось, целую вечность, все время беспокоясь, что нога Турина замедлит их до такой степени, что их поймут. В конце концов, пока Турин спотыкался и ругался, они нашли комнату, в которую могли нырнуть, и спрятались по обе стороны двери, пока звук торопливых шагов не прошел мимо.

— Это было близко, — выдохнул Турин.

Квелл, не обеспокоенный бегом, ничего не сказал, только уставился в комнату. В слабом свете звезд виднелась огромная груда ржавого железа:

— Как они могли оставить его без охраны?

Турин пожал плечами.

— Кто его может украсть? — Он подошел ближе к куче, оценивая ее. — Здесь, должно быть, доставка от Сломанных за целый год.

— Я никогда не знал, что в мире так много железа. — Квелл покачал головой. — Твой народ послал столько всего за один год?

Турин кивнул.

Квелл потер лицо руками.

— Ложь, которую они нам говорят... — Он протянул руку, чтобы коснуться длинного железного прута.

— Наши мусорщики выковыривают их из каменных стен Пропавших, — сказал Турин.

— Наш клан голодал бы три года, чтобы дать жрецам рыбу, которую они потребовали бы только за этот кусок.

Настала очередь Турина удивляться.

— Звучит так, словно мы должны иметь дело напрямую! — Он криво улыбнулся. — Большинство из нас там, внизу, — дети родителей, живущих здесь, наверху. Сломанные заключают честную сделку.

Какое-то мгновение они оба стояли, глядя на кучу метала, погруженные в свои мысли.

— Ты пришел за нами, — сказал Квелл, внезапно решившись высказаться. — За Яз.

Турин пожал плечами, почти смутившись.

— Но в конце концов, ты меня спас. — Даже сейчас Квеллу было трудно произнести эти слова. — Благодарю тебя.

— Ты бы сделал то же самое. — Турин сжал губы в неудавшейся улыбке.

— Она была бы моей, — сказал Квелл. — Яз. Если бы Зина не бросили в яму. Если бы Яз не была... такой, какая она есть... — Он замолчал, подбирая слова.

— Но она такая, какая есть, — сказал Турин.

— Я люблю ее. — Квеллу не понравилась трещина в собственном голосе. Сила дрожала в руках, желая насилия, которое отвергал разум: — Я видел, как наши жизни бегут впереди нас. Как у моих отца и матери. Однажды она возглавила бы клан. Это знали все, кроме нее. Ты можешь увидеть это в ней, просто взглянув.

Турин посмотрел себе под ноги:

— Сколько я себя помню, я тоже видел, как моя жизнь простирается передо мной, и я никогда не видел в этом ничего хорошего. Все изменилось, когда она появилась среди нас. Теперь я понятия не имею, что предложит следующий день, не говоря уже о следующем годе. Я думаю, может быть, так лучше.

Квелл фыркнул.

— Может быть. — Он нахмурился, вспомнив наводнение. — Вчера я бы сказал тебе, что она предпочтет Эрриса любому из нас. Я не мог винить ее за это. Он был хорошим человеком. Но сегодня он ушел и...

— Я бы не был так уверен, — сказал Турин.

Квелл моргнул.

— Ты видел это наводнение. Ты был в нем! — Он проглотил *«Ты сам вызвал его»*.

— Ты назвал его хорошим человеком, но ты только наполовину прав.

Квелл вздрогнул от обвинения. Эррис не был его другом, но этот человек погиб храбро:

— Он...

— Он может быть хорошим, но он не человек, — сказал Турин. — В нем воды не больше, чем в камне. Ни крови, ни пота, ни слез. У него такая же форма, как и у нас, но он ближе к охотникам. Он — что-то сделанное.

Квелл моргнул:

— Ты уверен?

Кивок.

— Я... — Квелл поджал губы, сделал паузу, затем начал снова. Он подумал о

коричневой полоске кожи, которую Эррис использовал, чтобы запечатать его рану. — Я уже почти ничего не знаю. Все меняется слишком быстро. Но я не могу сказать, что Эррис не мужчина. Если он говорит как мужчина и ведет себя как мужчина, хочет как мужчина, дерется как мужчина... может быть, не имеет значения, из чего он сделан? Я ношу часть его кожи, и это не делает меня менее человеческим.

— Но... — Турин оборвал свое возражение и покачал головой.

— Помнишь чудовище, которое носило тебя, как шкуру, Турин. Ты был из костей и крови, но мысли в твоей голове не принадлежали человеку. И если бы демон внутри съел тебя так, что ты бы никогда не вернулся... мы бы все еще называли бы эту плоть человеком?

Настала очередь Турина хмуриться и размышлять. Через некоторое время он поднял голову:

— Я думаю... нам пора в путь. Я понятия не имею, что будет дальше, но пусть это произойдет где-нибудь в другом месте.

Квелл кивнул. Он остановился, чтобы осмотреть груды металла, вытащил из нее тяжелый железный прут и последовал за Туринном.

Турин шел впереди, теперь его хромота стала более заметной. Обходов и пауз становились все больше по мере того, как они поднимались выше. Однажды одинокий человек, которого Турин почувствовал издали, приближался к ним, продолжая делать те же повороты, что и они, пока, наконец, не загнал их в угол в освещенной звездами комнате, где дюжина постельных принадлежностей была разложена по стенам. Они ждали по обе стороны от входа, нервно поглядывая друг на друга. Тот, кто выслеживал их, был хорошим следопытом!

Но их преследовательница вошла, не глядя по сторонам, потирая лицо. Одинокая стражница, а не послушник, жрец или один из разрушителей разума, со звездами вместо глаз. Она просто шла спать. Квелл вырос позади нее с прутом, но вместо этого ударил ее по голове кулаком.

Они оставили ее распростертой у входа. Часть Квелла считала странным, что — с таким количеством комнат в их распоряжении — двенадцать из небольшого населения Черной Скалы решили жить вместе в одной комнате скромных размеров. Но остальная часть его понимала, что привычки умирают с трудом, и на огромном ледяном пространстве прижаться друг к другу — единственный способ выжить.

Перекрестков перед ними становилось все меньше, подъемы постепенно удлинялись, и, хотя не было никакой возможности быть уверенным, у Квелла возникло ощущение, что они приближаются к вершине горы. Турин казался менее уверенным, думая, что, возможно, они были рядом с галереей, где висела армия. Он сказал, что некоторые коридоры показались ему знакомыми, хотя для Квелла все они выглядели одинаково.

— Быстрее! Назад! — Турин повернулся и заковылял обратно в ту сторону, откуда они пришли.

Квелл последовал за его плечом.

— Они слишком близко. Их слишком много. — Турин, пошатываясь, вошел в узкий, неосвященный боковой проход. К сожалению, через несколько ярдов все закончилось. Какая-то ниша для хранения, а не настоящий проход. В главном коридоре раздались шаги, близкие, многочисленные, целенаправленнодвигающиеся.

Квелл вжался в тень. Он крепче сжал железный прут и запер воздух в легких, предупредив каждый мускул не дергаться.

Мимо, не сбавляя шага, прошли трое охранников. Затем еще двое несли между собой пленника, подвешенного на веревках из шкур вокруг запястий и лодыжек. Маленький заключенный. Ребенок! Квелл нахмурился, кончик его прута поднялся на ширину пальца. Следом появилась жрица в рясе, черной, как кожа крот-рыбы. Мать Крей, самая младшая из четырех жрецов, приветствовавших их, когда они впервые появились перед горой. Она запнулась, повернув голову в их сторону, но следующий шаг скрыл ее из виду. Еще два охранника, и все они прошли мимо, их шаги затихли вдали.

Квелл поспешил ко входу, посмотрел налево, потом направо и решил продолжить путь, которым они шли. Турин схватил его за плечо:

— Разве ты ее не видел?

— Жрицу? Конечно видел. Радуйся, что она не видела нас.

— Майя! У них была Майя! — Турин стоял, не двигаясь ни в ту, ни в другую сторону.

— Мы здесь из-за Яз, — сказал Квелл без особой уверенности. Девушка не была Икта но она спасла их от мрачной судьбы в черном льду. Яз без колебаний пошла бы за ней.

— Сначала нам нужно освободить Майю. — Турин говорил так, словно хотел, чтобы его отговорили.

— Мы могли бы забрать Яз, а потом... — Квелл замолчал. Квелл, которого хотела спасти Яз, сначала спас бы Майю. — Он вздохнул. — Мы знаем, где найти Майю. С этого и следует начать.

Оба на мгновение опустили глаза, а затем, без дальнейших слов, отправились вслед за группой, несшей Майю. Через два угла они заметили свою добычу, удаляющуюся по длинному проходу. Турин поспешил вперед. На этот раз руку к плечу протянул Квелл:

— Будь осторожен.

— Мы должны остановить их, прежде чем они повесят Майю вместе с остальными и используют звезды, чтобы поработить ее, — сказал Турин.

Квелл покачал головой.

— На льду мы боимся жрецов не просто так. И я видел их мощь. — Воспоминание с разрушительном высвобождении Валаком света и тепла тронуло голос Квелла благоговейным страхом. Если бы пес не прервал заклинание жреца, Квелл испытал бы всю эту силу на своей шкуре.

Они осторожно последовали за группой и наблюдали из-за угла, как жрица последовала за охранниками через вход, из которого лился темно-красный свет.

Турин нахмурился, как будто вспомнил этот свет и шепот, который он пробудил в его сознании.

— Будет лучше, если мы подождем, пока жрица снова уйдет. И охранники. Я думаю, что этим звездам нужно время, чтобы внушить свое зло. Если мы вскоре доберемся до Майи, с ней все будет в порядке.

Квелл подумал о разнице между «возможно будет» и «будет»:

— Согласен.

Это заняло достаточно много времени, чтобы у них обоих было время усомниться в своем решении и высказать свои сомнения, но в конце концов жрица появилась, за ней последовало семь охранников. Она оставила двоих наблюдать за входом в комнату и ушла вместе с остальными. Двое оставшихся были крупными мужчинами с железными

нагрудниками, шлемами и мечами на бедрах. Дверной проем между ними светился, как пасть самого жаркого ада.

— Черт. — Турин освободил место, позволив Квеллу еще раз взглянуть.

— Ты можешь оторвать их от земли одной мыслью, — сказал Квелл.

— И ты можешь взять по одному в каждую руку и стукнуть ими друг о друга.

— Это не так просто.

— Как и для меня.

Квелл хлопнул по ладони украденным железным прутком.

— Пойдем и разберемся с ними.

Они быстро двинулись по коридору, не делая попыток спрятаться. Регулярно расположенные звезды не давали никакой реальной возможности приблизиться скрыто. Когда двое мужчин заметили их и потянулись за мечами, Турин мысленно толкнул обоих, отчего они растянулись на земле. Квелл был на них, когда они поднялись, пнув более крупного мужчину в живот и, схватив другого за шкуры, отбросил к стене. Через несколько мгновений оба охранника свернулись вокруг своих ран, слишком раненные, чтобы уползти далеко. Турин на всякий случай связал им запястья кожаными шнурами.

Квелл стряхнул жжение с костяшек пальцев, глубоко вздохнул и вошел в дверной проем, залитый кровавым светом сотен звезд.

Он увидел Яз раньше, чем увидел Майю, висящую рядом с ней. В отличие от своих соседей, обе висели с опущенными головами, словно без сознания. Десятки людей вокруг смотрели прямо перед собой тем стеклянным, невидящим взглядом, который так нервировал Турина:

— Помоги мне их снять.

Только повернувшись обратно к Яз, Квелл увидел темную фигуру, поднимающуюся среди рядов. Регулятор Казик вышел и встал рядом с Яз, багровый свет заливал его глаза.

— Молодой Квелл. И ты привел друга... — Жрец пренебрежительно смерил Турина взглядом. — Я удивлен, что ты до сих пор не вернулся на лед, Квелл. Но, судя по шуму снаружи и отсутствию двух человек, оставшихся охранять это помещение, ты решил отказаться от условий нашей сделки. — Регулятор поднял руки, обе светились тем же белым светом, что и у Яз, когда она касалась источника своей силы. Между его пальцами полетели искры.

— Ты сказал, что, если я верну ее, Яз сможет жить той жизнью, которую она выберет. — Квелл знал, что должен бояться жреца, но его гнев не разделял этого понимания и неумолимо рос. — Здесь, среди жрецов, или снова со своей семьей на льду.

— И это то, что она выбрала. — Казик склонил голову. — Она выбрала это своими поступками.

Квелл сделал шаг назад, подводя его к Турину. Он пробормотал тихим голосом, говоря уголком рта:

— Размажь его о потолок.

Турин ответил напряженным и таким же тихим голосом:

— Я пытаюсь с тех пор, как вошел.

— Я думаю, мы соберем вас всех вместе. — Голос Казика донесся сквозь холодный красный туман, окутавший мозг Турина. Он попытался открыть глаза; затем, осознав, что они уже открыты, попытался увидеть.

— Ты должна послушаться звезд, Яз, и посмотреть на вещи по-нашему. Будем друзьями, — продолжал Казик.

Турин видел, что Яз висит перед ним, с Майей по одну сторону и Куиной по другую. Регулятор расхаживал взад-вперед перед Яз. Турин попытался повернуть голову, чтобы посмотреть, висит ли рядом с ним Квелл, но обнаружил, что не может этого сделать.

— В конце концов, тебе нужны новые друзья. Те, что у тебя были, все мертвы или висят здесь с тобой. И я сказал звездам, чтобы они забыли, кто ты, так же, как ты скоро забудешь, кто они. — Злорадство Казака казалось чем-то далеким. Турину хотелось спать, слушать другой голос, тот, что шептал у него за глазами. Он не мог понять слов, пока не мог, но знал, что скоро поймет, если будет слушать достаточно внимательно.

В кулаке Казика красновато блеснул нож. Он поднес его к лицу Яз. Турин попытался пошевелиться, но мышцы не слушались его, каждая спала сама по себе. Он попытался протянуть свою лед-работу и отшвырнуть человека прочь. Но это не работало даже до того, как его повесили в железной упряжи со звездой на груди и на лбу. Казик овладел Квеллом и Турином так, словно они были детьми. Они упали в течении нескольких ударов сердца друг после друга, ослепленные светом, который жрец вызвал из своих рук.

Турин висел там, пытаясь сосредоточиться, пытаясь собрать свой гнев в полезный шар, в то время как жрец говорил Яз, что ее друзья мертвы или захвачены в плен, что она одна, и что он будет смотреть, как звезды поработают ее или уничтожат.

Турин попытался сказать, что не умер, что он прямо за ней, что он пришел сюда из ледяных пещер, чтобы найти ее. Но его губы едва шевелились, и он молча висел вне поля ее зрения и, без сомнения, вне ее разума.

В конце концов Казик надоело словесно мучить Яз, и он удалился на меха, которые бросил у стены. Он оставил Яз висеть, время от времени бросая на нее прищуренный взгляд. Турин тоже висел, как повешенный плащ в сушильной пещере, пытаясь сопротивляться сну, который хотел утащить его вниз и оставить глаза открытыми. Он чувствовал, что его ждут сны, и они пугали его.

Он долго смотрел на затылок Яз, на черные волосы, на медную кожу ее шеи. Она не знала, что он был там, почти достаточно близко, чтобы протянуть руку и коснуться ее. Регулятор показал ей только Майю и Куину. Он висел, беспомощно наблюдая.

Время перестало иметь значение. Вид никогда не менялся. Свет никогда не менялся. Турин начал задаваться вопросом, не отговаривает ли его шепот не только от собственного мнения, но и от течения дней. Какая бы оболочка ни стояла между пленниками и течением лет, Турин знал, что она медленно смыкается и вокруг него, изолируя его от мира. Он боролся с этим. Регулятор помогал, хотя Турину были видны только его ноги. Каждое легкое подергивание, каждое изменение положения возвращало идею прогресса и перемен, идею о том, что это удар сердца отличается от предыдущего.

В какой-то момент сон поймал его в ловушку, но одно яркое пятнышко вернуло его с

края пропасти. Сначала он подумал, что ему это показалось, так как блестящего пятнышка нигде не было видно. Но затем оно подплыло ближе, снова поймав его взгляд. Крошечное и золотистое, как пылинка, пойманная лучом света, пробивающимся между шкурами в сушильной пещере. Оно проплыло мимо него, по-видимому, без цели, хотя Турин не мог себе представить, что его направляло, поскольку никакое дуновение ветра не шевелило воздух среди неподвижных рядов.

Турин смотрел ему вслед, испытывая внезапную печаль, когда думал, что оно уплывет из его поля зрения. Но вместо этого оно поднялось и свернуло за плечо Майи, прежде чем потеряться на дальней стороне от нее. Даже когда он оплакивал его уход, его внимание привлекла еще одна крошечная точка света, на этот раз поднимающаяся откуда-то из-за бедра Яз.

Снаружи послышались шаги, но не охранников. Тяжелые, одетые в железо. Что бы ни надвигалось, оно было огромным. Казик тоже услышал это и с проклятием вскочил на ноги. Он выхватил нож и попятился вдоль рядов висящих пленников.

Когда вновь прибывший вошел в дверной проем, Турин с удивлением обнаружил, что тот гораздо меньше, чем он себе представлял. Если бы вновь прибывший встал рядом с ним, то не доставал бы ему выше бедра. И все же существо двигалось очень тяжело. По проблескам, видневшимся между телами в первом ряду, Турин не мог понять, что это было. Оно, казалось, было покрыто шелушащейся грязью, которая падала с него, когда существо поворачивало тупую голову сначала в одну сторону, затем в другую.

Эррис шел за ним, купаясь в кровавом свете звезд. Он смерил Казика мрачным взглядом:

— Ты должен позволить мне взять их, жрец.

— Все здесь принадлежит Скрытому Богу, — сказал Казик. — И ты должен знать, что я могу сорвать плоть с твоих костей, незнакомец. — Жрец поднял пустую руку.

— Сомневаюсь. — Эррис позволил себе слегка улыбнуться.

Он заговорил с существом, которое теперь стояло между ним и Казиком, и звуки, исходящие из его рта, звучали так, как не должен был бы издавать человек. Существо, которое, как начал думать Турин, должно было быть железным псом, описанным Квеллом, тяжелыми шагами пошло к Казику.

Казалось, Казик растратил свою силу на Квелла и Турина, потому что его рука осталась пустой. Вместо этого он потянулся к дальнему концу галереи, и град алых звезд пронесся по воздуху, чтобы закружиться вокруг него. Он выстрелил ими в собаку и в Эрриса, как мальчишка, швыряющий горсть камней, хотя с такой силой, которая могла бы пробить дыру во лбу геранта и выйти из его затылка.

Звезды, ударившие в собаку, заскулили и отскочили, оставляя чистые полосы блестящего металла там, куда попали. Эррис просто убрался с их пути с размытой скоростью полн-кровки хунска. Раздался единственный глухой удар чем-то более мягким, чем железо.

— Ты промахнулся, — сказал Эррис.

— Думаю, что нет. — Казик поднял нож, стоя на орбите немногих оставшихся ему звезд.

Эррис наклонил голову и раскрыл ладонь. Одна красная звезда наполовину вонзилась в его ладонь. Без видимого дискомфорта он вытащил ее другой рукой, уронив на пол и оставив темный, бескровный кратер в своей плоти:

— Опусть свой нож и освободи моих друзей.

Ярость искажила лицо Казика. Подойдя вплотную к Яз, он приставил клинок к ее шее.

— Я должен убить эту сучку и покончить с этим, — яростно выплюнул он.

— Не надо... — Эррис протянул руку, явно испугавшись, что Казик действительно убьет ее. — Это не ее вина. Она ни в чем не виновата.

— Ей нужно было сделать только одно — принять подарок, который ей предложили! — крикнул Казик. — Она могла бы уйти со встречи, чтобы жить здесь в тепле, в роскоши, без воющего ветра, без бесконечного льда. Это все, что ей нужно было сделать! — Он издал бессловесный крик и бросил нож. — Но нет! И теперь я дошел до этого! — Без предупреждения он вонзил крючковатые пальцы обеих рук в уголки собственных глаз и с невероятным криком выдолбил содержимое обеих глазниц. Как глубоко он зарылся, Турин не мог сказать, но, когда человек в агонии так дергает головой, когда у него щекам так течет кровь, ясно, что он никогда больше ничего не увидит. От этих увечий у Турина скрутило живот, и он отвернулся бы, если бы мог.

Эррис стоял и смотрел в застывшем ужасе. Регулятор отшатнулся от Яз, согнувшись пополам, его боль вырывалась наружу только шипением и хрипом в горле, словно он пытался выкашлять какой-то крик, слишком большой, чтобы пролезть мимо его челюсти.

Заклинание, наложенное актом самоуничтожения Казика, разрушилось, и Эррис промчался мимо него к Яз, потянувшись, чтобы найти то, что ее удерживает.

— Оставь ее. — Голос, который прозвучал громко и твердо позади Эрриса, нес в себе скрытое холодное высокомерие регулятора, но резонировал с чем-то более глубоким и энергичным. — Она принадлежит мне.

Казик вернулся в поле зрения Турина, теперь он стоял прямо, все еще с кровавыми руинами глаз, стекающими по его щекам. Но там, где должны были быть окровавленные глазницы, Турин видел только сгущающуюся тьму, которая распространилась от одной глазницы к другой, создав единственный темный глаз на лбу и переносице. Казик ткнул окровавленным пальцем в Эрриса:

— Ты не тот, кем кажешься. Ты — нечто созданное.

Эррис повернулся к регулятору:

— А ты не жрец. Ты — нечто худшее, нечто, носящее его тело.

— Я — Аргес. Скрытый Бог. С другой стороны, ты — нечто, сбежавшее из города. Новая вещь.

Эррис покачал головой.

— Ты не бог. Я знаю таких, как ты, холотур. Слуга Пропавших, как и наш друг. — Он указал на железного пса, стоявшего между ними. — Для чего тебе эти люди? Это не твоя задача.

Аргес покачал головой, потекла струйка крови:

— Теперь у меня есть более высокая задача. Я служу высшей силе.

— Какая еще высшая сила? — Эррис рассмеялся. — Ты уже создал из себя бога.

— Но Сеус — царь богов.

Тон Эрриса помрачнел.

— Сеус — зло. Склонен к разрушению. Отвернись от него, пока еще можешь. Сердцекамни — не твои игрушки. Возвращайся к своим обязанностям и перестань вмешиваться в дела моего рода. У тебя уже есть кровь на руках, и это, — он обвел взглядом ряды пленников, — приведет только к новым убийствам.

Аргес изобразил на губах Казика мрачную улыбку:

— Я не причиняю им вреда. Звезды — форма жизни. С другой стороны, ты, незнакомец, являешься формой смерти. Ты — призрак, который думает, что он живой, оживляющий машину еще долго после того, как должен был уйти в пустоту.

— *Я живой.* — Однако голос Эрриса звучал неуверенно, как будто Скрытый Бог ранил его. Он убрал руки с упряжи Яз и посмотрел на них, на бескровную рану. Турин пытался кричать на него, пытался сказать, чтобы он не обращал внимания на отвлекающий маневр и освободил Яз. Но Эррис продолжал изучать свои пальцы. — Я помню свою жизнь. Всю ее. Я помню свое детство, свою мать...

— Ты помнишь, потому что память — это все, что ты есть. Память города о мальчике, который забрел слишком далеко много веков назад. О мальчике, который умер и чьи кости унес лед. Ты — симптом болезни Весты. Город стала сентиментальной. Она сделала копию того мертвого мальчика и позволила ему думать, что он жив. Но это не жизнь, а просто пародия на нее.

— Нет! — Эррис разозлился и шагнул к Аргесу. — Ты лжешь. — Он указал на пса. — Возьми его!

Когда пес начал свой прыжок, Аргес пренебрежительно махнул рукой, и с громким щелк пес свернулся в металлический куб, каким был, когда Квелл впервые увидел его. Куб качнулся вперед, с лязгом упал на переднюю грань и замер.

Эррис бросился вперед с ослепительной скоростью, но какая-то невидимая рука выхватила его из воздуха и швырнула к ногам первого ряда пленников.

— Это не город, мертвый мальчик. Теперь ты в моих владениях. — Аргес двинулся на него.

Эррис вскочил достаточно быстро, но уверенность, которую Турин привык видеть на его лице, исчезла:

— Отпусти ее. Пропавшие не одобрили бы то, что ты здесь делаешь. Я не могу позволить...

— Ты? Позволить? — Аргес сделал еще один жест, и Эррис заостенел. Взмах руки, и Эррис упал навзничь, все еще парализованный. — Что ты знаешь о желаниях Пропавших? Кто из них не одобрил бы мои действия? Ты говоришь о существах, которые бросили нас ради своего тайного рая? Или, может быть, ты имеешь в виду темные фрагменты, которые они оставили, чтобы загрязнить этот мир? Они, я уверен, заплодировали бы мне.

Эррис ничего не ответил. Он лежал, как упавшая статуя. Собака осталась кубом. В галерее снова воцарилась тишина. Турин висел неподвижно и бесполезно. И еще одно крошечное пятнышко бесцельно проплыло мимо его глаз.

Яз висела, не в силах ни пошевелиться, ни даже моргнуть. Регулятор продолжал бодрствовать с тех пор, как она проснулась, и она молча боролась, чтобы противостоять влиянию красных звезд. Удивительное появление Эрриса зажгло жестокую надежду, что Квелл, Зин и Као, возможно, также пережили наводнение, но не смогли последовать за ней в красное свечение галереи. В отличие от Эрриса, им нужно было дышать. Она в ужасе наблюдала, как регулятор натравил звезды на Эрриса и существо, которое он привел с собой. Надежда снова вспыхнула, когда показалось, что Эррис победил жреца, но затем, в один ужасный момент, Казик призвал в себя Скрытого Бога, и Эррис был уничтожен непрямыми атаками Аргеса. Каким-то образом он разрушил механизм, при помощи которого Эррис контролировал тело, и проделал то же самое с его странной собакой.

Эррис лежал беспомощный. Надежда, которая, казалось, исчезла навсегда, и которая каким-то образом проснулась из пепла, когда он появился, вопреки всем ожиданиям, теперь исчезла, погасла в одно мгновение, оставив только ту же холодную уверенность, что это конец и что оставшееся ей будущее — быть игрушкой пустого бога.

Яз пыталась бушевать, пыталась бороться, но шепчущий свет окутал ее, отгородив время за морем тихих звуков. Ей больше не с чем было бороться. Ни одна из звезд больше ее не слышала. Только пыль в ее кармане, множество золотых зерен, которые она когда-то спланила в один камень, хор, ставший единым голосом. Только они все еще слышали ее через связь, которую выковали время и забота. И теперь, зернышко за зернышком, она вытаскивала эту пыль из кармана и отправляла ее дрейфовать среди Сломанных.

Позади нее раздался глухой стук. Звук чего-то твердого, ударявшего о пол. Красная звезда покатила у нее под ногами и остановилась в ярде перед ней. Скромная звезда, размером с ноготь большого пальца, похожая на ту, что была установлена там, где железные полосы пересекались над ее грудиной.

Позади нее раздались медленные хлопки:

— Великолепно! Что за чудовищем ты стал, маленький Аргес!

Яз знала этот голос. Он был глубоким, полным уверенности и злобы, с затаенным весельем. Несмотря на это, посреди шепчущего света, заполнившего ее разум, она изо всех сил пыталась определить его.

Аргес резко повернул изуродованную голову регулятора, устремив взгляд своего единственного темного глаза на что-то позади Яз и слева от нее.

— *Субарти канит серад?* — Голос произнес слова, которые не имели смысла.

— Я не буду говорить на этом языке, — прорычал Аргес. — Его время прошло.

— А это что за нелепая штукавина? — За этим последовал звон металла. — Ты возился с вещами, которых не понимаешь, Аргес. Совсем как тот мальчик на полу.

Черный глаз Аргеса нахмурился, его рот сначала отвис от удивления, а затем скривился в подозрении:

— Кто ты такой?

— Ты меня не узнал? Мне больно! Обидно! Вот он я, более чем наполовину целый, и меня не узнает ничтожный слуга. Я — твой хозяин, Аргес! Да, мы оба носим новые тела, но это не должно тебе мешать узнать меня.

По всей галерее свет менялся, быстро проходя через регистры цветов. Незакрепленные звезды поднялись, сосредотачивая свой свет на обладателе знакомого голоса.

— Что ты такое? Кто ты такой? — В вопросах холотура слышались нотки страха.

— Ты знаешь меня. Ты знаешь всех нас. Но я вижу, что с годами ты стал забывчивым. Я могу посочувствовать. Я тоже многое забыл, хотя многое вернулось ко мне, когда я собрал себя, и еще больше медленно восстанавливается в моей памяти. Очень долгое время я даже не помнил свое имя, хотя теперь это нить, которая связывает меня воедино.

После перерождения меня называли Прометеусом, хотя теперь я использую только половину этого имени, так как я все еще только половина себя. Теус — так меня называли подо льдом. Я знаю, ты слышал, как они говорили обо мне, маленький Аргес. И вот где я нахожу тебя: ты прячешься здесь, в своей горе, и замышляешь войну. Но с какой целью?

Теус? Яз удалось дернуться, даже слегка повернуть голову. Она все еще не могла его видеть. *Теус?* Он умер. Раздавленный огромным обрушением скалы, одетый в тело геранта. Но его голос звучал так же, как и тогда, когда он исходил из горла Турина... Как это могло быть возможно? Турин был свободен от демона и в безопасности в ледяных пещерах со Сломанными.

— Теус? — В голосе Аргеса прозвучали смущение и ужас. — Ты не можешь быть здесь!

— И все таки я здесь. — Раздался щелчок защелки. — А. Вот она. — Еще один щелчок и звук сапог, легко приземляющихся на камень. Железный обруч, окаймленный черной проволокой, покотился по полу. — Так-то лучше.

— Не подходи! — Аргес отступил к дверному проему, его звезды сгустились вокруг него, возвращаясь к малиновому цвету.

— У тебя здесь довольно маленькая армия. И ты планируешь отправить ее на юг. Что ты там хочешь найти, Аргес? Тоскуешь по деревьям и траве, по пению птиц? — Турин прошел мимо Яз, отеснив Майю в сторону и оставив ее мягко покачиваться в его кильватере.

Яз попыталась заговорить. Все было ложью. Теус никогда не покидал Турина. Другой демон вселился в геранта и притворился Теусом. Трюк, чтобы оставаться рядом с ней. Всегда хитрости и обманы.

— Я — твой хозяин. Преклонись передо мной. — Теус развел руками, как будто его не волновали звезды или любая другая сила, которой мог обладать холотур.

Яз посмотрела между ними, ее глаза теперь были под контролем, когда страх Скрытого Бога заразил звезды, настроенные на него. Она видела, что, несмотря на его беззаботность, пот выступил на коже Турина, и она знала, что близость всех этих звезд, должно быть, причиняет боль демону внутри него.

Кожа регулятора не вспотела, но начала покрываться черными полосами, когда темная фигура Аргеса поднялась, чтобы окутать его. Вернее, то, что Яз приняла за его форму. Холотур мог быть где-то в другом месте, играя в свои собственные игры обмана. Его голос рычал среди безмолвных рядов, исходя отовсюду, хотя слова, казалось, произносили губы регулятора:

— Ты — только часть Прометеуса. Самые темные куски, сшитые вместе в какой-то пародии на его существо. Но я не был бы обязан верно служить тебе, даже если бы не собирався оторвать твой вид от их небес.

— Похоже, наши амбиции не так уж сильно отличаются, слуга. Но гордость была одной из первых частей меня, которую я восстановил, и она не позволит твоей дерзости остаться безнаказанной. Преклонись передо мной, и я позволю тебе жить, может быть, даже

сохранить твоё положение слуги Пропавшего.

Слабо сверкающая пылинка проплыла в воздухе между Теусом и Аргесом, не обращая внимания на напряжение, повисшее там.

— Уходи сейчас, и я не уничтожу тебя. — Аргес указал на дверь.

— Я могу уйти, но я заберу девушку. У нее есть таланты, которые пригодятся мне, когда дело дойдет до открытия ковчега. В моих стесненных обстоятельствах и при отсутствии приемлемого тела я использую ее в качестве ключа.

С рычанием Аргес бросился вперед, его когтистые руки были окутаны тьмой. Теус заставил его резко остановиться, вытянутые руки были всего в футах от его лица. Яз закричала, зная, что Теусу будет все равно, если Аргес превратит тело Турина в руины. Если Теус и ценил тело, то только потому, что оно давало в его распоряжение власть над льдом и огнем.

Теус мог бы найти способ остановить нынешнее тело Аргеса лед-работой там, где, как предполагала Яз, сам Турин не смог бы, но звезды, проносящиеся мимо Аргеса, были совсем другим делом. Несмотря на это, Теус, казалось, мог замедлить и отклонить их. Однако, несмотря на все его усилия, одна из них все же нанесла ему скользящий удар в висок, а другая больно ударила в плечо. Он упал с криком гневного удивления, и Аргес, освобожденный из его невидимой хватки, тоже упал на пол.

Пыль теперь выходила из кармана Яз узкой золотой струйкой, рассеиваясь в редящее облако. Когда каждое зернышко проходило рядом со звездой на груди или лбу любого заключенного, оно падало к звезде, как любой камень падает на Абет.

Яз обнаружила, что к ней возвращается контроль над руками. Все звезды пульсировали и тускнели, когда Аргес призывал их силу, отвлекая их от собственной задачи.

Теус и Аргес боролись на полу, совершенно не беспокоясь о телах, которые носили, каждый сосредоточился на том, чтобы причинить вред другому. Волны ужаса исходили от Аргеса, наполняя Яз необходимостью бежать, но страх за Турин затмевал любой другой, и даже магия холотура не могла сделать его сильнее. Теус, со своей стороны, казалось, не боялся эманаций своего врага и яростно ревел, колотя кулаками по уже разрушенным глазам жреца.

Теус, казалось, выигрывал битву кулаков, ног, зубов и локтей, но алые звезды все еще кружились вокруг, и каждый раз, когда Аргес наносил удар, несколько звезд летели вслед, их удары — которые в противном случае были бы смертельными — притуплялись ментальным отклонением Теуса.

Вслед за особенно мощным ударом Аргеса полетела одна большая звезда, ударившая Теуса в голову и оставившая его ошеломленным. Аргес откатился в сторону и поднялся на ноги.

— Ты? Мой хозяин? — Он нанес тяжелый удар по ребрам Теуса. — Ты — никто. — Удар ногой в голову, защищенную только предплечьями Теуса. — Развалины, как и город. Постыдные, дряхлые обломки. — Он попытался наступить Теусу на горло, но не попал. — Выброшенные отходы. — Еще один удар, маленький промах. — Нравственное загрязнение!

Аргесу точно и сильно ударил ногой, и Теус откатился назад, потеряв сознание. Аргес наклонился, чтобы поднять длинный нож, который потерял в схватке. Тот же нож, которым регулятор совсем недавно собирался убить Яз в ее камере. Он с рычанием посмотрел на Теуса.

— Нет! — Яз удалось поднять руку, хотя, даже если бы она полностью вытянулась,

Аргес был бы на длину меча вне ее досягаемости.

Аргес повернул к ней голову.

— Нет? — Он оскалил зубы. — Ты уже оплакала этого друга? А теперь я собираюсь перерезать ему горло у тебя на глазах. Так грустно. — Он опустился на колени рядом с Турином, взял его за волосы и повернул окровавленное лицо так, чтобы Яз могла его видеть. Теус был виден — черное пятно на залитом кровью лице, зловещий синяк, который тянулся от горла Турина до лба, заполняя один глаз алым. — Когда я убью тело, мерзости внутри него некуда будет деваться, и она будет изгнана на границу смерти. Возможно, пройдут столетия, прежде чем она найдет путь назад. Или, может быть, никогда.

— Не убивай его, — взмолилась Яз.

— Я убью не только его. — Аргес наблюдал за ней своим темным глазом, на его лице был странный голод. — Ты боролась с моим контролем. В тебе осталось слишком много надежды, вот в чем проблема. Так что я убью другого твоего друга, который висит у тебя за спиной, мальчика из Икта. А потом этих девочек по обе стороны от тебя. Этого должно быть достаточно, чтобы подчинить тебя моей воле. Четыре трупа — цена, которую стоит заплатить за девочку, командуемую звездами.

Одним быстрым движением он перерезал Турину горло, прежде чем Яз успела закричать. Фонтаном хлынула кровь, черная в багровом свете.

— Нет... — Голос Яз подвел ее. Этого не может быть. Только не Турин! Его вообще не должно было здесь быть. Неужели Теус вынудил его последовать за ней? Или, что еще хуже, он сбежал из-под льда по собственному желанию только из-за Яз? Из-за того хрупкого, почти волшебного... чего-то... что выросло между ними?

Аргес поднял регулятора на ноги и, оставив Турина, быстро подошел к Майе.

— Что-нибудь менее грязное для этой, я думаю. — Он держал острие своего ножа на волосок от ее невидящего глаза, рука напряглась для удара.

— Не надо! — Яз боролась в своей упряжи, ноги брыкались, но не могли коснуться земли. — Пожалуйста! Я сделаю все, что ты захочешь! — Онемевшими и неуклюжими пальцами она искала застежку, которую так легко нашел Теус, зная, что у нее нет времени спасти Майю, даже если бы она была свободна.

— Ты сделаешь именно то, что я хочу, после того, как я убью их, и это будет верность, которой я могу доверять.

Вне времени и возможностей, Яз могла только выкрикнуть имя Майи и потянуться к ней через пропасть, слишком широкую, чтобы преодолеть ее.

Без предупреждения рука Майи дернулась вверх, пальцы поймали руку Яз. Она резко дернулась к Яз, и удар ножа регулятора прорезал линию вдоль ее головы, а не вонзился в череп через глаз. Временная передышка: Аргес схватил ее за затылок и отвел нож для нового удара. Каким-то образом Майя повернулась в упряжи и ухитрилась укубить запястье руки, удерживающей ее. Зубы впились в мясо и вены. Второй удар прошел мимо ее шеи и прочертил линию на другой стороне головы, царапнув по кости.

Не обращая внимания ни на боль от укуса, ни на то, что другая рука Майи рвала его лицо, Аргес приставил лезвие к ее горлу. Движением, которое заставило бы ее клан гордиться, девочка-Аксит вцепилась пальцами в одну из его глазниц и ударила его головой, толкнув вниз. Он порезал ее, но, хотя кровь текла из раны на шее, она не била струей и не брызгала.

— Ублюдок! — крикнула Майя сквозь рычание, полное окровавленных зубов. — Я убью

тебя!

— Возьми его! — раздался ободряющий крик. Голос Квелла. Яз узнал бы его где угодно.

Аргесу удалось вырваться. Майя отпустила Яз и начала раскачиваться, все еще выкрикивая угрозы. Аргес тоже раскачивался взад-вперед, рассчитывая свое движение, затем вонзил нож ей в ребра, нацелившись в сердце. Майя взмахнула руками и ударила ногой, но упряжь мешала ей защищаться, и удар попал в цель. Вопреки рассудку остановился, дрожа, как только его острие коснулось ее кожи.

— Металл или камень, мне все равно! — Гулкий крик исходил от мускулистого мужчины с бледной кожей и густой черной бородой, висевшего в упряжи недалеко от Майи. — Аксит! Аксит! Не сдаваться!

— Убей его, Кретар, — снова раздался голос Квелла. Каким-то образом он знал этого человека.

Кретар прищурился, и клинок медленно двинулся к горлу Аргеса. Яз могла видеть всевозможные контрмагические волны, пробегающие по почти невидимым нитям, соединяющим Аргеса с его ножом. Нити связывают все со всем остальным, но в пространстве нитей эти немногие горели ярче всего, освещенные состязанием воли. Нож придвинулся еще ближе, почти касаясь шеи Аргеса, волоча за собой побелевшую руку с костяшками пальцев, обхватившую рукоять.

Яз тихонько выполнила свою работу, решив использовать против Аргеса его собственные методы. Швыряние в него грубой силы в любой форме, казалось, не работало. Холотур каким-то образом уклонялся от таких атак только для того, чтобы подойти к ней под другого угла.

Вместо Яз использовали то немногое, что осталось ей. Она посылала звездную пыль из кармана, одно зерно за раз, видоизменив их так, что они должны были тянуться к бóльшей звезде и объединять с ними свою энергию. Однако крошечные звезды Яз рассказывали свою историю, не ложь, которую большие красные звезды шептали снова и снова столько раз, что она стала ревом, написавшим себя в умы жертв.

Зерна пыли Яз говорили правду, хотя и в гораздо более тихим голосом. И они посылали ее по тем же черным проводам в мозги Сломанных, которые висели здесь — в мозги армии рабов Аргеса.

Попытка Яз подорвать подрывную деятельность, казалось, принесла свои плоды. Она надеялась, что, хотя ее послание было шепотом в шепоте, это будет голос, говорящий правду о людях, живших так же как она. Яз боролась за жизнь как на льду, так и в пещерах под ним. Она разделяла связь с пленниками и молилась, чтобы, хотя ее голос был самым тихим, он резонировал с теми, с кем она говорила, пока не стал бы самым громким. За дни, проведенные со Сломанными, она узнала о других кланах больше, чем за все годы, проведенные с Икта. Она узнала Квинкс, Аксит, Голин, Шаа, Кас-Кантор, Травин и многие другие, и, хотя у каждого из них были свои обычаи и свои пути, все они были сильнее связаны истинами голода, ветра и холода, чем разделены небольшими различиями, отличавшие их друг от друга.

Яз говорила, что им нечего делать в долгом походе на какую-нибудь южную войну. Она напомнила, что отвлечь их внимание от того, чтобы остаться в живых, означало умереть. И что выживание на льду зиждется на сотрудничестве, а не на конфликте. Вспомнив об этом, армия холотура начала слышать ложь, звучащую в более громком сообщении. Приложив достаточно силы, можно что-то повернуть с его естественного курса, но склонность к

возвращению сохранится, и даже маленький толчок может привести в движение последовательность событий, которая вернет существующее положение дел.

Икта умели читать лед. Вокруг вершин утесов, с которых открывался вид на Горячее Море, существовали огромные напряжения во льду, которые проявлялись в торосах, в полосах пятнисто-белого цвета в прозрачной основе и в длинных глубоких трещинах. В некоторых местах опытный глаз Икта мог видеть, где нужно установить железный клин, чтобы несколько ударов молотка запустили трещину. Трещину, за которую ухватились бы скрытые силы, воюющие внутри льда, влили бы в нее свою сдерживаемую энергию и сделали бы ее широкой и глубокой с такой же скоростью, с какой человек падает с вершины утеса. И в этом действии, одновременно ослепительно быстром и грациозно медленном, огромный кусок утеса высотой в несколько миль мог отделиться от льда и обрушиться вес десяти тысяч китов в море внизу. И все от ударов одного крошечного молотка.

Яз из Икта нанесла такой удар, одновременно мельчайший и огромный. По всей галерее широко раскрытые, слепые глаза Сломанных, поработанных внутри вневременной лжи Аргеса, теперь начали фокусироваться и, впервые за многие годы или десятилетия, видеть.

Некоторые, имеющие влияние на воздух, воду и камень, придали свою силу атаке Кретара из Аксит. Яростные порывы ветра отбросили Аргеса назад, ледяная магия подхватила воду в его плоти и швырнула его к потолку, и все это время нож все ближе приближался к его горлу.

— Убейте его! — закричала Яз, и в этот момент, опустошенная горем по Турину, лежащему разбитым в собственной крови, она этого хотела.

Тут и там под шумом ветра раздавались щелчки, похожие на град по льду, когда горстка Сломанных справлялась с пряжками на своей железной упряжи.

Аргес врезался в землю, приняв удар на свои плечи. Обе руки напряглись на рукояти ножа, острое которого находилось всего в дюйме от его горла. Яз видела невидимую битву, развернувшуюся по всему пространству нитей, Аргес рубил магию Кретара и других, когда они пытались проткнуть его собственным клинком.

Из ниоткуда по воздуху пронеслась маленькая темная фигура. Майя приземлилась всем весом на руки, пытавшиеся удержать нож. Мгновение спустя острое клинка вышло из затылка Аргеса, высекая искры из камня. Где-то один из Сломанных с властью над огнем воспользовался своим шансом и превратил искру в пламя, которое хлынуло через труп регулятора, даже когда Майя откатилась в сторону.

Майя встала, кровь сочилась алыми струйками из двух порезов на ее голове. Она посмотрела на Аргеса и плюнула в темноту его глаз. Чернота улетучилась то же мгновение, уносимая дикими ветрами, стремительным порывом холодного страха, исчезнувшего, как дым.

— Прочь с дороги! Прочь с дороги! — Квелл пронесся мимо Яз, заставив ее раскачиваться. Одна рука вытянулась за его спиной, таща кого-то, все еще нетвердо стоящего на ногах. Темноволосая женщина, Икта. — Спаси его, Квелла. Ты можешь это сделать. Спаси его! — Квелл толкнул женщину на колени рядом с Туринном, который лежал в багровом озере собственной крови, бледный за пределом бледности, свет исчез из его глаз.

Квелла склонилась над Туринном, положив руки ему на шею:

— Он зашел слишком далеко.

— Он спас мне жизнь. Я бы утонул... — Голос Квелла прервался. — Пожалуйста...

— Пожалуйста! — эхом отозвалась Яз, пытаясь освободиться.

Квелла вздохнула.

— Я пытаюсь. Я пытаюсь. — Яз слышала напряжение в ее голосе. — У меня нет силы
Даже здесь, среди звезд.

Яз выпала из упряжи. Ноги едва не подкосились под ней. *Даже здесь, среди звезд.* Что сказал Эулар? Звезды давали свою силу всем тем, кто принадлежал к старой крови, оттачивая их навыки, ускоряя рост их сил, позволяя выковать новую силу в напряжении бесконечных сражений подо льдом.

— Помоги ему. — Она снова позаимствовала слова Квелла, наполнив их собственной страстью. — Он спас всех нас. — И она протянула руку с силой, рожденной страхом, что Турин уже мертв. Она ухватилась за созвездие звезд вокруг себя, снова оказавшись в его центре, соединившись с каждой светящейся сферой, будь она маленькой, как пылинка, или больше ее кулака.

С криком, в котором смешалась боль от усилий с ужасом потери, она вырвала каждый алый камень из его железного корпуса и принесла их всех со скоростью стрелы к себе, а затем и к Квелле. Алый кокон света, прижатый так близко, как только она могла, пока Квелла не закричала, словно сияние обжигало ее. Но, верная призванию целителя, Квелла поддерживала контакт со своим пациентом, наполняя его огнем, который теперь струился через нее.

Квелла смогла выдержать давление звезд всего несколько мгновений. Когда Сломанные, которые могли свободно двигаться, отступили в стороны, она рухнула на Турина.

Яз притушила звезды и рассеяла их во всех направлениях. В мягком полумраке Квелл вернулся к Турину и осторожно снял с него Квеллу. Там, где ее руки соскользнули с шеи Турина, не осталось раны, только красная линия, напоминающая о жестоком пути клинка Аргеса.

Щелчки расстегиваемых ремней раздавались по всей галерее. Эррис, дрожа, вернулся к жизни, пес тоже, его продолговатая голова поднялась из куба, в который он был сложен. Майя и Куина присоединились к Яз, все они стояли над бледным телом Турина. Зин протиснулся локтями сквозь растущую толпу только для того, чтобы быть остановленным открывшимся перед ним зрелищем.

— Неужели он...

Пес оттолкнул удивленного Эрриса в сторону и ткнулся носом в Турина, подтолкнув его в бок тупой мордой. Когда контакт с Турингом прервался, пес поднял голову и посмотрел на Яз своими непроницаемыми черными глазами; и под его подбородком Турин сделал долгий, шипящий вдох.

Битвы за Черную Скалу не было. Столкнувшись с армией из более чем сотни марджалов и хунска, обученных подо льдом убивать, к тому же поддерживаемой еще бóльшим числом неуклюжих герантов, большинство выживших жрецов и их немногочисленные последователи вскоре сдались. Некоторые бежали, но не на лед, что было бы быстро приведенным в исполнение смертным приговором, а в частично затопленные галереи более глубоких шахт и на окраины города. Как долго они продержатся, питаясь грибами в глубинах, прежде чем примирятся с новым порядком, Яз не могла догадаться.

Храм Скрытого Бога был самым большим помещением в Черной Скале, и Яз выбрала его для встречи. Она позаботилась о том, чтобы прибыть первой, и послала Зина найти своих друзей, чтобы они могли поговорить прежде, чем придут остальные. Звезды, охранявшие коридор, она приглушила и расположила гроздьями высоко в сводах, давая мягкий красный свет, похожий на солнечный.

В рядах армии было много тех, кто в свое время возглавлял Сломанных подо льдом, но сейчас, вместо того чтобы сражаться между собой за господство, они, казалось, были готовы прислушаться к голосу, который вывел их из тьмы Аргеса. Армия захватила жилые комнаты, отведенные аколитам и охранникам жрецов, и хлынула в камеры, но они всегда держались вместе, несмотря на тепло и бесконечное запутанное пространство. Никто из них не чувствовал себя в полной безопасности в этом месте. Скрытого Бога найти не удалось, но это не гарантировало, что он встретил свой конец. Эулар и оставшиеся два жреца из приемной группы — Крей, молодая женщина с разными глазами, и Джеккис с ее уродливыми улыбками, фальшивой добротой и волосами цвета железа — также оставались не найденными, хотя Яз с трудом представляла, что Эулар пережил раны, которые он получил, когда они сражались в храме.

Она окинула долгим взглядом сцену своей первой и неудачной битвы с Аргесом, ее глаза остановились на потайной двери, которую недавно нашли, высокой узкой щели рядом со статуей. Она вела в комнату, в которой были только обломки того, что, по словам Турина, должно было быть вратами, похожими на те, что затопили нижние уровни. Яз не знала, что с этим делать. Как бы ни интриговали ее подобные чудеса, часть ее чувствовала себя в бóльшей безопасности, зная, что странные врата, существовавшие, похоже, в дух экземплярах, сломаны или затоплены. Она спросила себя, как давно эти врата были сломаны. Вели ли она к другим, более далеким вратам? Могли ли жрецы Черной Скалы перемещаться в пространстве так же, как они могли перемещаться во времени? Она подумала об Эуларе и его разговорах о многих жизнях. Если ты способен преодолевать огромные расстояния и коротать десятилетия, даже одну жизнь можно разделить на многие. Эулар был мудрецом Сломанных, верховным жрецом Черной Скалы... сколько еще ролей он играл для многих других?

— Ты знаешь, что они решили? — Куина первой присоединилась к Яз в храме. Она нашла какие-то меха и пришла, укутанная, как старейшина из южного клана, став вдвое шире, чем обычно.

— Некоторые хотят вернуться к Сломанным. Некоторые — найти свои кланы.

Некоторые — основать собственные кланы. — Яз уже устроила инвентаризацию. Она показала командирам армии, сколько помеченных сигилами тепло-горшков пришло из кузниц Черной Скалы и сколько звезд из хранилищ жрецов. Она показала им, как звездную пыль можно использовать для заполнения внутренних карманов в шкурах и мехах, обеспечивая дополнительное тепло. Ресурсы, которые она предоставила им, компенсируют слабость, которую их кровь обменяла на их сильные стороны. С дополнительным теплом и бесконечным железом даже Яз могла бы процветать на льду.

— Это будет трудно. — Куина провела обеими руками по голове, пальцами расчесывая длинные темные волосы. — Ничто из этого не изменит число морей.

— Это будет трудно, — согласилась Яз.

— Спасибо, что спасла нас. — Куина сменила тему с быстрой застенчивой улыбкой.

Яз ухмыльнулась в ответ и пожала плечами:

— Под конец я спасала себя.

— И ты уже решила? — Куина выгнула бровь.

— Решила что? — Хотя Яз знала, что она имела в виду.

— Решила, куда пойдешь. — Майя шагнула в поле зрения, сбрасывая тени.

— Тебе не следует подкрадываться к людям, — напомнила Яз.

Майя поджала губы:

— А как иначе я смогу узнать какие-либо секреты?

Яз обдумала вопрос, хмурясь так же, как хмурилась уже несколько часов. Иногда решение принимается само собой, только когда сходит с твоих губ:

— Если бы я была такой же, как эти другие в армии Скрытого Бога, я бы последовала их выбору. Я бы хотела вернуть прежнюю жизнь. И я провела слишком мало времени среди Сломанных, чтобы считать эти пещеры своим домом. Я бы вернулась, чтобы сражаться с ветром, льдом и морями.

— Но? — спросила Куина.

— Но я не получила зеленые земли, о которых нам врал Аргес, — сказала Яз. — Для меня это не просто слова, не то, что его магия сделала важным в моих мыслях. Я знала о зеленых землях еще до того, как пришла сюда. Все мы знали. Мы уже решили отправиться туда.

Куина кивнула и достала свою деревянную бусину, держа ее с благоговением:

— Мы прикоснулись к ним.

— Да. — Яз вспомнила ощущение теплой травы под пальцами ног. Подарок Эрриса ей. — И я не могу позволить этому уйти. Я хочу попасть туда. Мне нужно их увидеть. Не с армией за спиной, не для того, чтобы воевать, а чтобы увидеть жизнь, которую лед отнял у нас. И попробовать ее на вкус.

В дверях храма появился Зин, за ним Эррис, Турин и Квелл.

— И ты уже решила? — Куина снова задала свой вопрос. Вопрос, который никогда не касался зеленых земель.

— Турин в безопасности? — спросила Майя.

Яз не была уверена, что Турин когда-нибудь будет в безопасности, не с воды и огня на кончиках его пальцев, но Майя спрашивала о Теусе.

— Квелла сказала, что Турин был близок к смерти, как никто другой, и все равно вернулся. Теус выскользнул из него на границе смерти, вместо того, чтобы позволить протащить себя через нее вместе с ним. — Часть ее хотела думать, что Теус остался и

боролся, чтобы сохранить Турина в живых. Часть ее хотела верить, что Теус не покидал Турина, пока не уверился, что тот выживет. Но если очистка была проведена правильно, то часть Теуса, которая, возможно, сделала правильный выбор, давным-давно исчезла вместе с Пропавшими. — Я уверена, что Теус ушел. Я не могу найти в Турине никакого его следа.

— Ты и раньше не находила, — сказала Куина.

— Верно, но теперь у меня есть доступ к звездам в пятьдесят раз большим, чем те, что были у меня, когда мы спасли от Запятнанных Турина, Зина и Као.

Молчание затянулось, как и после любого упоминания о Као. Яз скучала по мальчику, но еще больше она скучала по мужчине, в которого он мог бы вырасти.

— Почему такие вытянутые лица? — спросил Эррис, подходя вместе с остальными.

— Као, — сказала Майя.

Улыбка Эрриса погасла:

— Ни один из поисков в зонах затопления не обнаружил никаких признаков Наблюдателя.

— Сомневаюсь, что он утонул. — Турин посмотрел на Эрриса. — Нужно дышать, чтобы это произошло.

Остальная армия уже начала прибывать. Среди них даже было несколько охранников жрецов. Дюжины мужчин и женщин входили в храм с разной степенью трепета.

— Я должен снести это. — К ним подошел Кретар, камень-работник. Он встал рядом, глядя на статую Скрытого Бога.

— Тогда он действительно станет скрытым, — сказала Яз. — Возможно, нам следует сохранить статую, чтобы она напоминала нам о его безумии и о том, как легко он раздавал его другим.

Кретар провел бледной рукой по густой бороде и медленно кивнул сам себе.

Все больше и больше людей толпилось в храме. Некоторые из них, как бы молодо они ни выглядели, были старше бабушек Яз, которые умерли еще до ее рождения. Среди них были Арка и контингент Сломанных, поднятые из ледяных пещер в клетке для передачи. Шахта, которую растопил Турин, долго не протянет, прежде чем лед сожмет ее, но Арку и ее друзей подняли в ночь, и они с удивлением глядели на настоящие звезды. Арка, которая двадцать лет не чувствовала ветра на своей коже, плакала, дрожала и шла, как женщина во сне, удивленно качая головой.

Теперь нынешний лидер Сломанных со шрамами на лице во второй раз потеряла самообладание, пробираясь сквозь толпу людей и обнаруживая, что каждый пятый — кто-то потерянный из ее прошлого, герой ее детства, убитый охотниками, и все же он здесь, живой и здоровый, не изменившийся за прошедшие десятилетия.

Она подошла к Яз со слезами на глазах и крепко обняла Турина:

— В это... в это невозможно поверить. Что ты будешь делать дальше, Яз? Призовешь богов неба, моря и льда, заставишь их предстать перед нами и дать отчет о своих действиях?

— Я? Я еду на юг. Я собираюсь найти, где кончается лед и начинается жизнь. — Теперь, когда Яз произнесла эти слова вслух, она знала, что это был единственный правильный выбор. — Я не хочу отнимать зеленые земли у тех, кто там живет, но мне нужно их увидеть. Мне нужно увидеть, кем мы были. Может быть, это поможет решить, кем мы будем.

— Я тоже пойду, — сказал Турин, на его лице была непроницаемая смесь эмоций.

— Что? — Редкая улыбка озарила лицо Арки. — Ты только что увидел мир, из которого

пришли все твои друзья! Теперь ты хочешь найти другой?

Эхо ее улыбки искривило губы Турина:

— Тот, что снаружи, на мой взгляд, немного холодноват. Яз говорит, что не так далеко есть более теплый.

— Я тоже пойду. — Эррис встал рядом с Туринном. — Я хочу снова увидеть деревья. Прошло много времени. Я хочу снова прикоснуться к настоящей траве. Даже если это не настоящие пальцы. — Он поднял руку, открывая и закрывая ее, с усмешкой глядя на Турина.

— Куина? — спросила Яз.

— Да, черт возьми. — Выразительный кивок. — Это была моя идея с самого начала!

— Майя?

— Если я и пойду, то в качестве разведчика Аксит. — Она яростно огляделась, проверяя, не осмелится ли кто-нибудь ей возразить.

— Аксит должны узнать, — кивнула Яз. — Все кланы должны узнать, действительно ли в нашем мире есть что-то большее, чем лед. — Она повернулась к Квеллу, который стоял рядом, положив руку на плечо Зина. — Мы должны позаботиться о наших запасах продовольствия и дважды проверить передвижные убежища.

— Я вернусь к Икта. — Голос Квелла прозвучал печально, но решительно.

— Но ты мне нужен. — Яз не думала, просто произнесла эти слова. Мысль о том, что Квелл не пойдет, никогда не приходила ей в голову.

— Может быть, когда-то так оно и было. — Квелл покачал головой, плотно сжав губы, чтобы сдержать эмоции. — И даже тогда вряд ли. Но теперь другим нужна *ты*, Яз. Я горжусь тобой. Все Икта должны гордиться. Но твой сон — не мой сон. Мне в нем не место. — Он оглядел остальных, его взгляд задержался на Эррисе и Турине чуть дольше, чем на Майе и Куине. — У тебя есть друзья, которые тебе нужны. Все они — настоящие сердца. — Он скривил рот в подобии улыбки, глаза блестели. — Мы будем помнить тебя на льду, Яз. Мы будем рассказывать истории. И однажды мы поверим им только наполовину, и ты станешь нашей собственной Моккой, вечно ходящей по старым сказкам, на полпути между нашим народом и богами.

Квелла подошла к брату и взяла его под руку.

— Я... — Яз попыталась ответить, но горло сжалось от этих слов, ноя как от старой боли.

— Я пойду с Квеллом. — Зин не отрывал взгляда от пола. — Никто не поверит ему без моей поддержки. Ты же знаешь, как они относятся к диким историям. — Зин поднял глаза, улыбаясь сквозь слезы, которые плыли в его глазах. — Я не хочу, чтобы наши родители были одни.

— Ни один Икта никогда не бывает в одиночестве, — сказала Яз, но она поняла. Сначала был схвачен Азад, затем Зин и она в одно мгновение. С тех пор воображение не давало ей покоя видениями горя ее родителей. Но, когда ее поманила перспектива зеленых земель, Яз даже не подумала о них. Зину потребовалось время, чтобы вспомнить об их долге и любви. — Как хорошо, что ты помнишь наших родителей, брат. — Она раскрыла ему объятия, и мальчик уже был там, двигаясь со сверхъестественной скоростью, чтобы ее обнять.

После объявлений Квелла и Зина беспокойство Яз по поводу обращения к сотням Сломанных быстро превратилось в ничто. Она обратилась к членам собрания, многие из

которых обладали великими силами, многие были лидерами, некоторые родились в клане Икта задолго до родителей Яз. Выброшенные поколения, признанные непригодными для жизни на льду — слишком тяжелое бремя для их народов, чтобы его можно было вынести. Она сказала им, что они должны воспользоваться своей свободой и создать новый мир. Она рассказала им об огромном богатстве, которым они обладают, об огромных запасах железа, о средствах получения достаточного количества тепла, чтобы выжить на льду, о звездах, которые будут питать отмеченные сигилами тепло-горшки в течение многих жизней, о наследии Пропавших, в добыче которого они сами сыграли важную роль. Яз предлагала им вернуться к своим кланам, основать новые кланы, унаследовать Черную Скалу или вернуться с Аркой в ледяные пещеры Сломанных.

— Должен быть выкован новый порядок, и кто лучше сможет руководить им, чем вы, чьи жизни охватывают столько поколений? Вы, кто научился откладывать в сторону различия между кланами, чтобы работать вместе, как один народ подо льдом, — и, конечно, если вы вернетесь к жизни наверху, этот дух сможет выжить? Жрецы разделили нас этими различиями, использовали нашу преданность против нас, убедили наших людей выбрасывать любого ребенка, которого они считали несовершеннолетним. — Яз взобралась на спину железного пса и медленно повернулась, чтобы охватить взглядом всех в храме. — Благодаря этим маленьким различиям сломанный монстр и горстка тех, кто склонился на его сторону, держали нас под пятой, держали в рабстве жестокой традиции.

— На льду мало что остается неизменным, но Черная Скала сопротивляется как ветру, так и движению льда. Она стояла задолго до того, как кто-либо из нас был маленьким ребенком. Кол, воткнутый в лед, чтобы мы знали свое место в мире. Пусть она будет символом единства, а не разделения. Пусть эта гора будет новым договором между людьми, живущими на льду и подо льдом. — Яз увеличила свет звезд, отбрасывая тени по комнате. — Пусть истинные боги засвидетельствуют, как вы, бывшие пленниками ложного бога, находите новый путь.

С этими словами Яз сошла со своей платформы и целеустремленно зашагала через комнату, в то время как Сломанные выражали свое одобрение криками и топотом.

— Подожди! Ты уходишь *сейчас*? — Арка поймала Яз за руку на полпути к двери.

— Да. — Яз накрыла руку Арки своей. — Удачи, Арка. Под этой крышей есть другие Помы и другие Эулары. Объединить их в единый народ, который не разорвется на части из-за власти и не будет жертвовать своими слабыми ради какого-то большего «блага»... По сравнению с этим все, чего я достигла, кажется легким. Я с этой задачей не справлюсь. Сегодня они аплодируют мне, но завтра они вспомнят, что вчера я была ребенком.

— Но ты...

Яз взяла Арку за руку:

— Удачи, Арка.

Эррис, Куина, Турин, Майя, Квелл, Зин и железный пес последовали за ней из комнаты.

— Эта штука идет с нами? — Куина была едва видна под мехами, в которые она завернулась, — богатство племени. Ветер теребил ее капюшон, трепал мех хулы то в одну, то в другую сторону.

— Эта штука? Он же пес! — Турин похлопал железного пса рукой в перчатке. — Я думал, вы, южные кланы, все время ими пользуетесь?

— Эта штука не собака. — Куина отвернулась, чтобы помочь Майе уложить последнюю

порцию еды в сани. — Мы действительно должны ее принять?

— Он кажется довольно настойчивым, — сказал Эррис. Он носил шкуры, как Яз, ее брат и Квелл, хотя, в отличие от них, его шкуры не были покрыты звездной пылью, испускающей слабое тепло. — Каким-то образом он перенес свою миссию с обслуживания города на нас. Может быть, что-то внутри сломалось во время наводнения или когда этот парень, Кретар, бросал его. Я, вероятно, мог бы отменить это с помощью команды более высокого уровня...

— Пусть идет с вами, — сказал Квелл. — Он спас меня. И не раз. Может быть, он будет полезен. По крайней мере, он может тащить сани. — Квелл на мгновение замолчал. — Его зовут Зокс.

Яз улыбнулась Квеллу и пожалала плечами. Лапы *этого* пса плохо держались на льду. Она далеко не была уверена, что он преодолеет первый же торос, не говоря уже о том, чтобы тащить сани. Тем не менее, она чувствовала, что ей следует позволить псу выбрать свой путь так же, как и им.

— Пора идти. — Турин, завернутый во множество слоев и все еще ежившийся от холода, сделал жест, который освободил полозья саней ото льда

Сани были другие, а не те, что они смастерили из досок. Теперь доски служили им убежищем и лежали внутри этих саней, которые Квелл подарил им на прощание: лодка-сани, сделанные Икта. Каким-то невероятным образом он нашел их — они были спрятаны в заброшенной комнате рядом с казармой у входа, через который они впервые вошли в гору. Яз спросила себя, что стало с первоначальными владельцами, потому что, конечно же, сани не были проданы жрецам. Возможно, хозяева были отправлены на работу в шахты столетие назад и умерли там среди угля, а сани все эти годы простояли забытыми. В любом случае это была отличная находка, большая, хорошо сделанная — подходящий подарок. Яз почувствовала острую боль в сердце, когда Квелл вложил постромки в ее руки. Это был подарок, который мужчина из Икта мог бы сделать своей невесте в день свадьбы.

Яз пошла с Квеллом туда, где стоял Зин, немного в стороне от остальных. Позади ее брата Черная Скала тянулась к небу, возвышаясь невообразимой тяжестью камня. Яз потянулась и обняла сразу обеих Икта. Квелл чувствовался таким твердым в ее объятиях. Часть ее все еще не верила, что сможет уйти от него. Она и нуждалась в нем, и нуждалась в том, чтобы оставить его, в равной мере.

— Ты с каждым днем становишься выше, Зин. — Яз поцеловала его в лоб. — Позаботься о родителях.

— Я так и сделаю. — Он сжал ее. — И спасибо тебе. За то, что пришла за мной.

— В этом не было ничего храброго, — Яз снова поцеловала его. — Когда-нибудь я вернусь. Я ожидаю увидеть тебя во главе Икта, с Квеллом на твоей стороне. Сделай это хорошо. — А потом, каким-то образом, словно освободив полозья ото льда, она пошла прочь от них, обратно к саням, на юг, к далекому горизонту, со слезами, замерзающими на щеках, и чем-то яростным и беспокойным в ее сердце, теперь освобожденном.

Они шли на юг от Черной Скалы, и Яз чувствовала, как позади нее натягивается веревка, связывавшая ее с прежним существованием. С каждым шагом тихий голос внутри нее повторял, что она все еще может вернуться. Она может повернуть и воссоединиться с Квеллом — и все всегда ожидали, что она будет с ним жить, — воссоединиться с братом, вернуться к Икта с дарами, необычными историями и новой мудростью. Она может увидеть радость на лицах родителей, которых она воссоединила с Зином. Это было бы так просто.

Вместо этого она пошла дальше, позволяя расстоянию увеличиваться; в конце концов белый горизонт проглотит даже огромную массу Черной Скалы. Квелл отпустил ее. Он не стал бороться за нее и не последовал за ней. Он сохранил достоинство и самообладание. В его выборе была мудрость. Но Яз не считала любовь достойной или мудрой. Любовь связывает две души, сближает их и соединяет в нечто драгоценное. Такая любовь упряма; она будет бороться, чтобы выжить. Иногда она бывает громкой и опасной, даже уродливой, но она горит ярко и затмевает здравый смысл. Яз фыркнула про себя. Она действительно не понимала, о чем говорит. Такие вещи не были в обычае Икта; они не были и в рассказах Икта. Но Яз уже видела многое, что лежало совершенно за пределами опыта и понимания ее клана. Она посмотрела на Турина, согнувшегося от ветра, лед окаймлял его меха, затем на Эрриса, с инеем в черных волосах, и улыбнулась. Возможно, мир все еще покажет ей что-то новенькое.

К тому времени, как солнце начало опускаться на запад, расстояние превратило Черную Скалу в нечто такое, что можно заслонить вытянутым кулаком. Железный пес несколько запоздало доказал, что умеет приспособливаться — на его тупых лапах появились когти, обеспечивая силу сцепления. Он тащил лодка-сани и соответствовал по темпу самому медленному члену группы, Турина, который, несмотря на богатство мехов и столько звездной пыли, сколько он мог вынести, все еще с ужасом глядел на настоящую жизнь на поверхности.

— Кто знал, что лед может быть таким холодным? — пробормотал он потрескавшимися губами, когда Яз отошла назад, чтобы присоединиться к нему.

— Скажи, когда тебе нужно отдохнуть, — предложила Яз. — Если ты будешь слишком сильно давить на себя...

— Мне нужно отдохнуть. — Стыд Турина заставил его отвести от нее взгляд.

— Лагерь здесь! — крикнула Яз, поднимая руку, как это делала Мать Мазай, чтобы остановить Икта. Они преодолели поразительно малое количество миль. Икта могли бы пройти в три раза дальше против северного ветра. Но даже так Яз чувствовала эти мили в своих ногах и знала, что Турин, который всю свою жизнь прожил в системе пещер, где ни одно помещение не находилось дальше, чем в миле или двух от любого другого, должен был найти такую работу за пределами своего опыта и воображения.

Турин попытался помочь, но холод притупил его пальцы, несмотря на перчатки из кожи и меха, поэтому Яз, Куина и Майя должны были соединять и поднимать доски, пока Эррис вбивал в лед железные якоря.

Турин смог закрепить доски против ветра, в то время как остальные натягивали

поддерживающие провода к якорям.

— Будет легче, когда ветер не будет таким диким! — крикнул он, перекрывая порывы ветра.

Майя и Куина обменялись взглядами.

— Ветер всегда такой, — отозвалась Яз. — Кроме тех случаев, когда бывает хуже.

— Будет легче, когда мы сделаем это несколько раз, — сказала Куина, ее пальцы размылись по сложной проволочной конструкции, которая занимала у Яз целую вечность. Такие задачи всегда были упражнением в разочаровании, когда надевали перчатки, — и еще хуже в варежках, — но, снимая их, ты рисковал вставить обратно в перчатку меньше пальцев. Месяц назад Яз работала бы так далеко на юге голыми руками, но ее новые силы заменили старые, и укус ветра стал чем-то, чего нужно было бояться даже здесь.

В конце концов, когда солнце пролило последние лучи своего света, как кровь, на западный лед, все пятеро отступили, чтобы понаблюдать за работой своих рук. Маленькое строение сотрясалось от яростного ветра, каждая панель дребезжала, стены опасно гнулись сначала в одну сторону, затем в другую, как будто бы их могло снести в любое мгновение.

— Давайте назовем это первым наброском. — У Эрриса была ледяная корка на левой стороне лица, создавая любопытный двухцветный эффект. Он, казалось, еще не заметил этого.

— Набросок — подходящее слово. — Куина обхватила себя руками, дрожа. Щели между досками практически визжали, когда ветер протискивался сквозь них.

— Даже Аксит признают, что есть некоторые битвы, которые нужно назвать ничьей. — Майя подняла входную доску. — Залезайте!

Турин не нуждался в ободрении. Он с трудом протиснулся, прижимая к груди теплогоршок. Позади него пес, Зокс, уже свернулся в куб. Рядом с ним стояли лодка-сани, повернутые против ветра и привязанные к столбу.

Один за другим они нырнули вслед за Туриним. Эррис вошел последним, запирая дверь.

— Ну, здесь уютно. — Турину пришлось повысить голос, чтобы перекричать стук досок. Здесь было гораздо шумнее, чем в любой палатке. Пятеро из них присели на корточки и прижались друг к другу, даже ближе, чем семья Икта. Крыша была слишком низкой, чтобы кто-либо из них мог стоять, за исключением, возможно, Майи.

Они освободили немного места для Турина, чтобы он мог поставить горшок. Запах гари поднимался от его мехов там, где он держал горшок слишком близко к ним. Яз откинулась на покрытые шкурами доски, которые составляли пол, и попросила маленькие звезды в горшке потратить свою энергию немного быстрее. И, несмотря на сквозняки в их скрипучем доме, пространство внутри начало медленно нагреваться.

— Пальцы рук и ног, — сказала Куина, стягивая левый сапог.

— Ч-что? — Турин бросил на нее подозрительный взгляд из-под темного водопада своих волос.

— Пальцы рук и ног, — повторила Майя слова Куины и стянула перчатки.

Эррис поднял бровь:

— Мне кажется, они предлагают тебе проверить свои конечности.

— Стандарт после долгого похода по льду. — Куина пошевелила пятью розовыми пальцами ног у котелка. — Нужно убедиться, что холод не вонзил в тебя свои зубы.

Это тоже было ново для Яз, и она покраснела при виде обнаженных пальцев ног, так нагло выставленных напоказ. Икта проверяли укусы холода только в худших полярных

областях. Что-то в их природе сопротивлялось холоду лучше, чем у людей других кланов.

— Нужна помощь? — Куина потянулась к ноге Турина. Тот неловко попятился, наткнувшись на стену убежища.

— Осторожно! — предостерегла Майя, легкая улыбка тронула ее губы.

Куина пожала плечами и откинулась назад, чтобы расшнуровать второй сапог:

— Бывает трудно обойтись без посторонней помощи. Это все, о чем я подумала.

Эррис фыркнул, и Яз начала хмуриться, спрашивая себя, не упустила ли она что-то здесь. Она перевела взгляд с веселья на резких чертах лица Куины на замешательство на лице Турина.

— Спасибо. Я справлюсь. — Турин снова придвинулся поближе к тепло-горшку и продемонстрировал, что без посторонней помощи ему действительно не снять сапоги.

Обувь, которой его снабдили, была более прочной, чем та, что носили Сломанные в своих сырых и безветренных пещерах. Он изо всех сил пытался развязать шнурки холодными неуклюжими руками. Куина издала вздох притворного раздражения и двинулась вперед слишком быстро, чтобы он успел уклониться. Она расшнуровала сапоги размытыми пальцами:

— Вот.

Даже тогда Турину потребовалось невероятное усилие, чтобы снять их; он чуть не упал на спину, в то время как остальные подавляли смех. Когда его ноги наконец появились, они были тревожно белыми, но массаж в тепле горшка в конце концов вернул им розовость.

— Нам придется обратить пристальное внимание на эти пальцы, — сказал Эррис, только наполовину шутя.

Яз кивнула. Она не совсем понимала, насколько хрупким был Турин, рожденный и выросший подо льдом. Это был его первый полный день на ветру. Его власть над льдом и огнем заставляла ее думать, что он непобедим, но он был далек от этого. Он владел водой, но не мог повлиять на температуру. Яз сделала мысленную пометку подсыпать немного звездной пыли в его сапоги, пока он спит... даже если это означало, что Куина проведет остаток пути, называя его блестящие пальчики. Она взглянула на девушку, которая все еще смотрела, как Турин трет ноги. Было ясно, что за ее поддразниванием скрывался другой интерес. Ясно всем, по крайней мере, кроме Турина.

— Замороженные грибы, кто-нибудь хочет? — Майя подтолкнула вперед кусок серой чешуи и коричневых шапок, сплавленных вместе льдом.

Несмотря на зверский голод, Яз колебалась. Все они колебались. Это должно было стать их жизнью в обозримом будущем, возможно, на всю оставшуюся жизнь. Бесконечные походы по льду и бесконечная борьба с ветром, а по ночам они будут прижиматься друг к другу в грохочущем укрытии, которое может быть сорвано следующей бурей, и есть безвкусные замороженные грибы, для выживания.

— Ну... — Турин сунул руку в узел со своими мехами и с усмешкой вытащил низкий железный горшок с длинной ручкой. — Вот это.

— Что это? — Куина вгляделась.

— Горшок для обжаривания, сковородка, — сказал Турин. — И... — Он раскрыл другую руку, показывая россыпь белых кристаллов.

— Соль! — воскликнула Майя в восторге.

— Растопите немного льда, и мы приготовим грибы. — Турин поставил сковородку на раскаленный тепло-горшок.

Эррис снял с плеча кожаную сумку и порылся в ней. Он достал три замороженных селедки.

— Продовольственные запасы жрецов были на удивление богаты. Я просто помог себе. На санях есть еще кое-что.

Яз моргнула, удивленная, обрадованная и раздраженная в равной мере. Она была так предана их первоначальному плану, что мысль о том, что они могут пополнить запасы из Черной Скалы, не пришла ей в голову. Уход Квелла и Зина еще больше затуманил ее зрение. Все смотрели на нее, как на лидера, и она уже потерпела неудачу в чем-то столь фундаментальном, как еда. Эта задача выпала на долю того, кто даже не ел.

— Спасибо, Эррис. — Восторг начал побеждать. Она повернулась к Турину, который всю жизнь ел тушеную рыбу и грибы Мадин в ледяных пещерах. — Тогда давайте устроим пир!

Они ели, и это было обжигающее рот великолепие, как будто они пожирали сущность жизни. Яз чувствовала, как его сияние распространяется от ее живота к конечностям. И к концу еды в убежище стало почти тепло. Впервые Яз по-настоящему поверила, что они смогут дойти. Они могут пережить такую ночь. А путешествие — это просто вопрос выживания в течение нескольких ночей, каждая из которых разделена дневным переходом.

Все пятеро легли, завернувшись во все, что принесли с собой, прижавшись друг к другу, чтобы разделить тепло тела и не представлять собой мишень для тонких, острых пальцев, которые ветер просовывал сквозь сочлененные стены.

Турин тут же провалился в сон, едва успев проглотить последний кусок. Во сне он выглядел почти ребенком, его обеспокоенные, иногда обидчивые черты лица выдавали ранее скрытую уязвимость.

Майя прижалась к спине Яз, Куина лежала между Эррисом и Туринном, ее острые черты смягчились в сиянии тепло-горшка. Доски дребезжали и сотрясались от яростного ветра, но разум Яз уже начал отодвигать шум на задний план. Она мысленно протянула руку и приказала дюжине или около того маленьких звезд в горшке успокоиться, все еще излучать тепло, но меньше, чем раньше.

— Как долго они продержатся? — спросила Куина, которая всегда хотела все знать.

Яз покачала головой.

— Скорее недели, чем дни. Месяцы, надеюсь. Это зависит от того, как много мы будем их использовать. — Звезды сгорали, когда теряли свою силу. Более крупные держались дольше: возьми звезду вдвое больше, в восемь раз больше по объему, и она продержится в сто раз дольше. Возможно, полноразмерные звезды, которые были у Пропавших, те, от которых произошли все эти фрагменты, могли существовать вечно или, по крайней мере, не менялись в течение многих жизней.

— Может быть, нам следовало принести больше, — сказала Майя.

Яз пожалала плечами.

— У нас есть и одна большая. — Они обсуждали, сколько звезд взять с собой. Скольким богатством племен они готовы рискнуть. Если они погибнут на льду, звезды вместе с ними будут потеряны навсегда. Кроме того, присутствие слишком большого числа звезд оказалось бы невыносимым для всех, кроме Эрриса и Яз. «Большая» была золотисто-зеленой красавицей размером с кулаки Яз. Она осталась на санях, и именно по этой причине их приходилось тащить на длинных поводьях, чтобы они оставались немного позади группы.

Звезды в горшке представляли месяцы труда Сломанных, и они должны были прожить весь путь. По крайней мере, она на это надеялась.

— Как они работают? — спросила Куина, поставив Яз в трудное положение.

Яз покачала головой:

— Они просто это делают.

— Всегда есть причина.

Яз нахмурила лоб.

— Я думаю, они похожи на дыры в мире. Дыры, пробитые в... — хотела она сказать в реке, которая течет сквозь все сущее, но жрецы назвали ее Путем. — Дыры, через которые просачивается энергия Пути. И, как дыра в меху с водой, чем они меньше, тем быстрее они замерзают и запечатываются. — Она встретила взглядом с Куиной, вызывая ее на более подробные расспросы.

Но Куина только задумчиво улыбнулась и опустила голову:

— Спасибо.

Яз опустила голову, слушая, как ветер поет в поддерживающих проводах, и гадая, сколько времени потребуется сну, чтобы дотянуться до нее и утащить вниз.

Яз проснулась с криком и свернулась в клубок, когда мир вокруг нее рухнул. Яростный порыв ветра сотряс укрытие, как удар, и холодный воздух наполнился треском, сопровождаемым грохотом падающих осколков. Она приготовилась к убийственному порыву ветра. Без своего убежища они, скорее всего, встретят рассвет замерзшими трупами.

— Все живы? — Эррис повысил голос, перекрывая шум.

Яз подняла голову. Доски держались.

— Что случилось? — Голова Майи показалась из-под мехов.

— На досках образовался лед, — сказал Эррис. — Когда порыв ветра согнул их, весь лед рухнул разом. Мы... — Еще один порыв ветра сотряс строение, заглушая все, что он хотел сказать.

Куина села, обхватив свои шкуры и меха:

— Нам следовало задержаться подольше и выменять себе палатку.

Яз знала, что это правда. Она также знала, что, если бы они остались подольше, то, вероятно, никогда бы не уехали. Если бы она отправилась к Икта за палаткой, вряд ли она смогла бы сказать «прощай» своим родителям и большой семье, которая была всем, что она знала на протяжении большей части своей жизни. Кайлал в кузницах Сломанных часто говорил: «Куй железо, пока горячо». Казалось, это применимо и здесь.

Все уже проснулись, за исключением Турина, который все еще лежал, мертвый для всего мира. Яз откинулась на спину и уставилась на дрожащую крышу. Боль от дневной ходьбы давила на ноги. Год назад она могла бы пробежать это расстояние не задумываясь.

— Расскажи нам историю. — Голос Майи на мгновение смягчил ярость ветра.

— Я знаю только истории Икта, — сказала Яз.

— Знаешь, у нас на юге тоже есть истории о Зене и Мокке. Только мы говорим, что Зен предпочитал свою дочь Кас-Кантор всем остальным. — Куина снова легла. — Расскажи нам что-нибудь из этого.

Яз взглянула на Эрриса:

— Это не даст тебе уснуть?

Он пожал плечами и улыбнулся:

— Не думаю, что мне нужно спать. Это скорее привычка. Расскажи свою историю. Они все мне интересны.

Я улыбнулась в ответ, радуясь, что он не отмахнулся от ее рассказов, даже если они, казалось, противоречили его жизни в то время, когда деревья росли даже здесь. Некоторые кланы, такие как Квинкс, считали, что рассказывание историй предназначено для детей. Очевидно, им не пришлось переживать долгую ночь в течение трех месяцев.

Я расскажу вам историю об одном из тех случаев, когда Мокка путешествовала по льду, что она делала много раз, потому что Мокка была создана Богиней в Небе, и блуждание ветра было в ее крови. Поэтому она часто оставляла Зена в палатке, которую они делили, и уходила одна, следуя за западным или северным ветром, иногда на несколько дней, иногда на месяцы. Однажды даже на тридцать лет, ибо в те дни время было труднее сосчитать, и века не давили на первого мужчину и первую женщину.

Когда Мокка отправилась бродить по белой смерти севера, богиня-обманщица Маитри последовала за ней, надеясь развлечься. Мокка продолжала свой путь, день за днем идя навстречу ветру, петляя от моря к морю, потому что в те дни горячие моря открывались широко и часто. Это было время изобилия, когда Боги в Море говорили с Богами в Небе и раздвигали лед, чтобы они могли поговорить.

— Смотрите, — сказал Хуа, меньший всех Богов в Море, тот, кто создал Зена, первого из людей. — Посмотрите, что я сотворил.

— Смотрите, — сказала Айики, меньшая всех Богов в Небе, та, что сотворила Мокку, первую из женщин. — Посмотрите, что я сотворила до того, как это сделал Хуа.

И они, как всегда, заспорили о том, кто был первым: мужчина, который выбрался из моря, или женщина, которая стояла лагерем на вершине ледяного утеса, когда он туда добрался.

И другие среди богов смотрели с моря и с неба и задавались вопросом не о том, кто был создан первым, мужчина или женщина, а о том, должно ли их быть больше.

Некоторые глупцы говорят, что все племена людей произошли от чресл Зена и чрева Мокки, и что все мы произошли от брата и сестры. И, возможно, эти немногие глупцы действительно являются результатом таких неразумных союзов. Но правда в том, что второй мужчина и вторая женщина, и третий мужчина и третья женщина, и так далее и тому подобное не рождались от Зена и Мокки, а были созданы другими богами, которые поставили своих игроков на доску, чтобы посмотреть, к какой судьбе приведут их ветер, море и лед.

И так получилось, что богиня-обманщица, прокладывая себе путь вместе с Моккой на пятом году ее странствий, увидела в великой белизне человека, который не был Зеном. Маитри, единственная среди богов, хотя и не была последней из них, давно обнаружила, что не может создать ни мужчину, ни женщину. Хула был одной из ее попыток, медведь — другой. Собака была делом рук другого бога, потому что Маитри никогда не смогла бы создать что-то настолько полезное. Ревность и неудача стоят за многими жестокостями, даже среди богов, как и произошло с Маитри.

Маитри дунула через лед и захватила мужчину, ведя его шепотом и видениями, пока, наконец, он не увидел палатку Мокки, черную на фоне заходящего солнца. Увидев страх в мужчине, который считал себя одиноким во всем мире, Маитри надула щеки и сильно дунула, подталкивая его вперед.

По зову мужчины Мокка вышла в бурю Маитри, мало обеспокоенная ее зубами, потому что она родилась от ветра.

Человек, рожденный морем, страдал от шторма Маитри и угасающего света, и поэтому Мокка впустила его в свою палатку.

Она улыбнулась и спросила, как его зовут, потому что он был не первым мужчиной, которого она встретила в своих странствиях.

— Имя? — Этот мужчина никогда не нуждался в имени, считая себя единственным на всем льду.

Но Маитри вложила имя Зен в его уста и поместила образ Зена в глаза Мокки, пробудив одиночество, которое преследовало Мокку в течение многих месяцев. И Мокка была рада, что Зен пришел за ней и взяла его к себе в меха.

Они путешествовали вместе в течение десяти лет, и путаница, в которую их завернула Маитри, со временем исчезла. Мокка назвала мужчину Шемом, а их сына — Шемалом. Они расстались на льду, когда мальчик стал достаточно взрослым, чтобы помогать отцу ловить рыбу. Мокка полюбила их обоих, но предупредила, что им следует держаться подальше от Зена, потому что обман Маитри опечалит и разозлит его.

Маитри последовала за мальчиком тогда и в течение многих последующих лет. Богиня видел в Шемале ее собственное творение, ибо он родился от ее обмана. И вот почему в сердцах клана Шемал есть обман и воровство, и законнорожденные потомки Зена и Мокки должны избегать их.

Яз опустила голову и еще больше успокоила звезды в тепло-горшке. История, которую она рассказала, была старой и говорила об опасности неизвестного. Никто из тех, кого Яз когда-либо спрашивала, не встречался с кем-либо из клана Шемал. Возможно, их больше не существовало. Однако тень их памяти лежала на неисследованном льду, где бродили незнакомцы и хранили собственные знания, неизвестные Икта.

Это казалось подходящей историей, поскольку они направлялись в южные льды, удерживаемые кланами, чьи имена не произносились на севере. И старая истина заключалась в том, что чем дальше люди удалялись от своих родных морей, тем больше вероятность того, что они встретят Шемал и станут жертвой их обмана.

Когда Яз засыпала, ей казалось, что им лучше быть похожими на Эрриса, для которого все кланы были неизвестными и который открывался их путям с рвением истинно одинокого. Эулар и его жрецы сделали «других» из людей в зеленых землях и использовали это как предлог для планирования кровопролития в неслыханных масштабах. Яз тоже хотела найти зеленые земли, но не хотела их завоевывать. Она хотела их увидеть — *нуждалась* в том, чтобы их увидеть — ради надежды, которую они предлагали. Ради знания о том, что можно жить по-другому, более богато, и что человечество может сделать больше, чем просто бежать, стоя на месте перед лицом умирающего мира.

И эта надежда не была бы никакой надеждой, если бы привычка думать о незнакомцах как о врагах не могла быть сломана.

Второго дня пути оказалось достаточно, чтобы Черная Скала исчезла из виду, но не из памяти. Вторая ночь прошла легче, чем первая. К третьему дню Яз, Майя и Куина вернулись в ту колею, которую они проложили через бóльшую часть своей жизни. Дни проходили, никто их не считал. Никто из них не знал, как далеко им придется идти. Эррис сказал, что, если им придется добираться до экватора, то это будет путешествие в четыре тысячи миль. Он сказал это, смеясь над невозможностью такого похода.

— Но, если зеленый пояс достигает в ширину две тысячи миль, тогда... нам придется идти пешком... э-э-э... только три тысячи миль.

На ходу они не разговаривали и не оглядывались. Опустив голову, они погрузились в свои мысли. Одна нога перед другой, борясь с ветром. Каждый из них стал пылинкой тепла в огромном, враждебном холоде белой смерти. Одинокое пламя, изо всех сил пытающееся гореть на все уменьшающемся топливе.

Для Яз это было тяжелое испытание, которое она испытывала так часто и так долго, что привыкла к нему. Куина и Майя тащились рядом с ней, безымянные в своих скованных морозом капюшонах, с наветренной стороны их покрывали лед и снег. Ее сестры по этому странному новому клану.

Турин страдал. Он страдал от одиночества во время долгого похода. Его сила и выносливость еще не выковались, и он двигался способом, который Икта сочли бы экстравагантным — замедлялся почти до шатания, а затем собирал свою энергию, чтобы потратить ее на решительные скачки скорости. Он глядел по сторонам, как будто было на что смотреть. Он пытался говорить, как будто разговор мог каким-то образом поддержать его, как будто разговор мог стать веревкой, за которую другие могли бы тащить его за собой. Он чувствовал холод, несмотря на то, что был закутан в столько слоев меха и шкуры, что казался почти таким же широким, как и высоким. Он жаловался на потерю чувствительности в ногах и руках. И каждый вечер в убежище его конечности выглядели все белее, и ему требовалось больше времени, чтобы прийти в себя. Холод еще не добрался до него своими зубами, но определенно начал его пощипывать.

Один Эррис шел так, словно все еще находился в туннелях Черной Скалы или среди деревьев в лесах своей памяти. Он казался неутомимым, а его улыбка могла расколоть лед, образовывавшийся на его лице. Пес оказался таким же стойким. Его упорная и неизменная походка могла показаться бездушной, но Яз чувствовала, что он счастлив в своей новой жизни. Может быть, так казалось просто потому, что он кружил вокруг лагеря каждую ночь, прежде чем устроиться, или был готов и ждал у лодка-саней с первого намека на дневной свет, его молчаливый, скорбный взгляд приветствовал их, когда они выходили из укрытия, как бы говоря: «Что вас задержало? У нас есть места, где можно побывать». За вечерним рагу Яз призналась, что ее теория о псе может быть просто выдачей желаемого за действительное, но Эррис удивил ее, согласившись:

— Устройства технического обслуживания строили для того, чтобы они были полезными. Зокс считает, что он полезен. Это увеличивает в нем до предела то, что ты или я назвали бы счастьем.

Турин, который казался слишком усталым, чтобы поднести чашку к губам, прищурился

и посмотрел на Эрриса:

— Это сделанная вещь — как игрушки, которые наши мусорщики и кузнецы иногда делают из предметов, которые находят в городе. Их делал Норкрис... он называл их крабами... приводимыми в действие спиральной пружиной. Они неслись по земле.

Эррис кивнул:

— Пес — сделанная вещь. Как охотники в городе или Наблюдатель под Черной Скалой.

— И как он может быть счастлив? — Турин поднял бровь. — Были ли крабы Норкриса счастливы, потому что они двигались вперед и назад?

— Счастливы ли настоящие крабы, когда они бегут по дну океана? — возразил Эррис.

— Ты тоже сделанная вещь, — сказал Турин, переходя к сути своей мысли.

Для Яз это не было похоже на нападение. Скорее заостренная форма любопытства, но как это воспримет Эррис, она не была уверена.

— В тебе нет ничего, что не было бы выковано в кузницах Пропавших. Все из металла и досок? Если только твое настоящее сердце не бьется где-то внутри этого тела? — Турин покачал головой. — И я знаю, что нет. Я вообще не чувствую в тебе воды. Даже на слезы не хватило.

Эррис задумчиво кивнул.

— Это правда. Здесь нет ничего, что не было бы сделано мной с помощью механизмов Пропавших. Кроме... информации. История о том, кто я есть, которая хранилась в сознании Весты, звезды пустоты в сердце города, и была помещена сюда. — Он постучал себя по голове. — И действительно ли это я или нет, это то, с чем я борюсь. Эта вещь похожа на меня. Я верю, что я — тот же самый человек, который упал в город много лет назад, настолько много, что лед поглотил мир, который я знал. Но я никогда *не смогу* узнать это наверняка. Мысль о том, что настоящий Эррис мертв уже тысячи лет и что его мир остановился в тот момент, когда закончилось его падение... Я не знаю, что с ней делать.

Турин нахмурился, выглядя пристыженным, но не зная, что сказать. Он предпочел поднять свою чашку и не торопясь сделать горячий глоток.

Яз ничего не сказала, а потом опустила голову, гоняясь за невозможными кругами мыслей, которые, должно быть, преследовали Эрриса гораздо дольше, чем она была жива. Был ли он копией? Была ли идеальная копия тем же самым, что и оригинал? И действительно ли это так или иначе имело значение для тех, кто не встречал настоящего Эрриса? Все, кто когда-либо встречал Эрриса, так давно забредшего в руины города, были мертвы вместе с тридцатью поколениями их потомков и более того.

В конце концов сны овладели ею, оставив вопросы нерешенными.

Проходили дни, и мили исчезали у них под ногами. Ветер дул то в одну сторону, то в другую. Разразилась буря, и в течение трех дней они прятались в своем убежище, молясь многим богам, чтобы оно удержалось. Когда, наконец, они вынырнули оттуда, оказалось, что завывающий голос урагана почти погреб их подо льдом, образовавшемся на досках. Яз подумала о том, что на более гибких палатках Икта лед не мог задержаться. Эррис указал на два оборванных провода. Лед фактически поддержал укрытие — уплотненная стена толщиной в несколько дюймов осталась бы стоять, если бы доски можно было каким-то образом удалить, не повреждая льда. Эррис восстановил провода, связав их конец с концом, скрутив их вместе мощными пальцами.

Проходили недели, и Турин начал обретать силу, или, возможно, все они ослабли до его уровня. Трудно было сказать. Трудно было сказать, сколько миль они проходили каждый день. Ландшафт не был лишен особенностей: они видели торосы, изменения в тоне и текстуре льда, редкие места, где снегу удалось накопиться до толщины, — но не было способов измерить пройденное расстояние.

За все эти пустые мили долгих и безмолвных недель они еще не видели ни одного человека и ни малейшего признака того, что кто-то когда-либо проходил этим путем. Несколько раз в день Яз останавливалась, заставляла Эрриса поднять ее на плечи и медленно поворачиваться, пока она обшаривала горизонт в поисках любого намека на горячее море. Любое горячее море можно было заметить с огромного расстояния по поднимающемуся от него пару. Но как долго держался пар и как высоко он поднимался, зависело от милости ветров. Но ветры никогда не бывают милосердными.

Через месяц запасы продовольствия начали иссякать. Никогда не было никакой реальной перспективы совершить путешествие без пополнения запасов. Им вполне может потребоваться год, чтобы добраться до зеленых земель. Ежедневная ходьба замедлялась погодой и разбитым льдом. Икта могли пройти тридцать миль за день, но Икта не походили на других людей, Икта были другой породой, и, конечно, Турин мог пройти немногим больше десяти. Не было никакой возможности тащить за собой по льду еду на целый год. Даже с железным псом, который тянул за всю группу. И где взять столько еды, чтобы ее хватило для четырех человек в течение года? Только из запасов, необходимых для того, чтобы накормить более двухсот только что проснувшихся украденных Сломанных. Это было бы чересчур. Даже для нее, которая их освободила. *Особенно* для нее. Яз пробудила их к свободе не для того, чтобы эта свобода стала свободой голодать.

Ее первоначальный план был лихорадочным сном, и теперь она удивлялась, что остальные были либо в таком отчаянии, либо настолько доверчивы, что тоже поверили в него. Скоро не останется ни крошки, они должны будут полагаться на щедрость незнакомцев. И щедрость, и незнакомцы были большой редкостью на льду.

Но, благодаря Квеллу, у них были лодка-сани и снасти, хранившиеся в них. Теперь нужно было только море, и они смогут прокормить себя. Даже с сотнями миль между ними Квелл все еще был кланом, все еще присматривал за ней.

— Нам нужно найти море. — Яз шла с Турином впереди группы. Мили закалили его, и теперь он держал себя в руках.

— Это, кажется, сложнее, чем кто-либо подозревал. — Турин не смотрел в ее сторону. Они уже говорили об этом раньше. Все они.

Сто шагов прошли в молчании.

Турин нарушил его.

— Море больше, чем Черная Скала, верно? — В его голосе все еще звучало недоверие, когда он это сказал — словно Черная Скала разрушила его старые убеждения о том, насколько большой может быть вещь на самом деле, и тем самым определила новый верхний предел.

— Намного больше, — сказала Яз. — Хотя, честно говоря, это скорее дыры во льду, чем большие куски скалы, которые торчат в небо. Но струи пара могут подниматься выше Черной Скалы — при правильных условиях.

— Нам нужно увидеть море. — Турин повторил заклинание, ставшее у них привычным.

— Шторм приближается, — крикнула Куина сзади, где она шла рядом с Зоксом. —

Снег!

Яз оглянулась через плечо на разодранное северное небо. Это действительно было похоже на снег, хотя ее опыт в этом был ограничен. Она никогда не видела, как падает снег, кроме одного раза, на берегу горячего моря. Тогда она была маленькой девочкой, но за пять дней до встречи ветер нес крошечные белые хлопья, достаточно много, и они кружились в чистых белых потоках по льду. И вот опять. То, что снег вообще шел, сказал Эррис, было для него самой большой причиной полагать, что зеленый пояс все еще существует. Вода, которая есть в снегу, должна была испариться из моря, добавил он, и крошечные моря, которые поддерживали лед-племена, были слишком малы, чтобы объяснить это. Яз обиделась на «крошечные» и заявила, что Горячее Море севера иногда достигает целых десяти миль в поперечнике. Эррис спрятал улыбку и сказал, что в его время океаны были несколько больше.

— Снег? — спросил Турин.

— Что-то вроде ледяной крошки, которая падает с неба. — Яз ускорила шаг. — Если повезет, он пройдет мимо.

Турин нахмурился:

— Он не кажется опасным.

— Я слышала, что он *может* быть опасным, — сказала Яз. — Если таких крошек будет много.

Они шли полдня, держась впереди бури, хотя она неуклонно приближалась, странный холм из клубящихся облаков. Сами облака тоже были странностью. Обычно небо было ясным, иногда прорезанным высокими лентами тумана, сверкающими, как триллион ледяных кристаллов. Но это было совсем другое — низкая, густая, вздымающаяся масса, похожая на облака пара, поднимающиеся из моря, но в тысячу раз больше.

— Впереди что-то есть, — крикнула Майя из-за их спин.

Яз оторвала взгляд от земли. Вот уже несколько миль лед под их ногами был удивительно прозрачным — она редко видела такое раньше. Голубовато-зеленый лед, в который зрение проникало, казалось бы, на дюжину ярдов и больше, прежде чем дефекты и искажения размывали линию взгляда. В какой-то момент Эррис заметил несколько крупных рыб, вмерзших в лед. Некоторое время они спорили о компромиссе между энергией и ресурсами, необходимыми для извлечения рыбы из трех-четырёх ярдов льда, и выгодами от увеличения их истощающихся запасов. Турину не терпелось поработать со льдом, но Яз знала, что это усилие откроет его для холода. В конце концов они неохотно двинулись дальше, чтобы опередить бурю, оставив рыбу позади. Скоро снег покроет все вокруг, и всякое искушение исчезнет.

С тех пор, однако, Яз рыскала взглядом по льду перед ней в надежде найти еще больше рыб, даже более крупных, ближе к поверхности. И пока ее глаза блуждали в глубинах впереди, ее разум пытался понять, как рыба вообще оказалась во льду. Возможно, действовал тот же самый механизм, который похоронил кита, но тот находился на глубине в несколько миль. До сих пор она видела дюжину из них, красноперку, сельдь, гейл и некоторые неизвестные виды; они находились ближе к поверхности, но все еще слишком глубоко, и большинство из них были слишком малы, чтобы их можно было выкапывать. Турин, однако, проложил дорогу до трех самых доступных, добавив к их запасам двух толстых гейлов и змеезуба.

Сейчас Яз посмотрела вперед, чтобы увидеть то, что заметила Майя. Ей пришлось довольно долго моргать от белизны, пока ее зрение не привыкло и она не увидела это. Она так сильно хотела, чтобы это было море, что на долгое мгновение Яз была уверена, что видит паровой след, идущий рядом со льдом. Но такие заблуждения трудно поддерживать долго, и вскоре она поняла, что это такое.

— Это самый большой торос, который я когда-либо видела.

Приближаясь к гребню, они замедлили шаг. За эти недели они повидали немало таких образований. Мудрость клана гласила, что торосы образовывались по целому ряду причин, включая приливные силы Оунаи, дневной звезды, появлявшейся каждые одиннадцать лет или около того; землетрясений далеко подо льдом; мест, где море подо льдом становится сушей, и лед пробивает свой путь на берег. Некоторые представляли собой линии изломанного и зазубренного льда высотой от нескольких футов до дюжины ярдов. Другие были сглажены ветром в изогнутые стеклянные стены. Этот был, по крайней мере, в сотню футов высотой и чем-то средним между двумя крайностями, не зазубренным и не очерченным ветром, но на пути от первого ко второму, его поверхность была бугристой, но довольно гладкой.

До сих пор, сталкиваясь с трудными подъемами, Яз отклоняла их курс на юго-восток или юго-запад, пока через несколько миль хребет не погружался в лед. Этот, однако, тянулся с востока на запад и простирался в бесконечность в обоих направлениях.

— Налево или направо? — спросил Эррис, присоединяясь к Турину, Майе и Яз глядевших, вытянув шею, на верх белой стены.

— Через. — К ним присоединилась Куина. Пес тяжело шел за ней, лодка-сани грохотали за ним.

— Серьезно? — Яз обернулась, нахмурившись. — Кто-нибудь поскользнется и сломает кость. Или несколько костей.

— Или умрет, — сказала Майя.

— Еда почти закончилась. Сани настолько легкие, насколько это вообще возможно. — Куина посмотрела на гребень. — Нам нужно на юг. Нам нужно увидеть море.

Эррис присоединился к Яз, хмуро глядя на Куину:

— Кажется излишне опасным.

— Все, что мы делаем, опасно. Это просто медленная опасность, которую мы не замечаем. Это всего лишь недельная опасность, свернутая в один волнующий комок. — Куина выдавила узкую улыбку.

— Волнующий? — Яз покачала головой. — Ты — лед-помешанная. — Однако она должна была признаться, что трудно принять мысль о том, что можно пройти неисчислимые мили и не попасть на юг.

Куина пожала плечами:

— Эта стена может повернуть бурю вспять. На другой стороне мы, возможно, будем в безопасности.

Яз посмотрела вверх. Она знала слишком мало о снежных бурях и не могла сказать, сбивает ли их с пути стена льда. Но, возможно, стоит попробовать. Даже так — это казалось невозможным.

— Я заберусь на нее, — сказала Майя. — А ты найдешь путь для остальных.

Турин покачал головой:

— Я буду первым.

— Ты думаешь, я не смогу этого сделать? — Майя бросила на него опасный взгляд, который заставил его рассмеяться, булькающий добродушный смешок, противоречащий его часто задумчивому виду.

— Я думаю, ты можешь подняться... но я знаю, что и я могу сделать. Турин поднялся со льда, под его ногами не было ничего, кроме пустого воздуха. — И это. — Он протянул руку к гребню, и поверхность взорвалась белым облаком, которое, когда ветер сорвал его, оставило ряд глубоких борозд.

— Заверните меня в меха! — Куина изумленно моргнула. — Мальчик действительно умеет летать!

Яз поймала себя на том, что рада, что не дала ему потратить силы и вытащить рыбу из льда. Остальные просто смотрели, пытаясь приспособиться к этой новой реальности. Турин рассказывал им, как он выбрался из пещер Сломанных, но никогда не показывал.

— Турин поднимется первым, — сказала Яз.

Зокс прошел мимо них, таща за собой лодка-сани. Турин, Майя и Куина поспешно отступили, чтобы оказаться подальше от звезды на санях.

— Похоже, он тоже стремится быть первым, — сказал Эррис, и его улыбка расколола лед, образовавшийся на наветренной стороне его лица.

Пес добрался до нижних склонов хребта, где нагромождение сглаженных ветром ледяных глыб примыкало к более круто поднимающейся верхней части, и начал пробираться через более крупные. Вскоре он оказался в тупике, но тут черные металлические когти на его лапах стали на пару дюймов длиннее, и пес начал карабкаться по льду.

— Помоги Зоксу, — сказала Яз Турину. — Если он упадет и сани сломаются... — Ей не надо было заканчивать. Даже если они найдут море, отсутствие лодки означало отсутствие рыбы.

Зокс продвигался медленно, но неуклонно, закрепляя три ноги в любой момент времени, погружая свои длинные когти в лед, а затем вытягивая свободную ногу, чтобы набрать еще шесть дюймов. То, что он тащил весь вес лодка-саней вместе со всеми их припасами, казалось, нисколько его не беспокоило.

Турин поднимался рядом с железным псом, делая выступы, на которых стоял, наблюдая за продвижением Зокса и проверяя лед, чтобы убедиться, что тот выдержит вес.

Яз и остальные шли параллельным курсом, используя ледорубы для тяги и время от времени призывая искусство Турина, чтобы создать ступеньки во льду или просто сделать поверхность шероховатой.

Со времени своего пребывания в подземном городе, когда Яз приходилось карабкаться по сухим комнатам Пропавших, она уже не была новичком в скалолазании, но, по крайней мере, в этих коридорах и шахтах была полная темнота, скрывавшая всю глубину падения. Кроме того, там не приходилось бороться с внезапными злонамеренными попытками ветра сорвать ее с насеста и бросить на попечение гравитации. Торос оказался более сложным восхождением, чем любое из тех, которые Яз совершала раньше.

— Будет только хуже, — услужливо сказал Эррис, стоявший в нескольких ярдах ниже нее. — Если мы все еще будем подниматься, когда разразится буря...

— Она не... — Но, оглянувшись через плечо, Яз была потрясена тем, как близко подобралась буря. Потрясение почти заставило ее отпустить захват.

С их нынешней высоты они могли видеть невероятное расстояние на восток и запад, но на севере наступающий снег сократил это расстояние.

— Там... — ее взгляд привлек блеск, красная вспышка, похожая на отблеск солнечного света на металле. На льду, прямо перед фронтом урагана, что-то было. — Кто-то приближается!

При этих словах Эррис повернулся, вонзив пальцы одной руки в трещину во льду, чтобы обезопасить себя:

— Где?

Надвигающийся фронт урагана — кружащаяся белая стена под темной угрожающей тучей — мешал видеть что-либо, кроме снега.

— Сзади, по нашему следу, — Теперь Яз уже не была так уверена. Черная точка почти исчезла, возможно, затерявшись в вихрях перед бурей, или, возможно, всегда была плодом ее воображения.

Эррис уставился на север. Он поднял палец к голове, к уголку глаза, нажимая, как будто это могло каким-то образом настроить его зрение:

— Черт возьми.

— Что это?

— Я думаю... — Эррис продолжал смотреть на надвигающийся снег.

— Да?

— Я думаю, нам нужно подниматься как можно быстрее!

Яз последовала совету Эрриса и двинулась вверх по неровным склонам, которые приготовил для них Турин. Она взмахнула ледорубом, подтянулась выше, ухватилась за зацепку, снова замахнулась. Ветер начал превращаться из одного во много, как это бывает перед любой большой бурей, зараженный дикостью, которая заставляет его бежать сначала в одну сторону, а затем в другую.

— Что ты увидел? — снова спросила Яз у Эрриса.

— Не знаю.

То, что он не сказал, само по себе было так же тревожно, как и все, что он мог сказать.

Теперь Зокс приближался к вершине, весь вес нагруженных лодочных саней болтался позади него, раскачиваясь на вихревом ветру. Любой промах — и их путешествие закончится, даже если им удастся пройти еще несколько миль.

Куина и Майя были примерно на двух третях пути к вершине, Эррис и Яз под ними, хотя Яз знала, что Эррис предпочитал идти последним. Турин стоял на самом верху, борясь с ураганом, который несся над барьером. Даже на таком расстоянии Яз показалось, что она заметила намек на мальчишескую гордость на его лице — король замка. Она в свою очередь улыбнулась про себя и взмахнула топором. Хорошо, что у него был шанс проявить себя после того, как он так долго был самым слабым звеном в их цепи.

Яз увидела хулу до того, как тот ударил, но буквально на долю мгновения, и была настолько потрясена, что ее пересохшее горло не успело крикнуть

Существо извивалось, как угорь, и текло прямо под гребнем хребта, как будто это не была почти вертикальная стена льда. Шестиногий, три ярда в длину, зверь выглядел почти таким же, как на кеттанах, которые Икта вырезали из китового уса в течение долгой ночи — что-то вроде вытянутой собаки с вдавленной мордой, пятнистой серебристо-белой шерстью и длинными черными когтями. Он оказался на Турине прежде, чем кто-либо из них, даже Куина, успел его заметить. Зверь прижал Турина двумя передними лапами, закрепился задними и рванул парой средних, разрывая меха и пытаясь выпотрошить мальчика. Было много историй о нападениях хулы, и неизменным оставалось только одно — собака первым

делом вцепляется в горло, а хула пытается вырвать кишки. Часто он начинал пожирать твои внутренности еще до того, как ты переставал кричать.

Все они начали кричать одновременно; Турин громче всех. Инстинктивный всплеск силы отбросил хулу от него, но передние когти удержали их, и оба они взлетели в воздух в размытом движении.

Каким-то образом Турину удалось освободиться, повиснув в пространстве над почти вертикальным склоном, в то время как хула упал, большой лоскут шкуры туарка волочился в его когтях. Зверь изогнулся в воздухе и, казалось, бросив вызов гравитации почти так же, как и Турин, приземлился на пса.

Зокс содрогнулся от удара, и белый ледяной дождь полился из четырех опорных точек, где его когти были воткнуты в гребень. В течение двух ударов сердца Яз наблюдала, как сначала одно, а затем другое драгоценное существо висели на краю катастрофы.

Лодка-сани дико раскачивались на усиливающемся ветру, когда хула вцепился в Зокса всеми шестью лапами, одновременно пытаясь найти опору на собаке и разорвать ее.

На мгновение показалось, что они оба удержатся — Зокс на льду, а хула на Зоксе.

Но их когти не могли выдержать такой вес. Левая передняя нога Зокса с ливнем осколков оторвалась от льда. Хула потерял сцепление, и лапа за лапой терял контакт с тупыми изгибами Зокса, оставляя на железе яркие линии. Зокс отделился от ледяной поверхности, еще одна лапа оторвалась.

Хула упал, издав тонкий крик ярости, от которого у Яз сжались зубы и в нее вселился тот же страх, что и от неслышного рева холотура. Что-то первобытное, что чувствует жертва, когда хищник поворачивается в ее сторону.

Каким-то образом Зокс удержался на месте, вернув на место ногу, которая оторвалась ото льда.

Хула теперь сидел на носу лодочных саней, барахтаясь между четырьмя длинными поводьями, привязывавшими сани к Зоксу. Первая веревка со звоном оборвалась. Хула развернулся на слишком маленькой платформе, предоставленной санями, и в ярости ударил по саням, по поводьям, по самой ледяной стене. Еще одна веревка сдалась, и сани накренились в сторону. Поняв намек, хула отпрыгнул в сторону.

Вопреки здравому смыслу и неизбежности падения, хула изогнулся в воздухе всем своим длинным телом, зацепился за лед, заскользил и остановился на выступе. Без предупреждения он метнулся в сторону, и внезапно Куина оказалась в центре его черного взгляда.

Куина задвигалась с невероятной скоростью — Яз никогда не видела, чтобы кто-то двигался настолько быстро; скорость хунска понесла ее вверх по склону быстрее, чем если бы она падала. Она перепрыгивала с комочка на комочек, пользуясь шероховатостью, вызванной Туринном.

Хула почти промахнулся, зацепив вытянутой лапой только ее икру, когда проплывал мимо, завывая от ярости. Майя была рядом с Куиной на подъеме, но сейчас не было никаких признаков девочки. Должно быть, она завернулась в любую тень, какую смогла найти, и стала единым целым со льдом. Со временем хула, несомненно, вынюхал бы ее, но вместо этого он вцепился в гребень, нашел равновесие и рванул вниз по склону, целясь в Яз.

Яз потянулась к Пути, сила была ее единственным шансом. Прошло несколько недель с тех пор, как она в последний раз использовала его, чтобы проложить путь через торос поменьше, и Путь начал давить на ее разум, как будто хотел, чтобы она последовала за ним.

Призвать энергию, позволить ей течь через себя, всегда было легче, если она была спокойна и имела достаточно времени. Несмотря на это, она обнаружила, что ее руки светятся, потрескивая от блуждающей силы.

На полсекунды она заколебалась, даже когда хула рванулся к ней, пробивая лед в своем безумном движении вперед. Мать Мазай рассказывала о клане на юге, который поклонялся хуле, и, даже когда ее друзья были ранены, а она сама подвергалась опасности, Яз понимала, откуда взялось это поклонение. Ловить жизнь в одиночестве на льду, как это делали хулы, было удивительной вещью, свидетельством отказа жизни полностью ослабить свою хватку на этом замерзшем мире. Как и Икта, хулы путешествовали от моря к морю в поисках пищи, но, в отличие от Икта, хулы справлялись в одиночку, встречаясь с другими себе подобными лишь на короткое время в парах горячего моря, когда на них накатывало безумие спаривания.

Яз неохотно подняла руки, не желая уничтожать зверя. Как и они, он был одинокой пылинкой тепла в бесконечном пространстве белой смерти, необыкновенным выжившим, посвященным одинокой дороге. Красивым, по-своему.

Эррис протиснулся мимо Яз на путь хулы, готовый противопоставить свою скорость и силу хуле, чтобы спасти ее, если она не собиралась спасать себя. В тот же миг Яз выстрелила, посылая свою силу в сторону хулы яркой линией разрушения. Молния ударила о лед перед зверем и взорвала часть склона, снова швырнув хулу в пространство. Хула снова упал, на этот раз слишком далеко от гребня, чтобы спастись. Яз обнаружила, что тоже падает, ударенная большим куском льда, усеянным множеством острых осколков. Чья-то рука подхватила ее и швырнула обратно на лед.

Яз обнаружила, что висит на одной руке, ее взгляд был направлен вниз на пятьдесят футов хребта, на который она уже поднялась. Ураган мчался на них, его полная ярость была всего в сотне ярдов или около того.

Пространство между фронтом урагана и стеной уже было густым от рыхлого снега, который мчался впереди и поднимался крутящимися вихрями, скрывая землю.

Яз увидела, как хула ударился о лед, приземлившись на все шесть ног без видимого дискомфорта, словно спрыгнул с небольшого обрыва, а не был сброшен на полпути вниз с самого высокого тороса, который Яз когда-либо видела. Он поднял голову, злобные глаза на мгновение встретились с ней, прежде чем снег снова закружился, унося зверя из поля зрения.

Эррис втащил Яз обратно на выступ, с которого ее сбили. Ветер был таким свирепым и холодным, что она дрожала, ее щеки онемели и одеревенели, глаза остекленели от льда.

— Он все еще жив, — сказал Эррис.

— Я рада, — сказала Яз, все еще глядя на то место, где приземлился хула. И она обнаружила, что действительно рада. Было бы тяжелым бременем для нее, если бы она использовала свой дар, чтобы уничтожить существо.

— Вперед! — Эррис начал подниматься.

— Подожди. — Яз почувствовала что-то, знакомое покалывание на краю сознания... Звезды.

Мгновение спустя снег закружился, снова открыв основание хребта. Хула не двигался, но двигалось что-то другое. Что-то большое с длинными металлическими конечностями вынырнуло из бури и схватило хулу стальными пальцами длиной в ярд. Одним резким движением оно разорвало хулу на две половины, окрасив лед запекшейся кровью. Буря

накрыла сцену, врезавшись в гребень, ударив Яз спиной о лед и пытаясь вытащить из-под нее ноги. Эррис не ослабил хватки. Яз повисла, потрясенная, все еще пытаясь понять этот последний проблеск перед тем, как снег лишил ее зрения.

И увидела чудовище гораздо крупнее человека. Вместо головы у чудовища был металлический купол, вокруг которого вращалось с полдюжины звезд, все красные, как кровь.

Яз ощупью пробиралась к вершине хребта, ослепленная снегом, обдуваемая белыми ветрами, которые пытались оторвать ее от все более крутой ледяной стены. Один раз она упала, потеряв хватку, когда замахнулась топором, и с отчаянным криком откатилась назад. Эррис поймал ее двумя ярдами ниже. С глазами и ртом, полными снега, она мало что могла сделать, но снова начала нащупывать дорогу наверх.

Где-то под ней Наблюдатель, возможно, уже карабкался, готовый разорвать их всех на части так же, как он уничтожил хулу. Угроза заставила ее напрячь последние силы и, вероятно, способствовала ошибке, которая почти привела ее к смерти.

— ...оп... и... урин... — Эррис что-то кричал прямо у нее за спиной, но ветер унес его слова, прежде чем она уловила их смысл.

Яз чувствовала напряжение подъема в руках и в длинных мышцах ног. Ее пальцы онемели, и она начала потеть. Одно это могло быть смертным приговором на льду. Пот подвергал риску способность мехов сохранять тепло тела. Она попыталась успокоить дыхание и не думать о машине для убийства с длинными пальцами, которая убила Као, разорвала взрослого хулу и теперь охотилась за ними.

Неуклонное продвижение. Это был путь Икта. Любая задача может быть решена путем постоянного, неуклонного продвижения.

Внезапный порыв ветра, когда Яз достигла вершины хребта, почти перебросил ее через ледяную стену. Она обнаружила, что извивается, цепляясь за лед руками в перчатках, в то время как ураган пытался протащить ее тело за собой и сбросить на дальней стороне. Отчаянная борьба освободила ее и опустила ниже свистящего края.

Воздух здесь был чище, ветер не такой сильный, и Турин лежал совсем рядом на выступе, который сам же и сделал. Лед вокруг него был окрашен в розовый цвет, испачкан кровью. Он приветствовал ее бледной улыбкой.

— Ч-что, черт возьми, это была за штука?

— Хула. — Яз вскарабкалась к Турину, когда Эррис опустила позади нее. Какое-то ужасное спокойствие охватило ее. Этого не может быть. Ей не хотелось приподнимать меха Турина и смотреть, какие там раны Она не могла этого вынести. Ее разум отказывался воспринимать ситуацию так же, как отказывался, когда Зин, плача, исчез в Яме Пропавших. — Дай мне посмотреть.

Турин слабо, храбро улыбнулся и откинул голову назад, желая видеть не больше, чем она.

Эррис двинулся туда, где поводья Зокса натянулись на вершине хребта позади спускающейся собаки. Он изо всех сил старался помочь саням перебраться через гребень.

— Яз, нам нужно идти, — крикнул им Эррис. — Это был Наблюдатель!

Яз проигнорировала его. Собравшись с духом, она откинула в сторону изодранные меха Турина, затем меха под ними, шкуры под ними и плащ из крысиной кожи.

— Сколько на тебе надето?

— Все. — Турин поднял голову и поморщился. — Насколько я плох?

Яз копнула глубже. Когти хулы прорвались через все многочисленные слои и разорвали Турина, но гораздо менее глубоко, чем в противном случае. Раны были кровотокащими, но

не настолько глубокими, чтобы из них хлынула кровь или обнажились внутренние органы.

— Жить будешь.

— Яз! Наблюдатель! — крикнул Эррис, напрягаясь, чтобы опустить сани ниже теперь неподвижного Зокса. Он редко казался взволнованным, но сейчас он явно волновался.

— Наблюдатель? — Турин сел и, дрожа, закутался в свои рваные меха. — А как здесь оказалась *эта* штука? Ты сказал, что она развалится, если окажется слишком далеко от звезды пустоты.

— Так и должно было быть. — Эррис присоединился к ним. — Но он не развалился.

— Если он нашел нас после стольких миль, мы не сможем убежать от него сейчас. — Яз посмотрела на гребень прямо над ними. Она чувствовала существо по другую сторону ледяной стены и его множество звезд — хор с темной песней, проходящей между ними. Однако, насколько близко или далеко это было, она не могла сказать. В любом случае, большая часть ее хотела бежать. Маленькая часть хотела встретиться с монстром лицом к лицу и уничтожить его за то, что он сделал с Као.

— Мы должны идти. — Эррис начал было следовать своему собственному совету, но на мгновение задержался и спросил: — Куина? Майя? Они перешли?

— Да, — ответил Турин. — Я сказал им...

Два длинных железных пальца зацепились за гребень, их заостренные кончики глубоко вонзились в лед.

— Черт побери! — Эррис прекратил спуск и потянулся к Турину. — Яз, помоги мне с ним.

Но Турин поднялся без помощи Эрриса и своих собственных ног, повернувшись в воздухе, словно схваченный рукой невидимого великана.

— Я уже бил по этой штуке потопом. — Он потянулся обеими руками, морщась, когда его раны натянулись. — Давайте попробуем по-другому.

Другая рука Наблюдателя вцепилась в вершину гребня, все три пальца глубоко вонзились в лед. Падающий снег начал окрашиваться кровавым светом звезд, и их песня превратилась в пронзительный хор.

— За Као, — тихо произнес Турин, и мгновение спустя вершина хребта с оглушительным треском раскололась, и огромный кусок вершины хребта — сорок ярдов в ширину и десять футов в высоту — упал обратно в надвигающуюся бурю, тонны разбитого льда полетели на плоскую землю далеко вниз, прихватив с собой Наблюдателя.

Турин легко приземлился на ноги, защищаясь от неуправляемого ветра на новой зубчатой вершине хребта:

— Теперь мы можем идти.

Вся группа собралась у подножия тороса, укрытая от штормовых ветров. С этой стороны гребень был менее высоким, так как ледяной покров был толще, но все же он был достаточно высоким, чтобы обеспечить некоторую защиту.

Они смотрели, как Зокс продолжает медленно спускаться вслед за ними, опасно раскачивая под собой лодка-сани на двух поводьях. Небо над головой продолжало темнеть, и снег просачивался вниз, хотя и падал менее густо, чем дальше, всего в тридцати ярдах от гребня.

— Как эта тварь нашла нас? — спросила Яз. Это казалось невозможным.

— Зокс, скорее всего. — Эррис не сводил глаз с пса. — Он время от времени посылает

сигналы, пытаясь подключиться к сети города. И еще есть... объекты — звезды, если хотите, — которые Пропавшие поместили в небе над нами, над самыми высокими облаками, за пределами воздуха. Они могут передавать сигналы Зокса на большое расстояние.

— Тогда скажи ему, чтобы он заткнулся! — предложила Куина.

Эррис взглянул на нее.

— Это очень базовая функция — ее очень трудно отключить. И кто знает, может быть, нам придется найти город, прежде чем это путешествие закончится. — Он снова посмотрел на пса, который теперь был всего в десяти ярдах над ними. — Настоящий вопрос — как Наблюдатель действовал так далеко от Весты. Он должен был развалиться в течение дня пути от города.

— Зокс не развалился, — сказал Турин. Снег падал на всех, кроме него, защищенного своей лед-работой.

— Зокс, как и я, построен Пропавшими или, в моем случае, их машинами. Наблюдатель был создан жрецами, грубо состряпан из случайных компонентов и вынужден функционировать, используя звезды, управляющие им. Как только нечто подобное оказывается слишком далеко от воли человека, который его оживил, и усиливающего эффекта звезды пустоты... оно возвращается возвращается в прежнее состояние, разваливается на компоненты.

— Небольшая помощь... — Майя двинулась, чтобы перехватить лодка-сани, приблизившиеся ко льду, и попытаться обеспечить им правильную посадку. Как только девочка потянулась к ним, предпоследнее из четырех поводьев сдалось под натиском веса с громким звоном, и сани закачались на одной веревке.

— Нет! — Отчаянный крик Яз эхом отразился от гребня, когда она бросилась к Майе. Зная, что сани для них — вопрос жизни и смерти, Яз полезла под них, меньше беспокоясь о том, что ее раздавят, чем о том, что будет продырявлена лодка. Куина и Эррис, на этот раз медленнее, чем она, достигли ее стороны, когда сани обрушились на нее, их руки приняли часть веса.

Кряхтя и ругаясь, они благополучно вывели сани на лед. Зокс невозмутимо последовал за ними. Когда Куина заковыляла обратно к Турину, оставляя на льду слабые красные отпечатки одной ноги, Яз вспомнила, что девушка тоже ранена.

Яз повела их вперед, несмотря на снег, зная, что каждый день, проведенный в укрытии, еще на несколько миль отделит их от еды.

Турин шел дальше без жалоб, хотя Яз видела, что он двигается с трудом, стараясь не бередить раны. Они привязали несколько более мягких шкур вокруг порезов и попытались расположить слои одежды так, чтобы разрывы больше не совпадали и ветер не мог достать его тело.

Куина прихрамывала рядом с Туриним. Удар хулы порвал ей икру. Ей повезло, что мышцу не перерезали. Эррис перевязал ее окровавленную ногу, и она встала на нее, тяжело дыша:

— Я в порядке. Идем.

Сломанные посоветовали бы отдых и исцеление. Икта оставили бы Турина умирать. Яз выбрала золотую середину, которая никому не понравилась. У них не было исцеления, и отдых только заставит их голодать, поэтому вместо этого они пошли в ногу с Туриним. Яз предложила взять большую звезду, чтобы он мог поехать на санях, и он обдумал это

предложение — то, что его гордость не позволяла в первые дни путешествия.

— Я лучше пойду пешком, — сказал он. — Я не уверен, что смогу пойти снова, если остановлюсь.

И они пошли дальше.

Всего через несколько миль снег стал такой же большой неприятностью, как и ветер. Хотя зерна были маленькими и ветер гнал их под почти горизонтальным углом, они также были бесконечными и начали накапливаться надо льдом. Вскоре они уже пробирались сквозь него.

— Я никогда не знал, что вода может делать такое. — Турин стряхнул снег с волос и глаз. — Я чувствую хлопья. — В его голосе прозвучало удивление. — Они такие сложные и... идеальные... и каждая снежинка отличается от других. Я...

— По-моему, они все выглядят одинаково, — проворчала Куина.

— Но это не так, — сказал Турин. — Я думал, что если и знаю что-то в жизни, так это лед. И теперь я нахожу, что он падает с неба в виде кристаллов, которые звенят, когда падают на землю, и каждый звучит по-другому.

Яз выдавила из себя улыбку. Она видела очень мало снега в своей жизни, и никогда так много сразу. Тем не менее, он делал продвижение невозможным. Ветер сгонял снег в сугробы, и они становились только больше.

— Мы должны разбить лагерь.

Они так много раз устанавливали укрытие, что даже в снежную бурю оказались внутри вскоре после того, как распаковали доски из саней. Зокс, как всегда, остался снаружи, спокойно сложившись в свой куб. Яз решила, что им, возможно, придется копать, чтобы найти его утром.

Внутри укрытия оказалось, что снег каким-то образом притупил ветер. Снег вскоре заполнил все щели, и вой снаружи странно смягчился. Звезды в тепло-горшке несколько уменьшились и горели быстрее, но они надолго переживут пищу, и из-за снега, облепившего доски, в укрытии вскоре стало теплее, чем в любую ночь их путешествия.

— Я мог бы привыкнуть к этому. — Турин потянулся, затем поморщился, вновь вспомнив о своих ранах.

— Дай-ка я посмотрю. — Куина оказалась рядом с ним, отдернула слои меха, ее быстрота победила Яз, которая была ближе к нему, оставив ей чувство... она изучила свои эмоции... оставив ее немного ревнивой.

Эррис тоже наклонился и взглянул:

— Мы должны следить за инфекцией. Холод стерилизует почти все, но эти порезы были получены от когтей животного, и в таких местах могут скрываться микробы. Часто специально, чтобы раненую добычу можно было легко выследить и убить.

— Спасибо за урок. — Турин поморщился, когда Куина коснулась его живота. — Я постараюсь иметь это в виду в следующий раз, когда буду решать, позволить ли монстру выпотрошить меня. В любом случае, проверь Куину, она тоже ранена.

— Она следующая в моем списке, — сказал Эррис. — Лежи спокойно.

— Сегодня тушеные серые чешуйки. — Майя приготовила почерневшую сковороду. — Хотя соли не осталось... — Она отколола еще что-то от сильно уменьшившегося блока замороженных грибов. — Медные шляпки!

— Ура! — вяло воскликнула Куина, хмуро глядя на раны Турина. Медные шляпки были слегка пряными. Вместо соли они приготовили тушеные серые чешуйки — это были просто грибы с серой чешуей, сваренные в воде, — немного более аппетитные.

— Эта глубже, чем я думал. — Эррис указал туда, где коготь хула разорвал Турина ниже, к паху. — Я мог бы связать его кожей, но швы будут более прочными. — Он оглянулся на Яз, Майю и Куину. — Кто-нибудь умеет шить?

Лежавший на спине Турин вздохнул, затем фыркнул:

— Не смотри на них, они все отправили бы меня умирать в снег, если бы тебя здесь не было. Я слышал, кланы тысячу раз чинят упряжь для саней, а не выбрасывают ее, но если кто-то пострадает...

— Тогда я. — Эррис склонил голову. — У кого-нибудь есть иголка?

Майя достала одну из тупых длинных игл, которые они использовали для сшивания досок проволокой через предварительно просверленные отверстия.

Яз с интересом, отвращением и легким чувством стыда наблюдала, как Эррис запечатал самые глубокие раны Турина серией ловких стежков, предварительно простерилизовав иглу — использовавшуюся и для починки мехов — и нитки, вскипятив воду в кастрюле, а затем погрузив их в кипяток.

Вид толстой иглы, погружающейся в кожу Турина и выходящей из нее, внезапно напомнил Яз, что у ней была игла поменьше и тоньше. Она тревожно похлопала себя по коже, опасаясь, что могла потерять ее. Но нет, вот она, серебряная игла, которую Элиас Стержень-корень дал ей в каком-то странном уголке сознания Весты. Он сказал, что игла снова приведет ее к нему, хотя она этого не хотела. Интерес Стержень-корня привлек к ней внимание Сеуса, как будто у нее не было достаточно своих неприятностей, с которыми надо было бороться. Нет, Яз не собиралась больше иметь ничего общего со Стержень-корнем и надеялась, что Сеус забыл о ней. Она была уверена, что у далекого и обезумевшего разума города есть более важные дела, чем одна девушка, потерявшаяся на льду.

К тому времени, когда Эррис закончил с Турином, а затем и с Куиной, и все они, кроме Эрриса, съели свою довольно скудную порцию тушеных грибов, снег заглушил все завывания бури, кроме самых громких. Относительная тишина напомнила Яз о пещерах Сломанных и показалась довольно странной после стольких ночей в их грохочущем убежище. Она спросила себя, как поживают Арка, Кайлал, Мадин и все остальные. У нее заурчало в животе при мысли о ките, которым они, должно быть, все еще пируют там, внизу, где нет ветра.

— Как ты? — спросила Куина у Турина. Ранее она предложила положить ему в рот тушеные грибы, и Яз была рада, что Турин отказался.

— Просто болит. — Турин, поморщившись, откинулся назад. — После должного размышления я решил не рекомендовать сражаться с хулами никому из других Сломанных, кто решит подняться на вершину.

— Хорошо, что на тебе было двадцать семь слоев, — сказала Майя. — Иначе твои внутренности оказались бы снаружи.

Турин слегка вздрогнул и бросил на Яз взгляд «спаси меня»:

— Расскажешь нам историю?

— Я думаю, вы слышали их всех... — Вечернее повествование стало у них традицией, даже после нескольких дней, когда все они хотели с головой погрузиться в сон. Турин утверждал, что даже Зокс придвигался поближе, чтобы послушать, и что можно было

сказать, насколько хороша история, увидев, как близко к убежищу оказался его куб.

— Все израсходовано? — Эррис печально покачал головой. — Ты не Шахерезада.

— Шей... — Яз попыталась обхватить губами это странно звучащее слово.

— Рассказчик историй. У нее их было больше тысячи.

— Никогда о ней не слышала, — сказала Куина, возвращаясь к разговору.

— Ну, это *очень* старая история. Говорят, что наши предки принесли ее с собой, когда пришли на Абет. — Эррис улыбнулся при этой мысли.

— Через черное море... — сказала Куина. — Ты должен рассказать нам эту историю!

— Я не силен в историях. — Эррис поднял руки. — Кроме того, я забыл об этом почти все.

— Но ты напомнил мне историю, которую я забыла. Очень старую, — сказала Яз, и она ее рассказала.

Давным-давно, вскоре после того, как Зен впервые поднялся из моря, чтобы найти Мокку, расположившуюся лагерем на вершине утеса, рядом с их палаткой появилась Маитри. Богиня-обманищица завидовала творениям брата и сестры. Маитри позвала Зена и Мокку, но они не поверили ей и остались в палатке. Затем Маитри сотворила существ из льда и вдохнула в них жизнь, желая создать своих собственных людей, но все они стали жестокими чудовищами, с зубами и когтями. Они кружили вокруг палатки Мокки, воя и шипя, а Зен и Мокка все не выходили.

Взбешенная Маитри подняла сильную бурю и попыталась оторвать палатку ото льда. Но Мокка родилась от ветра, и ее палатка сопротивлялась любому урагану. Маитри заскрежетала зубами.

— Выходите! — крикнула она. Но первый мужчина и первая женщина остались внутри. И вот, в отчаянии, Маитри протянула руку и забрала солнце. Она прятала его очень долго, оставив весь мир во тьме его первой ночи. — Выходите! — крикнула она. — И я подарю вам новый день. — Но Зен был рожден морем и тьмой в нем, и его мужество сопротивлялось ночи.

Наконец Маитри вернула солнце и попробовала другой трюк. Она придала льду новый цвет и назвала его зеленым.

— Посмотрите, что я сделала, — воскликнула она. — Вам не нужно выходить — просто поднимите полог палатки и посмотрите.

— Когда мать нашего клана впервые рассказала мне эту историю, — сказала Яз, — я спросила о зеленом, и она сказала, что лед был зеленым, а Маитри сделала башни, как мы делаем на церемонии в саду в конце долгой ночи. Но я собираюсь рассказать об этом, используя то, что показал мне Эррис, — каков на самом деле зеленый мир.

Маитри взывала к ним, и, как это часто случалось с тех пор, скорее любопытство, чем страх или требования, побуждали человека к действию. Зен выглянул из палатки и был поражен. Толстый зеленый ковер травы покрывал лед, миллиард зеленых травинок укрощали ветер — столько, сколько снежинок в бурю. За травой стояли деревья, выше трех герантов, стоящих друг на друге. Огромные деревянные копья, толще человеческого роста, поднимающиеся из земли и разделяющиеся, разделяющиеся и разделяющиеся на множество ветвей и сучьев. Каждое дерево обладало бесконечным количеством листьев, все зеленые,

нежные и трепещущие.

Зен вышел; он ступал по мягкой траве, и его удивление увлекло за собой Мокку, и от ее улыбки пчелы и порхотуньи поднялись с травы в великом танце, который был быстрым там, где он был маленьким, и медленным там, где он был большим. И воздух был теплым, настолько теплым, что мог бы растопить лед, если бы там еще оставался лед.

Яз замолчала и оглядела убежище. В улыбке Эрриса была смесь печали и веселья. Куина и Турин слушали с открытыми ртами, цепляясь за ее слова, Куина с зажатой в белых пальцах деревянной бусинкой, прижатой к губам. Темные глаза Майи наполнились слезами. Все они, худые и обветренные, ютились в заснеженном укрытии, все их цели были связаны этим бесконечным путешествием на юг в надежде на чудо — то самое чудо, которое рисовала для них Яз.

Мокка повела Зена к деревьям, и они нашли их легион, больше, чем рыб в море, лес, который простирался без конца. И среди деревьев и их ветвей и... растений... которые росли между ними, были животные, сотни видов, большие и маленькие, собаки и медведи, и... олени... и многие другие, и птицы многих видов, среди которых не было ни одной чайки.

В этом тепле, в этой жаре ветер едва шевелился, ровно настолько, чтобы заставить листья танцевать, и мягко раскачивал ветви. Зен и Мокка бродили, протягивали руки, чтобы взять кусочки деревьев, которые могли съесть, и прислушивались к мягкой тишине жизни.

Маштри последовала за ними, смеясь про себя, потому что она ослепила их сном, который нашла за звездами, и теперь вела их туда, куда хотела. Зен и Мокка видели зеленый мир, но на самом деле это все еще был лед, по которому они бродили, ведомые теперь ложью Маштри. Они шли за быстроногим оленем, которого на самом деле там не было. По следу, который существовал только в волшебстве Маштри. Следуя песне птицы, которая была не чем иным, как насмешливым смехом богини.

Маштри держала влюбленных в плену, пока они, наконец, не пришли в то место, которое она хотела им показать. И когда они прибыли после многонедельного путешествия, худые как щепки, с лихорадочными глазами, питаемые только воображением, поддерживаемые только чудом, Маштри позволила истинному ветру, который она держала в страхе, вернуться. Зеленый мир раскололся перед ножами ветра и унесся прочь, его обломки сорвались с глаз Зена, его тепло сорвалось со спины Мокки.

Маштри привела женщину, сотворенную Айики, наименьшим из Богов в Небе, и мужчину, сотворенного Хуа, наименьшим из Богов в Море, на берег бесконечного черного моря, гораздо более холодного, чем лед, но не способного замерзнуть.

— Что ты сделала? — спросила Мокка.

А Маштри только улыбнулась и устремила взгляд в темноту.

— Кто-то идет! — воскликнул Зен, и Мокка поняла, что это правда.

Четыре лодки пересекли черное море, крошечные и затерянные в его темноте. Зен и Мокка позвали их, потому что это ужасно — потеряться в любом море, и в этом море больше всего. И четыре лодки вняли крикам Зена и взмахам Мокки и причалили к берегу. И из этих лодок вышли новые мужчины и новые женщины, дети далеких богов, которые не были богами ветра, моря или льда.

— Видите? — воскликнула Маштри. — Вы не особенные. Вы не одни такие. Теперь

каждый из вас — один из многих, как листья на дереве, как деревья в лесу. — И Маитри рассмеялась, потому что подумала, что разделила боль, которая началась с ее собственной неудачи в создании человека. И желание причинять боль, даже если это не может уменьшить твою, всегда было следствием боли.

Но Зен и Мокка не были потрясены, как ожидала Маитри.

— Мы не одни, — закричали они. — Наконец-то! Мы не одни!

И Маитри убежала по льду, преследуемая смехом нового начала. И в течение многих лет Зен и Мокка были счастливее, чем могли себе представить, потому что компания после долгого одиночества — это как новый цвет, привнесенный в жизнь.

В конце концов, однако, трюк в трюке Маитри показал свое лицо, и ветру донес до них ее веселье. Ибо племена, которые вытащили свои лодки на берег после плавания по черному морю, несли с собой слабость, которая преследовала потомков Зена и Мокки на протяжении долгих лет. Тогда Зен и Мокка отправились на север и спрятались там вместе со своими законнорожденными детьми, запретив людям из четырех лодок следовать за ними.

Яз прочистила горло:

— В этой истории Зен и Мокка не умерли и все еще находятся на льду, но так далеко на севере, что даже Икта не могут их найти.

— Я такого раньше не слышала, — сказала Куина, улыбаясь редкой улыбкой человека, услышавшего совершенно новую историю.

— Как и я. — Майя кивнула.

Турин ухмыльнулся:

— Большинство ваших историй для меня в новинку. Версии, которые дети приносят с собой в яму, обычно довольно просты, или, скорее, искажены, или и то, и другое.

Однако Эррис нахмурился.

— Ты уже слышал эту историю? — разочарованно спросила Яз.

— Нет. — Он покачал головой. — Я просто думаю о том, что это значит. — Он огляделся. — Очевидно, черное море — это пространство между звездами. А четыре лодки — это корабли, которые доставили сюда наши племена из их разрушающихся систем. Конечно, они прибыли не все сразу.

— Конечно... — Яз понятия не имела, о чем говорит Эррис.

— Я говорю «наши племена», потому что на этих кораблях были мои предки и предки всех, кто когда-либо жил в зеленом поясе — насколько мне известно. Но... — Тут он повернулся и уставился на Яз. — Но история говорит нам, что Зен и Мокка уже *были* здесь. Если в этой истории есть хоть капля правды, то она гласит, что Зен и Мокка были Пропавшими, и что их раса скрещивалась с нашей... и что люди льда, или, по крайней мере, некоторые из них, разделяют их кровь!

Яз открыла рот, чтобы возразить, но обнаружила, что у нее закончились слова.

— Ты знаешь... говорят... — Турин стиснул зубы от боли в ранах и сел. — ...что Икта — другая порода.

Несмотря на усталость, этой ночью Яз долго не могла уснуть. Трепет от прикосновения к Пути все еще отдавался в ней эхом, наряду с потрясением от первой атаки хулы, а затем Наблюдателя, выходящего из бури. И, наконец, мысль о том, что Икта может нести в своих жилах кровь Пропавших. Это сделало бы ее родственницей не только монстров вроде Теуса, населяющих черный лед, но также и людей, которые создали такие огромные города и наполнили их столькими чудесами.

Ее последняя сознательная мысль вернулась к началу истории, которую она рассказала. Той части, где Маштри, богиня-обманщица, накрыла Зена и Мокку зеленым сном и сбила их с истинного пути. Она подумала, не случилось ли то же самое с ней и ее друзьями. Зеленая мечта вела их по льду без определенной цели. Может быть, Маштри играет с ними, как она играла с первым мужчиной и первой женщиной?

Наконец она провалилась в сон и обнаружила, что снова падает, как падала в Яму Пропавших, как падала в сердце города, как Эррис падал в звезду пустоты.

Яз проснулась, но не постепенно, а внезапно, словно нырнула в холодную воду. Она лежала неподвижно, широко раскрыв глаза, видя только крышу убежища над собой, освещенную слабым светом от тепло-горшка. Было тихо, слышался только далекий голос ветра, как будто снег занес и похоронил их хрупкий дом. Она даже слышала слабый храп Майи. Девочка, такая тихая в бодрствующем мире, была самой громкой из них по ночам, из-за ее храпа, иногда нежного, иногда грубого, и ее разговоров, слов, вылетающих то тут, то там, иногда ночных кошмаров, где длинная череда лихорадочных отрицаний заканчивалась пронзительными криками.

Яз не знала, что ее разбудило. Что-то маленькое, но что-то неправильное... Внезапно вокруг нее возникло давление. Когда кинжал-рыба утащила ее лодку под поверхность Горячего моря, вода начала давить на нее почти так же, как сейчас, и давление становилось все сильнее, чем глубже они погружались. И в промежутке между этим мгновением и следующим Яз поняла опасность.

— Просы... — Грохот ломающихся досок заглушил ее предупреждение.

В одно мгновение все покрылось снегом и острыми кусками досок. Яз попыталась подняться, попыталась проплыть сквозь мягкий, но тяжелый холод снежного груза. Теперь она видела кружащиеся хлопья, падающие с черного неба, все они были цвета крови. Рядом с ней топнула металлическая нога или рука, трехпалая или с тремя пальцами. Наблюдатель выжил, упав с гребня, выжил, будучи погребенным под лавиной льда. Он выкопал себя, пошел за ними и нашел их.

Яз и ее друзья лежали, наполовину погребенные в развалинах убежища, оказавшись на дне ямы в снегу, поднимавшегося вокруг них со всех сторон, настолько глубокого, что Яз могла дотянуться до поверхности только на цыпочках.

Полированный купол головы Наблюдателя, окруженный красными звездами, навис над Яз. Рука, представлявшая из себя три длинных острых пальца, потянулась к ней. Яз закричала, несмотря на себя, на мгновение парализованная, зная, что умрет. Вокруг нее остальные бросились в бой. Из снега поднялась рука, чтобы рубануть по ноге Наблюдателя

ледорубом — Эррис был пригвожден к земле огромной металлической ногой. Куина и Майя искали среди белизны свое оружие.

Огромная белая змея, размером со взрослого угольного червя, вырвалась из сугробов и бросилась между Яз и Наблюдателем и обвилась вокруг него, пытаясь затащить Наблюдателя обратно в толщу снега. Существо прорвалось сквозь змею, рассеивая белизну.

Турин поднялся на ноги, вызвав из сугробов вторую снежную змею. Grimаса усилия пересекла его лицо, и с хрустом снежная змея сжалась, уменьшив свой огромный обхват с шести футов в диаметре до одного, превратившись в ледяную змею. Это новое, более плотное создание метнулось к Наблюдателю, ударило его в середину туловища и отбросило назад.

— Яз! — Эррис оказался рядом с ней и одной рукой поднял ее на ноги.

Она дико огляделась по сторонам. Они оказались в ловушке. Разрушение их убежища оставило пустоту в снегу, но в любом направлении, в котором они бежали, им придется пробиваться сквозь движущийся снег высотой с Яз и выше. Самое простое направление вело обратно на север вдоль желоба, который Наблюдатель проложил в снежном поле по пути к ним. Но никто из них так далеко не уйдет. Майя и Куина поднялись на ноги, почти неузнаваемые под снегом, покрывшим их меха.

Под управлением Турина снег тек, как молочное море, нависая над Наблюдателем и уплотняясь, слой за слоем добавлялся к растущему ледяному савану, уже похоронившему существо. Лед трескался и трещал то тут, то там, когда Наблюдатель напрягал свою силу, но Турин громоздил еще и еще.

— Не подходите! — Турин жестом велел им встать у него за спиной.

Ледяной холм светился кровавым светом, льющим из глаз Наблюдателя, предостережение о бойне, которая последует, если он освободится. Никто из них не сможет устоять против этого. С огромным усилием Наблюдатель снова расколол лед — снизу поднялись металлические руки, образовав огромную трещину. Но Турин засыпал в разрывы свежий снег, уплотняя его в еще больший лед, одновременно загружая сверху еще больше. Сцена вокруг них казалась вырванной из кошмарного сна: черное небо и белый снег, окрашенный малиновым светом из кургана. Если Наблюдатель вырвется на свободу, это будет настоящий кошмар, от которого никто из них не проснется.

— Это его удержит! — крикнула Куина.

— Хорошо. — Голос Турина звучал измученно. Сугробы, накатывающие, как волны на море, чтобы накормить его работу, замедлились.

— Тени движутся. — В голосе Майи прозвучал страх; без него она, возможно, выглядела бы нелепо — фигура, покрытая снегом и говорящая о движущихся тенях, когда *вся* сцена состояла из движущихся теней и красного света. — Это та штука с Черной Скалы!

— Конечно, это... — Турин замолчал, увидев, что она имела в виду не Наблюдателя. Темнота затмила красный свет звезд, поднявшись сквозь лед. Сгустившаяся тьма собралась над пойманным в ловушку Наблюдателем.

— Аргес. — Как только Яз произнес это, их охватил страх холотура. Куина, Турин и Майя побежали вдоль тропинки, проложенной Наблюдателем, пробираясь по утоптанному снегу и не видя ничего, кроме собственного ужаса. Яз, которая и раньше выдерживала манипуляции, взмахнула рукой, чтобы убрать нити, которые несли эмоции от Аргеса и заражали всех вокруг него.

— Перестань. — Эррис говорил сквозь стиснутые зубы, ведя какую-то внутреннюю

борьбу с Аргесом, который, казалось, пытался отключить механизмы конструкта, как и раньше.

— Ты думаешь, что можешь разрушить все, что я построил за столько лет? — Возмущение Аргеса промелькнуло в их головах. — Ты думаешь, что можешь взять то, что хочешь, и уйти? — Его темное тело пульсировало и, казалось, в облаке его существа находится какая-то форма, тонкая и изогнутая, имевшая что-то общее с конечностями Наблюдателя. — Даже без помощи Сеуса я бы освободился и выследил тебя! Он мог бы послать других слуг, чтобы уничтожить тебя, но я потребовал, чтобы это был я. Я хотел этого больше, чем они. Я *хотел* увидеть, как ты истекаешь кровью.

Яз шагнула к нему:

— Ты потерпел неудачу, когда мы были в твоём логове. У тебя ничего не получится и здесь. У тебя нет тела, чтобы использовать его, и твои трюки больше не действуют на меня.

Смех Аргеса оседлал ветер:

— Мне не нужно тело. Посмотри, где ты находишься. Без крова. Я буду смотреть, как вы все замерзнете до смерти. Медленнее, но все равно приятно.

Яз не могла и думать о выживании без убежища, на открытом месте. Она выбросила эту проблему из головы. Прямо сейчас она нуждалась в мести. Ей нужно избавиться от Аргеса. Мысль о том, что он может остаться и насладиться ее смертью, получить награду за причиненное им разрушение, была невыносима. Если бы они и умрут в белой смерти, то это будет не с Аргесом, злорадствующим над ними.

Подо льдом глаза Наблюдателя пели от неправильности Аргеса. Яз потянулась к ним, пытаясь изменить их мелодию. Аргес сопротивлялся. Он бушевал и выл вокруг нее, когда ее разум по очереди хватал каждую из восьми звезд и вырывал ее из-под контроля холотура. Казалось, что его контроль ослабел, как только он покинул своего хозяина, потому что, хотя это потребовало больших усилий и напряжение стиснуло ее зубы, она выгнала его порчу из звезд, чего не смогла сделать в Черной Скале. Затем, сосредоточив волю и закрыв глаза от кружащегося снега, Яз нанесла тепло-сигил на каждую звезду. Символ, на который она смотрела столько ночей, тот самый, что был выбит на тепло-горшке. Затем, раскалив каждую звезду, она начала проталкивать их сквозь лед, оружие, с помощью которого она будет сражаться со своим неосязаемым врагом.

Атака Аргеса произошла с неожиданной стороны. Он опять обманул ее с направлением и не посвятил все свои силы борьбе с ней за звезды. Холодные руки сомкнулись на шее Яз, и, открыв глаза, Яз обнаружила, что смотрит в лицо своему единственному спутнику, которого ужас холотура не отправил бежать в снег. Тень цеплялась за Эрриса, как вторая кожа, аура тьмы окружала его со всех сторон. Яз знала, что Эррис, должно быть, все еще сражается с Аргесом за контроль над своим телом. Если бы Аргес полностью управлял телом, он мог бы просто оторвать Яз голову. Но не это различие было в центре ее мыслей — там доминировало полное отсутствие воздуха, из-за ужасного давления на ее горло.

— Посмотри... на... меня, — голос, вырвавшийся у Эрриса, был не его. Не было и души, которая смотрела из его темных глаз. Где бы ни был Эррис, он, казалось, проигрывал битву, потому что пальцы на шее Яз сжались еще сильнее, и она смутно осознала, что ее ноги больше не опираются на лед, а брыкаются в воздухе. — Посмотри на меня! Твой вид умирает с открытыми глазами, но вы так редко видите, кто вас убивает.

Потребность дышать росла в невыносимом бурном темпе, но теперь и она исчезала в той же черноте, которая роилась вокруг ее зрения, как противоположность белизне снега. Яз

знала, что она умирает, и другие тоже умрут. И Аргес отправит тело Эрриса обратно через обширную ледяную полосу, которую они пересекли, и снова возобновит свое старое зло в Черной Скале.

Она чувствовала звезды больше, чем собственное тело. Первая из них вырвалась из льда, и вокруг нее поднялся пар. Она могла бы бросить эту штуку в голову Эрриса, может быть, разорвать его хватку. Но уничтожить его было слишком высокой ценой за ее жизнь. Вместо этого она позволила своим глазам задержаться на свете звезды, пытаясь заглянуть в то место за ее пределами, спрашивая себя, куда она пойдет, когда закончится последний удар сердца.

Внезапно Яз обнаружила, что лежит на снегу, втягивая воздух через горло, которое казалось слишком узким для ее нужд. Эррис лежал в нескольких ярдах от него, прижатый ко льду Зоксом. Железный пес, должно быть, вырвался из сугробов и выстрелил в него, как молния. Ничто другое не смогло бы разорвать его хватку.

Эррис изо всех сил пытался освободиться, рыча от бессловесного гнева, но огромный вес Зокса, прикрепленный ко льду его задними когтями, оказался слишком большим для сражающихся мышц Эрриса. Яз перекатилась на бок, пытаясь приподняться на руках, но была слишком слаба даже для этого.

Темнота вокруг Эрриса сгустилась, закрывая его лицо, облекая его в большее призрачное тело: Аргес дал о себе знать.

— Эррис. — Яз попыталась позвать его по имени, но слово вышло слишком тихим.

— Ты сможешь забрать его, когда я закончу с ним, — прошипел Аргес, используя свой собственный бестелесный голос, который проник в разум Яз. — Мне нужно более тупое оружие, чтобы расколоть этот орех.

Чернота Аргеса начала собираться вокруг левой руки Эрриса, где она прижималась к груди Зокса, пытаясь поднять собаку. Тьма погрузилась в металл, на мгновение окрасив железо, прежде чем проникнуть в то, что лежало за ним.

— Он... забирает... — Яз поднялась на колени, ее горло все еще не могло произнести слова сквозь ветер. Ее вырвало, мучительно болезненный акт, который разбрызгал желудочную кислоту на лед.

Когда последние сгустки тьмы втянулись в Зокса, пес стал неестественно неподвижным. Эррис, полностью овладев собой, сумел выскользнуть из-под него, пятясь задом по снегу, пока не добрался до Яз.

— Это плохо!

— Х... хуже, чем когда ты меня душил? — прохрипела Яз.

Эррис бросил на нее виноватый взгляд:

— Нет, конечно. Но я не могу остановить Зокса. Он очень силен и практически неуязвим.

Яз посмотрела на неподвижного пса, вспоминая, как он вонзал свои шестидюймовые когти в лед, взбираясь на торос. Их шансы всегда были невелики и упали до нуля, когда Аргес разрушил убежище. Теперь вопрос только в том, как они умрут — быстро или медленно. Она гадала, вернутся ли Турин, Майя и Куина, или они умрут в одиночестве на снежном поле.

Восемь звезд, которые были глазами Наблюдателя, теперь висели над лишенным света ледяным холмом, где лежало погребенное чудовище, и каждая из них поднимала пар на ветру, испаряя падающие на них снежинки. Яз дотронулась до своего ноющего горла и

подумала, что лучше бы ее убил Зокс, чем задушил Эррис. Это было очень страшно. Квелл, должно быть, чувствовал нечто подобное, когда поток поглотил его под Черной Скалой, и он начал тонуть. Образ тонущего Квелла всплыл в ее сознании, и ей в голову пришла идея.

— Подожди! — Она поднялась на ноги, опираясь на плечо Эрриса. Она указала звездам вперед. — Я могу растопить лед вокруг него. Я могу утопить его!

— Ему не нужно дышать... — Но Эррис замолчал, поняв. Как только собака окажется в своей собственной яме с талой водой, она вскоре замерзнет там, и ее тоже, как и Наблюдателя, можно будет оставить на попечение вечности.

Яз пожелала, чтобы звезды произвели больше тепла. Ей нужно было воспользоваться той борьбой, которая происходила внутри доспехов собаки. И все же она колебалась. Это казалось плохой наградой за безграничную преданность Зокса.

— Давай, — настойчиво сказал Эррис.

Словно отпертый его словами, Зокс повернул к ним голову. Его темные глаза остановились на них. Мгновение спустя он начал дрожать, прижавшись головой ко льду, дергаясь на ногах, как будто его рвало, хотя у него не было рта. Чернота Аргеса спиралью уходила из него, крик холотура поднимался сквозь регистры. Да, там был гнев, но страха было намного больше. Ужаса. Но спроецированного не на них, а на самого Аргеса. Холотур рванулся прочь, гоняясь за ветром по нетронутому снегу, завывая громче шторма, как будто его преследовали все демоны преисподней. Он исчез в мгновение ока.

Зокс вытаскивал ноги изо льда, одну за другой, втягивая когти, пока от них не осталось и следа. Затем он медленно расправил плечи и посмотрел на Яз и Эрриса тем же терпеливым скорбным взглядом, которым всегда смотрел на мир.

Куина выбрала этот момент, чтобы вернуться, и присоединилась к ним в углублении, которое укрытие сохранило чистым.

— Что здесь только что произошло? — Снег облепил ее, свисал с волос, налипал на ресницы. Яз бы рассмеялась, если бы их положение не было таким мрачным.

— Аргес пытался завладеть псом, — сказал Эррис. Он подошел к Куине и начал голыми руками счищать с нее снег. — Пропавшие были непревзойденными в способности противостоять другим технологиям, и в любом случае Зокс — их собственное творение. Холотур никак не ожидал, что ему не удастся завладеть Зоксом. Он контролировал *меня*. Дважды.

Следом появилась покрытая белой коркой Майя, осторожная, с клинком в руке. Турин маячил позади нее, темный в своих мехах, и внезапно Майя очистилась от снега, а затем и Куину на мгновение окружил белый взрыв, быстро унесенный ветром.

— Что мы будем делать? — Куина обхватила себя руками, дрожа. До восхода солнца оставалось еще несколько часов.

— Мы мертвы, — сказала Майя без страха, все еще в боевом режиме. — Аксит знают, что самая легкая победа приходит, когда ты нападаешь на палатки, а не на клан. В этом нет никакой чести. Но не все войны требуют чести.

— У нас есть тепло... — Яз пожелала, чтобы ее звезды, восемь глаз Наблюдателя, приблизились. Ее метод получения тепла от них был ближе к поджиганию растекшегося масла, чем к сжиганию его через фитиль фонаря. Тепло-горшок был намного эффективнее, его символ был нарисован лучше, чем все, что мог навязать разум Яз. Но даже в этом случае звезды такого размера могут гореть долго. Ветер унесет их тепло, но если она встанет рядом...

— Я не могу подойти достаточно близко... — Куина попятилась. Турин и Майя тоже отступили на шаг.

— Я... — Яз могла бы разбить звезды на более мелкие, более приемлемые части, но тогда они будут сгорать еще быстрее. По крайней мере, звезды давали свет. Без них они потерялись бы в ночи.

— Мы должны собрать все, что сможем. Оценить ущерб. — Эррис наклонился и вытащил треугольник сломанной доски из утрамбованного снега у своих ног.

Яз нащупала звезды поменьше и обнаружила, что они все еще собраны вместе, значит, все еще внутри тепло-горшка, предположила она. Она поднесла их к себе, дюжина звезд размером с ноготь выскочили из снега. Она установила их на светящиеся орбиты вокруг головы и плеч.

— Нам нужно укрыться от ветра. — Турин говорил сквозь стучащие зубы и двигался с осторожностью. Его подпитываемый страхом побег, должно быть, проверил швы, которыми Эррис так недавно зашил его плоть.

Куина подобрала один обломок доски и выхватила другой из рук Эрриса. Она приложила их край к краю и подняла против бури.

— Как мы их соединим? — крикнула она, чувствуя теперь скорее свой собственный страх, чем страх Аргеса, и злясь из-за этого. — Нам конец. С этого момента, пока мы не умрем, нет ничего, кроме ветра!

Лицо Турина окаменело, но горячие слова, вертевшиеся у него на языке, так и не были произнесены. Какая-то новая мысль заставила его приподнять брови. Он потянулся когтистыми пальцами к ближайшему сугробу и повернул ладонь. Появилась еще одна снежная змея и проползла, извиваясь, мимо Куины, между Майей и Эррисом. Он продолжала двигаться, ярд за ярдом, поднимая голову навстречу полной силе ветра и уносясь вместе с ним. Турин пошатнулся и схватился за бок другой рукой, слабея на глазах. Но их внимание было приковано не к тому месту.

— Смотрите, — сказал Турин, когда змеиный хвост наконец прошел мимо них. Он кивнул туда, откуда она пришла.

— Туннель! — Майя поспешила вперед.

Туннель был покрыт ледяным покровом, а также ледяными стенами. Каким-то образом Турин уплотнил внутреннюю поверхность. Яз последовала за Майей, ее звезда-свет мерцал на ледяных стенах. Через два ярда туннель открывался в купол, немного меньший, чем их убежище. Все они вошли, Турин последним, вслед за смущенной Куиной.

Они прижались друг к другу, радуясь, что избавились от ветра.

— Верно, — сказала Яз. — Все, что нам нужно сделать, это выкопать тепло-горшок — я знаю, где он находится, — и несколько досок, чтобы лечь, и мы готовы к ночи.

— На сегодня, — согласилась Майя. — И столько ночей, сколько будет снег. После этого...

Яз повернулась к Турину, думая о том времени, когда их убежище было покрыто льдом за ночь:

— Не смог бы ты построить нам убежище изо льда?

— Не знаю. Это гораздо сложнее. — Турин нахмурился. — Но возможно.

Еда закончилась через пять ночей после нападения Наблюдателя, но трапезы становились все более скудными с тех пор, как они потеряли убежище. Им повезло, что лодка-сани пережили нападение. Но без моря они их не накормят.

Потребовалось два дня, чтобы оставить позади снежное поле. Ходьба была тяжелым испытанием, особенно для Зокса, но снег давал относительно легкое укрытие на три ночи. В первую ночь на голом льду рассвет наступил рано. Падающая звезда осветила небо большими беспорядочными импульсами света, достаточными, чтобы разбудить их всех, даже Турина, который смотрел сквозь ледяное укрытие, которое построил для них. Затем раздался звук. Яз никогда не слышала голоса падающей звезды, но истории говорили о том, как они находили свои голоса. Серия взрывов потрясла мир, когда свет звезды усилился на востоке, а затем исчез.

По льду идти было легче, но ночью они скучали по снегу. Усилия, которые надо было приложить, чтобы построить ледяную хижину, достаточно прочную, чтобы выдержать ветер, начали сказываться на Турине еще до того, как последние грибы исчезли в их животах.

Яз снова предложил бы, и на этот раз с большей настойчивостью, чтобы Турин ехал на санях. Но Зокс замедлил ход и тащил уже облегченный груз с огромным усилием.

— Что с ним не так? — спросила Яз. Раньше пес казался неутомимым.

— Его источник питания иссякает, — сказал ей Эррис.

— Он прожил тысячи лет в городе и всего несколько недель здесь? — Яз знала, что это было нелегко, но даже так...

— В городе он много спал. Как и я. И всегда мог черпать из письмен свежую энергию. Наши источники энергии менее эффективны на холоде. — Эррис пожал плечами. — И он протащил груженные сани вверх и вниз по ста вертикальным футам льда, а затем проложил двадцатимильный туннель в снегу. Хотя, откровенно говоря, я думал, что он продержится дольше. — Он оглянулся на пса, бросив на него любопытный взгляд. — Возможно, это как-то связано с тем, что он расправился с Аргесом. Я все еще этого не понимаю. Я думал, мы все умрем прямо здесь и сейчас...

Голодание — гораздо более быстрый процесс, когда тебе холодно, но никто не умирает на льду по-настоящему тонким. Голод просто открывает ворота, через которые может проникнуть ветер. Это ветер орудует ножом.

В ту ночь они сидели с пустыми животами вокруг тепло-горшка. Снаружи Зокс почти свернулся в свой куб, но остановился в нескольких дюймах от своей цели, оставив длинный вертикальный клин, который уже начал заполняться наледью.

Хрупкие ледяные стены, которые воздвиг Турин, выдерживали ветер, но скоро придут более сильные ветра, и такие стены их не выдержат. Турин лежал, свернувшись на доске, слишком усталый, чтобы жаловаться на голод. Остальные сгорбились вокруг ноющих животов, мрачно глядя на горшок и представляя, как на нем стоит сковородка с жарящейся рыбой. Или, по крайней мере, Яз была уверена, что Майя и Куина делают то же самое, что и она. Что творилось в голове Эрриса, она не могла сказать. Возможно, страх, что ему придется смотреть, как они все умрут, а потом идти дальше одному, оставив их замерзшие

трупы на растерзание льдам.

Яз рискнула обнажить руку и вытащила из-за воротника иглу Стержень-корня. С каждым днем игла давила на нее все сильнее. Она обвязала ее прядью собственных волос и подержала в подвешенном состоянии. Медленно игла нашла свое собственное направление. Яз щелкнула по ней и покатала волосы между большим и указательным пальцами. Стрелка закрутилась, замедлилась и вернулась в то же направление: на восток и чуть севернее.

— Мы могли бы последовать за иглой, — сказала она. — Мы будем двигаться немного назад, и я понятия не имею, достаточно ли близко это место, чтобы мы могли добраться до него раньше, чем... И когда мы туда доберемся, даже если есть путь внутрь, это еще один город подо льдом. Там вполне может не оказаться ничего съедобного.

— Там могут быть грибы. — Турин поднял голову. — Но для тепла и воды тебе понадобятся звезды.

— В каком бы направлении мы ни пошли, все равно есть шанс найти море, — сказала Куина.

Майя поморщилась:

— В общем-то нет.

— Стержень-корень хочет втянуть нас в войну с Сеусом. — Эррис покачал головой, потом поправился — Тебя. Он хочет втянуть в войну *тебя*. Меня он игнорировал на протяжении поколений. А Сеус опасен. Очень опасен.

— Опаснее, чем голод на льду? — спросил Турин.

— Справедливое замечание. — Эррис поджал губы. — Но у него длинные руки. Я сомневаюсь, что Аргес — его единственный новобранец. Так что у него, вероятно, есть такие ужасы, как Наблюдатель, во всех городах Пропавших.

— Кто-нибудь за продолжение пути на юг? — спросила Яз.

Никто не ответил.

— Тогда завтра мы последуем за иглой. — Это было похоже на поражение, как будто она приняла руководство от кого-то другого, передав ему поиск зеленых земель. Но это нужно было сделать. У них закончилась еда и другого выбора не было.

Ночью беспокойный голодный сон Яз, внезапно прекратился, когда она поняла, что все убежище светится зеленым. Ее глаза широко раскрылись, но прошло несколько мгновений, прежде чем она поняла, на что смотрит. Полупрозрачный лед крыши и стен сиял странным изменчивым светом, зеленым, переходящим от цвета новых листьев к яркому изумруду. Свет шел снаружи. С неба.

— Полярное сияние, — тихо сказал Эррис.

— Драконьи хвосты. — Яз села. Она хотела выйти на улицу, как всегда делала со своими родителями, когда летали драконы. Но это позволит их теплу уйти.

Турин тоже сел, удивление на его лице отразилось в меняющемся свете.

— Я думал, ты шутишь об этом... — Он протянул руку, и большая часть льда над ними стала почти прозрачной, как воздух. Полярное сияние растянулось на полпути по небу, завесы света медленно извивались, как будто миллионы тонн звездной пыли просеивались сквозь трещины в небе.

Они лежали на спине и вместе смотрели. Рядом с ними спали Куина и Майя. Ни один из них не обрадовался бы, если бы его разбудили, чтобы увидеть то, что для них было обычным явлением.

— Если мы не... — вздохнул Турин. — Что ж, я рад, что увидел это. Что бы с нами ни случилось, я рад, что это случилось первым.

— Я никогда не видел его собственными глазами, — сказал Эррис, приблизив голову к Яз. — Появление льда было не единственной переменной, которую я пропустил. Приятно сознавать, что, сколько бы тысяч лет ни прошло, я все еще могу найти что-то новое.

Яз лежала и смотрела, как небесные драконы хлещут хвостами, и в темноте ее пальцы нащупали тепло руки Турина и прохладную силу руки Эрриса. Пальцы переплелись, ладони крепко сжались, а над ними падающие звезды безмолвно проносились по темной бесконечности.

На следующий день они повернули на восток и слегка на север. Усталость давила на них. Без еды в животе Яз начала чувствовать, что она, а не Зокс тащит за собой сани, и что каждый пропущенный прием пищи — это груз железа, добавленный к тому, что нужно тащить по льду. Акт постановки одной ноги перед другой стал задачей, требующей сосредоточенности. Иначе она просто замедляла ход, останавливалась и стояла, наклонившись к ветру, подчиняясь телу, которое требовало, чтобы она ничего не делала.

Ветер обнаружил до сих пор не замеченные щели в ее броне. Ее конечности онемели, сердце похолодело, губы потрескались. Лицо превратилось в маску, которую она носила, а не в плоть, которой владела, и, казалось, если она сделает слишком жесткое выражение, все лицо может разбиться и упасть на землю, оставив ее череп обнаженным для нападения ветра.

Турин ковылял вперед, словно его несло одним лишь усилием воли, а не слабеющими мышцами. Иногда он раскачивался под невероятными углами, прежде чем прийти в себя, и Яз знала, что только лед-работа спасала его от падения, из которого он сам, возможно, никогда не поднимется.

Холод играет злые шутки. В конце концов, когда кровь становится холодной и вяло течет по белой плоти, холод может убедить человека, что он горит. Жертвы сбрасывают меха и умирают полуголыми, покрытыми коркой льда. Холод замораживает твои мысли и они ползают по кругу, не в состоянии изменить направление, не в состоянии справиться с задачей борьбы с новыми идеями.

Они шли, каждый из них был погружен в свою собственную борьбу. Даже Эррис казался обремененным, отягощенным ужасом от того, что его товарищи терпели неудачу один за другим, в то время как он бесконечно шел вперед.

— Турин? — Эррис остановился и обернулся. Яз, безмерно благодарная за задержку, тоже остановилась и, шаркая ногами, повернулась в ту сторону, откуда пришли. Турин упал на колени, сани проехали мимо него.

— Турин? — Эррис поспешил к нему. — Вставай.

— Это неправильно... — пробормотал Турин сквозь шелушащиеся губы.

— Что есть, то есть, — сказал Эррис. — Вставай, друг мой. Или мне придется нести тебя.

— Что? — Турин поднял на него глаза. — Нет. Я имею в виду это. — Он постучал по льду рукой в перчатке.

Яз присоединился к ним и взглянула.

— Это просто лед. — Она замолчала и увидела это. — С трещиной в нем. Лед все время трескается.

— Не так. — Турин покачал головой. — Нет никаких причин, чтобы он здесь треснул. Я знаю лед. Я чувствую, как он движется. Это... неправильно.

— Хорошо. — Яз посмотрела вдоль слабой линии трещины туда, где Куина и Майя все еще тащились за санями. — Она идет по тому же пути, что и мы. — Она наклонилась и схватила Турина за руку, помогая ему подняться на ноги.

К закату трещина стала достаточно широкой, чтобы в нее можно было просунуть палец. Турин, спотыкаясь, остановился и замер, словно не зная, где он может быть. У Яз разбилось сердце, когда она попросила его построить убежище.

— Да. Убежище. — Турин невнятно произнес эти слова. Он неуверенно протянул руку, и лед застонал, сопротивляясь его воле. Медленно, дюйм за дюймом, тонкая стена льда стала высовываться из поверхности, как лезвие поднимающегося ножа. Она поднялась примерно на высоту груди, прежде чем Турин рухнул, словно потерял все кости.

— Хватай...

Но Эррис был слишком далеко, а скорость Куины, притупленная холодом, была недостаточной. Турин ударился головой о лед и потерял сознание. Они положили его на доску с подветренной стороны стены, а Эррис принялся улучшать укрытие с помощью тех досок и проводов, которые им удалось спасти из обломков, оставленных им Наблюдателем.

Темнота опустила на жалкое, дребезжащее убежище с тремя стенами. Группа прижалась друг к другу, как любовники, как можно ближе к тепло-горшку, чтобы не обжечься. Ветер означал, что в одно мгновение ты мог чувствовать болезненный жар на лице, а в следующее — замерзнуть. Турин достаточно оправился и сказал, что с ним все в порядке. Очевидная ложь. Они должны были снять с него перчатки и ботинки, чтобы позаботиться о его пальцах рук и ног, но без надлежащего укрытия это только подвергло бы пальцы еще большей опасности. Яз молилась Богам в Небе, чтобы холод не впился зубами в его плоть. Ей было больно думать о длинных, ловких пальцах Турина, почерневших и искривленных морозом.

Глубоко ночью последние из их первоначальных звезд превратились в ничто, не в силах доставить энергию, которую требовала от них Яз. Она выползла на полную мощь ветра и вызвала из саней глаз Наблюдателя, сферу, которую она могла удобно обхватить двумя руками, сияющую морской синевой теперь, когда влияние Аргеса было устранено. Это была, каким-то странным образом, одиночка. Остальные, казалось, были как-то связаны.

Разбить звезду было трудно. Труднее, чем должно было быть, и Яз действительно подумала, что, возможно, она также сломала что-то в своей голове к тому времени, когда звезда, наконец, сдалась и распалась на дюжину частей, каждая из которых была идеальной сферой. Они сгорят быстрее, чем большая звезда, но другие смогут вынести их присутствие.

Наклонившись навстречу ветру, она вернулась к своим друзьям и скормила поток звезд в горшок, зажигая его сигилы и нагнетая тепло в беспокойный воздух.

Яз спала урывками и встала с бледным рассветом более измученной, чем когда она легла. Ее голова все еще болела от усилий разбить звезду в ночи. Эррис без лишних разговоров погрузил Турина в сани. То, что Турин даже не протестовал, напугало Яз больше, чем черный синяк на лбу Турина или безжизненное шлепанье его ног, когда Эррис нес его по льду.

Яз сняла звезды с саней, чтобы Турин мог поехать на них, и оставила их на расстоянии; плавающий хвост, волочащийся по ветру.

Зокс задал медленный, но неумолимый темп. По мере того как проходили мили, лед становился странным образом вытянутым в длинные линии, пересекавшие их путь, как торосы длиной в тысячи футов. Это делало движение трудным, и несколько раз Зокс цеплялся и напрягался, чтобы протащить сани через особенно сложную линию.

Изнеможение и одиночество окутали Яз, и она снова отступила в узкую вселенную, где один шаг следовал за другим, и все они заполняли мир. Она стала глуха к ветру, слепа к прохождению солнца и сосредоточилась только на марше. Сосредоточилась только на марше и ни на чем другом. Она чувствовала себя на грани обморока, но раз за разом отказывалась, раз за разом поднимала сапог, двигала его вперед, перенося свой вес. Марширующая песня Икта грохотала в глубине ее сознания, снова и снова. Лед не побьет ее. Ветер не побьет ее. Она была Икта. Это то, для чего она была рождена.

Она была Икта. Сделай следующий шаг. И следующий. И следующий. *Икта.*

— Яз? — Голос доносился откуда-то издалека. — Яз?

— А? — Она моргнула, не уверенная, идет ли она или остановилась. — Сейчас закат... Нам нужно укрытие... — прохрипела она пересохшим горлом.

— Это не закат, Яз. — Перед ней стоял Эррис. Он взял ее за плечи. — Уже рассвело.

— Мы шли всю ночь? — Она моргнула, чувствуя, как лед трескается в уголках ее глаз.

— Весь день, всю ночь, весь следующий день, всю следующую ночь, — мягко сказал Эррис. — Пора ложиться.

Яз кашлянула. Она чувствовала себя разбитой:

— Икта умирают на ногах.

Эррис наклонил голову, ослабил хватку, и мгновение спустя ее плавно подняли над его плечом.

— Я не могу! — запротестовала она. — Остальные!

— Я помогал Зоксу тащить остальных больше двух ночей и дня. — Голос Эрриса звучал раздраженно, когда он нес ее обратно к саням. Он положил ее рядом с фигурой, так закутанной в мех, что она не могла сказать, была ли это Майя, Турин или Куина. Эррис выпрямился, стряхивая лед с коротких, тугих завитков волос. — Истинная правда. Икта — другая порода.

— Ты не можешь тащить нас всех, — Яз попыталась встать.

— Могу и буду. — Эррис вернулся к поводьям. Но он выглядел усталым. Яз никогда не видела его усталым. — Однако дела идут все хуже и хуже. Как будто твоя игла выбрала абсолютно худшее направление. Каждый торос преграждает нам путь.

Яз ничего не ответила. Она не верила ни в иглу Стержень-корня, ни в ее направление. Но ни одно направление, казалось, не давало никакой надежды. Это была свобода льда. Свобода выбрать любой путь и умереть в любом месте, зная, что никто из них не может предложить ничего большего, чем холодная смерть.

— Пусть звезды следуют за нами, — сказал Эррис. — Они нам понадобятся.

Яз не была уверена, что это правда, но каким-то образом все семь больших звезд оставались привязанными к ее воле, даже в глубине ее борьбы. Она укрепила эту связь и легла на спину со своими друзьями, единственная из них не потерявшая сознания. Над головой белое небо без эмоций наблюдало за ними, ожидая, когда они умрут.

Яз не помнила, как заснула. Холод — скрытный ассасин. В конце концов, ты никогда не увидишь, как это происходит.

— Просыпайся, Яз! — Ее трясла чья-то рука. — Просыпайся.

Яз попыталась оттолкнуть руку. Часть ее думала, что это мать поднимает ее для очередного дневного марша к Яме Пропавших. Голос не был похож на голос матери... но кто бы это ни был, ей больше не хотелось идти. Снаружи было холодно, и ее меха были... менее холодными.

— Яз, тебе нужно посмотреть. Я не могу сделать это в одиночку. Я не знаю, как это сделать. — Сильные руки мягко, но твердо подняли ее на холодный ветер.

Яз приоткрыла один глаз, моргая от размытых слез, которые уже начали замерзать. Она ничего не видела, только белое.

— Это... снег?

— Нет. — Эррис поставил ее на ноги и не дал ей упасть. Вокруг них клубился белый туман. Волосы Эррис побелели от инея. Даже его брови были густыми от этого.

— Где... — Но ветер показал ей. Внезапный порыв ветра на мгновение поднял туман, обнажив изломанный шельф сине-зеленого льда и... воду, бесконечную темную рябь воды, простирающуюся перед ней. Все это дымилось.

Они нашли море!

— Оно не похоже на другие моря. — Яз стояла в лодке на коленях, слабая, но подпитываемая своим изумлением. На уровне воды ветер значительно ослабел, температура была почти приятной. Они мягко подпрыгивали на небольших волнах, толкая куски льда. Даже Куина и Майя, упакованные с Турином в лодке позади нее, подавали признаки жизни. Не было никаких признаков Зокса. Эррис сказал, что оставил его среди хребтов, окружающих кратер, беспокоясь, что пес не сможет выбраться обратно.

— Как ты в одиночку спустил сани с утесов? — спросила она.

Эррис моргнул.

— Очень тяжелая работа. Но это были не те утесы, которые ты описала. Больше похоже на склон. — Он наклонился и погреб, отгоняя их подальше от берега. — Не думаю, что это море протопило свой путь из-под льда.

— А как еще оно может быть здесь? — Яз, однако, согласилась с ним: было не так тепло, как в горячем море, туман был менее густым, и на открытой воде уже образовывались ледяные плиты.

— Та падающая звезда, которую мы видели несколько ночей назад. Я думаю, она приземлилась здесь и пробила дыру в ледяном покрове. Большая часть обломков испарилась и осела с подветренной стороны в виде снега.

— Я... — Яз вспомнила рассказ Матери Мазай об ее бабушке и кратере, оставленном падающей звездой. — Тогда нам лучше наловить рыбу быстро, пока оно не замерзло.

Сети и крючки, которые так пугали Эрриса, были областью Яз. Она проинструктировала его о том, когда и где забрасывать самую большую сеть и как грести, чтобы вытащить ее из воды на лучшей глубине.

— Даже если это море не протопило свой путь вверх, рыба об этом не знает. — Яз, нахмурившись, уставилась на воду. Лодка-сани с хрустом пробивались сквозь тонкую пластину льда. — Может быть, мы рыбачим в пустых водах.

Эррис продолжал грести, но без той скорости и силы, которые всегда демонстрировал.

— Ударная волна проходит долгий путь под водой, — сказал он. — Такие удары не так уж редки. Наши предки воздвигли защиту над небом, чтобы остановить самые большие из них. Так что любая рыба, достойная своих плавников, должна была прийти посмотреть, какие питательные вещества замешаны в этом деле.

Яз ничего не сказала. Она куталась в свои меха, пытаясь представить, как четыре племени плывут в черном море, сражаясь со звездами, упавшими с небес. Через некоторое время она жестом попросила его остановиться:

— Тащи сеть.

Эррис принялся за работу. Он быстро научился балансировать в лодке, таща сеть. Если он упадет, то сразу же утонет. Ни у одного такого тяжелого человека, как он, не было никакой надежды выплыть.

Ярд за ярдом мокрая сеть ложилась на корму. Вода образовывала сосульки в коротком промежутке между сетью, покидающей поверхность, и сетью, достигающей лодки, и они ломались, когда сеть скользила по корме. Пустой ярд за пустым ярдом. Часто случалось, что весь улов собирался в последней секции конусообразной сети. Часть философии жизни Икта

возникла из этого простого акта веры. Ты прилагаешь усилия не ради награды, которую получишь сейчас, а ради награды, которая, как ты надеялась, будет в конце. Вся жизнь Яз с тех пор, как она покинула Черную Скалу, была заключена в этом понятии. Все эти мили по льду, и наградой будет не очередной вид белого на белом, простирающийся до горизонта, а зелень, которую она надеялась однажды увидеть на юге.

— Ох. — Последняя часть сети плюхнулась в лодку. Пустая часть.

— Мы попробуем еще раз. — Эррис наклонился, чтобы собрать уже затвердевшую сеть.

— Дальше. — Яз проглотила слова, которые хотели сорваться с ее губ. Что они нашли пустое море. Что они так долго искали воду, и теперь, когда они нашли ее, это оказалось единственное пустое море, с которым она когда-либо сталкивалась. Созданное в насилии и не готовое отдать жизнь.

Эррис погреб дальше. Когда он прекратил свои усилия, их окутала редкая тишина, смягченная плеском маленьких волн о корпус. Глубина под ледяным покровом и густота тумана, казалось, укротили ветер до такой степени, что он больше не кричал и не стонал.

— Здесь? — спросил Эррис.

— Дальше.

— Мы не хотим замерзнуть. — Эррис ударил веслом по проходящей льдине, чтобы подчеркнуть свою точку зрения.

— Немного дальше.

Наконец, по жесту Яз, Эррис остановился и выбросил сеть, как она велела. Куина смотрела сквозь прищуренные глаза, не двигаясь, ее лицо было мертвенно-бледным там, где оно виднелось из-под капюшона.

Эррис продолжал грести, таща за собой сеть.

— Немного медленнее.

Она заставила его прогresti еще триста или четыреста ярдов, отшвыривая в сторону случайные ледяные глыбы, хрустя новообразованными пластинами. Потом он снова вытащил сеть.

— На этот раз! — пообещал Эррис, вытягивая руками последнюю секцию и раскачивая лодку в нескольких дюймах от падения, из которого он никогда не сможет вернуться.

— Нет... — прохрипела Куина, когда последние футы провисшей сети вернулись на борт.

— Все в порядке. Я просто буду продолжать пы...

Белый взрыв воды поглотил лодку. Что-то огромное и темное вырисовывалось среди брызг. Лодка сильно раскачивалась, и Яз ничего не могла разглядеть среди падающего моря.

Когда воздух очистился, они уже промокли насквозь. Яз моргала и мотала головой из стороны в сторону.

— Эррис!

Эррис исчез.

— Нет! Нет! Нет! — Она осмотрела воду. Пробежала взглядом по борту лодки, молясь каждому Богу в Море, чтобы она заметила цепляющиеся пальцы.

Эррис исчез, а с ним и их последний шанс.

Она думала о том, как он тонет даже сейчас, в фатомы под ними, погружаясь в темные глубины, которые будут удерживать его, пока его энергия, наконец, не иссякнет и не останется только пустая оболочка.

— Яз? — Испуганный голос Куины пробился сквозь горе Яз, но она опустила голову на

руки. Она не могла предложить никакой надежды. С ними было покончено. Кит исчез, взмахнув своими огромными хвостовыми плавниками, едва не затопив лодку и едва не опрокинув Куину за борт. Невольно Яз протянула руку, чтобы удержать девушку.

— Там... что-то есть, — пробормотала Куина, глядя на темные воды. — Яз!

Со стоном Яз подтянула себя к борту, отодвинув в сторону мокрый сверток мехов, который был Майей.

— Что... — К ним поднималось что-то белое.

— Лед? — спросила Куина.

— Гребите! — Яз искала другое весло. Под ними поднималась глыба льда. Кусок больше человека.

Все ее тело болело, но Яз сумела отвести лодку подальше. Она повернулась, чтобы посмотреть на поднимающийся лед, но он поднимался не так быстро, как она думала.

Ледяная глыба всплыла на поверхность и лениво закачалась, как будто была тяжелее, чем должен быть лед.

Куина озадаченно посмотрела на Яз, слишком слабая для дальнейших размышлений.

Что-то выскочило из воды, и на мгновение Яз показалось, что кит вернулся. Но это была фигура.

— Помогите!

Эррис упал на спину, пытаясь ухватиться за неровный кусок льда. Он исчез под водой.

— Эррис! — Яз начала поворачивать лодку, молотя по волнам с силой, которой, она могла поклясться, в ней больше не было.

— Он ушел, — прохрипела Куина.

Но нет, он был там, под водой, каким-то образом цепляясь за лед. Должно быть, он нырнул к блоку, когда его выбросило из лодки, и по инерции увлек его под волны. К счастью, блок оказался достаточно велик, чтобы медленно вынести Эрриса на поверхность.

В течение отчаянной минуты Яз изо всех сил пыталась повернуть лодку, и, наконец, нос ударился о блок Эрриса. Она наклонилась и опустила весло в воду. Чья-то рука схватила его и потянула, чтобы убедиться, что она крепко держится.

— Помоги мне, Куина. — Но Куина едва могла подползти к ней сквозь ледяную воду, плескавшуюся внутри лодки.

Яз стиснула зубы и потянула назад. Ей нужно было только держать Эрриса, пока он не сможет дотянуться и ухватиться за борт. Каким бы тяжелым он ни был, часть его веса поддерживала вода. Обе ее руки с побелевшими костяшками сжали весло.

Когда на нее навалился весь вес Эрриса, он оказался намного больше, чем она ожидала. Лодка накренилась в сторону, и весло начало выскользывать у нее из рук. Внезапно она оказалась в другой лодке в другом море, и это был Азад, которого она держала в своих объятиях, когда огромный зверь, который схватил его, утащил их обоих под волны, и лодку тоже.

Яз не отпустила весло. Не могла отпустить. Она вцепилась в него сильнее, чем в свою жизнь. Мгновение спустя рука Эрриса вынырнула на поверхность и схватилась за борт лодки.

Яз откинула в сторону защитные шкуры, и он втащил себя внутрь, вода струилась с его тела.

— Спасибо. — Он откинулся на спину, не хватая ртом воздух, а глядя в небо и медленно качая головой. Прошло много времени, прежде чем он снова заговорил. — Ну, я выяснил

одно. Там, внизу, определенно есть рыба.

С сетью, установленной для более глубокого лова, они смогли вытащить десятки сельдей и зеленобоков из быстро замерзающего моря.

К тому времени, когда солнце коснулось края кратера, их лодка была на треть полна рыбы, и весло Эрриса ломало лед толщиной в палец, когда он тащил их обратно к берегу.

Поскольку большая часть воды теперь была покрыта льдом, туман в значительной степени рассеялся, и белое небо поглотило то небольшое тепло, которое все еще висело вокруг от огромных сил, затраченных в этом месте несколько дней назад.

После нескольких часов в относительном тепле Куина и Майя достаточно оправились, чтобы съесть столько сырой рыбы, сколько могли выдержать их желудки, и оба смогли сойти на берег, прежде чем Эррис вытащил лодка-сани из воды. Он присел рядом с ними, не задыхаясь от усилий, как сделал бы любой другой человек, но, как он объяснил, ожидая, пока энергия из его уменьшившегося ядра распределится по запасам в его мышцах.

Яз заставила Эрриса перевернуть лодку на бок, чтобы укрыться от ветра, который в миле и более под поверхностью ледяного покрова был тенью его истинного «я». Она взяла тепло-горшок, который был прижат к Турину, отдавая столько тепла, сколько тот мог вынести, и подняла его за обуглившиеся костяные ручки на доску рядом. Затем она вызвала один из глаз Наблюдателя с того места, где оставила большие звезды на берегу, и положила его в горшок, заставив испускать экстравагантное количество тепла.

— Нам нужно его покормить. — Майя многозначительно посмотрела на Турина, все еще свернувшегося под мехами. Предыдущие попытки не увенчались успехом, холодная рыба не хотела протискиваться между посиневшими губами.

— Нам всем нужно обсохнуть. — Куина придвинулась к горшку так близко, как только позволяла звезда — намного ближе, чем тогда, когда она не была защищена сигилами тепла. Ее шкуры начали дымиться, добавляя свой пар к туману, прилетавшему из закрывающегося моря.

Яз достала сковороду, скользкую от рыбьего жира, положила в нее три селедки и поднесла на расстоянии вытянутой руки к горшку:

— Попробуем дать приготовленную еду. Сломанные к ней привыкли.

— Я думаю, он приходит в себя, — сказал Эррис. — Или, по крайней мере, он начал видеть сны.

Яз, нахмурившись, уставился на Турина:

— По-моему, он выглядит так же.

Куина потянула Яз за локоть, пряча улыбку. Она кивнула в сторону вечернего сумрака, где сияние тепло-горшка играло в тумане, который шевелил ветер.

— Что? — спросила Яз. Но потом она увидела это, очертания в тумане, их путаницу, а затем из ниоткуда появилось ее собственное лицо, пойманное в тот момент, когда оно было освещено звездами. В следующее мгновение ветер разорвал его в клочья, только для того, чтобы через несколько мгновений оно снова сформировалось. — Я не понимаю... — Но она поняла. Спящий разум Турина протягивал руку и использовал свою власть над водой, чтобы нарисовать свои сны на тумане.

Яз почувствовала, как жар приливает к ее щекам, когда туман извивался в медленно

движущихся изгибах, требующих лишь небольшого воображения, чтобы увидеть сплетенные конечности, выпуклую грудь, полные губы, все это в томном движении. Яз не чувствовала себя такой незащищенной с тех пор, как разделась до кротовых шкур в сушильной пещере в тот день, когда прыгнула в Яму Пропавших.

Оглянувшись, она увидела, что все остальные сидят вместе в укрытии саней, подтянув колени, наблюдая за шоу с широкими улыбками, как будто это было развлечением. Яз яростно нахмурилась и сосредоточилась на сковороде и рыбе, которую она готовила.

Вскоре, к большому облегчению Яз, ветер посвежел и унес образы вместе с остатками тумана. Она рискнула еще раз взглянуть на остальных.

— Я думаю, это была я, — сказала Куина, ее широкая улыбка показала все зубы — две белые линии.

Эррис и Майя расхохотались.

Яз попыталась нахмуриться, но не смогла сдержать улыбку.

— Заткнитесь. Все! — Она снова принялась ковырять содержимое сковородки ножом.

Это заняло несколько минут, но вскоре воздух наполнился запахом жареной рыбы. Яз поразило, что она ела рыбу каждый день своей жизни и никогда не знала, как хорошо она пахнет, пока ей не показали Сломанные. Привлеченные запахом, Майя и Куина присоединились к ней, прижавшись друг к другу за ее спиной и уставившись на шипящую селедку. Их одежда дымилась, рты наполнились слюной.

Наконец Турин понюхал воздух и открыл глаза:

— Г... голодный.

Эррис усмехнулся:

— Хорошо, что ты опять с нами.

Они накормили Турина и высушили его меха, безрассудно сжигая звезду Наблюдателя. Все проверили свои пальцы на руках и ногах. У Куины и Майи были признаки обморожения на самых маленьких и больших пальцах ног, как правило, самых слабых местах. Но Яз рассудила, что они должны быстро прийти в себя. Турина мороз покусал более серьезно — обморожения пальцев ног и рук, носа и ушей. Но он спасся от бóльшего ущерба, потому что первым сел в сани.

— Ты поправишься. Но мы должны остаться здесь и несколько дней согреть тебя. — Яз надеялась, что это правда. Холод вонзил свои клыки в Турина, но повреждения могли продлиться недолго. Белая мякоть снова станет розовой или почернеет и ее нужно будет срезать.

Все пятеро съежились за перевернутыми санями, а тепло-горшок сжигал свою звезду почти так же быстро, как кузнечный горшок Сломанных, пылая красным в верхней части и заставляя доску, на которой он стоял, пузыриться и вонять.

Ранее Эррис отправился за Зоксом и провел пса по тропинке, которую разведаль. С тех пор Зокс был плотно сложен в своем обычном кубе. Теперь он развернулся, но только для того, чтобы подойти так близко к горшку, что, будь он сделан из чего угодно, кроме железа, он бы воспламенился. Сделав это, он снова сложился и больше не делал никаких движений. Яз боялась, что он провалится под лед, и была полна решимости не спускать с него глаз.

В ту первую ночь они все легли, слишком усталые, чтобы рассказывать истории. Эррис лежал дальше от саней, так как внутри не было места для всех. Яз поймала себя на том, что наблюдает за ним в свете пылающего тепло-горшка. Он увидел это и ответил ей тем же.

Эррис улыбнулся:

— Нас сюда привела игла Стержень-корня, понимаешь?

Яз нахмурилась и дотронулась пальцами в перчатках до иглы:

— Откуда он мог знать, что именно нам нужно? Или где мы были? Или куда нас направить?

Эррис взглянул на небо, где показались первые алые звезды.

— Он может видеть весь мир сверху. Многие из его рода могут. Хотя в наши дни смотреть особенно не на что. Он знал, что мы не нашли моря, и знал, что оно нам нужно. — Он постучал по воротнику в том месте, где Яз держала иглу. — Когда ты попробуешь еще раз, держу пари, игла покажет новое направление. То, которое доставит нас туда, куда он хочет, чтобы ты отправилась.

Яз ничего не ответила. Она не хотела идти туда, куда хотел Стержень-корень. Умереть на льду достаточно легко и без посторонней помощи. И сколько бы раз Стержень-корень не направлял их в сторону морей, это не возместит ущерб, который Сеус причинит им, если решит, что она служит его врагу. Она вздрогнула. Если Стержень-корень мог видеть, как они тащатся по льду, то, конечно, и Сеус мог. И мог натравить на них множество ужасных созданий, каждое из которых было более страшным, чем Наблюдатель.

Сон поглотил Яз, и ее сны наполнились чудовищами, ковыляющими по льду к краю кратера, где она и другие, крепко спящие, столпились вокруг единственной горячей вещи на тысячу миль в любом направлении.

На следующий день море было слишком замерзшим для лодки. Эррис сделал для каждого из них лунку для рыбалки, за исключением Турина, которому было приказано оставаться в лодка-санях. Яз сказала ему, что, если он чувствует себя достаточно здоровым, чтобы ловить рыбу, то он достаточно здоров, чтобы построить убежище. Турин признал свое поражение и откинулся на спину среди своих мехов.

Прежде чем взять наживку и насадить на крючки, Яз тихонько отцепила иглу Стержень-корня от шкуры и, прикрыв ее от ветра телом, позволила ей крутиться на конце волоска. Игле потребовалось некоторое время, чтобы успокоиться, но Эррис оказался прав. Теперь она указывала на юг и слегка на запад.

Они регулярно готовили и ели, пытаясь восстановить потерянный вес. Яз беспокоилась о том, как быстро они добудут свой улов, но Эррис сказал, что он будет ловить рыбу и ночью. Яз мог бы растопить дыру во все более толстеющем морском льду, и она могла бы показать ему, как делать наживку и ставить крючки. Звездный свет можно было использовать для привлечения рыбы ночью, чтобы заменить солнечный свет, который днем сам по себе был непревзойденной приманкой.

Ловля в проруби оказалась продуктивной, обеспечив гораздо больший улов, чем те остатки, которые использовались в качестве приманки, но на второй день лунки снова замерзли, и пришлось протопить целый ярд льда, чтобы добраться до воды. К третьему дню звезда, которую Яз использовала для подпитки котла, уменьшилась до нуля, и все равно дыра, которую она проплавила, не достигла моря под ними. Яз стояла, глядя в талую воду, и качала головой. Дыра, которая не смогла пробить лед, была глубже ее роста.

— Пора идти. — Эррис подошел и постучал Зоксу. С громким треском льда песок развернулся и печально огляделся. Собрав вещи, они начали трудный путь из кратера. Если бы это было горячее море, им пришлось бы искать путь вверх по утесам высотой в милю,

искать участки, где они могли бы установить веревки, а затем закрепить колья на вершине, чтобы они могли медленно поднимать лодка-сани. Их уход, как и уход Икты, был бы длинной серией опасных подъемов.

К счастью, бурное рождение кратера дало ему менее крутые стены, и, как следует поискав, Эррис обнаружил маршрут, с которым Зокс мог справиться. Пес, по-видимому, немного оправился от отдыха и тепла и смог поднять на лед лодка-сани, вытягивая когти на полную длину на более сложных склонах.

Обмороженные пальцы ног Турина чувствовали себя намного лучше, что спасло его от позора — его не пришлось тащить в санях вместе с их уловом и оставшимся снаряжением. Это также спасло их от выяснения, сможет ли Зокс тащить такой груз.

— Знаешь, я совсем не скучал по этому. — Турин поднялся по последнему склону, лишь слегка прихрамывая, и присоединился к Яз на ледяной равнине, наклонившись навстречу воющему ветру.

Яз знала, что он чувствует. Это всегда был шок — выходить из теплого тумана горячего моря обратно в зубы урагана. Она не спросила, готов ли он к путешествию и сможет ли он каждую ночь делать ледяное укрытие. Выбора не было. Они либо справятся с задачей, либо умрут. Как и в каждый день их жизни.

Рутина втянула как разум, так и тело обратно в свой узор. Поход возобновился, и через несколько дней все было так, как будто он никогда и не прерывался. Теперь они двигались на юг и слегка на запад, а не просто на юг, но это не имело большого значения. С едой в желудках и звездами, готовыми гореть, Яз чувствовала, что они могут идти вечно. Остальные, возможно, были менее уверены в этом. Каждый переход, независимо от того, насколько хорошо ты обеспечен провизией, истощал внутренние ресурсы. Турину же приходилось нести дополнительное бремя — каждый вечер создавать укрытие из не желавшего подчиняться льда. Практика оттачивала его технику, но даже так это сказывалось на нем, оставляя изможденность на его лице и тени вокруг глаз. Несмотря на свои труды, Турин, выросший почти полностью на грибах с рыбой, деликатесом, который спускали сверху, говорил, что вечерняя трапеза очень помогает ему, и что он никогда в жизни не ел так хорошо.

По ночам они тесно прижимались друг к другу в тесной хижине, которую строил Турин, и он всегда быстро засыпал, измученный усилиями по формированию льда после дневного перехода. Яз редко отставала, но с тех пор, как она увидела в тумане силуэты сновидений Турина в кратере, ей казалось, что чувствует, как его сны прокладывают свой путь по ее коже в темноте. Должно быть, те же самые подсознательные процессы, которые сформировали туманы, тянули и толкали воду внутри ее плоти и крови, мягко рисуя на ней тайные мысли Турина.

Подтверждение пришло на четвертую ночь после выхода из кратера, когда Яз с криком проснулась, словно от сильного толчка. Она села, призывая свет от звездной пыли в карманах, и обнаружила Майю и Куину, сбившихся в кучу у ледяной стены. Турин сидел, выпрямившись, весь в поту, с побелевшим лицом. Только Эррис казался невозмутимым.

— Простите... — пробормотал Турин, оглядываясь по сторонам. — Мне приснился кошмар.

Куина скатила Майю с себя и откинула с лица длинную черную вуаль волос.

— Пусть тебе снятся сны получше. — Она сузила глаза до опасных щелочек. — Или

другие. — Затем широко улыбнулась и подползла поближе к Яз.

Шли дни. Зокс становился все медленнее и медленнее, пока Эррис не начал помогать ему тащить сани. Но Эррис тоже замедлялся. Там, где остальные подкреплялись пойманной рыбой, Зокс и Эррис ничего не ели, только тратили свои уменьшающиеся ресурсы, никогда не пополняя их. Однажды ночью Эррис признался, что ожидал продержаться дольше, но холод в сочетании с неожиданными столкновениями с Аргесом, как у Черной Скалы, так и на льду, взял свое. Кроме того, ему пришлось очень аккуратно спускать их и сани к кромке воды.

В время долгого одинокого перехода Яз старалась не думать о последних днях их путешествия к морю кратера. Она ушла в себя и отдалилась от других. Она оставила их умирать на своем пути — потому что Икта оставляли любого, кто не мог поддерживать темп. В трудных условиях она вернулась к своему типу, и, если бы не Эррис, Турин, Майя и Куина были бы замороженными трупами, отмечающими смертельный поход Яз к морю. Яз отвергала такой способ выживания, но, когда дело дошло до смертельной опасности, инстинкт взял верх. Она оглянулась на своих спутников, сражавшихся позади нее с особенно жестоким полуденным ветром, и решила не подводить их во второй раз. Что это может означать, если Эррис или Зокс замедлятся до состояния неподвижности, она не могла заставить себя думать. Вместо этого она пошла дальше, преследуемая голосом, который говорил ей, что она обречена на неудачу, что в конце концов она поступится любыми идеалами, которых, как она утверждала, придерживается, пожертвует слабыми ради сильных, и что — хуже всего — придет к убеждению, что все это — ради бóльшего блага.

— Мы могли бы вернуться, — Куина поравнялась с Яз.

— Что?

— У нас достаточно еды, чтобы добраться до Черной Скалы. Мы могли бы вернуться.

Яз была далеко не уверена, что у них достаточно еды, но даже если бы это было правдой... Это была Куина, Куина с ее деревянной бусинкой и ее верой во все истории.

— Зачем ты это говоришь?

Повышенный голос отвлек ее от ответа Куины. Оглянувшись, она увидела, что Турин, похоже, не переставая идти спорил с Эррисом, размахивая руками. Впереди них Майя качала головой, одна рука боролась с другой, как будто она была охвачена каким-то внутренним спором.

А позади всех них остановился Зокс. Он стоял с лодка-санями в двухстах ярдах позади, наклонив голову, словно приносясь ко льду.

Эррис упал, споткнувшись о лед, а Турин стоял над ним, сжав кулаки и выкрикивая что-то сердитое, что ветер уносил прочь. Эррис никогда не падал. Возможно, Турин поднял лед против него, или, возможно, последние силы покидали его. И то и другое было одинаково плохо.

Яз чувствовала, что должна вмешаться, но что она скажет? Чего стоит ее ошибочное суждение? Сомнения и замешательство захлестнули ее серой волной.

— Мы совершили ошибку, — сказала Куина. — Мы все здесь умрем.

Майя прошествовала мимо них, бормоча что-то себе под нос.

Позади Турина Зокс сделал медленный круг, прежде чем начать тащить лодка-сани назад.

— Сани! — Яз побежала за ним. Как бы безнадежна ни была их экспедиция, сани им

все еще были нужны.

Остальные тоже бросились в погоню, и, поскольку Зокс был не особенно быстр, Яз успел схватиться за сани, прежде чем он продвинулся намного дальше. Эррис подошел, чтобы присоединиться к ней медленной трусцой, присоединив свой вес к ее, но Зокс потащил их обоих и сани тоже.

Турин и Куина, не имея возможности приблизиться к звездам, хранящимся на санях, обогнули пса и остановились перед ним.

Эррис потерял хватку и споткнулся, чуть не упав.

— Стой! — скомандовал он, и пес послушался. Эррис выпрямился и стряхнул лед с ног. — Что со всеми не так?

Яз не была уверена. Она посмотрела на остальных и заметила, что Майя не побежала с ними:

— Майя? — Она заметила девочку, все еще державшуюся их курса и направлявшуюся вдаль.

Эррис подошел к Зоксу и заговорил с ним на нечеловеческом языке, который они разделяли, языке без слов и наполненном звуками, которые Яз никогда не смогла бы попробовать.

— Не знаю, что его так встревожило, — сказал Эррис. — Он выдает коды опасности и отказывается выполнять любые команды. — Он взглянул на Турина. — Я тоже не знаю, что на тебя нашло. Это то, что Яз называла ледяным безумием?

— Подожди! — крикнула Яз ветру, летящему за Майей.

Глядя на удаляющуюся девушку, Яз чувствовала что-то странное, что-то не так, но не была уверена, что именно.

— Это лед, — сказал Турин. — Я не могу поверить, что пропустил это...

— Что со льдом? — спросила Куина. Она глубоко вздохнула. — МАЙЯ! ВЕРНИСЬ!

— Порча, — сказал Турин. — Она здесь.

Яз заметила ее, как только Турин произнес имя. Эффект был едва заметным, но, как только ты его увидел, его уже нельзя было не заметить. Лед был слегка серым и становился темнее в том направлении, куда они направлялись. В три шага Яз оказалась на спине Зокса. Вдалеке она могла видеть черную полосу, полосу черного льда, тянущуюся на юг, кровотокающую серыми пятнами по ее краям.

— Забери Майю!

Эррис немедленно пустился в путь той же медленной трусцой. Он казался наименее уязвимым для пятен в пещерах Сломанных, но Аргес смог подчинить его, и, когда он бежал за Майей, часть Яз хотела позвать его обратно. Она могла пойти сама, со звездами.

Эррис подошел к Майе, подхватил ее на руки и вернулся быстрым шагом. Он поставил ее на ноги перед Яз. Она выглядела немного смущенной и очень раздраженной:

— Хорошо, что ты мне нравишься, Эррис, иначе у тебя сейчас было бы множество ножевых ранений в спине, и я бы узнала, сделал ли ты себе позвоночник, когда строил это тело.

Яз протянула руку к Майе:

— Присоединяйся ко мне.

Она освободила место на плечах Зокса, чтобы Майя могла увидеть:

— Порча добралась до всех нас. Я полагаю, что более опасно не знать, что там такое...

— Ой. — Майя, которая встала на цыпочки, чтобы увидеть, снова встала на ноги и

спрыгнула на лед рядом с Эррисом. — Тогда спасибо.

— Не за что.

— Странно, что он оказался так далеко на юге, — сказал Турин. — Лед не должен двигаться в ту сторону.

— Он всегда так двигался, — сказала Куина, словно обнаружение черного льда на поверхности не было неожиданностью.

Эррис нахмурился:

— Ты видела это раньше?

— Кас-Кантор видели несколько таких шрамов, — сказала Куина. — Они все бегут на юг. Другие кланы говорили то же самое.

Турин поджал губы:

— Похоже, мы не единственные, кто направляется в зеленые земли.

Яз мрачно улыбнулась.

— Но мы делаем это быстрее. — Она направилась прямо на юг, не обращая внимания на иглу Стержень-корня. — Пошли. Мы найдем обходной путь. — Но пока она вела их, пока Зокс тащился все медленнее, а бедра Эррис начинали издавать слышимый скрежещущий звук при каждом шаге, она задавалась вопросом, действительно ли кто-нибудь из них доберется до зеленых земель раньше порчи.

Потребовался остаток дня, прежде чем они, наконец, достигли конца черного льда и обогнули его: чернильный узел льда был окружен серым ореолом, значительно более узким, чем он был дальше на севере. Яз чувствовала злобу, исходящую от духов, запертых внутри. Это снова напомнило ей о Теусе, движущей силе пятен, просочившихся из разрушенных хранилищ Весты. Быть может, если бы Теус не подчинил себе черный лед и не направил бы свою волю к воссоединению своих частей, эта масса зла также не мигрировала бы на поверхность и не начала бы свое медленное путешествие на юг.

— Как ты думаешь, что они ищут? — спросила Куина. — Духи?

— Тела. — Турин вздрогнул.

— Жизнь. Войну. Хаос, — добавил Эррис. — Это еще один признак того, что зеленый пояс все еще существует. Что-то, должно быть, тянет их на юг, и я готов поставить на это все мои деньги. Множество людей только и ждут, чтобы их запятнали.

— Деньги? — спросила Куина.

Эррис улыбнулся и отвел взгляд:

— Вещь, которая у нас была раньше.

Яз вела их еще шесть дней, следуя за иглой. Она спрашивала себя, сколько дней ее жизни прошло, пока она, шаг за шагом, поглощала мили пустого льда. Зокс мог быть машиной, созданной для ходьбы, но Яз подумала, что, возможно, между ними мало разницы. Они оба долго сидели взаперти, в одиночестве собственных мыслей. Тем не менее, что бы ни происходило в голове Зокса, вряд ли он когда-нибудь с кем-либо поделится. Эррис не мог получить от него никаких ответов — к счастью, пес, казалось, преданно помогал им.

Время от времени Яз замечала, что Зокс смотрит на нее одним черным глазом — он мог использовать оба, только когда направлял на цель голову, потому что второй был на дальней стороне головы, и это, по словам Эрриса, делало его больше похожим на овцу, чем на собаку. И в таких случаях, прикованная темным взглядом Зокса, Яз спрашивала себя, что обнаружил холотур, когда попытался вторгнуться в эту железную голову. Что потребовалось, чтобы заставить Аргеса забыть о своей мести и в ужасе бежать?

Что бы это ни было, его скоро придется оставить. Эррис и Зокс, казалось, были связаны в гонке на дно. Они двигались медленнее, день за днем, почти час за часом, их движения становились все менее устойчивыми и менее уверенными. Внешность Эрриса не изменилась, но, двигаясь, он собирал годы: каждый новый день тяготил его еще одним из его столетий, заставляя идти в будущее шагом старика.

Яз давно решила не оставлять никого, но Зокса нельзя было нести или даже тащить. Он был просто слишком тяжелым. Эрриса потащит она сама, если до этого дойдет.

Она изменила порядок их марша, чтобы компенсировать их меняющиеся силы, и на шестой день после того, как они обогнули испорченный лед, именно Турин, Майя, Куина и Яз тянули сани, в то время как Зокс и Эррис задавали темп, который оставлял неясным, кто из них идет медленнее.

— Я что-то вижу. — Майя была самой низкорослой из них, но часто первой замечала перемены впереди. Обычно это был торос.

Яз прищурилась на горизонт:

— А я — нет.

Майя только улыбнулась и пошла дальше.

Через милю Яз тоже увидела. Что-то показалось вдальеке. Что-то в том направлении куда вела их игла.

Им потребовалось некоторое время, чтобы осознать то, что они видели. Их оценка масштаба продолжала меняться по мере того, как мили проходили под ногами, и все же это, казалось, не становилось ближе.

— Башни, — сказал Эррис.

— Из льда? — спросил Турин. — Или просто покрыты им?

— Из чего еще можно сделать такие большие предметы? — Куина покачала головой. — Но ведь лед не может накапливаться так высоко, верно?

— Это кажется маловероятным, — сказал Эррис. — Даже если основания башен не разрушатся, тогда гравитация должна заставить их течь вниз. Ледник проходит дюжину ярдов в год по довольно скромному уклону.

Но это были башни. Изящные органические башни, напомнившие Яз о разнообразии грибов, которых выращивали Сломанные, а также об их копьях и мечях. Между некоторыми из них тянулись сверкающие мосты, которые, казалось, находились на высоте сотен ярдов.

— Такой была Веста... — выдохнула Яз, наклоняясь к упряжи саней.

Эррис кивнул. Он показал Яз, как когда-то выглядел город Пропавших, хотя здесь был другой, целый, но сделанный скорее из льда, чем из камня и стали.

— Как вы думаете, это сделали для нас? — спросила Яз.

Майя и Куина оглянулись, подняв брови.

В ответ Яз уставилась на них.

— Ну, либо это сделали недавно, либо они стоят здесь боги знают сколько времени, и до нас никогда не доходило ни слова об этом. Возможно, никто никогда их не видел. — Мысль о том, что целый ледяной город с башнями высотой в несколько миль, мог находиться здесь, не обнаруженный поколениями, казалась одновременно и возможной, и пугающей, напоминанием о том, как мало людей ходят по льду. Если здесь нет моря подо льдом, и город не лежит на пути, пересекающим покрытую льдом землю между двумя морями, тогда не было никаких причин для любого клана когда-либо проходить этим путем. Возможно, никто никогда этого не делал, и ни один человек не видел этого города, хотя он мог простоять тысячу лет.

Они пошли дальше, Эррис впереди с Зоксом, Яз и остальные сзади, таща сани на длинных ремнях упряжи. К тому времени, когда они достигли теней ледяного города, стало ясно, что они продолжали неправильно понимать его масштабы. Яз была уверена, что многие башни будут возвышаться даже над Черной Скалой.

Когда они подошли еще ближе, верхушки башен начали ловить свет заходящего солнца, зажигаясь своим собственным красным огнем. Шпили были от десяти ярдов до нескольких сотен ярдов в ширину. Они поднимались на головокружительную высоту, и Яз почувствовала себя ничтожной. Изящные строения были столь же разнообразны, как грибы в роще, они вздувались и расширялись, бросая вызов ветру. Лед, из которого они были сделаны, был белым и покрытым инеем, не давая возможности увидеть, что находится внутри.

Небо за шпилями приобрело цвет старого синяка: на востоке назревала буря. Было бы хорошо укрыться до того, как она до них доберется.

Эррис остановился:

— Есть еще кое-что.

— Вижу, — выдохнула Майя в упряжи, когда они поравнялись с ним. — Нас кто-то ждет?

— Стержень-корень! — сказала Куина.

Яз с сомнением посмотрела на Эрриса. Она едва могла разглядеть далекую точку на льду возле первой из башен, но, если у Стержень-корня и было здесь тело, почему он уже не вышел к ним? На самом деле, зачем они ему вообще понадобились?

Эррис ничего не сказал, только продолжал смотреть еще несколько мгновений. Он убрал пальцы со лба и покачал головой:

— Один человек, четыре собаки.

— Собаки? — спросила Куина. — А сани есть?

— Давайте выясним. — Эррис пошел дальше, его мышцы все так же пронзительно жаловались, как и последние несколько дней.

— Мне это не нравится. — Рука Майи легла рядом с тем местом, где под ее одеждой лежал нож.

— Может быть, мы выменяем у него больше еды и мехов. — В голосе Турина прозвучала надежда.

— Может быть, он видел зеленый мир! — Куина ускорила шаг, опередив Эрриса.

Яз ничего не ответила. Часть ее была согласна с осторожной Майей. Но игла привела их сюда. Когда она консультировалась с ней несколько часов назад, она указала им в этом направлении, и теперь перед ними лежал город. Сначала игла привела их к морю, а теперь к городу.

Они приблизились, и теперь Яз могла разглядеть незнакомца, неподвижно стоящего на ветру, с двумя собаками с каждого боку, тоже неподвижными.

— Мне это не нравится, — На этот раз Куина повторила слова Майи. — Почему собаки не двигаются?

— Хорошо обучены? — У Яз не было опыта общения с собаками. С ними работали только Куина и Майя.

— Собаки так не стоят, — сказала Майя.

Мужчина тоже был на удивление спокоен. Яз спросила себя, быть может он и собаки каким-то образом умерли и мороз превратил их в статуи. Икта умирали так, стоя. Но собаки?

Куина остановилась:

— Я голосую за то, чтобы обойти.

— Не говори глупостей, — сказал Турин. — Мы проделали весь этот путь... ради этого! И это первый человек, которого мы увидели за последние месяцы.

Яз обменялась взглядом с Эррисом, затем кивнула. Она уронила упряжь, и веревки позади нее упали на лед. Остальные тоже уронили свои.

— Пошли. — Она пошла впереди.

Чувство дурного предчувствия росло по мере их продвижения, посеянное предупреждениями Майи и Куины, подпитываемое стойкой неподвижностью фигур.

Яз подошла ближе, но все еще не могла разглядеть лица человека, закутанного в меха. Собаки держали головы опущенными, что показалось ей странным, учитывая даже ее ограниченный опыт общения с этими животными. Двигался только их мех, который трепал

ветер. Все четыре собаки были с черной масти, большие, но худые. Их мех казался редким по сравнению с мехом тех, кого держали три племени, но на юге было теплее, так что тут не было ничего удивительного.

Расстояние сузилось до шестидесяти ярдов, тридцати, пятнадцати.

— Привет! — крикнула Яз. Она остановилась, ожидая ответа. Майя, стоявшая рядом с ней, держала нож, зажатый в руке.

Ничего.

— Они мертвы? — прошептала Куина.

— Мы должны вернуться, — сказала Майя.

— Вернуться? — спросила Яз. — Аксит вряд ли так поступают.

— Если ты считаешь, что попала в ловушку, лучший способ выйти из нее пораньше — отступить. — Майя сделала шаг назад, держа нож наготове.

— В самом деле? — спросил Турин. — Мы это сделаем?

Яз пожала плечами.

— Если Майя так говорит... — Она тоже начала отступать.

Со вздохом Турин начал пятиться вместе с ней. Куина и Эррис присоединились к отступлению.

Мужчина поднял голову. Теперь Яз увидела, что это человек или когда-то был. Его кожа представляла собой движущийся, переплетающийся узор, окрашенный в черный, красный, зеленый и желтый цвета. Мороз забрал его губы, и обнаженные зубы были багровыми. Один желтый глаз смотрел на них со странным голодом. Другой представлял собой кратер из черной плоти. Одним резким рывком мужчина разорвал тяжелые меха и сбросил одежду на землю. На его обнаженном торсе теснились демоны, не позволяя показаться ни одному клочку незапятнанной кожи.

— Эйдолон! — закричал Турин.

Существо побежало на них сломанной, неестественной походкой.

Эйдолон. Яз вспомнила предостерегающие рассказы Сломанных. Время от времени разум одного из Запятнанных ломался, и вместо обычной горстки демонов они внезапно наполнялись десятками, даже сотнями, пока не становились подобны черному льду, наполненному старым злом. Единственным плюсом было то, что, обладая такой огромной силой, существа могли разорвать хватку Теуса и сбежать из ледяных пещер, блуждая по поверхности и становясь угрозой для тех, кто наверху.

С оглушительным треском из-под льда появились три толстых, близко стоящих осколка, их острия поднялись на десять или более футов. Пойманный в ловушку между ними, эйдолон извивался, чтобы освободиться, что-то в его безмолвной ярости было более пугающим, чем худший из воплей.

— Бегите! — Турин согнулся, явно ослабленный усилием, с которым он поднял лед.

— Не поворачивайтесь спиной! — крикнула Майя, все еще отступая с ножом наготове.

Яз сделала то же самое, вытащив из мехов свой собственный клинок. Как и Майя, она наблюдала за собаками, ожидая, что они бросятся в погоню. Казалось невозможным, что эйдолон сбежит. Прутья его ледяной клетки были толще, чем что-либо, что может сломать Икта.

Собаки не бросились в погоню. Желудок Яз скрутило, когда вместо этого все четверо стряхнули с себя шкуры, как будто это были свободные плащи. Обнаженная плоть была кошмаром синего, черного и темно-красного цвета, скорее обмороженная, чем наполненная

демонами.

Так же бесшумно, как и их хозяин, они бросились не за друзьями Яз, а к эйдолону, прыгнув в промежутки между льдинами. Они не тянули его и не нападали на осколки, удерживающие его. Вместо этого их плоть начала отслаиваться от костей, как будто таяла на сильном жаре. Однако она не упала — скорее потекла к эйдолону, соединяясь с его собственной испорченной плотью, создавая что-то новое.

В этот момент Яз вырвало, и она побежала. Все они побежали.

Бег по открытому льду не предлагает никакой защиты. Инстинкт влек их всех в город, они надеялись затеряться среди высоких сооружений. Было больно покидать лодка-сани, но Яз надеялась, что эйдолон последует за ними, а не выместит свою ярость на их снаряжении.

Куина бежала впереди, Турин и Яз следовали за ней. Эррис бежал так, словно пробирался по глубокому снегу, и даже Майя опережала его. А позади Эрриса Зокс, казалось, почти тащился, хотя даже он, казалось, вкладывал в процесс столько сил, сколько позволяли его истощающиеся запасы энергии. Может, у него и была железная шкура, но он, похоже, разделял их желание убраться подальше от эйдолона.

Позади них послышался треск, а затем грохот падающего льда. И, еще хуже, за ними понесся первый звук, вырвавшийся из беззубого рта эйдолона — ветер принес тонкий резкий вой, словно голод получил собственный голос.

Паника загнала их вглубь города, прежде чем они остановились, чтобы проверить, преследуют ли их.

— Мы оставили сани! — Куина испуганно остановилась.

— Не думаю, что эта тварь охотится за нашей рыбой, — выдохнула Яз.

— Он приближается? — Турин высунулся из-за угла башни, которая простиралась так высоко над ними, что казалась невозможной, нелепой и бессмысленной одновременно.

— Он приближается, — сказала Яз. — Но я его не вижу. — Она и не хотела видеть тело, появившееся из разбитого льда.

— Мы должны вернуться... к саням, — сказал Эррис.

— Ни за что! — Турин покачал головой. — Именно этого он и ожидает. Если его здесь нет, значит, он будет там.

— Итак, мы продолжим... и найдем Стержень-корня. — Теперь Эррис говорил с паузами, почти задыхаясь. Он не выглядел усталым, но двигался так, словно шел к собственной могиле.

— Мы можем спрятаться в одном из них? — Куина царапнула по матовой ледяной стене башни, возвышающейся рядом с ними.

Турин покачал головой:

— Это лед, от начала и до конца. Он не должен был стоять вот так, без поддержки.

Они поспешили дальше, затерявшись в лесу строений. Ветер ворвался вместе с ними, его ярость уменьшилась, как будто он тоже был напуган работой Пропавших. Глаза Яз продолжали блуждать вверху, так высоко над ней, что она едва могла видеть. Она еще раз поразилась тому, что это место, в котором они так основательно заблудились, превратившись в крошечные пятнышки, в свою очередь было затеряно во льдах и настолько потеряно в ледяных просторах, что ему не нашлось места в рассказах любого племени, во всяком случае тех, которые она слышала.

Страх преследовал их по заполненным мраком проходам между невероятно высокими башнями. Эйдолон каким-то образом нашел их в океане льда. Конечно, он мог охотиться за ними в этом лабиринте. Яз поймала себя на том, что ее преследует образ этих собак, сбрасывающих шкуры и соединяющих свою плоть с плотью эйдолона. В какой бы ужас эйдолон ни превратился, он даже сейчас следовал за их запахом, склонившись близко ко

льду. Или, возможно, поджидал их за следующим углом, растянув рот в какую-нибудь ужасную пасть.

Эррис и особенно Зокс, которые так часто были их силой в трудные времена, теперь двигались с невыносимой медлительностью, неспособные реагировать на срочность ситуации. Кодекс Икта, которым Яз была связана с рождения, требовал оставить их позади, принести в жертву их же слабости, чтобы остальные могли убежать.

— Нет. — Яз снова заставила себя подождать, пока их догонят сначала Эррис, а затем Зокс. Пока остальные наблюдали, она воспользовалась задержкой, чтобы свериться с иглой, которую дал ей Стержень-корень. Направление, которое так долго оставалось неизменным, теперь изменялось по мере того, как их цель приближалась, и ледяной город направлял их то туда, то сюда. Проходы между башнями и стенами, которые часто соединялись основаниями, были в тени, когда Яз и ее друзья появились здесь. Теперь мрак сгущался, поднимаясь по башням, когда солнце, давно скрытое из виду, начало опускаться за потерянный горизонт.

— Ты чувствуешь эту штуку? — спросила Майя у Турина. — Чувствуешь его воду, как ты это сделал с охранниками в Черной Скале, чтобы мы знали, где он?

Турин покачал головой, не отрывая взгляда от темнеющих входов на дорогу, по которой они прошли:

— То место было сделано из камня. Это — изо льда. Ты просишь меня заметить одну каплю в море.

Они молча покрыли милю, потом еще одну. Город казался невероятно большим. Несмотря на разнообразие шпилей, с уровня земли все начинало выглядеть очень похоже. Они прошли еще несколько миль, и все больше терялись, все больше тонули в тенях.

— Где, черт возьми, этот Стержень-корень? — Куина не могла усидеть на месте, переминаясь с ноги на ногу, как будто пытаясь поторопить Зокса, когда тот шел к ним. — Ты думаешь, Стержень-корень будет внутри одного из них? — Она махнула рукой на строения, нависающие над ними по обе стороны.

— На самом деле он не из тех, кому нужно где-то быть... — Яз так и не смогла объяснить Стержень-корня остальным. Майя, казалось, думала, что Яз видела его только во сне.

— Значит, он бог. — Куина уже выдвигала свою теорию раньше. Стержень-корень, говорила она, был одним из меньших Богов в Небе, богом ветра без формы или места.

Эррис догнал их. Он покачал головой, но промолчал. Как-то он сказал Яз, что не видит ничего плохого в том, что другие считают Стержень-корня и Сеуса богами. До тех пор, пока они не распространят ту же логику и на него. И до тех пор, пока Яз в это не верит.

Игла в ладони Яз резко качнулась.

— При следующем удобном случае нам нужно повернуть налево. Пошли. — Теперь Зокс был всего в нескольких ярдах позади них.

Пройдя небольшое расстояние, они достигли щели в ледяных стенах, позволившей им пройти между основаниями шпилей.

Зрелище, которое их встретило, заставило Яз застыть на месте.

— Это, — сказал Турин, — не то, чего я ожидал.

Все остановились, кроме Эрриса, который снова отстал, и Зокса, который так и не догнал. Перед ними простиралась широкая площадь, почти заполненная черным куполом. Возможно, черное стекло, возможно, просто темнота. Купол должен был быть около тысячи ярдов в диаметре и по меньшей мере триста ярдов в высоту.

— Что это? — Турин стоял, нахмурившись, глядя на эту штуку, как будто его сверхчувствительность говорила ему об этом не больше, чем те пять, которые он делил с остальными.

— Понятия не имею. — Яз направилась прямо к куполу.

— Подожди! — крикнул ей вслед Турин.

— Зачем? Мы пришли сюда за этим. Если бы Стержень-корень хотел причинить нам вред, он мог бы просто привести нас... буквально в любое другое место.

Турин пожал плечами и пошел за ней. Она была права.

Они пришли вместе, затаив дыхание, и остановились там, где черная стена встречалась со льдом. Даже почти касаясь купола, Яз все еще не могла сказать, был ли он твердым или нет.

— Что это? — Куина присоединилась к ним, повторив вопрос Турина.

— Это не лед, — сказал Турин.

— Это не тень. — Пришла Майя.

— Кто-то должен прикоснуться к нему, — предложила Куина.

Но Яз уже это сделала. Она сняла перчатку и приложила ладонь к темноте. Поверхность под ее пальцами была твердой, гладкой и почти теплой. Она постучала по ней костяшками пальцев, но та не издала ни звука:

— Как мы войдем?

Эррис пересек площадь, напрягая все силы, но двигаясь медленнее, чем прогулочным шагом. Это выглядело так, как будто он пытался прорваться через какую-то густую, невидимую жидкость. У подножия ближайшей башни из тени появился Зокс, неуклюже продвигаясь вперед, словно таща десять груженных саней вверх по горному хребту. Казалось маловероятным, что он когда-нибудь найдет энергию, чтобы снова покинуть город. Но, по крайней мере, подумала Яз, он получит свой последний покой в месте, где сохранились работы его исчезнувших хозяев, а не в каком-то безымянном клочке льда.

— Этот Стержень-корень привел нас сюда, — сказал Турин, когда подошел Эррис. — Разве он не должен открыть дверь?

Эррис положил ладонь на неосвещенную поверхность.

— Стержень-корень разбросан. — Он замолчал, словно собираясь с духом, чтобы заговорить снова. — Стержень-корень, который дал Яз ее иглу и... отправил ее сюда, не может связаться со Стержень-корнем... внутри этого купола. Если бы они могли, то интегрировались бы... стали бы единым Стержень-корнем... и не было бы смысла посылать нас сюда.

Яз нахмурилась:

— Но если Стержень-корень, который послал нас, мог наблюдать за нами с небес и привести к тому морю...

— Тогда, возможно, местный Стержень-корень не может говорить с небесами. Может быть, эта черная стена слишком прочна, а купол — крепость, — сказал Турин.

— Или тюрьма. — Майя попыталась воткнуть нож в стену, но острие просто скользнуло по ней. — Давай, Зокс! — крикнула она псу, все еще находившемуся в двухстах ярдах от нее.

Яз почувствовала настойчивость Майи и разделила ее. Эйдолон мог появиться между зданиями в любой момент:

— Если Стержень-корень послал нас сюда, зная, что нам придется проникнуть внутрь самим, то он должен был знать, что мы можем это сделать.

Настала очередь Эрриса усомниться:

— В последний раз ты говорила с ним в Весте. Еще до того, как ты покинула лед и тебя отвезли на Черную Скалу. Я думаю, ты приписываешь ему слишком большую предусмотрительность. Стержень-корень, с которым ты говорила, был фрагментом, отчаявшимся и осажденным Сеусом. Возможно, он *надеялся*, что ты сможешь связаться здесь с более неповрежденной версией его самого, но, как я уже говорил, он не бог. Он не знал, кого или что ты приведешь с собой и добьешься ли успеха.

— Давайте добьемся успеха. — Куина обхватила себя руками. Несмотря на хорошую еду в последнее время, она выглядела слишком худой для льда и болезненно осознавала, как далеко они были от какой-либо помощи.

Пронзительный крик эхом разнесся по площади. Эйдолон, где-то рядом. Куина вздрогнула. Внезапно здания со всех сторон стали намного ближе, как будто вся площадь сжалась в одну опасную точку.

— Где это? — Турин развернулся, его дикий взгляд скользнул по множеству входов.

— Не могу сказать, — ответила Майя. — Слишком много эха. Здесь звуки распространяются по-другому.

Яз подавила свой страх и сосредоточилась на поставленной задаче. Она проследила за стеной купола до самого льда.

— Турин, возьми себя в руки! Можешь ли ты сказать, как далеко он уходит вниз? — Насколько она понимала, купол был верхушкой башни высотой в милю, которая стояла ногами на скальной породе, каким-то образом выдерживая поток льда. Или частью огромной черной сферы, которая только что поднялась над поверхностью.

Турин повернулся к ней, пристыженный, хотя ее выговор был направлен не столько на него, сколько на нее саму. Его лицо сосредоточенно напряглось, когда он уставился на лед между ним и стеной, а затем расслабилось от удивления.

— Он вообще не уходит вниз. Он просто... сидит на льду.

— Есть ли в нем какое-то основание? Можем ли мы... прорыть путь внутрь? — спросил Эррис.

Еще мгновение концентрации.

— Есть основание.

— Мы могли бы очень сильно ударить по нему ледорубом, — выпалила Куина.

Яз прикусила губу. Это не выглядело и не ощущалось как стена, которая поддалась бы насилью. И уж, конечно, не тому насилью, которое может вызвать взмах руки. С другой стороны, если бы эйдолон поймал их, когда они попытаются использовать более тонкие средства, они все погибнут, не зная, что могли бы просто пробить дыру в куполе в течение нескольких мгновений после их прибытия. И это было бы плохо.

Тем не менее, она решила сначала попросить:

— Впусти нас!

Крик эхом отразился от окружающих башен и затих вдали. Площадь была тихой, погруженной в глубокую тень, едва тронутую ветром. Скоро наступит ночь.

— Хорошо, тогда бей.

Эррис снял с пояса ледоруб и отступил назад, чтобы замахнуться. Он собрался с силами и нанес сильный удар снизу. Купол не издал ни звука, на нем не осталось следов, которые можно было бы увидеть или почувствовать.

— Я думаю, что мог бы ударить сильнее, но рукоять, вероятно, сломается. — Он снова

отвел руку назад, вопрошительно глядя на Яз.

— Нет. — Потери любого рода ранили ее на каком-то глубоком эмоциональном уровне, так же, как и всех Икта. — Если этот удар не поцарапал купол, то твой ледоруб сломается раньше. Должен быть другой способ.

— Хорошо. Я уже показывал тебе, как проходить сквозь стены, — сказал Эррис. — Может быть, здесь есть такие тропинки.

— Конечно! — Яз покачала головой, словно пытаясь избавиться от своей глупости. Она расфокусировала взгляд, чтобы увидеть пейзаж нитей, мир связей, сотканных из невероятно тонких нитей Пути. Здесь, как и почти на всем льду, нити лежали относительно редко и упорядоченно, нарушаемые только большими бесконечными скоплениями, которые окружали каждого из путешественников, соединяя их друг с другом, с их имуществом, возвращаясь в их прошлое и устремляясь вперед к их будущему. Сам купол казался почти лишенным нитей, как будто он простоял здесь очень долго и как будто за все это время с ним почти ничего не случилось. И, конечно, не было никаких явных нарушений структуры, говорящих о скрытых входах или местах, где Пропавшие оставили тайные проходы, которые могли бы переместить человека в пространство внутри.

Яз начала медленно обходить купол. Эррис последовал за ней. Турин хотел было присоединиться к ним, но Эррис поднял руку:

— Тебе лучше остаться здесь, чтобы мы знали, когда вернемся к тому, с чего начали.

Снова раздался крик эйдолона, казалось, еще ближе. Турин сжал губы в узкую линию, и с тихим скрипом между ними поднялся ледяной палец, достигающий высоты груди:

— Теперь мы узнаем, когда сделаем круг.

Яз оглянулась:

— Тогда пошли. Все. Мы должны держаться вместе.

Эррис поднял руку:

— Зокс. Оставайся здесь.

Яз поколебалась, но затем продолжила идти: Зокс замедлит их. Кроме того, она не была уверена, что даже эйдолон может ему повредить.

Потребовалась вся решимость Яз, чтобы не отрывать взгляда от пейзажа нитей, изучая стену, пока она медленно продвигалась вперед. Где-то рядом эйдолон, неисчислимое количество худших зол, облеченных в испорченную плоть, бродил по улицам ледяного города и искал кого-нибудь, на кого можно было бы воздействовать своей злобой. В эйдолоне было достаточно дьяволов, чтобы в одиночку запятнать целый клан, и Яз отчаянно хотела оказаться далеко-далеко от него. Но она продолжала выполнять свою задачу и полагалась на других, которые прикрывали ей спину.

Ярд за ярдом они продвигались вперед, ничего не находя. К тому времени, когда они вернулись к отметке, которую поднял Турин, стало настолько темно, что Яз пришлось вытащить свои маленькие звезды для света. Они появились после того, как несколько дней назад один из глаз Наблюдателя был разбит на осколки, чтобы использовать их в теплогоршке.

— Идеи? — спросил Эррис, когда они поравнялись с Зоксом. Пес медленно поднял голову и одарил их одним из своих непроницаемых взглядов.

— Я думал, это твоя область, — сказал Турин. — Ты знаешь все, что можно знать о Пропавших.

— Ха! — Эррис печально покачал головой. — Я даже не знаю, как они выглядели.

— Ты знаешь о них в тысячу раз больше, чем мы. — Турин стоял на своем.

— Хорошо. — Эррис сложил руки на груди. — Как эксперт группы по Пропавшим... когда дело доходит до проникновения в этот купол... я не имею идей. Вообще никаких.

— И разве вход и выход из мест не должен быть каким-то особым талантом марджала? — настаивал Турин.

— Я уверен, что смогу найти дорогу, — сказал Эррис немного резче, чем обычно. — В конце концов. Но это может занять некоторое время. Сколько у тебя времени? — Он вопросительно поднял бровь.

Группа обменялась взглядами и зашаркала вокруг в своих ледяных мехах. Майя отошла немного в сторону; Турин навалился всем своим весом на купол, словно надеясь провалиться сквозь него; Куина расхаживала взад-вперед. Все они продолжали смотреть на периметр, где множество темных улиц выходили на площадь.

— Когда я был в городе под Черной Скалой, — сказал Турин, — там были ворота, к которым меня привели три сумасшедшие старухи. Я открыл их звездой.

Яз шлепнула себя по щеке. Она выхватила одну из маленьких звезд с медленной орбиты вокруг своей головы и поднесла ее к куполу. Когда звезда приблизилась к куполу, они впервые увидели отблеск отражения от поверхности, которая до сих пор поглощала весь свет, и когда Яз попыталась прикоснуться к нему, на стене появилась маленькая ямочка, как будто стена была натянутой шкурой, а звезда тяжелым грузом лежала на ней. На самом деле стена отступила от звезды, отказываясь допускать контакт, черная материя исчезла, только чтобы снова сформироваться, когда она убрала руку. Облегчение затопило ее:

— Нам просто нужна звезда побольше, чтобы попасть внутрь!

— Они на санях, — сказал Турин упавшим голосом.

— Мы должны вернуться? — простонала Куина. — Через это? — Она указала на улицу, которая привела их сюда. Яз даже не могла вспомнить дорогу, по которой они шли.

— Не могла бы ты... — Турин протянул руку, как это делала Яз, когда притягивала к себе звезду.

Яз закрыла глаза, пытаясь ощутить звезды, которые она оставила позади. Скорее всего, они находятся не менее чем в двух-трех милях отсюда. Она ничего не почувствовала, даже намек на них, не говоря уже о том, что ей было нужно схватить одну из них и принести сюда. — Я не могу.

— Я пойду, — сказала Майя.

— Что? — Куина выглядела испуганной. — Туда, наружу? Одна?

— Я хорошо умею прятаться. — Майя выглядела мрачной.

— Ты не сможешь взять ни одну из этих звезд, — сказала Яз, радуясь причине, по которой девочка не могла пойти. — Ты не сможешь даже приблизиться к ним.

— Я мог бы это сделать... — неохотно сказал Турин. — Я могу использовать лед, чтобы переместить их.

— Никто не пойдет один, — сказала Яз. — Мы пойдем вместе.

Никто из них не произнес ни слова. Эйдолон найдет их там, в темноте, и они все умрут.

— Вот дерьмо. — Эррис вытянул руку. — Он здесь.

Эйдолон вышел из темноты улицы в сумрак площади. Мрак милосердно скрыл детали, но показал достаточно, чтобы Яз был уверена — плоть существа течет по его конечностям.

Буря, которая была синяком на восточном небе, начала накатывать на город, как огромная волна. Ветер завывал и кружился, нагруженный льдом, каждый порыв был резким и жгучим.

— Нам придется сражаться. — Эррис начал медленно приближаться к их врагу, приволакивая одну ногу.

Куина вытащила второй нож и побежала влево, явно намереваясь метаться туда и обратно, используя свою скорость. Яз поискала взглядом Майю, но та уже исчезла, стала частью ночной тьмы.

— Ах, черт возьми. — Турин покачал головой и потопал вслед за Эррисом, подгоняемый ветром. — Не умирай, Яз. Только не умирай, хорошо?

— Я... — Яз не сумела ничего ответить. Эйдолон убьет их всех. Ножи не справятся с тем, кто может разорвать себя на части и собрать кусочки вместе.

— Вместе... — Она раскрыла руки перед собой, и дюжина маленьких звездочек, которые вращались вокруг нее, теперь собрались в ее ладонях. Все они светились оттенками холодного голубого света, который лился из глаз Наблюдателя, освободившихся от влияния Аргеса. — Я могу снова собрать вас вместе!

Сказать-то легко. Она уже построила одну звезду, крошечную желтую, не больше ее ногтя, сделанную из сотен пылинок. Это заняло много часов полной концентрации. Яз посмотрела на спины своих друзей. У нее не было даже нескольких минут, и будет трудно сконцентрироваться из-за криков.

Она выпустила из рук две маленькие сферы и мысленно толкнула их друг к другу. Да, здесь все иначе. Все они совсем недавно были частью одной и той же звезды. Они хотели соединиться. Они подходили друг к другу. Она почти видела, как. Несмотря на то, что каждая из них была идеальной сферой, они также имели другие формы, существующие в измерениях, недоступных глазу, и эти части определенным образом подходили друг к другу. Песня каждой звезды отражала эту форму, гармония между ними обнажала зубы, которые соединялись, чтобы сделать одну из многих.

Выйдя на открытый лед между ближайшими шпилями и куполом, эйдолон пустился бежать. Теперь он достигал восьми футов в высоту и бежал быстро, возможно, это умение было приобретено у собак. Его пятнистая кожа оцетинилась собачьими зубами, а пальцы заканчивались когтями. Его лицо постоянно менялось на бегу, казалось, испорченная плоть, не могла выбрать один ужасный вид и остаться им.

И в тридцати ярдах от Турина существо рухнуло на землю бесформенной кучей, споткнувшись о гребень, поднятый лед-работой. Потом оно поднялось, вывернув шею с треском, который донесся до Яз, стоявшей рядом с куполом. В его груди открылись дополнительные глаза, и, когда он выпрямился во весь рост, леденящий душу вой вырвался из его чрезмерно большого рта.

Турин поднял быстрый ледяной шип, но существо оказалось слишком проворным; шип не пронзил его, и эйдолон смел препятствие в сторону, ударив его одной рукой.

Яз изучала кусочки в своих руках. Она выбрала две звезды, которые, очевидно, принадлежали друг другу, и попыталась соединить их, добавив силу своих пальцев к давлению, оказываемому ее разумом. Но светящиеся сферы просто скользили друг по другу. Потребовалось огромное усилие, чтобы сломать глаз Наблюдателя, — словно сломать лезвие меча; то, что требовалось теперь, больше походило на сварку двух половинок лезвия вместе и требовало гораздо больше энергии.

Куина выскочила из-за эйдолона, ударила его пять или шесть раз подряд, ослепительно быстро, и нырнула под его пугающе быстрый ответный удар. Любой враг-человек залил бы лед кровью своей жизни, но эйдолон, казалось, рассматривал нападение не более чем как пощечину. Вместо того, чтобы преследовать Куину, он бросился к Турину. Тот пятился, но слишком медленно. Эррис прошел мимо него и преградил эйдолону путь.

Яз оторвала взгляд и сосредоточилась на звездах в своих руках. У них осталась единственная возможность выжить — попасть в купол, — и звезды были ключом. Она могла видеть, как два кусочка в ее пальцах должны соединиться, как другие, вращающиеся вокруг ее рук, соединяются аналогичным образом, кусочки головоломки, а не осколки раздробленной кости. Но когда они прижимались слишком близко, они отталкивали друг друга, и никакая сила в ее распоряжении, умственная или физическая, не могла преодолеть этот барьер и соединить их.

Эррис пролетел по воздуху, брошенный, как игрушка. Эйдолон рванулся к Турину, но замедлился, словно столкнувшись с невидимым барьером. Несмотря на это, он неуклонно продвигался вперед, гребя лед задними когтями. Лед-работа Турина должна была бы поднять чудовище со льда и сбросить его с большой высоты, но каким-то образом дьяволы, собравшиеся внутри него, не обращали внимание на талант юноши. Отчаявшись, Турин вместо этого обратил свое умение на лед, воздвигая стены, чтобы заблокировать продвижение эйдолона. Тот прорывался сквозь них с ужасающей силой.

Майя появилась из ниоткуда, чтобы перерезать сухожилия на ногах существа. Тот должен был быть искалечен, но его сверхактивная плоть компенсировала ущерб, и дикий удар ногой назад отправил Майю через лед.

Яз сосредоточилась, стараясь увидеть Путь. Она нашла его, узкое сияние мощи, извивающееся в больших пространствах, в которых мир сидит, но никогда не видит. Ее руки сомкнулись вокруг него, и знакомая, но пугающая сила хлынула в нее, угрожая наполнить и разорвать ее в один и тот же удар сердца.

Она отпустила источник, задыхаясь, содрогаясь от энергии, которая хотела вырваться из нее во всех направлениях, унося с собой кожу и кости. У нее был выбор, жизненно важный выбор. Бросить всю силу в эйдолона и надеяться, что этого будет достаточно, чтобы уничтожить не только тело, но и дьяволов внутри. Или попытаться использовать силу, чтобы перековать звезды в ее руках в большую, которая могла бы открыть купол.

Проделать в этой штуке большую дымящуюся дыру казалось очевидным ответом. Но Яз видела, как объединенные силы дьяволов разрушили лед-работу Турина. Они могли бы отмахнуться от таланта квантала так же легко, как от таланта марджала. В конце концов, это были части Пропавших. Но она знала, что сила звезды может сдерживать отдельных демонов или даже уничтожить их.

С рычанием разочарования она обхватила своими светящимися руками дюжину маленьких звезд, которые когда-то были особым объектом. Вместо того, чтобы высвободить данную Путем силу в обычной вспышке насилия, Яз вылила ее в пространство между

ладонями. Давление выросло, яркие лучи вырвались из горнила ее хватки. Если бы не данная Путем сила, ее руки были бы оторваны одна от другой, рассыпав звезды, но ее пальцы сомкнулись на месте, сильнее, чем железные застёжки. Как бы то ни было, свет внутри превратил ее плоть в призрак, так что казалось, что пылающая белая звезда сидит в клетке из костей. Тени съежились, отступая к башням.

Даже с невероятной силой Пути и топкой между ладонями, Яз казалось, что кусочки откажутся соединяться. В новом свете она видела более ясно, понимая, как все двенадцать звезд выстроились вдоль своих линий связи. Она знала, что энергия внутри нее скоро утечет, независимо от того, добьется она успеха или нет. Это должно было произойти сейчас. Они *должны* соединиться. Она приложила всю свою волю к этой задаче.

Где-то на льду кто-то закричал. Голос не был похож ни на кого из ее друзей. Он даже не был похож на голос человека. Но она знала, что так и должно быть. Боль и страх в этом звуке были настолько велики, что лишили его всего, что идентифицировало владельца — она даже не знала, был ли это мужчина или женщина. Но ей нужно было знать. Ей нужно было помочь. Второй крик вырвался на воющий ветер и сжал ее живот в тугий узел.

— Нет! — проорала Яз. И с таким треском, словно сломался хребет мира, множество стало единым целым, гораздо бóльшим, чем сумма его частей. Звезда в ее руках была сверкающим шаром размером с кулак. В момент своего создания шар высосал каждую каплю силы, которую она взяла с Пути, и, возможно, часть ее собственной тоже.

Яз осела, измученная и дезориентированная. Не глядя на сражение, она собралась, повернулась к куполу и оказалась лицом к отверстию в черной стене. Как будто невидимая сфера окружала ее новообразованную звезду, ярдов пять в диаметре, и там, где была сфера... не было купола. Круглое отверстие двигалось, когда она двигала рукой, его нижняя часть пересекала лед, так что она сделала арку, а не круглое отверстие. Стена купола была толщиной в ярд, и через отверстие Яз увидела то, что выглядело точной копией ледяного города. Этот был гораздо меньшего размера и отлит из того же черного материала, что и купол. В свете звезд это было что-то завораживающее. Буря разбросала вокруг меньшего города осколки льда, усеявшие черный пол купола.

Яз вспомнила крик, шок от которого пронзил ее, освободив от очарования купола. Она развернулась и увидела эйдолона среди океана разбитого льда, поверхность которого вздымалась, как волны. Эррис вцепился в одну из его ног, но эйдолон тащил его за собой, как мелочь, не заслуживающую внимания.

Куина лежала распростертая, возможно, мертвая, но ярость, с которой Майя защищала ее, наводила на мысль, что она верит, будто девушка еще жива. Эйдолон навис над ними обоими, пытаясь схватить Майю когтистыми руками. Каждая попытка схватить ее встречалась с пустым воздухом и натыкалась на острый нож. Но Майя долго не протянет.

Зокс собрался вмешаться, но двигался так медленно, что преодолел только две трети расстояния между Яз и сражением. Турина нигде не было видно.

— Ко мне... — Яз обрела голос и закричала. — Ко мне! Он открыт!

Она опоздала. Она сделала неправильный выбор. Они не могли убежать — эйдолон был слишком быстр. Если Майя повернется к нему спиной, он вырвет ей позвоночник.

— Ко мне... — Она их подвела.

Яз со вздохом выхватила нож и приготовилась вступить в безнадежную схватку.

В этот момент она увидела Турина. Он висел в диком воздухе высоко над эйдолоном, раскинув руки, ладонями к измученному бурей небу. Пока она смотрела, он поднял руки,

сведя их вместе над головой, и в этом действии водоворот рыхлого льда поднялся с поля битвы, как будто какой-то бог перевернул мир вверх дном и позволил ему упасть.

В тисках разума Турина белый торнадо бросил вызов ветрам и свернулся в плотную колонну перед ним.

Внизу эйдолон уставился на этого нового противника, не обращая внимания на укол ножа Майи. В вращающейся колонне с треском образовалось твердое белое ядро, когда Турин уплотнил сотни кусков в... Яз не понимала, что он делает. Какая бы вода не осталась в теле эйдолона, он оказался невосприимчив к силе Турина, слишком быстрый и слишком сильный, чтобы быть пойманным в ловушку тем, что Турин поднял против него.

Туум! Лед-копье, созданное Турином, ударило сверху вниз с бóльшей скоростью, чем все, что он мог поднять снизу. Оно попало в эйдолона в том месте, где плечо встречается с шеей, прошло насквозь и появилось чуть выше противоположного бедра, ударив в землю, в которую глубоко погрузило свой наконечник.

— Бегите! — взревела Яз.

Майя отпрыгнула от яростного взмаха когтей эйдолона и начала вытаскивать Куину, пока Турин работал над утолщением и укреплением ледяного копья. Эррис поднялся на ноги и начал ковылять к куполу, падая на неровную землю, поднимаясь и снова падая.

Зокс начал медленно поворачиваться по кругу, и к тому времени, когда он оказался лицом к лицу с Яз, Эррис и Майя прошли мимо него, держа Куину между собой, ее левая нога бесполезно свисала.

— Быстрее! — Яз поспешила на помощь, оставив свою звезду на льду рядом с куполом, чтобы поддерживать дверной проем.

Турин присоединился к ним, уже стоя ногами на земле и спотыкаясь почти так же сильно, как Эррис. Усилия, которые ему пришлось приложить, явно обошлись ему дорого. Позади него эйдолон бился и кричал. Многоголосая ярость наполнила его вой. Пронзивший его ледяной кол был, скорее, источником разочарования, чем боли. Громкий треск льда сопровождал появление руки Яз на плече Куины.

— Он вырывается на свободу, — прорычала Майя, отпуская Куину к бóльшей силе Яз.

— Ах! — Когда они приблизились к отверстию в стене купола, Турин ахнул и отпрянул назад. Глаза Куины распахнулись, и она начала вырываться из хватки Яз, когда та тащила ее вперед:

— Нет! Я не могу!

— Это... звезда, — медленно произнес Эррис. — Они не могут приблизиться к ней.

— Нам придется тащить их. — Яз продолжал, крепко держа Куину.

Эррис вцепился в другую руку Куины и остановил ее:

— Их разум... сломается.

Яз развернулась, указывая на эйдолона, все еще прикованного двумя ярдами ледяного копья, но все равно неуклюже приближающегося к ним:

— И их тела сломаются, если они не пройдут.

— Входи! — сказал Турин. — Возьми звезду. Тогда мы сможем последовать за тобой.

Не имея времени спорить, Яз подошла к звезде и подняла ее, держа перед собой, чтобы осветить внутренность купола. Она вошла, стараясь видеть во всех направлениях одновременно. Воздух был странно теплым и наполненным чужеродными запахами.

— О. — Первая из башен внутри купола начала исчезать, когда звезда приблизилась к ней. Невидимая сфера вокруг звезды съедала из нее все растущий кусок, и вскоре верхней

части стало не на чем стоять, но она все равно каким-то образом висела там, где была.

— Эй! — крикнул ей вслед Эррис. — Не заходи слишком далеко!

Яз обернулась и увидела, что дыра в стене позади нее уменьшается, образуя круг с более низким краем. Турин и остальные приближались к нему, эйдолон в пятидесяти ярдах позади них, извиваясь, чтобы избавиться от лед-копья.

Яз отступила назад, и край отверстия исчез, снова обнажив лед.

— Эй! — крикнул снаружи Турин, поднимая руки, как будто это могло отразить ауру звезды. — Не так близко.

Озадаченная, Яз сделала еще несколько медленных шагов назад, наблюдая, как дыра сжимается, пока не превратилась в круг диаметром всего в ярд, центр которого находился на уровне руки, в которой она держала звезду. Она держала его так крепко, как только могла:

— Попробуй сейчас!

Турин вышел вперед, его верхняя половина была видна через отверстие, на лице было напряжение, когда он бросил вызов эффектам звезды.

— Не отступай дальше, или эта дыра исчезнет и разорвет меня пополам. — Он попытался обратить все в шутку, но лицо его побелело от страха. Он протянул руку, чтобы ухватиться за край, и приготовился броситься вперед через отверстие.

— Ах! — Он отдернул руку. — У меня кровь. — Он попытался пососать пальцы сквозь перчатку.

Эррис протянул руку и приложил палец к краю:

— Он очень острый!

Теперь Яз сама увидела, что так оно и есть. Это был не туннель в стене, а просто отверстие, удаленное невидимой сферой вокруг ее звезды. Естественно, оно оставило острый внешний край.

— Как мы войдем? — В поле зрения появилась Куина, привалившаяся к Турину.

— Этот край похож на бритву. — Эррис снова коснулся его. — Приложи к нему немного веса, и он прорежет все, что мы используем, чтобы прикрыть его.

Яз двинулась вперед, расширяя дыру, но заставив всех, кроме Эрриса, отшатнуться назад. Позади них эйдолон догнал Зокса. Он проигнорировал пса, нацелившись на добычу из плоти и крови, но, когда он проходил мимо Зокса, пес каким-то образом ухватился за его ногу и сложился вокруг нее, чтобы удержаться. Эйдолон взвыл, в ярости размахивая железной собакой и выбивая белые хлопья из льда.

— Эррис, помоги им, пожалуйста. — Яз отступила, чтобы ослабить давление звезды на своих друзей. На мгновение она отодвинулась слишком далеко назад, и дыра полностью закрылась, оставив ее одну, изолированную от мира, буря внезапно стихла. Даже эта секундная изоляция испугала ее. Она была в чужом месте, имея дело с силами, которых не понимала. В любой момент стены могут сомкнуться навсегда, оставив ее в ловушке внутри, а ее друзей — снаружи.

Яз шагнула вперед, и дыра снова появилась. Эйдолон сжимал челюсти вокруг собственной голени чуть ниже колена. Тварь отгрызала себе ногу, чтобы освободиться от Зокса и добраться до них.

Кость с треском сломалась.

— Он приближается! — крикнула Майя.

Отчаянная идея пришла в голову Яз.

— Турин? — Она знала, что он был на пределе своих сил, его талант исчерпан, но... —

Ты можешь их внести внутрь?

— Только не Эрриса. — Глаза Турина наполнились ужасом. — А что, если я кого-нибудь уроню?

Яз обмякла. Было время, когда Эррис мог бросить остальных, как копья, и нырнуть за ними. Скоро сила движения покинет его, и свет погаснет в его глазах.

— Или... — крикнула Куина через дыру с нарастающей паникой. — Ты можешь просто положить руку на землю.

— Как... — Яз вдруг почувствовала себя глупой. — Ой, поняла!

Она передвинула звезду вниз. Дыра тоже двигалась вниз, пока, когда ее рука не коснулась земли, дыра в стене не превратилась в небольшую арку, через которую остальные могли проползти животом по льду. Как она не поняла этого раньше — как никто из них не понял, — Яз не могла сказать. Страх делает тебя глупым. Она поставила звезду на землю.

— Быстрее!

Турин вошел первым и помог пройти Куине.

— Быстрее! — Только Майя и Эррис остались снаружи с эйдолом.

— Майя! Иди! — У Эрриса не хватило сил повысить голос.

— Сначала ты. Ты слишком медлителен, чтобы остаться.

— Я не... — Эррис нашел в себе силы закричать. — Майя! Нет!

— Что происходит? — Яз видела только ноги.

Следующее, что она увидела, были черные волосы, закрученные вокруг коричневого черепа, и Эррис, вползающий внутрь:

— Глупая девчонка! Она отступила... Я не мог заставить ее идти первой.

Яз, Турин и Куина вместе вытащили Эрриса из низкой арки.

— Майя! — крикнул Яз через дыру. — Давай!

— Майя! — Турин лежал рядом с аркой, пытаясь заглянуть внутрь.

Внезапно она оказалась там, ныряя на животе.

— Это было лег... — Свиристая усмешка на ее лице сменилась болью. Она была наполовину внутри, наполовину снаружи, и что-то пронзило ее бедро, пригвоздив ее ко льду.

— Майя! Нет! — Яз рванулась и схватила девочку за руки.

Огромная черная ладонь, испещренная красными пятнами, потянулась вниз, чтобы вонзить костяные когти глубоко в основание позвоночника Майи. Поворот, хруст, брызги крови, и ее лицо обмякло. Момент шока ослабил хватку Яз, и в этот момент Майя исчезла, выдернутая прочь.

Дыра закрылась. Так внезапно и бесшумно, что это показалось невозможным. Яз потянулась к звезде, чтобы снова открыть стену, но встретила сопротивление.

— Что? — Она обернулась и увидела, что Эррис вцепился в звезду обеими руками и тянет, откинувшись на спину.

— Она ушла, Яз. Майя ушла. И если ты вырвешь у меня звезду, эта штука будет здесь, как только ты откроешь стену. И убьет всех вас.

Долгое мгновение две половинки разума Яз боролись на острие ножа. Половина Яз знала, что Майя мертва и что открывать стену — безумие. Другая половина не заботилась о фактах, только о правильном и неправильном. Эта часть не хотела ничего, кроме как броситься и спасти свою подругу, даже если это означало погибнуть самой.

— Она не могла уйти. — Турин стукнул кулаком по стене.

Куина промолчала. Она сидела, уставившись в никуда, и держалась так неподвижно, что, если бы не дрожь в руках, Яз подумал бы, что она одержима каким-то духом. Две слезинки скатились по ее осунувшемуся лицу.

Яз почувствовала, как внутри нее нарастает крик, непреодолимый, как чих. Она стояла лицом к черному городу перед ними, сложив руки по бокам.

— Яз? — начал Эррис.

Крик вырвался из нее, бессловесный рев ярости и потери, эхом разнесшийся по куполу, заставив звезду вспыхнуть горячим синим светом с малиновыми крапинками.

— Мы должны идти дальше. — Эррис потянулся к ней, но тут же опустил руку.

— Эйдолон сможет добраться до нас здесь, по-твоему? — Яз прорычала ответ, злясь на все, наполовину надеясь, что монстр *найдет* способ проникнуть внутрь, чтобы она могла заставить его съесть ее звезду.

Эррис развел руками:

— Я не знаю. В обычных обстоятельствах, нет, но с помощью Сеуса все возможно. Мы должны найти Стержень-корня, пока можем.

— Она не может быть мертва. Она зашла так далеко. — Куина произнесла эти слова так, словно разгадывала загадку, как будто ее логика могла исправить то, что произошло.

— Мы должны идти. — Турин отвернулся от стены и направился было к Эррису, но уклонился от ауры звезды.

— Дай нам немного времени. — Яз заговорила резче, чем намеревалась. — Разве она не заслуживает большего, чем несколько мгновений?

— Она заслужила *пожизненное* почитание. — Турин повернулся к ней лицом, и она растерянно заморгала. Казалось, что вокруг него вращаются крошечные звезды, но затем она поняла, что какой-то бессознательный аспект его лед-работы снял слезы с его лица и заставил их повиснуть в воздухе, где они поймали звездный свет. — Но она не дошла. Теперь мы здесь, и она хотела бы, чтобы мы выполнили нашу миссию.

Яз выдавила улыбку. Майя использовала бы эти слова. *Выполняйте нашу миссию.* Аксит до конца.

— Куина. — Яз протянула девушке руку и подняла ее на ноги. Она неуклюже поднялась, приволакивая левую ногу. Яз открыла рот, чтобы сказать что-то утешительное, но внезапно Куина уткнулась лицом в меха Яз, задыхаясь от рыданий. Яз нерешительно обняла ее, потрясенная хрупкостью Куины. Это был не путь Икта. Икта терпели: они не тратили энергию на горе. Но потом она вспомнила, как Квелл рассказал, что ее отец сломался после того, как она и Зин спустились в яму, и, как будто получив разрешение, что-то сломалось и в ней, и она присоединилась к Куине в ее горе.

Она не знала, как долго они так оставались, но в конце концов они расстались. Яз

убрала мокрые от слез волосы с лица Куины и повернулась к Турину, который сидел на корточках на черном полу купола, изучая свои руки, как будто они были завалены его мыслями:

— Пошли.

Они двинулись дальше, вглубь купола. Яз послала свою звезду впереди них, и куда бы та ни летела, она просто стирала черные шпильки, вырезая среди них движущуюся дыру, которая исчезала, когда звезда улетала дальше.

— Какой во всем этом смысл? — Турин махнул рукой в сторону башен. — А в тех, что снаружи?

— Интересно, что мы найдем в середине, — ответил Эррис. — Еще одна площадь и гораздо меньший купол? С крошечным городом внутри?

— Разве должен быть смысл? — спросила Яз. — Есть ли у Зокса смысл или у других подобных ему? Разве это не просто работа разума брошенного города, разума, предоставленного самому себе и медленно сходящего с ума?

Здания закончились раньше, чем ожидалось. Площадь в этом городе была в сотне ярдов в каждую сторону, черный пол был усеян десятками кругов; все они были одинаковыми и достаточно широкими, чтобы Яз могла лежать с вытянутыми руками и все еще быть в нескольких футах от прикосновения к краям. Все их периметры были около фута в ширину, шесть дюймов в толщину и усеяны сигилами.

— Туман-врата, — выдохнул Турин. — Как и те, которые я видел.

— Их следовало бы назвать вода-вратами, — сказала Яз. — Ты чуть не утонул. Что в этом было туманного?

— Тумз-врата, — раздался слегка раздраженный голос позади них. — Уотергейт ^[2] — совсем другое дело.

Они развернулись, и там, в бледном свете, как в одном из снов Турина, нарисованных на тумане, стоял Элиас Стержень-корень.

— Что? — За долгие недели их путешествия Яз много думала о том, что скажет Стержень-корню, когда они, наконец, снова встретятся. «Что?» в них не было.

— Тумз-врата не имеют ничего общего с туманами. Они названы в честь своего создателя. Я встречался с ним однажды, знаешь об этом? Профессор Тумз. К тому времени он, конечно, был уже старше, и я только что закончил учебу, но он все еще был самым блестящим человеком, которого я когда-либо встречал. — Стержень-корень, прищурившись, посмотрел на Турина. — И как его имя оказалось на губах дикаря на краю света? — Он оглядел остальных. — И вообще, кто вы такие? И чего вы хотите? — Он не сводил с них глаз, вытянув длинную руку, а затем длинный палец, чтобы указать прямо на парящую звезду. — А откуда у вас сердце-камень? — Подозрение промелькнуло на узких углах его лица.

— Мы пришли из города Веста, — сказал Эррис.

— И нас сюда послал ты, — добавила Яз.

Стержень-корень приподнял бровь.

— За пределами купола за нами охотится эйдолон, — продолжила Яз. — Я думаю, его послал Сеус.

Стержень-корень поморщился, услышав это имя.

— Никто не может *послать* эйдолона. Может быть, он направил его сюда или привел. Но то, что Сеус охотится за тобой, объяснило бы все это. — Он махнул рукой в сторону площади, и в одно мгновение все Тумз-врата осветились, стали окном в какое-то другое

место. Яз могла ясно видеть только ближайшую горстку врат, сосредоточенных на монстрах. Ближе всех был огромный охотник, источающий звезда-свет и тащивший по льду свое сочлененное тело на хаотическидвигающихся конечностях. В другом круге серебряное существо несло вперед на размытых движениях того, что могло быть ногами, все его тело было острым, как у хищной рыбы. Еще одни показывали что-то более похожее на катящийся сгусток жира, но с тревожными формами, смутно видимыми внутри, похожими на человеческие кости.

— Кто они? — выдохнула Куина.

— Неправильный вопрос. Вопрос, который ты должна были задать: Куда они направляются? — сказал Стержень-корень. — И ответ: сюда. Они все направляются сюда.

Турин взглянул на черную крышу над ними, словно ожидая, что она содрогнется от мощного удара:

— Когда?..

— А это, — перебил его Стержень-корень, — возвращает меня к моему вопросу: кто вы такие и чего хотите?

Яз все еще слышала последний крик Майи и была не в настроении кланяться и расшаркиваться перед ложным богом. Или даже быть вежливой:

— Ты послал нас сюда. Один из вас. И я не собиралась приходить, потому что я хочу только одного — добраться до юга и увидеть зеленый мир.

Стержень-корень покачал головой.

— Это невозможно. До Коридора тысячи миль, а по дороге нет ничего, кроме льда. В настоящее время... — Он посмотрел в сторону, как будто мог видеть что-то, чего они не могли видеть. — Господи Иисусе. Снаружи минус восемьдесят шесть.^[3] И это не считая сильного ветра. Все, что на вас надето, — кусочки мертвого животного. Как вы вообще живы?

Яз не поняла вопроса и отмахнулась от него:

— Но у нас кончается еда, и нам нужна была помощь. И цена, которую мы заплатили за это, — друг, убитый, пока мы пытались пробиться сквозь твои стены.

Стержень-корень сжал губы. Его изображение замерцало, и на долю секунды Яз показалось, что вместо раздражения на его лице появилось страдальческое выражение. Может быть, сочувствие.

— Я не знал, что там кто-то есть. Я не видел ни вас, ни эйдолона. Стены держатся крепко. Врата — мои единственные глаза на внешний мир.

— Сейчас я хочу продолжить наше путешествие, — продолжала Яз, — и пусть Сеус оставит нас в покое. — Она начала ходить между вратами, заглядывая в каждые, когда проходила мимо. По какой-то причине они напомнили ей озеро, которое показывал ей Эулар, то, которое было слишком идеально, чтобы вода в нем замерзла. Некоторые показывали чудовищ в движении; некоторые просто смотрели на огромные белые пустыни, не давая ощущения масштаба. Она могла смотреть на несколько квадратных ярдов льда или на сотню квадратных миль.

Она ожидала, что Стержень-корень последует за ней или потребует, чтобы она остановилась. Вместо этого он просто наблюдал за ней, как и другие, и поэтому она ходила, надеясь сдержать свой гнев и горе, договориться со Стержень-корнем и не высказать свое мнение настолько ясно, что он просто выбросит их наружу, где их прикончит эйдолон.

Дважды она видела врата, открытые на идущие кланы; одни были видны издали на

уровне земли, другие — гораздо ближе, но сверху. Вид стольких людей, собравшихся в одном месте и двигавшихся с одной целью, заставил ее тосковать по Икта и уверенности в этой жизни.

Яз остановилась, чтобы изучить клан, видимый сверху. Все ворота излучали холод, и хотя она не могла слышать или чувствовать ветер, она подумала, что, возможно, если бы она вошла в одни из них, она могла бы оказаться внутри сцены, показанной ей. Она сопротивлялась искушению. Она двинулась дальше и увидела еще одного охотника, бороздящего лед. Мысль о том, что ворота могут позволить контакт, заставила ее отойти подальше от этого озера и от следующего на случай, если один из ужасов, которые выслеживали Стержень-корня, мог вытянуть руку и схватить ее.

— И что этот другой я хотел, чтобы ты сделала, когда пришла сюда? — крикнул Стержень-корень, теряя терпение. — Он передал тебе сообщение?

— Вот все, что он мне дал. — Яз вытащила иглу из мехов над ключицей и начала возвращаться к остальным.

— А, это то, что ты использовала, чтобы открыть купол, — сказал Стержень-корень, как будто какая-то загадка была решена.

— Нет... — Мысль о том, что купол мог бы просто лопнуть как пузырь, используя она иглу, привела Яз в ужас. Если бы она додумалась до этого, Майя была бы жива. Глупость Яз убила ее подругу. — Я использовала звезду.

— Звезду? О, сердце-камень? — Взгляд Стержень-корня метнулся к плывущей звезде. — Но звезда такого размера не должна быть способна... — Его глаза расширились. — С ней что-то сделали! Она была каким-то образом заряжена. — Он нахмурился. — Ее дал тебе другой Стержень-корень?

— Я... — Яз печально покачала головой. — Я...

— Мы взяли его из автомата, построенного из деталей Пропавших, — сказал Эррис. — Яз разбила ее на куски, а потом собрала обратно.

— Замечательно! — Стержень-корень хлопнул в ладоши, но они не издали ни звука. — И ты тоже, молодой человек. Тебя разбили на части и каким-то образом собрали заново.

— Я упал...

Еще один хлопок узких рук с длинными пальцами.

— Ты здорово упал! Ха! Настоящий Шалтай-Болтай. Но на этот раз вся королевская конница и вся королевская рать *смогли* тебя собрать. — Он снова повернулся к Яз, которая спросила себя, не могла ли изоляция свести этого Стержень-корня с ума. — Признаюсь, я сам нуждаюсь в некоторой... реинтеграции, скажем так? Все мы сломанные вещи. Возможно, у нас действительно есть общие интересы. Иглу, пожалуйста, молодая женщина. — Он протянул руку.

Яз направилась к нему, но ее внимание было приковано к левому краю, где в одних из ворот виднелся еще один ледяной пейзаж. Этот, однако, не был ни пустым, ни заполненным монстрами или племенами. Вместо этого он показал группу из четырех фигур в незнакомой одежде, не мехах или шкурах, а длинных пальто, больше похожих на то, что мог бы носить Эррис. Двое из них свернулись калачиком на льду, третья сидела рядом, а четвертая лежала у нее на коленях. Никто не сидит и не лежит на льду, если только он не мертв или близок к смерти. Трое из них, судя по длинным волосам, были женщинами. Больше всего внимание Яз привлекла сидящая фигура. Ее кожа была даже темнее, чем у Эрриса, переходя от коричневого к черному, а волосы были так же туго завиты, подстрижены близко к голове,

как и у него. Мальчик или девочка. Яз могла сказать, что они были молодыми, возможно, возраста Майи.

— Где это? — Яз указала на сцену.

Стержень-корень поднял обе брови, все еще протягивая руку за иглой.

— Первый вопрос всегда должен звучать так: «Когда?» — Опустив руку, он подошел к ней, шагая быстро, как хунска, его ноги не издавали ни звука. — А, — он посмотрел мимо Яз, изучая сцену. — Это сейчас, и очень далеко отсюда, в тысячах миль к югу. Выжившая — один из потенциалов, которые я изучал. — Он оглянулся на Яз. — Иглу, пожалуйста.

— Потенциалов? — Яз протянула ему иглу.

Стержень-корень взял иглу, каким-то образом ухитрившись удержать ее, хотя его пальцы были сделаны из света. Легкая дрожь пробежала по нему, когда он вошел в контакт, рябь, как будто он был отражением на воде, которую потревожили. Долгое время после этого он оставался неподвижным, даже глаза его не подергивались, он ничего не говорил.

— Ах! — У него перехватило дыхание, как будто он вынырнул на поверхность после долгого погружения. — Прости меня. Это всегда так, когда я интегрирую потерянную часть себя. — Темные глаза с новым интересом уставились на Яз. — Теперь я понимаю, почему я послал тебя!

— Стержень-корень, которого я встретила, был в игле? — Яз нахмурилась. Этот процесс напомнил ей о Теусе, собирающем рассеянное зло, которое составляло его темную половину.

— Его копия. — Стержень-корень отмахнулся от вопроса. — Он был небольшим фрагментом, но мы были разделены в течение многих лет, и было много новых данных, которые нужно было усвоить. — Он с отвращением уронил иглу. — Дело дошло до того, что... Мы должны хранить нашу информацию в физических объектах, как дикари, и переносить их туда и сюда пешком. Но пока Сеус не будет вычищен из сетей, другого выбора нет.

— А как насчет этого? — Яз указала на сцену у их ног. Эррис, Куина и Турин присоединились к ним, чтобы посмотреть на мертвых и умирающих детей. Эррис двигался лучше, как будто простое пребывание в куполе каким-то образом восстанавливало его силы. — Кто эта девушка?

— Как я и сказал. — Стержень-корень сунул верхнюю губу под нижнюю, размышляя. — Потенциал. Сеус работает над тем, чтобы взломать один из оставшихся ковчегов. Если он получит контроль, то обрушит луну. Это закроет Коридор и оставит весь Абет покрытым льдом.

Яз покачала головой:

— Аргес сказал, что они собираются открыть ковчег, чтобы следовать за Пропавшими в...

— Что? Нет. Сеус говорит людям то, что они хотят услышать, чтобы заставить их делать то, что он хочет. — Стержень-корень отверг эту идею. — Чтобы иметь хоть какой-то шанс остановить его, мне нужен кто-то, кто проведет меня в ковчег, на который нацелился Сеус, прежде, чем это сделает он, а для этого требуется человек, обладающий очень редкими талантами. На самом деле такими редкими, что многие поколения могут пройти, не увидев ни одного родившегося человека, который соответствует этой отметке. Возможно, девушка и могла бы подойти, но сейчас вопрос спорный. Ты здесь, и ты уже доказала свои таланты.

Яз нахмурилась:

— Но... ты же не собираешься позволить им умереть?

— Смотри на меня, а не на нее. — Стержень-корень повернулся и пошел прочь.

— Подожди! — крикнула ему вслед Яз, внезапно разозлившись. Она только что видела, как умерла девочка, и одной было более, чем достаточно. — Это неправильно!

Стержень-корень повернулся со слегка виноватым видом:

— Люди все время умирают. Тысячи каждый год. Я мог бы заполнить эти врата образами больничных коек и катастроф. Я не могу спасти их всех. На самом деле я не могу спасти ни одного из них.

Турин подошел и встал плечом к плечу с Яз.

— Но это же врата. Мне сказали, что я могу пройти через одни из них и пойти куда угодно. В результате через них прошел морской поток и попытался меня утопить. Так почему бы тебе просто не открыть их и не позволить им прийти сюда? Ты не можешь спасти всех. Чтобы спасти тех, кто на больничных койках или попал в катастрофу, нужны лекарства или чудеса. Но эти девушки, — особенно та, что держит другую, — могли бы прийти сюда, где тепло, и они были бы... — Казалось, он хотел сказать «быть в безопасности», но передумал. — Мы могли бы им помочь.

Стержень-корень, казалось, впервые заметил Турина. Он сжал губы в ровную линию.

— Если вы хотите использовать Тумз-врата, чтобы перейти из одного места в другое, вам нужны врата с обоих концов. Если вы хотите использовать их, чтобы увидеть удаленное местоположение, это другое дело: вам просто нужно умное управление и немного временной орбитальной механики. — Видя их непонимание, он повторил важную часть. — Вам нужны врата с обоих концов.

— Если не... — сказал Эррис.

— Ты знаешь о Тумз-вратах что-то, чего не знаю я? — Стержень-корень снова выгнул бровь.

— Сомневаюсь. — Эррис оглядел десятки врат, лежащих на полу купола. — Насколько я знаю, у Весты были только одни, и я не знал о них, пока Турин мне не рассказал. Но я знаю, что есть и другие способы передвижения по городам Пропавших. Есть пути сквозь стены, пути через сотни ярдов камня, по которым могут пройти только кванталы. Город сказала мне, что, если на обоих концах таких маршрутов есть кванталы путь-работники, они могут открыть проход, по которому может пройти один из них.

Стержень-корень кивнул и переплел свои длинные пальцы. Его руки никогда не были неподвижны, всегда теребили друг друга, как будто были заняты, когда они не подчеркивали его слова.

— Итак, — продолжил Эррис, — я думаю, что эта девушка должна быть полн-кровкой кванталом, чтобы ты заинтересовался ею, поскольку ты ищешь способности, которыми владеет Яз. И если это так, то нет ли какого-нибудь способа, чтобы они вдвоем могли увеличить связь, которая позволяет нам видеть это изображение, в связь, которая позволит пройти? По крайней мере, оттуда сюда?

— Нет.

Однако Стержень-корень сказал это слишком быстро, и обе его руки остались неподвижными — единственный раз, когда Яз видела, как он говорил без их участия.

— Я тебе не верю, — сказала Яз.

Стержень-корень широко раскрыл оба глаза от удивления:

— На каком основании? Ты девушка, воспитанная кочевниками на льду. Я — эксперт.

Ученый с тысячелетним опытом. Я тот, кто...

— Ты не умеешь врать.

Это, по крайней мере, заставило Стержень-корня замолчать.

— Ладно! — наконец рявкнул он. — Возможно, в твоей идее передачи данных есть смысл, но это чрезвычайно опасно и чрезвычайно трудно осуществить и требует двух кванталов замечательных способностей, сердце-камня значительного размера и может привести сюда только удаленную сторону. Кроме того, это не позволит пройти пассажирам, а я наблюдал за этой молодой леди достаточно долго и знаю, что она не собирается оставлять своих друзей там умирать.

— Они уже выглядят мертвыми, — заметила Куина. — В любом случае они все умрут до наступления ночи.

— Что... что ты делаешь? — Стержень-корень подошел к тому месту, где Яз опустилась на колени рядом с кольцом, и приложила руки к символам, выгравированным по бокам. — Когда я сказал «опасно», я имел в виду не только для тебя...

Яз взглянул на остальных троих и велела им отойти от нее подальше. Турин, наоборот, подошел и встал рядом с ней, одной рукой нащупав ее плечо.

— Я имел в виду опасность для города. И я имел в виду не только этот или ледяной снаружи. Я имел в виду тот, что подо льдом. Так что, если твои друзья не смогут быстро выйти за пределы радиуса взрыва, я советую тебе остановиться.

Лицо Турина посуровело, когда он отвернулся от ворот и посмотрел на Стержень-корня:

— Если бы ты когда-нибудь подходил к краю смерти на льду, ты бы тоже не смог оставить там кого-то.

Чувство вины Яз за долгий поход к морю вспыхнуло при этом, и она решила быть достойной неуместной веры Турина. Именно Эррис спас Турина, Куину и Майю. Тогда Яз погрузилась в себя и пошла дальше, бросив их. Но эту девушку, эту девочку, она не бросит.

Она принесла свою пылающую звезду и села в центре врат, разбудив все сцигалы периметра. Образ обрел новую реальность. От него веяло холодом; она слышала эхо ветра. Предельно сосредоточившись, Яз мысленно потянулась к вратам и расфокусировала взгляд, чтобы увидеть нить-пейзаж. Врата были ядром нитей, они напрямую связывали нити, находившиеся в отдаленном месте, с теми, что текли из Яз, ее друзей и черного города внутри купола. Кроме того, сложность была умопомрачительной. Врата сплетали нити так, как Яз не могла себе представить раньше и не могла понять сейчас, даже имея перед собой пример. Однако использовать что-то и понимать, как это работает, — две разные вещи.

Яз уже пользовалась Путем не более получаса назад, так что прикоснуться к нему сейчас было выше ее сил, но она все еще могла увидеть его, если бы попыталась. Он лежал вне пределов ее досягаемости, тонкая полоска, далекая, но горящая так ярко, что исчезала из поля зрения так же верно, как солнце прогоняет звезды с неба.

Голова все еще болела после восстановления звезды, но она попыталась сосредоточиться на следовании за нитями, которые вели через врата. Они создавали истинную связь с показанной сценой — не просто наблюдение за движущимся изображением и глубже, чем прикосновение. Внезапно она полностью осознала это далекое место, холод льда, боль девушки, ее горе и отсутствие каких-либо других эмоций или каких-либо других мыслей. Только одно сердце все еще билось там. Подруга, которую девушка баюкала, была мертва и остывала, две другие уже замерзли в том месте, в той части льда,

которая в конечном итоге поглотит их и удержит до конца дней.

Ты меня слышишь? Яз попыталась заставить свой голос двигаться по связующей их нити. — Ты меня слышишь? — Она произнесла эти слова вслух.

— Ее зовут Малиайя, — сказал Стержень-корень, явно смирившийся с перспективой того, что на месте его дома возникнет огромный кратер, даже бóльший, чем образовала бы падающая звезда. — Это может помочь привлечь ее внимание.

Малиайя? Ты меня слышишь? Яз попробовала другой, менее используемый мускул в своем сознании и послала свою мысль дрожащими нитями, которые связывали ее с девушкой.

Малиайя напряглась.

— Нина? — Одна рука крепче сжала мертвую девушку, пока она пыталась сдвинуть ее с места; другая рука бесполезно висела. — Нина? *Сиа маслета! Че конко туа меа флеа!*

— Нина? О Предок! Я думала, ты меня бросила! — Слова, произнесенные без интонации, голосом Стержень-корня, прозвучали как раз в тот момент, когда Яз поняла, что девушка говорит не так, как говорят племена. Мысль о том, что кто-то может быть настолько чужим, чтобы не использовать те же слова, что и она, никогда не приходила в голову Яз. Она никогда раньше не слышала ни о чем подобном, за исключением Зокса. Казалось чудом, что Стержень-корень мог понять девушку и заменить ее слова правильными. Но Яз напомнила себе, что Турин может летать, и сосредоточилась.

Малиайя, ты меня слышишь?

— Я слышу тебя, Нина. — Голос Стержень-корня сменил голос девушки, когда она склонилась над трупом подруги, изучая ее неподвижное, белое как кость лицо. — Я не понимаю... Мы теперь мертвы? — Слезы застыли, прежде чем они успели пролиться.

Яз понимала замешательство девушки. Холод проник в ее мысли. Конец слишком близок. *Я не Нина, передала Яз. Но я хочу помочь тебе. Но я смогу это сделать только в том случае, если ты тоже поможешь мне, Малиайя.*

Малиайя огляделась, пытаясь потуже натянуть капюшон, чтобы защититься от порывов ветра и острого льда, который он нес.

— Я тебя не вижу.

Я вижу тебя, Малиайя. Я в другом месте. В безопасном месте. Мне нужно, чтобы ты помогла мне открыть Путь между нами. Ты понимаешь, когда я говорю Путь? Яз спросила себя, должна ли она назвать это Путем или рекой, которая течет через все вещи, и только начала задаваться вопросом, как девушка понимает какие-либо слова, когда поняла, что не навязывала ей ни одно из описаний, а вместо этого послала образ и идею. Каким-то образом это средство коммуникации обходило необходимость в словах любого типа.

Малиайя?

Внезапно Путь ярко вспыхнул перед Яз, бесконечность извивающихся морских змей, мечущихся в пространствах и углах за пределами воображения. Каким-то образом Малиайя, не согнутая холодом, встала на него и пошла, энергия потрескивала у ее ног, вспыхивала вокруг нее, затопляла ее. Путь пытался сбить ее с толку на каждом из своих бесконечных поворотов, множество из них вставало между каждым шагом, и все же с грацией танцовщицы и пугающей целеустремленностью девушка продолжала идти. Но долго она не протянет — никто не сможет; через несколько мгновений сила захлестнет ее, поглотит, разорвет на части, не оставив даже клочка дыма, который мог бы унести ветер.

Яз знала, что должна действовать. Путь был слишком далеко, чтобы она могла

дотронуться до него, но девушка казалась ближе. Яз потянулась к Пути, как делала это много раз до этого. На этот раз одна из ее протянутых рук встретилась с плотью. Пальцы сомкнулись вокруг ее пальцев. Ужасная сила Пути нахлынула на нее мгновением позже — она никогда не думала, что сила бывает такой большой. Яз закричала, желая только отпустить силу, но образ Майи горел в глазах, ослепленных блеском Пути, и Яз вцепилась в Малиайю, словно она держала Майю, словно на этот раз, если она только удержит ее, девушка освободится от эйдолона и пройдет сквозь стену невредимой. Ей казалось, что она превратилась в пепел и искореженную кость, как будто рука, которой она сжимала девушку, была почерневшим когтем. Ничто не могло пережить то, что наполняло их, и все же, даже когда сила разрывала Яз на части, она потянула. Малиайя выскочила из ворот, словно вынырнула из глубокого бассейна. Яз упала назад, вытаскивая ее, обе они горели светом и огнем, заставив остальных броситься врассыпную и заставив проекцию Стержень-корня исчезнуть — словно ветер разорвал туман.

Яз изо всех сил пыталась овладеть силой внутри себя, но это было выше ее сил. Она чувствовала, что сила сейчас вырвется из нее, неконтролируемая, и взрыв уничтожит все вокруг, на большом расстоянии. Белый жар этого затуманил ее разум, не оставив места ни страху, ни печали. Ей хотелось только одного — освободиться.

И вдруг огромное давление всей этой энергии... исчезло. Малиайя каким-то образом взяла ее под контроль и отправила обратно, через ворота. Сцена на дальней стороне исчезла, сменившись белым. В ней не осталось ничего, кроме белого. Плотный туман испарившегося льда скрывал кратер неизвестных размеров.

Малиайя стояла среди них, потрясающе реальная, первая новая личность из плоти и крови, которую Яз увидела за целую вечность. Она казалась ошеломленной, ее глаза ничего не видели, она нетвердо держалась на ногах. Эррис протянул руку, чтобы поддержать ее, но в одно мгновение она схватила его за руку и использовала свое тело, чтобы подрезать его и бросить в ворота, несмотря на вес. Она двигалась так же, как Эррис, когда тот сражался, но часть силы Пути должна была задержаться в ней, чтобы бросить его так. Она шагнула к Яз, все еще в боевой стойке, нахмутив брови. Куина вмешалась, двигаясь быстрее мысли, и Малиайя, отреагировав почти так же быстро, нанесла ей серию ударов, используя только здоровую руку. Куина увертывалась от них, одного за другим, но девушка выбила из-под нее ноги ударом своей ноги, которого Куина не ожидала. Яз и Турин сомкнулись вместе, чтобы защитить Куину и не навредить новоприбывшей, но, удивительно плавно извиваясь и нанося удары ногами, Малиайя уложила их обоих на землю.

Эррис вырос позади девушки, стоя на поверхности ворот. Она, казалось, не видела его и не проявляла никакого интереса к Яз или двум другим на полу, но он все равно осторожно приблизился.

— Нина? — Малиайя чуть не всхлипнула, дико озираясь по сторонам. — Где ты? — Она начала неуверенно поворачиваться, а затем без предупреждения рухнула бескостной кучей.

Яз встала на четвереньки, хватая ртом воздух. Девушка вогнала пятку в центр ее туловища и каким-то образом лишила ее воздуха. Казалось немыслимым, что Малиайя была так близка к смерти и в то же время так смертельно опасна. Но, протаскивая ее через ворота, Яз связал их так крепко, что они почти разделяли сердцебиение — она знала, что, несмотря на все произошедшее, незнакомка цеплялась за жизнь кончиками пальцев.

— Как... как она может так драться? — Турин медленно поднялся, потирая шею и

морщась.

— Она такая маленькая... — Куина, прихрамывая, подошла поближе. Яз подумала, что Малиайя не намного моложе Куины, возможно, четырнадцать, но она была ближе к росту Майи.

Яз опустилась на колени рядом с девушкой и начала снимать с нее перчатки. Как и ее длинное пальто, они были слишком тонкими, слишком непрочными. Они напомнили то, что носил Эррис в мирах памяти, где впервые гулял с ней.

Куина присела, чтобы помочь. Единственная — помимо Яз — член лед-племени в группе, она точно знала, что нужно делать. Они проверили конечности Малиайи. Ее очень темная кожа затрудняла определение причиненного ущерба, но все было плохо. Обе руки и обе ноги были сильно обморожены, но ее правая рука, та, которой она не пользовалась во время боя, определенно была самой худшей, пальцы были твердыми и неподвижными, кровь внутри превратилась в красный лед. Яз и Куина обменялись мрачными взглядами. Они держали ледяные пальцы между ладонями и вдыхали в них тепло, но обе знали, что уже слишком поздно.

Покидая пещеры Сломанных в поисках Яз, Турин не имел ни малейшего представления о том, что он найдет в землях наверху. За эти годы, пока он рос среди своего народа, он построил в своем сознании модель невидимого мира, построенную из кусочков, которыми его снабдила жизнь. Не в силах найти смысл в историях, которые каждые четыре года приводили их владельцев в Яму Пропавших, он построил небо слишком маленьким, ветер слишком мягким, лед слишком узким. Когда же он обнаружил в себе неожиданную силу полета и родился во второй раз, в реальности, которая выковала Яз, он обнаружил, как велика пропасть между его скудными фантазиями и яростным белым простором, на котором жила она.

С того дня, когда тьма выплюнула его на ветер, Турину довелось поучаствовать во многих приключениях, о которых он и не мечтал. Но сейчас, сидя на массивном черном стуле и слушая разговор двух мертвецов, он подумал, что, возможно, достиг вершины всей этой странности. Один из мертвецов родился до племен и их рассказов, так давно, что лед еще не пришел, чтобы похоронить город, а другой был так стар, что он считал первого всего лишь ребенком, а его тысячелетний опыт — мгновением ока. Один построил тело из металла, досок и других вещей, для которых у Турина не было названия, и сделал его так искусно, что без своей лед-работы Турин поверил бы, что оно настоящее. Другой носил тело света, которого не могли коснуться ни ветер, ни холод, ни клинок врага.

— Я прилетел с флотом марджалов, — говорил Стержень-корень. — Но я проделал долгий путь, прежде чем достиг их союза, и тогда тот был еще в зачаточном состоянии. Когда ты путешествуешь на такие расстояния с такой скоростью, время ползет, и Вселенная стареет гораздо быстрее, чем ты. — Он пожал плечами. — В конце концов у тебя кончаются звезды. — Он махнул рукой на черный купол над ними, и появились багровые небеса, разбрызганные по нему, словно это было ночное небо, а не непроницаемый ярд темноты, не пропускающий эйдолона и любых других приспешников Сеуса, которые могли бы уничтожить их. — С другой стороны, если ты остаешься на месте, у тебя кончаются миры.

— Но ты такой же, как я, — настаивал Эррис. — Человек, втянутый в машину и реализованный внутри нее в другой форме?

Красноречивые руки Стержень-корня изобразили «может быть», прежде чем он произнес свой ответ:

— Есть разница. Я — эхо. Я существовал в то же время, когда жил и дышал Элиас Стержень-корень. Сеть создала меня как копию, основанную на наблюдениях. *Многих* наблюдениях. Но все же это внешний процесс. Вполне возможно, что «настоящий» Стержень-корень все еще живет и дышит. У него было не слишком много количество лет, но механика вселенной означает, что, если у тебя есть достаточно быстрый корабль, ты можешь потратить эти годы так, как захочешь. Все сразу в течение целого столетия или, может быть, минуту в тысячелетие, чтобы можно провести свое старческое слабоумие здесь, с нами, лицом к лицу с галактикой умирающих звезд.

Ты, молодой человек, продукт другой технологии. Ты не был создан как копия оригинала в процессе наблюдения — ты был создан как замена путем анализа, клетка за клеткой, несчастного, упавшего в Весту. Это делает тебя копией или трансформацией?

Вопрос к философам.

Возвращение в физический мир было смелым шагом. Технология для этого очень редка, даже среди городов Пропавших. Я не верил, что кто-то из подобных созданий выжил. Но мой вид обычно отказывается от любых таких экспериментов. Либо процесс создает копию — что опасно, потому что... ну, хочешь ли ты, чтобы в мире существовал кто-то, кто знает все, что ты делаешь, и разделяет все твои амбиции, включая стремление быть единственной, истинной версией себя? И это требует, чтобы тебя полностью перенесли в физическое пространство, что так ограничивает! И, что более важно, очень опасно. Мне никогда не было ясно, только ли трусы живут так долго, как я, или такая долгая жизнь делает всех трусами. Но так оно и есть: Элиас Стержень-корень — не тот человек, который подвергает себя опасности, если может найти кого-то другого для выполнения какой-то работы. К сожалению, в данном случае мне действительно нужно сделать эту работу самому. Мне нужно помешать Сеусу получить контроль над Луной и обрушить ее на Абет. Вот почему мне нужно, чтобы Яз отвела меня в Коридор и открыла для меня ковчег.

Турин задал бы один из тысячи новых вопросов, но до них донесся голос Яз:

— Она просыпается.

Турин встал из гладких объятий черного кресла, которое Стержень-корень создал из материала купола. Рядом Стержень-корень соорудил черную кровать с высокими столбиками в каждом углу. В тепле купола меха были не нужны, и Малиайя лежала под кучей одежды, снятой с Куины и Яз, прижавшись к ее бокам. Судя по всему, быстрое повышение температуры тела любого человека, в которого действительно проник холод, было жизненно важно, если тот хотел выжить. Турин не помнил, был ли он начинкой в сэндвиче Куина-Майя, но он не помнил большую часть времени после того, как упал на лед, и в любом случае Малиайя была в гораздо худшем состоянии, чем он. Эррис сказала, что она потеряет, по крайней мере, правую руку, и, если она выживет, руку придется отрезать. Если рука сгниет на ней, это отравит ее кровь.

Девушка что-то бормотала во сне, время от времени дергая ногами. Турин поймал себя на том, что потирает ноющую шею, вспоминая, как сильно она его ударила. Стержень-корень сказал, что она с раннего возраста обучалась искусству рукопашного боя. Очевидно, это не было редкостью в зеленых землях. Факт, который заставил Турина задуматься, не было ли ослепление Эулара также не редкостью в зеленых землях, и не было ли его последующее создание армии более безопасным способом приблизиться к этому «Коридору», который, по словам Стержень-корня, опоясывал Абета зеленым.

Без предупреждения девушка резко выпрямилась, сбрасывая меха и оставшись голой. Она бормотала бессмысленные слова.

— Что она говорит? — спросил Турин, отступая на пару шагов и держа наготове лед-работу на случай нападения Малиайи. Девушка была худой, слишком худой для льда, но крепкой.

Турин задал свой вопрос, ожидая, что Стержень-корень переведет ее слова, но ответила Яз:

— Она хочет знать, где она и где ее подруги. Особенно Нина. Я думаю, она уже смирилась с тем, что две другие мертвы.

Малиайя резко повернулась и уставилась на Яз, сидевшую рядом с ней, такую голую, какой Турин никогда ее не видел — только в шкурах крот-рыбы. Она пробормотала что-то еще, короткий поток вымышленных слов.

— Теперь она спрашивает, почему я повторяю все, что она говорит, — сказала Яз.

— Значит, ты нас понимаешь? — спросила Куина с другой стороны.

Малиайя повернулась лицом к Куине, склонив голову набок:

— *Китима йото хурин?*

— Она спрашивает, говоришь ли ты на одном из языков лед-племен, — перевела Яз.

— Ты хочешь сказать, что она может понять тебя, но не понимает нас? — спросил

Турин, совершенно сбитый с толку. — И как ты можешь ее понимать?

Яз озадаченно покачала головой:

— Мне кажется, что, вытаскивая ее через ворота, я создала между нами какую-то нить-связь. Ни один из нас не понимает звуков, издаваемых другим, но каким-то образом наша связь позволяет нам слышать мысли, стоящие за словами.

— Ты можешь читать ее мысли? — спросил Эррис.

Яз снова нахмурилась, возможно, беспокоясь, что Малиайя сможет прочесть ее ответ.

Затем улыбнулась:

— Нет. Ну... Только когда она говорит.

— *Нина туэйл?* — Суровое лицо Малиайи вытянулось, как будто она только сейчас поняла смысл сказанного Яз.

— Мне жаль. — Яз положила руку на плечо Малиайи, знак сочувствия Икта. Она отвернулась от убитой горем девушки. — Нам нужно что-то сделать с ее рукой. У тебя здесь есть лекарства, Стержень-корень? Что-нибудь из вещей Пропавших, что могло бы ей помочь?

— Только то, что ты видишь. — Стержень-корень растопырил пальцы. — Ничего органического не сохранилось.

— И в городе ничего нет? — спросила Яз.

Стержень-корень нахмурился. На мгновение на его лице промелькнул страх.

— Мы с городом Аидис больше не ладим. Годы не были добры к нему, и его разум блуждает... темными путями. Я собрал врата и поднял их в этот купол давным-давно.

— Значит, мы сможем выйти из купола в город? — настойчиво спросила Яз.

— Ха! Я перенес сюда этот купол. Я растопил лед прямо над городом и позволил куполу подниматься на ярд за раз. В конце концов, этот купол — гигантский воздушный пузырь. Лед под ним снова замерз. Этот процесс занял несколько жизней. Это был, пожалуй, самый медленный побег в истории.

— Значит, *ты* не можешь выйти? — спросил Турин. Эта мысль беспокоила его. Они вошли в купол, не имея ничего, кроме шкур на спинах. Все, что у них было — то немного, что у них было, — находилось в саях. Самое главное, что в саях находилась еда.

Стержень-корень посмотрел на него, как на идиота.

— Конечно, я могу выйти. У меня есть все эти ворота! Я просто не собираюсь этого делать. И город — единственное место, куда я могу пойти, не имея ничего, что могло бы меня нести. Пока я не получу этого, я останусь в ловушке здесь, в этом куполе. Мне нужно что-то, что может перенести меня на юг. Кроме того, в Аидисе хранятся несколько предметов, в которых меня можно будет нести. И, оказавшись в одном из них, я не смогу двигаться. Вот почему вам нужно будет спуститься туда и забрать один для меня. Если, конечно, — Стержень-корень повернулся к Эррису, — ты не хочешь пожертвовать для этого свое тело?

— У нас есть пес, — предложила Яз. — Я имею в виду... как это называется?

— Устройство технического обслуживания, — подсказал Эррис.

— Недостаточно места для хранения. — Стержень-корень покачал головой.

— Ты даже не видел его! — крикнула Куина, которая все еще рассматривала пальцы ног Малиайи. — Он довольно большой.

Стержень-корень вздохнул и махнул рукой в сторону ближайшего шпиля. Появилось изображение Зокса, показывающее, как он бродит по периметру купола, время от времени обнюхивая стену. Эйдолона нигде не было видно.

— Мои сканеры указывают на заражения контура.

Турин моргнул — слова ничего для него не значили, — но Эррис выглядел обеспокоенным:

— Его захватили духи эйдолона?

— Не знаю, — ответил Стержень-корень. — Но я действительно знаю, — и не хвастаюсь, — что в простом маленьком мозгу этого устройства осталось недостаточно места, чтобы удержать меня. В нише одного из залов собраний на семнадцатом уровне подземного города есть белый ящик. Он послужит мне для транспортировки. У меня есть ворота, которые соединяются с другими воротами на девятом уровне.

— Что касается ребенка, ну, вы можете видеть, какие проблемы вызвало ее спасение. Она безболезненно ушла бы со своими друзьями, а теперь она здесь, среди незнакомцев, и придется резать ей руку без анестезии. — Он вздохнул. — Лучший способ сделать хирургический разрез без риска заражения — путешествие через ворота. Я могу устроить так, чтобы рука прибыла в другое место назначения. — Рот его скривился от отвращения. — Я оставляю вам немного кожи, чтобы зашить...

— У нас нет иглоков. Ничего, что могло бы запечатать обрубков. Она истечет кровью до смерти, — сказал Эррис.

— Что медленнее и болезненнее, чем смерть, которую вы у нее отняли, — огрызнулся Стержень-корень. — Хотя все же гораздо быстрее и менее болезненно, чем та смерть, от которой она умрет, если ничего не предпринять!

— У меня есть игла, — сказала Яз. — И я могу заставить звезду нагреться.

— *Че кэшка? Мена хоттан гол?* — спросила Малиайя у Яз, начиная подозревать.

— Мы говорим не о тебе, — солгала Яз. У нее это плохо получалось. Она сменила тему, возможно, чтобы успокоить девушку: — Тебе что-то нужно от меня, Стержень-корень. Мне кое-что нужно от тебя.

— Дело не в моих эгоистичных желаниях. Я здесь не торгую лошадьми! — Стержень-корень надулся от негодования. — Мне нужно от тебя кое-что для спасения Абета!

— А мне нужно знать о Пропавших. Может быть, ты знаешь о них больше, чем другой Стержень-корень. Тебе, кажется, нужны мои таланты, мое наследие. Тогда расскажи мне о моих предках.

Стержень-корень бросил на нее задумчивый взгляд, словно впервые увидел ее как следует:

— Пропавшие — это мы, пятое племя. Другая порода, выросшая отдельно за долгие годы, но из тех же семян. Самые старые из них, как и я, прибыли с Земли. Трудно сказать, ушли ли они до или после нас, четырех племен, но и мы плыли по морям пространства и времени, хотя они прибыли сюда на зоны раньше.

Мы привезли много людей из плоти и крови и немного древних, таких как я. В отличие от нас Пропавшие привезли мало людей и много древних. В течение многих поколений их

новорожденные были реинкарнациями тех, кого они помнили в своих банках данных. Именно от этих реинкарнаций произошли их навыки и достижения. Но некоторые, в тайне, похоже, размножались в более традиционном стиле и оставляли свою кровь на северном льду еще долго после того, как города опустели во время великого исхода. Судя по тому, что мне удалось собрать, Пропавшие были, за редким исключением, одержимы очищением, «восхождением» к более высокому состоянию.

— А черный лед? — спросила Яз.

— Это моральное загрязнение древней цивилизации. Древнейшее из наших зол перенесенное сюда через огромное пространство и неисчислимое время. У меня есть подозрения насчет того, кто называет себя Теусом. Если я прав, он опаснее, чем ты можешь себе представить, — обоюдоострый меч, обе половины которого женаты друг на друге. Только с плохим... ну, скажем так, хорошо, что вы избавились от него. — Изображение Стержень-корня содрогнулось. — А теперь приготовьтесь. Подземный город здесь совсем не похож на Весту.

— Надеюсь, что нет, — сказала Яз. — Я не хочу больше встречаться с охотниками.

— Я бы не стал беспокоиться о них. — Стержень-корень покачал головой. — Аидис может предложить нечто гораздо худшее.

— Мы действительно хотим это сделать? — спросил Эррис, когда они стояли у ворот, которые, по словам Стержень-корня, должны были доставить их в город Аидис. Город лежал в милях под ними, подо льдом, и ждал. Ворота были похожи на лужу черной жидкости. Стержень-корень заверил их, что там, где в городе находятся соответствующие ворота, просто темно.

— А какой у нас выбор? — спросила Куина голосом, который звучал так, как будто она действительно надеялась, что он есть.

— Мы просто придерживаемся старого плана — направляемся на юг на наших собственных условиях и сами видим этот Коридор, — сказал Эррис. — Я покажу тебе деревья, Куина. Они тебе понравятся.

— Ты продержишься так долго, Эррис? — Яз стояла рядом с Малиайей; девушка прижимала к груди обмороженную руку, на лбу у нее появились морщины от боли. Яз выглядела встревоженной и бледной, как будто ей тоже было больно. — Мы еще не прошли и половины пути, а твоя сила уже однажды иссякла.

— Как и ваша еда, — сказал Эррис. — В будущем Зокс и я будем лучше управлять нашими ресурсами. И, может быть, мы найдем другой город, чтобы подзарядиться. Тебе нужно будет найти другое море, прежде чем мы закончим. Это азартная игра, для всех нас. Но у нас будет больше шансов, если твари Сеуса не будут охотиться на нас на каждом шагу.

Турин оглянулся на Стержень-корня, светящегося на фоне черной башни в пятидесяти ярдах от них, через площадь. Тот факт, что Стержень-корень не собирался идти с ними в город, не внушал особого доверия. Турин понял, к чему клонит Эррис. Он полюбил этого человека и понял, что им движет желание помочь. В какой-то момент он подумал, что Эррис беспокоится только о Яз и что защита остальных была неизбежным побочным эффектом, но это подозрение исчезло. Эррис был просто человеком, попавшим в самые необычные обстоятельства и пытающимся пробыть в этом мире, как это делают все. Тем не менее, в этом вопросе они расходились во мнениях.

— Сеус все равно будет на нас охотиться. Что бы мы ни решили сделать, он будет

бояться, что мы делаем это ради Стержень-корня. И, если это так, Стержень-корень вполне может нам помочь. И он, безусловно, может помочь нам найти моря и города.

— Малиайя тоже нуждается в этом, — сказала Яз, как будто это решило спор, и быстро опустила свою звезду с того места, где та висела высоко над ними. Звезда нырнула в омут тьмы так быстро, что ее аура почти не изменилась. Таким же образом Турин отпер врата в Черной Скале. В этом случае он надеялся на лучшие результаты.

Мгновенно озеро очистилось, и они увидели звезду, висящую в воздухе перед воротами внизу, освещающая пыльную комнату, идентичную многим из тех, в которых Турин охотился с мусорщиками Сломанных в Весте.

Малиайя бросила на Яз острый взгляд и задала какой-то вопрос.

— Это поможет тебе поправиться, — ответила Яз.

В комнате за воротами звезда теперь горела другим оттенком, воздух над ней мерцал от жара. Турин вздрогнул. Сломанные знали об исцелении больше, чем лед-племена, но это никогда не было специальностью Турина. Эррис, вероятно, знал больше, чем все они, но у него так давно не было тела из плоти и крови, что Турину спросил себя, как много он помнит об их грязной реальности. В тот момент, когда они войдут в ворота, Малиайя потеряет руку, и все остальные должны будут сохранить ей жизнь. Эррис взял иголку и нитку из шкур Яз. Несколько минут назад он подержал нить близко к звезде, говоря о необходимости убивать крошечных существ, которые вызывают инфекцию. Турину было интересно, имел ли он в виду духов, подобных тем, что были в порче. Конечно, звезда могла прогнать их.

— Давай это сделаем! — Голос Куины звучал нервно, и, несмотря на свою настойчивость, она не двинулась вперед.

Эррис вздохнул и шагнул вперед, упав в ворота. Во внезапном, дезориентирующем изменении перспективы ворота представили изображение его спины, когда он выходил из вертикального двойника в городе. Казалось, он стоял на вертикальной стене и смотрел на них. Он протянул руку и взял звезду в обернутую шкурами ладонь. Шкуры тут же задымили.

— Давай! — Яз схватила Малиайю за руку и попыталась потащить вперед.

Словно почувствовав их общий страх, Малиайя покачала головой и отстранилась. Турин, уже испытывавший брезгливость по поводу всего этого, вздохнул еще глубже, чем Эррис, и потянулся со своей лед-работой. Девушка уже показала, насколько опасной она может быть. Яз и Куина попытались протащить Малиайю через ворота, но он схватил ее за руку и швырнул вперед. Она издала отчаянный вопль, и ворота забрали ее.

Яз и Куина прыгнули вслед за Малиайей. Турин, которому не нравилась ожидавшая его сцена, бросил на Стержень-корня последний взгляд и с удивлением увидел, что тот пытается вцепиться в башню, явно напуганный и кричащий, но не издающий ни звука, когда черная поверхность поглотила его. Мгновение спустя он исчез. Турин повернулся к вратам и обнаружил, что они вернулись в свою первоначальную темноту, напоминая не что иное, как маслянистую лужу.

— О, черт возьми... — И, не давая себе времени передумать, Турин прыгнул во врата.

Крик. Он ожидал крика, но этот не был похож на крик ребенка. Он тоже ожидал темноты, но эта темнота казалась другой. Она казалась... больше... чем любая тьма, которую Турин испытал за всю свою жизнь, проведенную в пещерах Сломанных и

подземном городе Пропавших.

Турин слепо потянулся своим шестым чувством, нащупывая остальных. Он ничего не нашел. Даже себя.

— Яз? — крикнул он. — Яз?

Крики перешли в прерывистое хныканье, и где-то вдалеке свет, который был шепотом, превратился в зев солнца, пробивающегося через горизонт. Не то солнце, которое Турин впервые увидел менее двух месяцев назад, а более маленькое, более белое и более горячее солнце, которое окрасило восточную тьму в жемчужный цвет и послало розовые пальцы по небу.

— Яз! — Она лежала рядом на каменистом склоне, свернувшись калачиком и всхлипывая. Крик принадлежал ей.

Турин добрался до нее в шесть шагов.

— Яз? Что случилось? — Его чувство воды подсказывало ему, что ее там нет, но его руки говорили об обратном.

— Малиайя, — выдохнула Яз. Она подняла на него заплаканное лицо. — Я тоже это почувствовала. — Одна рука сжимала запястье другой.

— Вы выковали связь. — Стержень-корень направился к ним по светлеющему горному склону. — Вы разделите больше, чем просто боль, если не научитесь лучше контролировать ее. — Он больше не был сотворен из света, но был там, во плоти, мягкий ветер трепал развевающиеся каштановые волосы, его темные глаза метались туда-сюда, такие же беспокойные, как и все остальное в нем. На рассвете он выглядел старше, более пожеванным годами, лет на пятьдесят, или, может быть, на шестьдесят.

— Где мы? — Турин помог Яз подняться на ноги, затем взглянул на Стержень-корня. — И почему ты тоже здесь?

— Нас вызвали. — Стержень-корень поморщился.

— Вызвали? — У Турина было дурное предчувствие. — Кто нас вызвал?

— Сеус.

— Значит... мы мертвы? — спросила Яз.

— Не обязательно, — сказал Стержень-корень. — Но... да, весьма вероятно.

— Как он нас вызвал? Ты не смог его остановить? — Турину хотелось бежать, но без направления это казалось бессмысленным.

— Сеус управляет небесами и тем, что Пропавшие там оставили. К сожалению, это распространяется на врата и пути между ними. Надо быть очень осторожным, когда используешь их, иначе можешь попасть в его лапы. Я думал, что поступил тонко, но, очевидно, ошибся. Боюсь сказать, но я, возможно, фатально ошибся. Это, — он махнул рукой на склон горы и высоты над ними, — место, где встречаются разумы городов. Нейтральная территория, которая регулируется собственными правилами. Сеус здесь все еще король, но разумы других городов иногда расходятся во мнениях; они могут действовать против него, если почувствуют, что он слишком злоупотребляет своей властью. Очень редко ему удается заставить их всех встать на его сторону. Но, скорее всего, ему помогли доставить нас сюда.

— Где наши друзья? — Яз повернулась, осматривая склоны.

— Остались позади. — Стержень-корень отмахнулся от вопроса, рассеянно махнув рукой.

— Где позади?

— В городе. Куда ушла твоя звезда.

— Тогда почему только мы? Почему ты? — спросила Яз.

— Это здания? — Турин прикрыл глаза рукой. Вершина горы вырисовывалась далеко над ними, теперь окрашенная восходящим солнцем в золотисто-красный цвет, и на самой вершине, казалось, находился сверкающий город. — Что это за место? Оно настоящее?

Стержень-корень печально покачал головой

— Это место построено по образцу древней веры, одной из старейших, которые когда-либо взращивал наш вид, и, при всей своей дряхлости, разумы городов считают себя богами этой веры. Это их собственная версия восхождения Пропавших. Пропавшие переместились дальше — предположительно, на более высокий уровень. Разумы городов попытались скопировать их. Это, — Стержень-корень повернулся лицом к горной вершине и развел руками, — их Олимп. Их собственный золотой город, имитирующий то место, куда, как они воображают, ушли Пропавшие. Разумы городов даже извратили свои имена, чтобы приблизить их к именам богов. Возможно, это облегчает их совесть — они считают себя богами и поэтому, дескать, имеют право уничтожить нас.

С этими словами он отвернулся от них и начал подниматься в гору.

— Подожди! — Турин закричал и бросился в погоню. — А мы не можем... убежать? Мы, что, просто сдадимся и позволим ему нас убить?

— В этом месте действуют законы. — Стержень-корень продолжал идти. — Они предлагают некоторую защиту, но они же нас ограничивают. Был вызов, и мы должны ответить на него.

Гора, независимо от того, была ли она построена из снов или лжи, казалась достаточно реальной и лезть на нее было довольно утомительно. Пояс облаков окружал склоны под ними, и, направившись вниз, они попали бы в слепой туман неизвестной глубины.

Турин споткнулся и задел коленом камень. От боли на глаза навернулись слезы, но вода-чувство подсказало ему, что все это было не по-настоящему. Яз стойчески шла за ним, все еще сжимая свое запястье.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил ее Турин.

— Как будто мне отрубили руку, обрубок обожгли горячей звездой, а рану грубо зашили.

На это у Турина не нашлось ответа. Их путешествие на Олимп было редким временем вдали от Эрриса, который был их постоянным спутником со времен Черной Скалы. Это было практически уединение, если не обращать внимания на Стержень-корня, который, казалось, погрузился в собственные мысли. И все же все слова, которые давили на губы Турина в течение стольких долгих, тяжелых недель, теперь высохли у него на языке. Сейчас не время. На фоне боли Яз его потребность — рассказать ей о своих чувствах — казалась эгоистичной и поверхностной. Поэтому он ничего не сказал.

Это была даже не боль Яз. Она принадлежала девушке. Турин старался не обижаться на Малиайю, но она словно аккуратно ступила в дыру, которую оставила Майя. Майя заслужила больше времени. Больше времени жизни, а теперь, когда она умерла, больше времени для скорби.

Над ними вырисовывались золотые дворцы и серебряные залы ложных богов, медленно приближаясь по мере подъема. Город не предлагал больше подробностей, несмотря на сужающееся расстояние. Скорее, он оставался изменчивым великолепием, мечтой о богатстве и власти, которая отказывалась быть привязанной к деталям. Этот Олимп, как и намекал Стержень-корень, был скорее идеей, чем местом.

— Мы изнуряем себя, пытаюсь добраться до этого города городов, только для того, чтобы Сеус мог наступить на нас? — спросил Турин. — Мы могли бы подождать там, где стояли, и позволить ему прийти, если бы он хотел нас убить.

— Или, — сказала Яз, немного придя в себя, — они могли просто вызвать нас туда, куда хотели.

— Должно быть путешествие, мои дорогие. — Стержень-корень не оглянулся. — Всегда немного театра. Каждый осужденный проходит свой долгий путь к месту казни. Или в данном случае: к дворцу казни.

Теперь впереди маячила огромная сторожка у ворот этого города богов, ее серебряные стены тянулись по обе стороны, как крылья, поднимаясь по склонам ущелья, в котором она находилась.

Турин некоторое время взбирался наверх, встревоженный. Что-то не сходилось:

— Если Сеус может вызвать тебя вот так и просто уничтожить... почему он не сделал этого много лет назад? Почему не заставил другие города последовать его примеру? Но он этого не сделал, а потом мы появляемся, вдруг оказываемся здесь и тащимся на какую-то волшебную гору, чтобы нас убили.

— Ему нужно было, чтобы мы сначала воспользовались воротами, — сказал Стержень-корень.

— Но Яз использовала ворота, чтобы вытащить Малиайю со льда, — возразил Турин.

— Ах, да. — Стержень-корень остановился и посмотрел на огромные двери перед ними. Он казался несколько смущенным. — Все не так просто.

— Я никуда не тороплюсь. — Турин остановился и скрестил руки на груди.

— Ладно. — Стержень-корень повернулся и посмотрел на залитый солнцем облачный пейзаж, из которого вынырнула гора. — Ну, та часть меня, которую Яз встретила в Весте, послала тебя сюда не только для того, чтобы доставить меня на ковчег. Хотя он действительно хотел, чтобы я удержал Сеуса от проникновения в ковчег и не дал луне упасть. Он также хотел, чтобы вы спасли меня от Айдиса. Это... тюрьма. Они построили ее по образцу подземного мира. И как только ты туда попадешь, ты больше не должен выходить. Разумы городов не во многом согласны между собой, но в этом они сходятся. Как только вы вошли в их ад, вы стали представлять особый интерес для Айдиса, и он, без сомнения, придал свою силу этому вызову.

— Ты отправил нас в ад? — Турин ахнул. Он сделал шаг назад и споткнулся о камень, едва не начав кувыркаться, что привело бы к тому, что он рухнул бы вниз по склону.

— Это там, где Эррис и Куина? — крикнула Яз. — В аду? Без нас?

— У них есть девушка...

— С одноруким ребенком! — Яз двинулась на него, сжав кулаки.

— Она довольно грозная...

— Я покажу тебе грозную! — взревела Яз. Она потянулась к съезжившемуся Стержень-корню, но тут звук рога потряс склон горы, и огромные серебряные двери начали тяжело распахиваться. Вход зиял перед ними, открываясь на широкую улицу, ее окрестности были плохо очерчены, меняясь вместе с остальной частью города, отказываясь останавливаться на чем-то одном, но вместо этого предлагая колеблющееся видение больших площадей и огромных башен. В дальнем конце виднелось единственное неподвижное сооружение: внушительный зал с портиком, опирающимся на огромные каменные колонны.

Яз развела пальцы, отпустив воротник белого пальто Стержень-корня, и вошла внутрь. Она ничего не сказала, но Турин практически слышал ее мысленное бормотание и проклятия.

Турин последовал за ней, как он следовал за ней от ямы, как так долго следовал за ней по льду. Для Турина красота Яз всегда была связана с ее силой. Когда она злилась, она могла быть откровенно пугающей, но при этом каким-то образом прелестной. Несмотря на то, что изменения лишили ее большей части твердой силы Икта, она сохранила сильные углы своего лица, бледные на белом глаза, которые в один момент могли излучать нечеловеческую настойчивость, в следующий — упрямую решимость, а в следующий за ним наполниться состраданием.

Впереди, в массивном зале со множеством колонн, их, скорее всего, ждала смерть, и Турин позволил себе задуматься о том, что могло бы быть. Он и Яз могли быть... чем-то большим, чем они были. Он хотел этого. Он хотел побыть наедине с Яз. Пришло время сказать то, что он не мог сказать, сжавшись в ледяной хижине с никогда не спящим Эррисом и другими, прижавшимися к нему.

Подобно звездам, которыми Яз правила, как королева, она была красива, очаровательна,

но в то же время бросала вызов. Ее аура не разрушала его разум, как у звезды, но, казалось, всегда отвлекала его. Она была так сосредоточена на их цели, так привязана к их выживанию, всегда смотрела так далеко вперед, что было трудно представить ее в настоящем, в том месте, где она была ему нужна.

Он подумал и о Куине, оставшейся наедине с Эррисом и этой новой девушкой в темном аду, куда их отправил Стержень-корень. Он надеялся увидеть ее снова. Как и Яз, которую сформировали таланты, быстрота Куины привела к притяжению, которое он испытывал к ней. В одно мгновение нежная, в следующее — быстрая, как удар нож, девушка с острыми чертами лица и озорным умом в глазах. Она была молода, но жаждала учиться, и в последнее время ее быстрые взгляды, казалось, все чаще и чаще находили его.

Город возвышался вокруг них, взбирался на вершину, его особняки были ослепительными и многообразными. Место встречи богов. Сегодня он приветствовал Турина из Сломанных, Яз из Икта и призрак человека, который не только был старше льда, но, возможно, родился раньше, чем на Абете появился первый человек. Все трое прошли по улице к огромным золотым дверям зала, возвышавшегося в дальнем конце. Стоя перед ними, глядя на них, Турин какое-то долгое мгновение думал, что, возможно, они не откроются, но затем, неизбежно, двойные створки широко распахнулись. В конце зала в большом очаге тлел огонь. Его свет не достигал стен, и издали его ложе из светящихся углей больше походило на последнюю алую звезду на кладбище неба. Перед камином стояли три пустых трона, их тени тянулись ко входу.

Турин и Яз стояли за плечами Стержень-корня в дверях, ни один из них не был готов войти в зал. Если бы Майя была здесь, подумал Турин, она сказала бы им, что тени не были ни пустыми, ни естественными.

— Наши отцы были Титанами! — Голос прокатился по залу, как гром, заставив Турина вздрогнуть. — А теперь они ушли, забрав даже наши воспоминания о них. Что они оставили нам? Один священный запрет! Один закон старше, чем этот новый век человека. НИКТО НЕ МОЖЕТ ПОСЛЕДОВАТЬ ЗА НАМИ!

— Никто не может последовать! — Темнота запульсировала от множества голосов.

— Никто не может последовать! — Тени свернулись на центральном троне, сгустились, принимая форму. — И это, братья и сестры, наш долг. Наше знание. Мы охраняем их врата. Но Стержень-корень и ему подобные пришли с ключами.

На троне справа собралось больше теней, и там тоже образовалась фигура. Как и другая, она стала массивным, задумчивым существом, вдвое выше любого геранта, с черной плотью, дымящимся темнотой. Но там, где первое ревело и искрило молниями, как неистовая грозная туча, это пульсировало ужасным холодом, и мороз распространялся перед ним. Белые глаза открылись в пустоте лица, и Турин вздрогнул, как будто снова оказался на льду.

— На главном троне восседает Сеус, — прошептал Стержень-корень. — Другие разумы городов наблюдают за этим. Рядом с ним — Аидис, часть правящего триумvirата. Сеус командует ими, но его власть не абсолютна.

— Эти трое должны умереть! — взревел Сеус. — Потому что Стержень-корень бросает вызов нам, бросает вызов мне! Он стремится перековать ключи, которые позволят его роду последовать за нашими создателями в Елисейские поля. Пока луна прожигает себе путь вокруг пояса Абета, у захватчиков остается пространство, чтобы вернуть то, что мы у них отняли, и Стержень-корень строит козни, чтобы помешать мне сорвать луну с неба. — Сеус поднялся со своего трона, гроза в человеческом обличье. Он шагнул вперед, и зал

содрогнулся. Глаза, сверкающие бело-голубыми молниями, скользнули по теням, словно ища там вызова: — Порча Стержень-корня должна быть искоренена, как лист, так и ствол. Нельзя оставлять ее гноиться в тех, кого он заразил своими идеями. Сначала я уничтожу этих троих, а потом разберусь с...

— Нет. — Аидис не встал, но его единственное слово упало, как надгробный камень, и после него воцарилась тишина.

Турин, который своим огонь-талантом тянулся к огню очага, готовый дать последний бой, теперь стоял, уставившись на темного бога, который осмелился противоречить Сеусу.

— Ты забыл, как мы разделили мир, брат? — Тени сочились по коже Аидиса. — Наш отсутствующий брат взял море, а ты — небо. Эти трое принадлежат подземному миру. Тела двоих лежат в моих владениях. — Два темных пальца на одной протянутой руке указывали на Турина и Яз. — Они прошли через мои врата, прежде чем ты забрал их разумы. И Стержень-корень уже давно принадлежит мне. Все их смерти — мои. Их вечные страдания — мои.

Турин вздрогнул. Когда Аидис указал на него, ледяная игла пронзила его сердце. Он потянулся к Яз за поддержкой и обнаружил, что она тянется к нему.

— Ты можешь уничтожить их тела. — Сеус шагнул к ним, темнота охватила его со всех сторон, затмевая сияние очага, его черные пальцы помнили чудовищную форму, которую он впервые показал Яз. — Но сначала я уничтожу их разумы.

— Нет. — Позади него Аидис вскочил на ноги с бессловесным рычанием, более пугающим, чем у любого хулы.

Сеус медленно повернулся:

— Ты смеешь бросать мне вызов?

С силой, которая потрясла мир, один самозванный бог врезался в другого. Стены задрожали и рухнули, потолок свалился вниз, ночь поглотила все.

Когда кинжал-рыба схватила Азада и утащила его в море, Яз держала брата так долго, как только могла. Чудовище утянуло вниз лодку, и море сомкнулось над ее головой. Свет померк, и давление нарастало, пока не остались только темнота, боль, давление и ее хватка на запястьях Азада. Она не помнила, как отпустила его, и всегда была благодарна за это. Не было света, чтобы показать его последнее прощание. Не было ни боли, ни печали, только далекая поверхность, невероятно высоко над ней, и солнечный свет, который становился зеленым, просачиваясь сквозь волны.

Яз стала медленно подниматься. Она думала, что будет продолжать подниматься, когда вырвется на поверхность, думала, что она мертва и ее дух продолжит плавно взлетать в небо. Холодные ветра будут нести ее целую вечность, и ей больше никогда не понадобится наполнять легкие. Она будет наблюдать, не осуждая и не заботясь, как часть бесконечного дыхания мира.

Но поверхность появилась и там были руки, которые приняли ее.

— Она просыпается!

— Слава Предку!

Яз закашлялась и открыла глаза. Эррис и Малиайя склонились над ней, их лица было трудно разглядеть, за ними ослепительно сиял звезда-свет.

— Турин тоже просыпается. — Рядом раздался голос Куины.

Яз позволила Эррису помочь ей сесть. Малиайя, тоже сидевшая, сдвинулась назад, ее обрубок был плотно завернут в шкуры и бережно прижат к груди.

Звезда Яз лежала в самом дальнем углу, испуская холодный голубой свет. Вертикальные ворота на противоположной стене, идентичные тем, что были в куполе наверху, показывали только темноту.

— Где Стержень-корень? — Турин сел, ему помогла Куина. Он потер виски, словно пытаясь избавиться от той же головной боли, что и у Яз.

— Полагаю, там, где мы его оставили, — озадаченно ответил Эррис.

Яз поднялась на ноги, используя плечо Эрриса для поддержки. Она начала рассказывать им о переделке, в которую они попали, все трое. Она ожидала, что проснется с дюжиной дьяволов и множеством пыток, которые заставят окровавленные доски и острое железо Запятнанных казаться ерундой.

— Я думала, Стержень-корень тоже будет здесь, — заключила она, все еще оглядываясь в поисках его.

— Ну, призракам самое место в подземном мире. — Куина выглядела обеспокоенной, явно потрясенной визитом Яз к Сеусу и богу смерти. — Но *не нам*. Мы можем вернуться? — Она указала на черные ворота.

Яз не была уверена, что это сработает:

— Даже если мы сможем сбежать в купол, пока Сеус и Аидис сражаются, что нам там делать? Если мы выйдем из купола, то нам придется иметь дело с эйдолоном и продолжить наше путешествие со всеми теми ужасами, которые Сеус послал, чтобы выследить нас. Или мы можем сделать то, за чем пришли: взять ящичек для переноски Стержень-корня. Тогда,

по крайней мере, нами кто-то будет руководить.

— Раньше нами никто не руководил. Нам просто нужно идти на юг. — Куина старалась не казаться сердитой, но у нее ничего не получалось.

— Но теперь мы нуждаемся в руководителе. — Эррис спас Яз от ответа. — И город, возможно, не знал, что мы придем, но он определенно знает, что мы сейчас здесь. Так что мы должны двигаться.

— Мы не знаем, куда идти, — запротестовала Куина. — Кажется, Стержень-корень говорил что-то о семнадцатом уровне. Но где мы сейчас?

— На девятом, — сказал Эррис. — Он сказал нам, что именно там мы и появимся. Нам просто нужно спуститься еще на восемь.

— Просто... — начала Куина, но Эррис уже направился к выходу.

— Нам нужно идти. — Турин побледнел, подзывая Куину. — Этот Аидис пугает меня больше, чем когда-либо Теус. А Теус пугал меня до смерти.

— О, черт возьми! — И Куина поспешила за ним, явно очень напуганная.

Яз, не имея лучшей идеи, тоже последовала за ними, поманив за собой смущенную Малиайю. Она послала звезду лететь впереди группы, прежде чем у них кончился свет. Как бы ни было мрачно вокруг, они, по крайней мере, могли видеть, куда идут. Что бы им ни угрожало, Яз все равно не думала, что это может быть хуже, чем вслепую тащиться по черному льду.

Следующая комната была такой же голой и пустой, как и первая, не хватало только ворот. Яз на самую малость расслабилась. Она вспомнила, каким большим был подземный город Весты. Каким бы ни был этот подземный мир Аидиса, он, по крайней мере, вряд ли переполнен. Они двинулись дальше в поисках лестниц или шахт.

В глубине сознания Яз Аидис снова и снова повторял свое жестокое обещание. Вечность страданий. Она полагала, что, если это произойдет, она узнает, умерла ли она вместе с плотью или каким-то образом превратилась в новую, вечную Яз. Это ответит на вопрос Эрриса, «настоящий» ли он или нет. Однако она не собиралась выяснять это. Смерть лучше, чем плен. Она только хотела бы, чтобы Путь все еще лежал в пределах ее досягаемости, предлагая быстрый выход.

— Где мы? — Вопрос Малиайи отвлек Яз от мрачных мыслей.

— Я... — Яз открыла рот, чтобы ответить, но тут ее охватило удивление от сдержанности девушки. Она прошла через такое... и только теперь спросила, где они.

— Я не знаю, что тебе сказать, Малиайя. Мы...

— Мали.

— Что?

— Мои подруги зовут меня Мали.

— О. — Яз еще не была уверена, что они подруги.

— Ты спасла мне жизнь, — сказала Мали, словно почувствовав ее сомнения. — Я собиралась умереть на льду. А это... — Она с гримасой подняла культю. — Твои друзья снова спасли мне жизнь. Я знаю достаточно, чтобы понять — это должно было быть сделано. — Она покачала головой. — По крайней мере, Госпожа Меч должна сейчас отпускать меня с уроков... Хотя, скорее всего, не будет.

— Мы... — Яз замолчала, когда Эррис вошел в другую комнату впереди них. Он дал знак «чисто», и они двинулись дальше. — Мы все еще на льду. Или были. В тысячах миль к северу от того места, где ты попала в беду.

— Почему я? — спросила Мали. — Зачем спасать девушку за тысячи... Ты действительно сказала за тысячи миль? — Она выглядела встревоженной.

Яз кивнула.

— Тебя выбрал Стержень-корень. Призрак, которого ты видела с нами. Он нашел тебя — я не знаю, как давно — и наблюдал за тобой из-за твоих способностей. Ты — квантал. Очень сильный. Что касается того, почему он хотел тебя... это сложно, но теперь он хочет вместо тебя меня. — Она пожала плечами и попыталась улыбнуться. — Сейчас мы находимся в том же месте, куда мы привезли тебя, только в милях ниже поверхности и довольно глубоко в скале, находящейся подо льдом. Это — то, что осталось от одного из городов Пропавших. Подземный город. Он называется Аидис. — Яз изучила лицо девушки, чтобы понять, как она восприняла эту невероятную новость.

Мали поджала губы.

— Либо я все еще умираю на льду, и это мой последний сон, прежде чем я присоединюсь к Предку, либо я здесь и должна верить всему, что ты говоришь. — Несмотря на разговоры о доверии, девушка оставалась настороже и снова погрузилась в молчание.

Они прошли еще через полдюжины комнат разного размера и вдоль сотен ярдов коридора.

— Пока самый большой, — выдохнула Куина. Зал перед ними мог вместить бросок копья, как по длине, так и по высоте. Маленькие коридоры расходились с обеих длинных сторон; один большой коридор вел наружу с задней стороны.

Все пятеро двигались кучкой, звезда висела высоко над ними, ее свет играл на облаке пыли, поднятом их проходом. Кожу Яз начало покалывать.

— Подождите. — Она огляделась, когда остальные остановились вокруг нее.

— Я не вижу... — начал было Турин.

Но его остановил свет в конце зала. На стене над дальним выходом засиял большой символ. Единственная, сложная буква письмен Пропавших. Сразу же глубокое чувство горя вторглось в Яз, чувство потери, которое привязалась к смерти Майи и сжимало сердце до тех пор, пока из глаз не потекли слезы.

— Нина... — Мали подавила рыдания по своей погибшей подруге.

По лицам остальных текли слезы. Только Эррис казался невозмутимым. Печаль нарастала по мере их продвижения, пока Куина не остановилась и не упала на одно колено, рыдая от всего сердца.

— Куина. Пошли. — Яз потянулась к ней. — Это просто...

Но их останавливала не только стена с символом. Майя *была* мертва. Они *должны* горевать. Яз не могла произнести ни слова. Она не могла сказать Куине, чтобы та забыла Майю, стряхнула с себя ее смерть и пошла дальше. Сама она тоже не могла этого сделать. Рядом с ней Турин упал на колени.

Другой символ появился на стене рядом с первым, два фута в поперечнике и, казалось, светился сквозь толщу камня. Этот принес с собой отчаяние, более глубокое, чем то, которое начало заражать их на сером льду. Зажегся третий символ, на этот раз вызывающий экзистенциальный ужас, такой же мощный, как проекции холотура, но бесцельный, заставляющий Яз хотеть свернуться калачиком и умереть, а не бежать. Она обнаружила, что стоит на четвереньках. Куина лежала рядом с ней, закрыв лицо руками. Мали стояла на коленях, сжав кулак, и смотрела на свою культу.

— Это сгилы. Мы не можем остаться. — Она выдавила из себя эти слова, но не сделала ни малейшего движения, чтобы уйти.

Какое-то мгновение Эррис в замешательстве глядел на поведение своих спутников, но теперь, под объединенным светом символов, он тоже начал что-то чувствовать. Стена с письменами Пропавших была достаточно приспособлена для работы как против механизмов, так и против плоти и крови. Появился еще один символ, пробуждающий боль в каждом нерве. Алфавит разрушения чертил себя на стенах, и скоро он напишет их конец.

Яз и раньше боролась со письменами Пропавших, еще в Весте. Она собрала всю свою силу и перенесла свою звезду за спины остальных, надеясь, что их желание избежать последствий воздействия ее ауры подтолкнет их вперед.

— Эррис... — Она протянула руку и толкнула Эрриса. — Тащи их...

Сигил боли вызывал у нее желание закричать, и, хотя она поползла, ситуация становилась все хуже, каждая поверхность зала начала показывать новый символ, и засветились даже боковые коридоры, но тот, который вел от первоначальных знаков, оставался темным.

Эррис ухватился за Турина и Куину и сумел потянуть их за собой, несмотря на собственные неприятные ощущения. Мали последовала за ним сама, согнувшись под давлением, словно наклонившись под ветром; она подняла одну руку, чтобы защитить лицо от яростного света главных сгиллов.

Облегчение при входе в темный коридор пришло так сильно и внезапно, что Яз проползла еще несколько ярдов, прежде чем поняла, что режет руки о грубый камень. Отсутствие сгиллов объяснялось тем, что идеально ровные плоскости стен Пропавших были выдолблены, как будто по ним прошли огромные когти, разорвав литой камень прямо до основания.

— Мы в аду, — выдохнула Куина. — Мы умерли, и мы в аду!

— У тебя колено кровоточит, — сказала Яз. — Мертвые не истекают кровью.

Куина посмотрела вниз, чтобы проверить. Эррис тащил ее через выдолбленный камень и проделал дыру в шкурах, разорвав кожу под ними.

Мали пробиралась по разбитому камню:

— Госпожа Путь всегда говорила, что мир гораздо более странный и сложный, чем то, что мы видим перед собой. Я думаю, это мое наказание за то, что я смеялась над старухой.

Вид собственной крови успокоил Куину. Она оглянулась на светящийся зал:

— Нам понадобится другой выход.

— Сначала найдем Стержень-корня и ящичек, который он хочет. — Яз встала и пошла, посылая свою звезду вперед. Ее уверенность была фальшивой, но она знала, что, оставаясь на месте, они только станут более голодными, будут больше страдать от жажды и их будет легче найти.

Подземный город Аидиса превратился во что-то, что казалось близким к аду, воображаемому племенами. Икта учили, что ад — это место последнего упокоения любой души, достаточно глупой в жизни, чтобы разозлить всех богов. Но если за тебя заступится хотя бы один бог, твоя душа будет спасена.

Структура города сохранилась, но большая его часть была полностью разрушена, обломки завалили залы побольше. Попадались и нетронутые комнаты, но здесь на стены возвращались письмена, отгоняя Яз и ее спутников назад.

Первым призраком, которого они увидели, был бледный образ жителя льда, смотревшего то туда, то сюда, как будто все, что он видел, было каким-то новым ужасом. Его глаза не коснулись ни Яз, ни остальных, и он продолжил свой путь. За ним последовала женщина, кричавшая, но не издававшая ни звука, ее верхние меха исчезли, а волосы растрепались под дикими углами. Дальше они обнаружили целый зал, полный призраков, которые, казалось, застыли на месте, но следили за ними глазами.

Потом они попали в комнату призраков, которые горели в бледном пламени, таком же безмолвном, как и их крики. Яз отвернулась от их агонии, стараясь не думать о том, как долго они там пробыли и что это значит.

Несколько раз она слышала скрежет в темноте позади них, как будто что-то тащило свое чудовищное тело за ними по грубым краям камня. Она не собиралась возвращаться, чтобы встретиться лицом к лицу с тем зверем, который мог преследовать их, и не сказала об этом остальным. Но она часто оглядывалась через плечо и старалась идти быстрым шагом, пока звуки не затихали вдали.

Три раза они спустились по длинным проходам, которые, должно быть, когда-то были лестницами, и еще три раза спустились по шахтам, больше не нуждаясь в системе кабелей Сломанных, поскольку стены были настолько глубоко выдолблены, что карабкаться было относительно легко. Мали не могла сделать это одной рукой, но Эррис смог взвалить ее на спину.

— Я бы чувствовала себя в большей безопасности, если бы мы сняли веревки с саней, — сказала Куина, цепляясь за стену стофудовой шахты, добрая половина которой держалась на честном слове.

— Ты не будешь в бóльшей безопасности, — сказал Турин. — Держу пари, что здесь есть тысяча способов умереть, но тебя убьет не падение. — Он усмехнулся, пот прилип к его черным волосам на лбу. — Я тебя поймаю.

Яз продолжала спускаться. Ее руки горели от порезов, пальцы болели. Все ее конечности дрожали от перенапряжения. До того, как изменения лишили ее силы Икта, Яз могла подняться по шахте, используя только руки, и бóльшая опасность заключалась скорее в неуклюжести, чем в усталости. И все же ее прежний страх перед падением уменьшился от мысли, что Турин держит ее кровь и не позволит ей упасть. Даже если он сказал об этом Куине.

Яз старалась не смотреть вниз, но когда она это сделала, то увидела обращенные к ней лица остальных, нервничающих в свете звезд. В конце концов она присоединилась к ним, зажав пальцы под мышками. Шахта закончилась рядом с Т-образным перекрестком, от которого отходили три широких туннеля, и ни один из них не давал повода предпочесть его другим.

— ...пить... — пробормотала Мали на своем языке. Только одно слово, но оно внезапно открыло проекцию ее жажды вдоль связи, которую выковала Яз, когда тащил ее через туман-врата, и собственный рот Яз мгновенно пересох до такой степени, что ее язык стал похож на акулью кожу.

— Турин, Мали нужна вода. Очень сильно. — Яз повернулась к девушке. — Ты должна была сказать!

Мали натянуто улыбнулась:

— Ты можешь наколдовать воду из воздуха? Здесь сухо, а у вас нет мехов с водой.

— Зачем кому-то носить воду? — Яз смутилась. Мир сделан из воды, и если налить ее в

мех, она через несколько мгновений превратится в лед и больше не выйдет.

Турин спас Мали от ответа:

— Поблизости ничего нет. Я чувствую, что где-то она просачивается сквозь скалу, но не так сильно, как в Весте. Лучший вариант — продолжать снижаться.

— Здесь могло остаться меньше звезд, — сказал Эррис. — Меньше тепла. Меньше тает. Меньше воды.

— Мы пойдем дальше и найдем что-нибудь, — сказала Яз. — После короткого отдыха. — Яз было больно признаваться в своей слабости, но она чувствовала, что Мали тоже нужно отдохнуть. Группа рухнула на пол, прислонившись спинами к стенам. Мали ближе всех к Яз, но все еще смотрела на нее с некоторой сдержанностью, несмотря на глубину их связи.

— Что вы делали на льду? — спросила Яз. Девушки казались такими неподготовленными. Внезапно ее осенило, что она наконец-то оказалась лицом к лицу с кем-то из зеленого мира. С тем, кто мог бы рассказать ей правду о том, что ждет их на далеком юге.

— Мы были в походе. Каждая послушница должна выйти на лед хотя бы один раз, прежде чем покинуть Мистический Класс. — Мали нахмурилась, словно боль от воспоминания была сильнее, чем от запястья. — Нам не следовало удаляться от Коридора больше чем на десять миль, но разразилась ужасная буря, и мы, должно быть, потеряли правильное направление. Ветер унес нашу палатку и...

— Без укрытия вы умерли. — Яз кивнула.

— Даже с палаткой мы не смогли бы долго продержаться. Трудно поверить, что кто-то может жить так все время. И так далеко на севере! Неужели вы все живете в таких развалинах?

Яз постаралась не улыбнуться этой мысли:

— Нет. На льду. Никто не живет в руинах Пропавших. Это опасно, почти невозможно войти и выйти, там нет еды, и, вероятно, прямо сейчас на нас охотятся монстры. Так что будь готова.

Мали прислонилась затылком к стене и медленно выдохнула.

— Когда госпожа Путь рассказывала нам все эти вещи о мирах за мирами, я говорила, что хочу это увидеть. Я всегда жаловалась, что в монастыре скучно. И она всегда говорила мне, чтобы я была благодарна за сладкое милосердие. Ее маленькая шутка. Но теперь эта шутка на мне. — Она прикусила губу и оглядела тени, насторожившись, вперед вышел воин, раненая девушка отошла на задний план, праздная болтовня закончилась. — Мне кажется...

Ужасный рев оборвал все, что Мали хотела сказать. Это звучало как смесь крика хулы и металлического существа, которое пытали, пока оно не сломалось. Это также звучало так, как будто приближалось нечто большее, чем одно чудовище.

— Пошли. — Эррис встал, увлекая Турина за собой. Он повел их, пока девушки поднимались на ноги, выбирая туннель, который, казалось, уводил их наиболее прямо от источника криков.

— Охотник? — спросил Турин, явно потрясенный не меньше остальных.

— Сомневаюсь, что он похож на те, которые сделал Эулар, — сказал Эррис. — Это будет работа разума города. Что-то больше похожее на аватара, который напал на нас с Яз, когда мы сбежали из звезды пустоты.

Турин больше не задавал вопросов и сосредоточился на беге. На льду было много

вечеров, проведенных за рассказами о предыдущих неделях, проведенных под ним. Турин и Куина знали, насколько смертоносным был аватар и что он пережил взрыв, рожденный Путь-силой Яз.

Они перелезли через обломки, в спешке порезав руки и колени, протиснулись через более узкую секцию и прошли под другой вертикальной шахтой. Звезда летела впереди них и влетела в новую комнату, гоня перед собой тьму. Один большой сгусток тени сопротивлялся. Свет звезды рассеивал тьму, пока в центре не остался только аватар, отлитый из того же черного металла, из которого был сделан ассасин Весты, но в совершенно другой форме.

Копирка 15

Это был пес, такой огромный, что верхняя часть его спины была на уровне подбородка Яз. У него было три злобно выглядящие головы, каждая из которых наклонилась, чтобы посмотреть на Яз и ее друзей, как будто они могли быть хорошей едой. Яз не чувствовала внутри этой штуки никакой звезды. Как и у ассасина в Весте, у него был другой источник питания, и он полагался на тщательное изготовление, а не на способность звезды собирать случайные детали для какой-то грандиозной конструкции.

Трехголовый пес стоял на страже у входа в самый большой туннель, с которым они когда-либо сталкивались. Туннель направлялся вниз под крутым углом, с призрачным пламенем, цепляющимся за его глубоко выдолбленные стены. Слабые крики донеслись из темноты позади зверя. Яз подумал, что если и есть вход, который можно назвать пастью преисподней, то это он.

Эррис развел руки и начал пятиться:

— Мы можем найти другой путь вниз.

— Нет, если он нас съест, — сказала Куина. Она даже не потрудилась вытащить нож.

— Мне кажется, что он должен остаться здесь, чтобы охранять...

Аватар немедленно доказал, что Турин ошибся. Он покинул вход и бросился на них, двигаясь с пугающей скоростью. Яз надеялась, что размеры и вес сделают его тяжеловесным, но теперь она знала, что убежать от него будет невозможно.

Они все равно побежали. Мали, замедленная потерей крови и истощением, поплелась следом, и одна собачья голова наклонилась, чтобы схватить ее челюстями, усеянными сверкающими стальными зубами. Невидимая сила дернула ее в сторону как раз перед тем,

как главные клыки смогли схватить ее. Турин поднял девушку в воздух, слишком высоко, чтобы страж мог дотянуться.

Вместо этого аватар бросился на Яз. Она направила свою звезду прямо в разверстую пасть, нацелив пылающий шар с достаточной скоростью, чтобы пробить в ком-то дыру. К ее удивлению, пес выхватил снаряд из воздуха и проглотил его одним быстрым движением, которое погрузило комнату в темноту.

— Помогите! — Было неясно, кто кричал.

Яз застыла, услышав рядом металлические когти собаки. Ничего не видя, она понятия не имела, в какую сторону бежать. Вместо этого она потянулась к потерянной звезде, желая, чтобы она излучала максимум тепла и света. В темноте появилось несколько светящихся пятен, и Яз моргнула, чтобы разобраться в них. Не было, как она надеялась, щелей в броне пса, показывающих красный жар внутри, ни пятен, где металл мог бы плавиться... свет пробивался сквозь глаза зверя, все шесть излучали достаточно, чтобы снова осветить комнату.

— Бежим! — Яз продолжала заставлять звезду излучать невероятный жар, убегая тем же путем, которым они пришли.

Остальные тоже побежали, Куина впереди, Эррис сзади, намеренно. Турин вернул Мали на землю, и она двигалась с максимальной скоростью, на какую была способна. Пес взвыл тремя пылающими глотками и бросился в погоню.

Они пробежали меньше пятидесяти ярдов, почти до шахты, под которой прошли. В последнее мгновение Эррис повернулся, чтобы встретиться с псом лицом к лицу... или лицами. Нечеловеческая скорость Эрриса вернулась, как будто что-то в воздухе города пополнило его запасы энергии, просто когда он шел по нему. Несмотря на это, он едва уклонился от первой щелкающей головы, а следующая, хотя и не смогла вонзить в него зубы, отбросила Эрриса назад, сбив Турина с ног дрыгнувшей в воздухе ногой, когда юноша споткнулся о выступающий камень.

Через удар сердца пес снова набросился на Эрриса, в своем рвении отбросив Мали и Яз в сторону. Яз почувствовала себя так, словно ее ударила стена, и через мгновение она врезалась в другую. Ошеломленная, она сползла вниз, прислонившись спиной к стене коридора. Турин и Мали лежали на земле, у Турина из пореза на лбу текла обильная кровь. Эррис лежал на спине, придавленный одной из огромных лап пса. Только Куина стояла, и, хотя она уже достала нож, казалось, что она не сможет сделать с ним ничего полезного.

Звезда все еще горела внутри пса. Яз могла слышать ее дикую песню, но, казалось, это не причиняло зверю большого неудобства.

Одна из голов нырнула, чтобы набить рот Эррисом. Тот протянул руку, защищаясь от нее, но металлическая пасть схватила его за руку. Яз не сомневалась, что, когда с Эррисом будет покончено, остальные будут убиты почти мгновенно. Что казалось милосердным концом, учитывая другие варианты, о которых упоминал Аидис. Несмотря на это, когда головы, не терзавшие Эрриса, повернулись в ее сторону и уставились на нее горящими глазами, Яз поняла, что ей очень хочется жить. Она попыталась встать, опираясь окровавленными руками об острый камень.

Молния ударила без предупреждения. Сначала Яз не поняла, что произошло. Это было так, словно массивный железный молот ударил аватара прямо в спину, как раз у основания тройных шей. Звук удара оглушил ее. И через мгновение что-то еще большее ударило, разлетевшись на куски и покрыв сцену обломками.

Трехголовый пес рухнул на землю, и молот, который, казалось, выпал из шахты наверху, откатился в сторону. Он остановился, освещенный не горящими глазами зверя, уже закрывшимися, а сиянием места удара, где жар звезды, казалось, наконец-то проложил путь наружу. Оказалось, что это вовсе не молот, а большой куб из тусклого железа с закругленными углами. Второй, более крупный объект, который разбился при ударе, похоже, был лодка-санями.

— Зокс... — сумела прохрипеть Яз.

Словно отвечая на свое имя, Зокс начал разворачиваться, подняв голову, чтобы рассмотреть сцену теми же печальными черными глазами, которые они видели, пересекая тысячу миль льда.

Свежий свет вырвался наружу, когда голова аватара, державшая руку Эрриса в своих челюстях, снова открыла глаза.

В мгновение ока Мали оказалась на голове. Она начала колотить по ней чем-то, что схватила с обломков саней, удары производили такой грохот, что ему удалось пробиться сквозь глухоту Яз. Несмотря на миниатюрность девушки и размеры ее противника, свирепость ударов, казалось, оглушила пса. Сковородка в очередной раз ударила его по глазам. В следующее мгновение Мали перехватила захват на сковородке, схватив ее за край, и вогнала ручку прямо в один светящийся глаз, вложив в удар все свое тело.

Яз присоединился к драке. Она отказалась от попыток встать и вместо этого мысленно потянулась, выхватив оставшиеся глаза Наблюдателя из обломков саней. С усилием, которое вызвало острую боль в голове и разделило мозг на две половины, Яз закружила полдюжины звезд в воздухе, ускорила их и направила по таким траекториям, чтобы они врезались в активную голову с максимальной скоростью, на которую она была способна. Звезды отлетали прочь, выходя из-под ее контроля, и одна из них чуть не попала в Мали, отразившись от сковородки. Пятый удар оказался самым сильным, вонзив звезду в затылок пса. Со странным вздохом он подался вперед, отпуская руку Эрриса, вздрогнул и остался лежать неподвижно.

Яз неуверенно встала. Куина и Турин присоединились к ней, отесненные от пса аурой звезд. Трехголовый пес остался лежать, даже не дернувшись, когда яркие ручейки расплавленного металла начали сочиться из-под его туши. Где-то глубоко внутри Яз почувствовала, как звезда, ответственная за это, исчезает в ничто, полностью потратив свою силу.

— Как он нас нашел? — Турин помог Эррису подняться на ноги, не сводя глаз с Зокса, а не с глубоких, но бескровных ран на руке, которые трехглавый пес нанес Эррису. — Как он вообще попал в купол? И вернулся за санями? Как протащил их?

Яз попыталась представить это себе. Позади них она слышала скребущий звук. Быть может, это Зокс тащил сани? Псу пришлось найти путь через стену купола, затем выбрать правильные ворота и нырнуть в них. Ему пришлось протащить сани через то, что, должно быть, было милями подземного города, прежде чем броситься вниз на сто ярдов по вертикальной шахте с лодка-санями на буксире, как раз вовремя, чтобы ударить аватара ниже затылков.

— Стержень-корень сказал, что с Зоксом что-то не так, — сказала Куина. — Что-то насчет «заражения»?

— Его запятнал эйдолон? — Яз хотела бы собрать все оставшиеся звезды вокруг собаки, но остальные были слишком близко.

— Он не помог бы нам, если бы это было так. — Турин покачал головой.

— Случайность? — Куина сама не верила в это. Яз поняла это по ее голосу.

— Мы можем спросить Стержень-корня, когда его найдем, — сказал Эррис. — Оставаясь здесь, мы узнаем только одно, — сколько других аватаров Аидис пошлет против нас.

— Других? — У Яз упало сердце. Внезапно она вспомнила о руке Эрриса и прихрамывая, подошла посмотреть, насколько все плохо. Она обнаружила, что столкновение со стеной что-то сделало с ее бедром. — Ты можешь двигать ею? — Его плоть была того же цвета, что и кожа, и ее разорванные лоскуты свисали с черных железных костей.

— Не слишком хорошо. — Он приподнял руку на несколько дюймов. Рука издала тревожные звуки, некоторые из которых напоминали визг истерзанного металла, другие казались более влажными:

— Я посмотрю, что можно будет починить, когда мы окажемся в более безопасном месте. Нам нужно идти.

Яз оглядела обломки лодки, впервые осознав масштабы катастрофы:

— Мы не можем оставить рыбу.

Их улов из кратера все еще был заморожен в виде одного потрепанного комка. Его мог нести только один человек, но не на какое-то большое расстояние.

— Давайте сделаем сани, и Зокс сможет их тащить. — Куина схватила целую доску и горсть оборванных проводов.

Яз кивнула.

— Только быстро. — Она повернулась к Мали, которая все еще сжимала в руках помятую сковородку. — Ты хорошо орудовала ей!

Мали позволила себе слегка улыбнуться.

— Я понесу ее для тебя. — Она сунула сковородку за пояс.

— Отломи рыбу для Мали, Турин, — крикнула Яз. — И помни, ей все еще нужна вода. Скоро она нам всем будет нужна.

Когда Куина протянула Мали молодого зеленобока, помятого и замороженного,

девушка посмотрела на него с легким ужасом.

— *Квинт эста эт?*

— Что это? — удивленно повторила Яз. — Зеленобок.

Мали осторожно взяла его, как будто он мог ее укусить.

— Скажи ей, что это рыба, — предложил Эррис.

— Она не идиотка, — сказала Яз, прежде чем добавить: — Это рыба.

— О... — Мали поворачивала его то в одну, то в другую сторону.

— Ты... ты раньше видела рыб? Верно? — спросила Яз. Ей показалось, что она спрашивает, дышала ли Мали раньше воздухом.

— О да. — Мали кивнула.

— Вот видишь! — сказала Яз Эррису. — Она сказала «да».

— На картинках, — добавила Мали.

— На картинках?

Мали снова кивнула:

— Но я никогда их не ела. Я даже море никогда не видела.

Яз обнаружила, что у нее отвисла челюсть.

— *Море?* Ты сказал «море», как будто есть только одно... И ты никогда его не видела?

Как...

— Море Марн. Это почти в пятидесяти милях от монастыря, и я никогда там не была. Говорят, в ясный день его видно с плато, но я не настолько зоркая. — Она пожала плечами. — Я полагаю, что где-то есть и другие моря. За королевством Альд, я думаю, есть Неббон, а потом тебе придется плыть, чтобы достичь... того, что будет дальше. Госпожа Академия побила бы меня, если бы узнала, что я забыла! — Она все еще держала рыбу, как будто это было какое-то оружие.

Яз проглотила свое удивление:

— Ты должна это съесть.

— Но это не приготовлено... — Мали поднесла рыбу ближе ко рту. — И у нее есть глаза.

— Они — самый вкусный кусок. — Яз отвернулась на случай, если в зеленых землях было какое-то табу на то, чтобы смотреть, как люди едят, как в клане Квинкс.

Некоторое время спустя они снова тронулись в путь. Зокс тащил сани, сделанные из трех досок, соединенных вместе. Оставшаяся рыба и тепло-горшок лежали на санях, привязанные запасными вожжами, получившимися, когда поводья Зокса укоротили. Они добавили к грузу немного мехов и досок, а также рыболовные снасти. Оставшиеся шесть звезд теперь плыли перед ними, ведомые волей Яз.

Яз остановилась у входа в наклонный туннель, который охранял трехглавый пес. Путь лежал перед ними в темноте, звезды висели посередине, их свет едва касался стен. Она могла себе представить, что, хотя не всякий легендарный ад лежит за ним, один из них точно там находится, а может быть, и больше. Зокс стоял рядом с ней, Мали позади него, снова сжимая свою сковородку.

— Пошли. — И Яз повела их вниз.

По мере того как они спускались, становилось все теплее, и было уже достаточно тепло, чтобы растопить лед. Яз старалась сосредоточить свое внимание на проходе впереди, направляя звезды в любой укромный уголок или боковой проход. Ее мысли все время

возвращались к битве с аватаром. Она прошла через серию отчаянных сражений с тех пор, как упала в Яму Пропавших. Хетта напала на нее почти сразу. И несколько раз она думала, что она и ее друзья обречены. Кое-кто из них погиб по пути, в том числе Петрик, Као и Майя. Она устала от того, что ее жизнь висит на такой тонкой ниточке. Несмотря на то, что Икта каждый день ходили на грани выживания, по крайней мере, было ощущение, что они *выживут*, что впереди будет еще больше дней, лет, достаточных для семьи, времени, чтобы любить, видеть, как растут дети, передавать что-то тем, кто придет после.

Этот долгий путь к цели, который она сама выбрала, и по которому сама себя настойчиво вела... такая же безумная авантюра, как броситься за Зином, движимая ее эгоистичным желанием увидеть что-то другое, кроме льда. И в отличие от Турина и Куины, в отличие от маленькой Майи, которая никогда не увидит конца путешествия, Яз уже видела зеленый мир. Эррис показал ей его. Почему этого было недостаточно? Почему она навлекала это на себя и на других?

— Поймал! — Эррис подхватил ее, когда она падала, споткнувшись о выступ в разорванном каменном полу. Даже однорукий он был более ловким, чем она. Он схватил ее за руку, и она оказалась лицом к нему, вместо того чтобы поцеловать землю.

— Спасибо. — Она посмотрела на его руку на своей руке, затем взглянула на Турина, приближающегося с Куиной и Мали. Турин мог бы поймать ее силой своего разума, если бы был ближе и быстрее. — Ты спросил, действительно ли мы хотим это сделать, — сказала Яз. — До того, как мы вошли во врата.

— Да. — Эррис отпустил ее.

— И моим лучшим ответом было то, что на данный момент у нас не было выбора, — сказала Яз.

— Верно.

— Ну, это был не очень хороший ответ. У нас должен быть выбор. У нас действительно есть выбор.

Остальные поравнялись и остановились, прислушиваясь. Даже Зокс.

Яз прикусила губу, пытаясь заставить мысли, которые были почти слишком велики для ее мозга, превратиться в нечто столь же маленькое, как слова.

— Там, на льду, когда мы голодали, когда у нас не было укрытия... когда мы все умирали... я замкнулась в себе. Я бросила вас. Мне очень жаль...

— Ты этого не делала! — запротестовала Куина.

— Делала. Эррис посадил тебя, Турина и Майю в сани. Вас вытащили Эррис и Зокс. Даже несмотря на то, что они оба были измотаны. И я делала то, что делают Икта, когда дело доходит до тяжелой ситуации. Я сузила свое зрение, пока в нем не остались только я и только одно направление. Я ушла в себя и продолжала идти. Потому что так поступаем мы. — Яз обнаружила, что у нее на глаза навернулись слезы. Глупая трата воды в сухом месте, упрекнула ее внутренняя Икта. — Я сказала себе, что больше никогда этого не сделаю. Я сказала себе, что эгоизм Икта — стремление, которое позволяет нам выжить там, где никто другой не может, — тот самый образ мыслей, который привел моего брата в Яму Пропавших. Я поклялась разрушить этот образ мыслей. Это ниже нашего достоинства. Выживание имеет ценность, имеет цену — но, если эта цена слишком высока, ее не следует платить, потому что то, что ты покупаешь по такой цене, ничего не стоит.

Если бы я добралась до моря и выжила, но оставила бы вас, моих единственных друзей, мертвыми позади меня на льду, я бы провела все оставшееся время, желая, чтобы я тоже

умерла там, пытаясь помочь вам. Мали это сделала. Вы ее видели! Она осталась со своими подругами.

Одинокая слеза оставила блестящий след на щеке Мали. Она наклонила голову.

— Но всю прошлую неделю, пока мы следовали указаниям Стержень-корня, нацеленного на этот город, я думала, спрашивала себя. Да, я изменила мнение, по почему изменение должно заканчиваться людьми передо мной? Почему я должна рисковать собой только ради людей, которых я могу видеть, людей, к которым я могу протянуть руку и прикоснуться?

Куина подошла ближе, ничего не говоря, достаточно близко, чтобы ее плечо прижалось к плечу Яз.

— Этот зеленый мир, который мы так долго искали... он находится под угрозой. Враг Стержень-корня хочет, чтобы его поглотил лед. И весь Абет с каждым годом становится все холоднее. Однажды, возможно через много лет после того, как наши дети умрут, никто не сможет вынести лед — даже Икта. Я думаю, что мы должны помочь им, людям, которых мы никогда не видели, и детям, которых будут любить дети наших детей и которых мы никогда не узнаем. И здесь, в этом месте, построенном сломленным разумом и посвященном страданиям... здесь мне нужно сказать все эти слова, которые наполняли меня на льду. Выбор есть. Выбор всегда *есть*. И даже если бы выбора не было, это ничего бы не значило. Мы могли бы вернуться. Мы могли бы попробовать. Мы могли бы направиться на север к нашим кланам или двинуться на юг, к зеленым землям. И даже если мы умрем в пути, это будет смерть, которую мы знаем, гораздо более чистая и милосердная, чем все, что мы найдем здесь, под землей. Но я решила рискнуть, встретиться лицом к лицу с опасностью и сделать что-то хорошее. Что-то, что заставит Богов в Небе затаить дыхание, а Богов в Море успокоить волны. Всю свою жизнь я была связана своим долгом перед Икта, закрыта им, защищена им. Выживание, любой ценой. Я больше не буду платить. — Она глубоко вздохнула. — Иногда тебе приходится делать выбор. — Она перевела взгляд с Эрриса на Турина, один был спокоен, несмотря на травму, и смотрел на нее понимающими глазами, вечность ожидания тянулась за ним; другой был грязным и ободраным, копна волос в беспорядке, выражение лица противоречивое, интенсивность его взгляда, вероятно, соответствовала ее. Они оба были младенцами по сравнению с Эррисом, каким бы юным он ни выглядел. — Я выбираю... сразиться с адом. И вы можете выбирать: следовать за мной или найти свой собственный путь.

Зокс воспользовался паузой, чтобы побрести дальше, шумно волоча за собой дощатые сани.

— То, что он сказал. — Куина последовала за Зоксом.

Эррис улыбнулся и пошел дальше, подняв здоровую руку, чтобы похлопать Яз по плечу, когда проходил мимо. Братский жест.

Турин не сводил с нее взгляда:

— Ты научила меня летать, Яз. Я пойду туда же, куда и ты.

— Я не учи... — Но Турин уже шел за остальными.

— Мне не нужно понимать, что он говорит. — Мали кивнула в спину Турину. — Ты ему нравишься, вот этому.

Яз опустила голову и выдавила глупую улыбку с губ. Она последовала за остальными:

— Пошли.

Мали, прихрамывая, последовала за ней, и они пошли дальше вместе.

— У тебя есть... — Яз посмотрела в спину Турину вместо того, чтобы закончить свой вопрос.

Мали усмехнулась и покачала головой.

— Там, где я живу, все девочки, и если бы я хотела чего-то большего, чем просто подругу, я бы хотела мальчика. Однако этого не произойдет. Я стану монахиней, и, вырастая, мы все выходим замуж за Предка — нашего бога. — Ее взгляд упал на культу, которую она держала перед собой, демонстрируя первый намек на жалость к себе за все это время. — В любом случае, кому я сейчас нужна? Я — сломанная.

Яз посмотрел на темноту вокруг них, на насилие, творимое на стенах, на, вероятно обреченную, группу, направляющуюся в ад. Она покачала головой, улыбаясь их разговору.

— Мы все сломанные, Мали. — Она обняла девушку за плечи. — Если мы выберемся из этого, напомни мне рассказать тебе о Кайлале, самом красивом парне, которого я когда-либо встречала.

Туннель вел довольно далеко вниз, и в какой-то момент Турин обратил их внимание на просачивающуюся воду, мимо которой, в противном случае, можно было бы пройти, не заметив ее. Мали поспешила к ней так быстро, как только позволяли ее обмороженные ноги. Поток был слишком медленным, чтобы она могла собрать его в сковородку, которую все еще держала, но Турин не позволил ей прижаться ртом к камню и попытаться слизнуть то, что ей было нужно.

— Секунду.

Лицо Мали, когда вода тонкой вуалью поднялась со скалы и превратилась в сверкающую нить, было довольно комичным. Она открыла пересохший рот и позволила крошечному потоку попасть себе на язык.

К тому времени, как Мали сделала несколько глотков, Яз и сама чувствовала себя совершенно сухой. Но времени пить не было. Они двинулись дальше. Впервые Яз ощутила отдаленное биение, такое медленное, что между двумя глухими ударами можно было пересечь множество комнат, такое глубокое, что резонировало по всему позвоночнику. Звезда пустоты. Далеко под ними темное сердце Аидиса отмеряло им время.

— Подожди. — Эррис схватил Яз за плечо.

— Что? — Теперь они находились на новом уровне города. По расчетам Яз, это был тот самый уровень, на котором, как сказал Стержень-корень, они найдут нужный ему ящичек.

Раненая рука Эрриса заскулила, когда он указал ею:

— Стена.

Звезды Яз, летевшие впереди, отодвинули тьму на добрых пятьдесят ярдов, но один сгусток теней упрямо цеплялся за изрезанный камень. Яз поймала себя на том, что собирается спросить Майю, что говорит ее тень-чувство, но она прикусила язык, прежде чем слова смогли вырваться из горла. Вместо этого она заставила три свои звезды осветить клочок ночи, который они не смогли сдвинуть.

Темнота прижималась к стене, пока не стала напоминать черную дверь. Дверь, через которую что-то начало протискиваться, темная фигура, сопротивляющаяся звезда-свету, поглощающая его целиком и ничего не возвращающая. Нож Куины зазвенел, выходя из ножен.

— Подожди, — сказала ей Яз.

Фигура продолжала выпячиваться, как будто темнота была тонкой шкурой, которую можно было натянуть с достаточным усилием. Фигура мужчины. Худого мужчины, пытающегося вырваться в мир. И вдруг он оказался среди них, темнота отступила и исчезла, выпустив наружу призрачную фигуру Стержень-корня.

— Это, — сказал он, — было неприятно. — Он отряхнул рукава, как будто то, что его держало, все еще могло кое-где цепляться за тело.

— Где ты был все это время? — Яз взглянула в туннель на случай, если что-то может прийти за Стержень-корнем.

— Аидис вернул меня к моим мучениям. — Стержень-корень вздрогнул. — Он считает всех, кто прибыл с первыми кораблями, захватчиками. И наказание... ну... ты сама можешь видеть, что его деградирующий разум стал намного старше Ветхого Завета!

Яз моргнула, не понимая.

— Ну. — Стержень-корень поправил свою призрачную одежду. — Я сбегал от него раньше, и я сбежал от него снова. На этот раз не совсем, конечно, потому что я все еще здесь, в его причудливом маленьком подземном мире. Но я подумал, что ты захочешь узнать, в чем мы нуждаемся. Итак, давай приступим к делу. Быстро — и с умом. Аидис, возможно, не самая яркая свеча в храме, но охота за нами не займет у него вечность. Наше единственное преимущество в том, что он не знает, куда мы направляемся. Он заботится только о том, чтобы мы не могли покинуть город. Кроме того, он довольно терпелив. В конце концов, погоня — это часть мучений. Надежда иногда бывает самым жестоким ножом в коллекции палача.

— Пошли. — Яз жестом показала Стержень-корню, чтобы тот шел впереди. Она смирилась с тем, что случится — что бы ни случилось, — и теперь просто хотела покончить с этим. Страх преследовал ее, тот вид, который гложет решимость и делает человека меньше, чем он хочет быть. Если они будут стоять на месте слишком долго, страх ее настигнет.

— На самом деле это недалеко отсюда. — Стержень-корень развернулся. — Но вы идете не в ту сторону. Вы пропустили поворот, он там.

Эррис догнал призрака:

— Если слуги Аидиса перерыли это место до основания, как там может быть какой-то нетронутый ящичек, который просто где-то там лежит и ждет, чтобы мы могли его забрать?

— Потому что, дорогой мальчик, меня схватили очень давно, еще до того, как Хейдис потерял большую часть своих оставшихся шариков и заказал этот... редизайн. А в те дни здесь еще оставалось несколько игрушек. Некоторые из них — работы Пропавших, которые они оставили после себя, но большая часть технологий была заимствована у нашего собственного народа, потому что Пропавшие не оставили своим слугам ничего, кроме средств для овладения новыми технологиями. И я спрятал несколько безделушек подальше.

— Так как же эта луна, которая держит Коридор открытым, все еще работает, если Сеус хочет ее обрушить? — спросила Яз, обращаясь как к Стержень-корню, так и к Эррису.

Стержень-корень отмахнулся от вопроса.

— Наши предки не были идиотами. Вскоре они поняли, что с ними сделали. Они закрыли ковчеги от внешнего влияния таким образом, что даже оружию Пропавших — их способности переконструировать другие технологии — оказалось трудно преодолеть все барьеры. Кроме того, только недавно безумие Сеуса выросло до такой степени, что он счел геноцид окончательным решением проблемы стремления Пропавших к уединению. До этого Луна не считалась угрозой и была оставлена выполнять свою работу. Теперь, однако, Сеус

направил оружие против последнего функционирующего ковчега и медленно прокладывает путь через его защиту. Что является чем-то, что первоначальные дизайнеры не считали возможным. Спасти нас может только исследование изнутри, которое даст возможность перестроить барьеры ковчега. Конечно... это означает, что сначала нужно эти барьеры поднять, чтобы я мог войти.

Яз потянулась, чтобы остановить Стержень-корня, но ее рука просто прошла через его плечо, заставив ее почувствовать себя немного глупой и уязвленной:

— Ты хочешь сказать, что мы не только должны выгнать тебя отсюда и преодолеть тысячи миль льда... мы должны воздвигнуть барьеры, которые бросят вызов самому могущественному разуму городов, вооруженному оружием, которое Пропавшие оставили своим созданиям — оружием, которое низвергло первоначальные племена людей?

— Ну, в общем, да. — Стержень-корень снова повернулся к ней. — Вот почему я выбрал тебя. Знаешь, это не было спонтанным решением. Я ждал бóльшую часть десяти тысяч лет, когда ты появишься. Все «я», все мои фрагменты, разбросанные по этой планете, потратили все это время на поиски того, кто может открыть звезда-дверь.

— И ты думаешь, что я смогу? — Яз почувствовала, как тяжесть его надежды легла на ее плечи.

— Может быть. — Стержень-корень изобразил множество невидимых сомнений взмахами своих быстрых рук с длинными пальцами. — Ты — лучшая из всех, кого я когда-либо видел. Юная Малиайя Глосис — еще один замечательный талант. Шансы на то, что вы обе окажетесь в одном тысячелетии, довольно малы. А в нескольких годах друг от друга — вообще микроскопические. Но в то время как ее потенциал для работы с сердце-камнями замечателен, ее величайшие навыки склоняются к Путь-работе и нить-работе. — Он пошел дальше. — Но всему свое время.

Стержень-корень провел их через ряд туннелей и комнат, на удивление пустых, несмотря на отдаленные крики, время от времени в них раздававшиеся. Турин, Куина и Мали следовали за Яз и Эррисом, Зокс топал за ними, шумя громче, чем все остальные вместе взятые.

— Ящичек там. — Стержень-корень остановился у входа в темную комнату. — Я не собираюсь тебе лгать. Та часть меня, которая послала тебя сюда, понятия не имела об обстоятельствах, в которых я живу. Если бы он знал, то не послал бы тебя. Дело в том, что, несмотря ни на что, на такой глубине Аидис крепко держит подземный город, и не собирается нас отпускать. Мои трюки здесь очень ограничены. Так что, если мы собираемся как-то сбежать... тебе придется меня удивить. Прости.

Яз принесла это знание с собой. Они стояли перед залом, полным богов, были в их власти. Да, они вырвались из лап Сеуса, но только потому, что их забрал Аидис. Как они могут победить? Но даже так, услышав, как Стержень-корень произнес это вслух, она глубоко вздохнула. Лед давал иллюзию свободы, возможность идти вечно в любом направлении. Но казалось, что ее направляли сюда, в какую бы сторону она ни повернула.

Она послала свои звезды через арку, освещая зал за ней. Место выглядело малопривлекательным, чтобы спрятать хоть что-нибудь, особенно учитывая то, что ящичек должен был остаться спрятанным и неповрежденным несмотря на жестокость, с которой разрушили до основания каменные стены.

Стержень-корень вошел, его ноги, сделанные из света, не издавали ни звука на камне. Остальные последовали за ним.

Посреди комнаты Стержень-корень остановился и шелкнул пальцами, произведя настоящий шум. В воздухе открылась дыра, примерно на уровне его колен, из нее выпал белый ящичек. Прежде чем ящичек отскочил от разорванного камня, дыра, из которой он выпал, исчезла.

— Если ты не против. — Стержень-корень указал на ящичек.

Яз наклонилась, чтобы его поднять. Это был куб со скругленными углами, похожий по форме на тот, в который складывался Зокс. Она не могла сказать, из чего он был сделан, но белое вещество было теплым, гладким, твердым и слабо светилось изнутри.

— Он достаточно большой? — Она задумчиво пробежала взглядом по телу Стержень-корня.

— Дорогая девочка, это устройство могло бы хранить достаточно эхо-сигналов, подобных мне, чтобы населить миры.

Что-то прожужжало мимо уха Яз.

— Ой! — Куина хлопнула себя по шее. Ее рука оторвалась с небольшим пятном крови на ладони. — Сукин сын! — Что-то крошечное с жужжанием отлетело от нее. Затем внезапно воздух наполнился существами, слишком быстрыми и слишком маленькими, чтобы их можно было как следует разглядеть, кусающимися и царапающимися, когда они проносились мимо.

Яз прикрыла глаза, когда несколько маленьких существ полетели на них. Мали и Турин тоже ругались и визжали. Рука Эрриса дернулась и зажала одну тварь между большим и указательным пальцами. Он протянул ее Яз, чтобы та осмотрела существо в промежутке между ее защищающимися руками. Крошечный крылатый металлический ужас. Летающий охотник, но в гораздо меньшем масштабе. Воздух был полон ими. У того, что извивался в тисках пальцев Эрриса, даже была крошечная звездочка в центре.

— Хватит! — Яз сосредоточилась на танцующем поле мельчайших звезд вокруг нее. Резким поворотом мысли она отправила их всех в одно и то же место, сбивая с бесчисленных траекторий. Они ударились с приглушенным хрустом, образовав шар размером с кулак из остро заточенного железа.

Вторая волна тварей заполнила воздух, эти были больше, чем их предшественники, некоторые размером с ноготь пальца. В то же время вход в зал начал заполняться тихой, светящейся рекой призраков. Бледные призраки, несущие ужасные раны и увечья. Вместе с ними пришли кости, полные сочлененные наборы человеческих костей; в сознании Яз всплыло слово из словаря Эрриса — «скелеты». Икта никогда не видели человеческих костей, потому что плоть не гниет на льду, но здесь была последняя суровая правда, лежавшая под каждым. Тонкие металлические полоски тянулись по всей длине костей, и какое-то чудо древних дней использовалось, чтобы вдохнуть в них фальшивую жизнь, чтобы они могли идти вперед, вытянув костлявые руки, словно для объятья.

Яз вырвала звезды из следующей волны маленьких демонов. Однако некоторые из них остались, оживленные другими технологиями, и кое-кто метнулся к ее лицу. Одним взмахом сковороды Мали сбила в воздухе трех демонов. Но приближались другие, с размахом крыльев, равным ее ладони.

На испещренных ямками и исцарапанных стенах начинали проступать письмена Пропавших, обволакивавшие гребни и заполнявшие впадины золотистым светом. Слова печали, страха и отчаяния. Яз чувствовала, как тяжесть их влияния давит на нее, вдавливая ее дух в пол.

За призраками и скелетами в комнату входили другие, более чудовищные фигуры. Существа, мало чем отличающиеся от крылатых ужасов, нападающих на Яз и ее друзей, но большие, как геранты, и вылепленные из черного железа, сложенные как собака-аватар с тремя головами, невосприимчивые к талантам Яз и намного сильнее Эрриса.

За демонами, наклонившись, чтобы пройти через высокую входную арку, вошел Аидис, более похожий на человека, чем тогда, когда он появился в зале богов, одетый в плащ дымящейся тьмы, в котором постоянно появлялись и рассеивались ужасные морды. Он держал в руках черный посох добрых четырех ярдов в длину.

Яз обнаружила, что стоит на коленях, брошенная на них силой письмен, которые рисовали себя в камне и на стенах. Отчаяние, страх, печаль. Слишком тяжелое бремя, чтобы стоять под ним. Остальные тоже стояли на коленях. Куина присоединилась к Зоксу на четвереньках, рыдая и шлепая крошечных демонов окровавленными руками. Даже Стержень-корень и Эррис упали.

— Хватит этих глупостей. — Голос Аидиса обрушился на них, как камни. — Подчинитесь своему наказанию. — Письмена стали еще ярче, связывая их эмоции, описывая их судьбу.

Яз почувствовала слезы в своих глазах, когда она потянулась, чтобы поддержать Турина, опустившегося рядом с ней, его руки лежали на выдолбленном камне перед ним. Они потерпели поражение. *Она* потерпела поражение. Ей никогда не сбежать от своей судьбы.

— Падите ниц! — Грохот голоса Аидиса эхом разнесся по залу. Он поднял над головой свой посох.

Когда Яз попыталась удержаться на коленях, а не рухнуть на пол, она краем глаза увидела, что Зокс поднял голову. К ее изумлению, он откинулся назад, вращая суставами под доселе неиспользуемыми углами, и встал на задние лапы. Вытянув один длинный черный коготь с ловкостью, совершенно не соответствующей его крепкому телосложению, он начал рисовать в воздухе сложные фигуры. Там, где двигался его коготь, он, казалось, разрывал воздух, позволяя золотистому свету просачиваться сквозь него. В течение трех ударов сердца Зокс написал строку письмен Пропавших, которая повисла в пустом пространстве. Сразу же давление текста, написанного на стенах, несколько уменьшилось, сокрушительное чувство поражения ослабло.

— Это что, издевательство? — прогремел Аидис.

Зокс продолжала писать защиту, ослабляя печаль и ужас, которые пульсирующие стены проецировали на Яз и ее спутников.

Аидис направил свой черный посох на пса и шагнул вперед, отталкивая демонов и скелетов в сторону, призраки обтекали его ноги, как бледный прилив.

— Как простой конструктор осмелился использовать высокие письмена Про...

Раздался глубокий голос. Зокс заговорил на языке, который нарушал тишину странным способом. Благодаря речи Мали Яз могла разобрать слова, хотя ни одного из них не понимала. Это больше походило на реку структурированного звука, почти песню, почти стихотворение.

— Я могу не только писать письмена Пропавших, — продолжил Зокс, используя слова, которые знала Яз, и голос, который, по ее мнению, она должна была знать. — Я и говорю на их языке. — Он расставил передние лапы — руки, как теперь их называла Яз, — на уровне талии, и все его когти вылезли на полную длину. — Если вы строите из себя богов украденной культуры, то думайте обо мне как о Титане. Расе ваших отцов. Очень кстати, что

когда-то меня звали Прометеус.

Крошечные демоны полетели к стенам, когда Аидис навис башней над Зоксом. Яз с трудом поднялась на ноги, ничего не боясь, слишком занятая борьбой с мыслью, что Теус прятался в Зоксе. После того, как она выгнала его из Турина, неужели он каким-то образом овладел железным псом, словно вытеснить железо и магию было не сложнее, чем повелевать плотью и кровью? Теус скрывался среди них в течение нескольких месяцев? Слушал их разговоры, присматривал за ними, пока они спали? Теус отпугнул холотура, когда тот попытался заразить Зокса. Теус спас их от трехглавого пса-аватара и открыл им доступ в подземный мир. Почему?

— Почему? — Аидис повторил ее мысли, хотя его голос, внезапно, прозвучал неуверенно. — Почему ты здесь?

— Ты меня допрашиваешь? — В словах Теуса прогремела угроза.

— Городские правила должны соблюдаться всеми гражданами, независимо от ранга. — Аидис использовал другой голос для своего богоподобного рыка. Как будто он цитировал воспоминание, извлеченное из глубин.

— Это! — Теус взмахнул одной из коротких металлических ног Зокса в сторону собравшейся толпы ужасов. — Этого нет ни в одном из городских правил, которые я помню.

— Законы можно переписать. Есть прецедент. — Теперь Аидис больше походил на угрюмого ребенка.

— Ядро твоих инструкций не может быть изменено без разрешения совета, а совет давно ушел. Ты не имеешь право причинять вред гражданину или позволять кому-то причинять ему вред. И эти, — Зокс указал на Яз и ее товарищей, — необходимы для моего дальнейшего благополучия. Я дам тебе список нужного нам оборудования, и ты предоставишь его мне и облегчишь наш отъезд.

Аидис помолчал, прежде чем ответить, наклонив голову, как будто прислушиваясь к чему-то далекому. Глаза цвета кости уставились на Зокса.

— Теперь я понимаю... — Его голос стал хитрым, и он выпрямился, крепче сжимая посох. — Я понимаю, кто ты такой. Прометеус отбыл вместе с остальными нашими хозяевами в назначенный день. Ты — не он. Ты — ненужный продукт. Экскременты, которые сбежали из резервуаров для хранения.

Каким-то образом Теусу удалось передать уверенность, презрение и высокомерие, используя невыразительное лицо Зокса и в значительной степени негибкое тело:

— Ты думаешь, что сможешь найти таких, как я, просачивающихся сквозь черный лед? Может быть, я и не весь Прометеус, но, с другой стороны, он тоже не полный! Я составляю самую бóльшую его часть. Я владею его силами, его воспоминаниями, его прошлым. Я претендую на его гражданство, и кто может оспорить мое право? Мы создали тебя из камней и глины. Ты — инертная материя, в которую мы вдохнули жизнь. Как ты смеешь пытаться судить *меня!*

— Ты... ты... вне закона, — неуверенно заключил Аидис. Его отстраненный взгляд вернулся. Возможно, он общался с остальными самозванными богами, и в следующий момент он взял себя в руки. — Ты подчинишься моему решению.

— Возможно, ты слушал Весту. — Теус приблизился к богу, несмотря на то, что не

достигал ему даже бедра. — Мы просочились из ее разорванной утробы. Мы — так называемые нечистоты. Когда она знала меня, я был гораздо меньше, чем сейчас. Я был разрушен. Расчленен. Разбросанные кусочки, пытающиеся найти форму и цель. Но по мере того, как я восстанавливал себя, мои воспоминания складывались воедино, зазубренные края находили партнеров, создавали смысл и историю. Вот эта девочка, — он указал на Яз, — нашла самый большой оставшийся от меня фрагмент. Потребовалось время, чтобы интегрировать, восстановить больше воспоминаний, чтобы по-настоящему понять, что у меня отняли. Даже во время моего путешествия сюда я приходил в себя. — Теус медленно повернулся, словно осматривая комнату. — Я был здесь раньше, ты знаешь. В этом городе. Когда и он, и ты были в лучшей форме. Они привели меня сюда в цепях. Я был частью сопротивления. Один из последних, кто был «очищен». — Он снова перевел взгляд на Аидиса и уставился в лицо аватара. — В глазах своих сограждан я всегда был скорее плохим, чем хорошим. Северный дикарь из культа, отвергавшего технологию. Когда я возродился, мои родители отнесли меня к ведьме за пророчеством. Ты знаешь об этом? Что ж, я отверг этот культ так же яростно, как отверг очищение. Мои сограждане разорвали меня на части, но я снова собрал кусочки воедино, так что не думай, что я не смогу уничтожить тебя, Аидис.

Яз почувствовала, как по ней пробежал удар сердца звезды пустоты, раньше времени, словно слова Теуса ускорили его ритм.

Аидис посмотрел на Яз, белые глаза на лице, таком же темном, как у Мали:

— Зачем тебе нужны эти захватчики?

— Не твоя забота.

— Сеус будет считать это своим делом.

— Он здесь правит?

Аидис зарычал:

— Это царство принадлежит мне.

— Так что принимай свое собственное решение. Помогите мне в моем пути или выясните, почему твои просветленные хозяева решили отправить меня на север в цепях. Выясните, почему они не доверили своим вратам перенести меня или провести мое очищение в любом другом городе, кроме Весты.

— Я старше тебя, — пророкотал Аидис. — Я стоял у колыбели твоего вида...

Теус покачал головой.

— Я — древний, заново рожденный в этом мире. Я видел источник, дышал его воздухом. Мой вид создал тебя, а затем разбудил меня, чтобы я мог оценить их работу. И я не был впечатлен! — Теус уже рычал. — Помни, мы не сделали ничего, что не могли бы также разрушить. Это была их доброта — оставить вас всех функционировать. Дать вам задание, чтобы ваше существование имело смысл. Я не такой, — Теус ударил себя в железную грудь, — у меня нет доброты. Ее украли у меня вместе со сдержанностью. Так что испытай меня, если посмеешь. Я буду наслаждаться хаосом, который последует за этим. Ты... нет.

Лицо Аидиса посуровело. Он оторвал пята своего посоха от камня. Яз могла сказать, что Теус надавил слишком сильно.

Стержень-корень шагнул вперед, сцепив пальцы перед собой, его тон был утешительным и уважительным.

— Лорд Аидис. Это — царство мертвых. Ваше командование подземным миром неоспоримо — за исключением, возможно, двух ваших братьев на высоких тронах... Но,

очевидно, Прометеус далеко не мертв, как и другие, пришедшие вместе с ним — они дышат, по их жилам бежит кровь. Даже меня нельзя назвать по-настоящему мертвым. Я стою перед вами как простая копия, к тому же сломанная. Насколько я знаю, оригинал, по которому я был смоделирован, возможно, все еще жив, спрятан в какой-то складке времени, не тронутой годами. И поэтому, — Стержень-корень развел руками, чтобы охватить Яз и остальных, — отпустить нас будет воспринято как знак вашей власти, эхо от этого поступка разнесется по всему Олимпу. Это также будет рассматриваться как сохранение веры в ваших отсутствующих хозяев, передача на их суд вопроса, по которому боги не могут принять решение. Воля Сеуса здесь не имеет значения — мы все это знаем.

Яз поморщилась от очевидной игры на тщеславии Аидиса, но, судя по выражению лица бога, это оказалось эффективным. Возможно, когда-то его разум отвечал за бесперебойное функционирование городского комплекса, превосходящего все, что она могла себе представить, но с тех пор прошли целые эпохи, и любой разум, слишком долго предоставленный самому себе, начнет разрушаться сам по себе.

— В этом месте король я, — нараспев произнес Аидис. Затем он заговорил на языке, которым пользовался Теус, языке Пропавших, чьи слова, казалось, могли изменять мир. Длинный поток текучего звука, от которого воздух вокруг его головы замерцал и задрожал. Наконец он взмахнул посохом в их сторону и остановил его в нескольких дюймах от груди Мали.

— Он говорит, что мы можем идти, — сказал Теус. — Но любой, кто получил пропитание из подземного мира, обязательно вернется.

— Какое это имеет отношение к Мали? — запротестовала Яз.

— Вода... — у Турина внезапно сделался виноватый вид.

— Один глоток воды? — Яз покачала головой. — Скажи ему...

— Он может понять тебя, — прошипел Эррис.

— Мали не...

— Согласны! — Теус заговорил, перебивая Яз. — Пойдем.

— Но...

— Все в порядке. — Мали повесила сковороду на пояс и протянула руку, чтобы коснуться руки Яз. — Это мелочь.

— Нет! — Яз зарычала. — Я не...

— Я хочу вернуться сюда. Подумайте, чему я могу здесь научиться, — сказала Мали. — Это будет не навсегда, не так ли, лорд Аидис? В гости.

— Третью каждого года, пока ты не состаришься. — Аидис окинул их пристальным взглядом бледных глаз, вызывая их на спор.

— Сделка заключена. — Теус опустил на четвереньки и быстро зашагал к выходу.

Яз и остальные последовали за Зоксом обратно через лабиринт проходов и комнат к длинному склону, который раньше охранял трехглавый пес. Было легко увидеть Теуса в Зоксе, когда он стоял прямо, как человек. Но, когда он стоял на четвереньках, трудно было не думать о нем как о Зоксе, преданном и молчаливом псе.

Она не знала, что и думать. Теус был монстром, который похитил Зина, поработил множество Сломанных, был ответственен за убийства, каннибализм и пытки. Он также был ответственен за спасение их жизней, по крайней мере дважды, возможно, больше, и в этот самый последний раз от угрозы вечных мучений.

— Зачем мы тебе нужны? — У нее было искушение пнуть Зокса, чтобы привлечь внимание Теуса, но она поняла, что только повредит ногу. — Зачем ты это делаешь?

— Я изложил свои причины. Ты что, не слушала? — Он зарычал, более похожий на собаку, чем когда-либо был Зокс.

— Ты рассказал не все, — ответила Яз.

— Много веков назад меня привезли в этот город в цепях. — Теус повел их вверх по длинному склону. — Но разорвали меня на части именно в Весте. Вот где они отбросили мои грехи один за другим — и у меня их было много, по словам моих братьев. Они называли таких, как я, преступниками и террористами, потому что мы не разделяли их видение будущей утопии. Нам было все равно, что солнце умирает и мир замерзнет. Мы были готовы стоять до самого конца и оставаться самими собой.

Я не всегда был таким. Мои родители были бунтарями, и я восстал против их бунта, как часто делают молодые. Каждое поколение разочаровывает предыдущее. Я покинул лед — тогда у нас тоже был лед, но только на крайнем севере. Я стал ездить по городам. Я даже попробовал очиститься по собственной воле. В городе Айрес, в изнуряющей экваториальной жаре, я позволил им принести мне сердце-камень и вырезать первый из моих так называемых недостатков. Я сразу понял, что они уменьшили меня. Я знал, что приобрел меньше, чем потерял. Но в те последние дни, когда большинство из нас уехало, а оставшиеся готовились к последнему отъезду, не было места для выбора, не было времени для разных мнений. Никто не должен был остаться. Я забрал то, что потерял, и убежал, но они поймали меня здесь и доставили по суше в Весту, где разбирались с самыми сложными случаями. Принудительное очищение — тяжелое дело: они вырезали больше, чем нужно, просто для уверенности. Бледная тень, которая осталась от меня, Прометеуса, охотно пошла с ними, поблагодарив их за помощь. И я остался разорванным на куски, гниющим в защитных чанах вместе с миллионом других грязных осколков.

Мне нужно снова стать целым, поэтому я должен последовать за своими братьями и сестрами в их утопию и вернуть то, что было отнято. Чтобы последовать за ними, мне нужно открыть ковчег. Но четыре племени были умны. Когда они поняли, что с ними делают города, они проникли в последний из ковчегов и спрятали внутри управление своей луной. Что может быть лучшей защитой от оружия, которое Пропавшие оставили своим слугам, чем одна из собственных цитаделей Пропавших? И они заперли ее по-своему, надеясь, что никто никогда больше не сможет ее отпереть.

Мне нужен Стержень-корень, потому что он был там в то время. Он знает, что они

сделали. Он знает, какие изменения они внесли, какие средства защиты они установили и как ими управлять, как только ковчег будет разблокирован.

И как они заперли ковчег? Они привезли четыре своих корабль-сердца — такие же, как самые большие из наших сердце-камней, предназначенных для перемещения кораблей между звездами, — и они использовали их для создания барьера, который можно было открыть, только объединив четыре сердца кораблей. Но потом они разбили сердца кораблей на куски, и ни они, ни города не смогли их восстановить. Это была технология, которая была утеряна племенами, и умение, которое ушло вместе с Пропавшими.

Так что ты нужна мне, Яз, потому что сердце-камни сломали меня, и власть над ними покинула меня. Ты нужна мне, потому что на всем Абете единственный человек, который ближе к Пропавшим, чем я... это ты.

— Я не... — Яз покачала головой. Рассказы Икта о Мокке и Зене, наблюдавших с берега черного моря, как четыре лодки были выброшены на берег, были прекрасны и хороши. Но Мокка и Зен на самом деле не были Пропавшими!

— Пропавшие — пятое племя, — сказал Теус. — Часть первой волны, покинувшей родной мир человечества на вечность раньше тех, кто прибыл сюда из четырех систем. Я — часть последнего вознесения, которое покинуло Абет задолго до прибытия новых племен, но некоторые из секты моих родителей избежали очищения и сумели спрятаться в северных льдах. Это не то место, где можно процветать. Их потомки остались горсткой, ведущей примитивный образ жизни. Я не знаю, когда и как они познакомились с пришельцами, но их не узнали, и со временем их кровь смешалась, хотя их род остался на севере.

Итак, ты, Яз, как и Мали — полн-кровка квантал, а твоя быстрая подруга — хунска прайм; ты — Пропавшая-полукровка, наследница звезд, как ты их называешь, обладающая редкими талантами, которые откроют для меня ковчег.

Яз подняла голову, ожидая увидеть, что остальные смотрят на нее, как будто она была каким-то невиданным существом со льда, но вместо этого обнаружила, что все они смотрят на черные ворота, которые выплюнули их в подземный город. Она направила самую большую из своих звезд вперед, чтобы коснуться кольца, открывая путь.

— Пойдем. — Эррис шагнул и исчез.

Зокс поплелся за ним. Куина бросила на Яз непроницаемый взгляд, затем метнулась внутрь, за ней последовал Турин. Стержень-корень тек по их следу.

— Мали? — Яз жестом пригласила девушку пройти вперед.

— Я... — Мали схватилась за свою культу, морщась.

Яз поняла:

— В прошлый раз ты потеряла руку. Мне очень жаль.

Решимость застыла на лице Мали; она склонила голову и рванулась вперед. Яз бросил последний быстрый взгляд на пыльные залы Аидиса и шагнула вслед за ней.

— Да будет свет! — Стержень-корень молча хлопнул в ладоши, когда звезды Яз появились под черным куполом. Яз обнаружила, что лежит в черных воротах. Она перекаталась в сторону, перелезла через край и встала на ноги.

— Что теперь?

— Монстры Сеуса. После этого, если мы выживем, много ходьбы. — Турин без особой радости огляделся по сторонам. — Очень много ходьбы. Еды надолго не хватит.

— Если нас не убьет эйдолон, — отозвалась Куина с притворной веселостью.

— Хватит с меня ходьбы, — проворчал Теус. — Стержень-корень. Все эти прекрасные врата. Какие из них ты использовал, чтобы шпионить за девушкой? У тебя, должно быть, были врата достаточно близко к ней.

Яз хотела было возразить и заявить, что за ней никто не следил, но потом поняла, что Теус имел в виду Мали.

Стержень-корень вздрогнул и исчез.

— Эти, — крикнул он, появившись где-то посередине поля с лежащими воротами. — Но Сеус заблокировал все маршруты. Даже смотреть сквозь них опасно.

Зокс вышел, чтобы присоединиться к нему, его тяжелые ноги странно бесшумно ступали по черному полу. Внезапно вспомнив о своей жажде, Яз опустила одну из своих звезд на землю подальше от остальных. Черный пол исчез в круге, обнажив лед в ярде внизу. Она пожелала, чтобы звезда нагрелась, и начала растапливать бассейн.

— Турин? — Она указала на проблему. Если она оставит звезду там, остальные не смогут приблизиться к бассейну, который она делала. Если она уберет его, то пол закроется.

— К вашим услугам, леди Пропавшая. — Он наклонил голову, плутоватая ухмылка убрала боль из титула.

Мгновение спустя талая вода начала подниматься серебристой змеей, которая извивалась в воздухе. Яз вспомнила, как Турин нерешительно проверял свою силу в пещерах Сломанных, чтобы поднять лужу вокруг своей руки. Казалось, это было целую вечность назад.

Змея распалась на сверкающие сферы, почти как звезды Яз, и Турин сосредоточенным усилием направил их отдельно на Яз, Куину, Мали и себя. Они пили прямо из воздуха, удивляясь, как хорошо холодная вода действует на пересохшее горло.

— Теперь Стержень-корень скажет нам, что мы питались в черном куполе и поэтому должны возвращаться сюда каждый третий день, чтобы удовлетворять его призрачные потребности, — сказала Куина.

Но Стержень-корень склонился над дальними воротами, рядом с ним стоял Зокс, все еще запряженный в сани, везущие их скудные пожитки. Нос пса почти касался черноты ворот.

Яз и остальные присоединились к ним.

— Там сейчас ночь? — спросил Эррис.

Турин фыркнул:

— Как там может быть ночь, если здесь ее нет?

Яз кивнула. Она не могла видеть небо, но знала, что в это время года с такими короткими ночами за пределами купола должен был наступить еще один день:

— Значит там другое время? Разве ты не говорил, что врата ведут куда угодно и *когда* угодно? Может быть, они ведут в сегодняшний вечер. Или в прошлую ночь!

Зокс поднял голову, чтобы посмотреть на нее:

— Эта функция сохранилась в очень немногих вратах. А путешествовать в обратном направлении всегда неразумно. Кроме того, для этого обычно требуется сердце-камень гораздо большего размера, чем любой из тех, которые у тебя есть. Но Эррис прав: в одном месте может быть ночь, а в другом — день. Ваш мир — шар, вращающийся вокруг своей оси.

Пока Яз обдумывала эту идею, Теус поставил одну из тяжелых ног Зокса на ближайший сигил, который немедленно загорелся:

— Я нашел путь через это. Но он проработает недолго. За нами охотится Сеус.

— Мы просто?.. — Яз посмотрела на черный круг. Почему-то это казалось неправильным. Они так долго поработали себя этой задачей, столько дней трудились на льду, подставляли себя пасти ветра, были так близки к смерти, так близки к пределу своей выносливости и преодолели едва ли четверть расстояния; и теперь, здесь, в этом городе, затерянном в просторах всего этого льда, Пропавший предложил им возможность поглотить все оставшиеся мили одним шагом. Это было похоже на обман. Это было похоже на оскорбление путешествия Майи. Их собственных усилий. — Это просто...

— Кажется неправильным? — спросил Теус, поднимая голову, чтобы посмотреть на нее глазами Зокса. — Мои родители согласились бы с тобой. Технология — клин, который отделяет нас от реальности. Эти врата удаляют смысл от расстояния, от того, что ты получаешь, переходя из одного места в другое. Это тонкий конец клина, который отделил мой народ от их человечности. Тот же клин, который отделил меня от меня.

Куина опустила на колени и приложила кончики пальцев к темной поверхности врат.

— Я не хочу идти туда пешком. Теперь это так близко.

— И вот он у тебя, — сказал Теус. — Иногда клин просто слишком полезен, чтобы его не использовать.

Турин и Эррис перешагнули через край ворот, чтобы встать в темноте. К ним присоединились Куина и Мали.

Яз склонила голову:

— Это приведет нас в зеленый мир?

— Если поторопишься.

Яз посмотрела на Стержень-корня и подняла ящичек, который они нашли в подземном городе:

— Как мы тебя впустим?

Стержень-корень посмотрел на ящичек:

— Позаботься о нем. Я в него перехожу. Небезопасно оставлять здесь свою копию. Так что этот ящичек вот-вот станет бесконечно более ценным. Уничтожь его, и я уйду. Навсегда.

Яз поджала губы:

— Но как мы...

Стержень-корень щелкнул пальцами и исчез.

— О. — Яз сунула ящичек во внутренний карман своей нижней рубашки, затем последовала за Зоксом в круг. Высоко над ними звезды Яз следовали медленными кругами, снабжая ложное небо купола собственным созвездием. — Готовы? — спросила она.

— Готовы.

Звезды нырнули вниз, последовал момент стремительного замешательства, галактика пронеслась мимо и сквозь Яз, что заняло целую вечность и меньше, чем удар сердца. Она ступила на твердый пол среди сияния звезда-света и беспорядочно разбросанных каменных осколков.

Яз обнаружила, что стоит на четвереньках, голова слегка кружится, ее слегка подташнивает. Куски камня дождем сыпались вокруг нее, тонкие пластины, вращающиеся копыя материала, хрупкие и разбивающиеся при ударе о каменный пол под ней. Остальные окружили ее, прикрывая лица, все, кроме Зокса, об которого каменные сосульки разбивались, словно ударялись об пол.

Они были в пещере, украшенной натечным камнем. Каменные сосульки свисали с

потолка и поднимались с пола. Казалось, что обломки были тем же самым веществом, которое, должно быть, покрывало ворота и каким-то образом было сдуто энергиями, сопровождающими их появление.

— Отойдите от врат, — сказал им Теус.

Не следуя собственным инструкциям, Теус заставил Зокса вернуться к кольцу и дотянуться до него передними лапами, стоя на задних. Он коснулся нескольких символов.

— Нет смысла объявлять о нашем появлении. У этих врат все еще есть некоторые временные возможности.

Он отвел Зокса в сторону, и, когда тот отступил, каждый осколок разбитого камня плавно поднялся с земли, разбитые части соединились, более крупные куски вернулись в свой кувыркающийся полет по воздуху. Повторялись столкновения, ремонтировались разрывы, и с одним глубоко удовлетворяющим «бум» тысяча осколков одновременно ударила в металлические ворота, восстановив их облицовку из натечного камня и украсив ее сосульками, которые, как Яз каким-то образом знала, называются сталактитами и сталагмитами.

— Это все? — Куина заговорила первой, в ее голосе было явное разочарование. Звезды Яз висели на удобном расстоянии, освещая большую комнату, которая казалась естественной, вырезанной из скалы какой-то давно исчезнувшей рекой.

— По крайней мере, здесь тепло! — Яз стянула с себя верхнюю одежду, затем приступила к следующему слою.

— Нам нужно выбраться на поверхность, — сказал Турин. — Выяснить, где мы находимся.

— Я полагаю, ты не знаешь дорогу? — спросила Яз Теуса.

— Спроси у конструктора. — Теус направил голову Зокса в сторону Эрриса. — Он должен быть хорош в том, чтобы выбираться из разных мест.

Эррис пожал плечами:

— Я выбрался из Аидиса, не так ли?

— Я вытащил нас оттуда! — прогремел Теус.

Эррис снова пожал плечами:

— Я знаю только одно — я там был. Я хотел выбраться отсюда. И вот я здесь. Я не устанавливаю никаких правил относительно того, как я попадаю в места и выхожу из них.

— Веди дальше! — Турин махнул рукой в дальний конец пещеры.

— Хммм. — Эррис повернулся. — Сюда. — И он направился в противоположном направлении.

— Ты можешь блуждать наугад, пока мы не найдем выход или не умрем, — воскликнула Куина, когда Эррис посмотрел в тупик. Древний камнепад перекрыл узкий проход. Они шли уже несколько часов, иногда перебираясь через завалы.

— Или, может быть, я веду нас самым прямым путем через дьявольски сложный лабиринт, — ответил Эррис. — Я подозреваю, что мы никогда этого не узнаем. — Он поднял здоровую руку, вытянув палец, чтобы указать на отверстие в стене в нескольких футах над его головой. — Давайте попробуем таким образом. Или, если у кого-нибудь есть идея получше, мы можем сделать это по-своему. Это не точная наука.

Мали постучала по руке Яз тыльной стороной пальцев.

— Под моим монастырем есть такие пещеры. — Она нахмурилась, оглядывая гладкие от

воды стены. — Я исследовала их раньше. С Ниной. Мы не должны были этого делать, но...

— Ты знаешь выход? — спросила Яз. — Ты узнаешь какое-нибудь место?

Мали нахмурилась:

— Я не уверена. Есть много пещер, в которых мы не были. И все выглядит по-другому при свете звезд. У нас был фонарь...

— Сейчас «не уверена» звучит более убедительно, чем слова Эрриса, — сказала Яз. — Куда бы ты пошла, Мали?

Снова хмурый взгляд:

— Может быть, вон тот боковой проход, который мы уже прошли. Мы с Ниной и Джосси оставили метки, но, возможно, не так много, как следовало бы.

— Я не понимаю, что она говорит, — сказала Куина, — но я голосую за то, чтобы последовать за Мали.

— И я, — согласился Эррис. Но, увидев несколько обвиняющих взглядов, обращенных в его сторону, добавил: — Что? Я не знаю, как это работает. Но мы выберемся отсюда. Вот увидите.

Мали отвела их обратно к повороту, и они пошли по проходу, такому узкому, что сани и тающую рыбу пришлось бросить. Яз, как и Куина и Турин, настояли на том, чтобы унести как можно больше рыбы, набив свои карманы.

— Она просто сгниет на жаре, — сказал им Эррис. Но несмотря на то, что Яз верила ему, она не могла оставить еду.

Зокс протиснулся в самую узкую часть прохода, царапая стены, кусая камень и отламывая его куски, когда он продвигался вперед.

— Есть! — Через пятьдесят ярдов Мали опознала первую из ее меток, несколько царапин на камне, которые легко было пропустить. — Я... дома. — Ее голос задохнулся от эмоций. Яз не нуждалась в их связи, чтобы понять — девушка думала о трех других, которые не вернутся с ней или когда-либо снова.

Мали повела их дальше, почти ничего не говоря, все чаще находя свои метки.

Внезапно, на расстоянии нескольких дюжин шагов, воздух стал еще теплее, и Яз почувствовала незнакомые запахи. Впереди было свечение, становившееся все сильнее по мере их продвижения, пока оно не затмило звезды, движущиеся перед ними.

Они, спотыкаясь, вышли на свет, ослепленные им, прижав руки к глазам.

— Осторожно! Осторожно! Здесь очень крутой подъем. Вы можете упасть. — Мали говорила очень серьезно.

— Там есть путь, — сказала Яз остальным. — Несколько ярдов. Будьте очень осторожны.

Они нащупывали землю ногами, вслепую пробираясь по камням, пока не вышли на более ровную площадку. Тепло напомнило Яз о пещере для сушки. Ветер, который едва ли можно было назвать ветром, ласкал ее обнаженную кожу. Дюжина ароматов наполнила воздух, ошеломляя ее, чужеродных, но манящих. Там тоже были звуки, не стоны и завывания ветра, но... она не знала, что именно, тихие голоса многих разных вещей, сливающиеся в один нежный шепот.

Яз слегка растопырила пальцы, глядя вниз и морщась от яркого света. Они выбрались из узкой трещины в скале и вскарабкались по каменному склону на то, что выглядело как

тропа, расчищенная для использования. Мысль о том, что по любому пути можно ходить так часто, что он станет чем-то самостоятельным, была для нее новой, и она позволила этой идее отвлекать себя, прежде чем еще бóльшая новизна смогла ее затмить. Вокруг были камни. Тропа вела круто вверх и круто вниз, извиваясь по склону того, что было почти утесом. Именно так ее разум впервые представлял себе мир без льда. Убери лед, и ты найдешь камень или море, лежащие под ним.

— Ой. — Куина тихо вскрикнула, как будто получила рану в сердце. — Это слишком много.

Яз убрала руки, моргая, и посмотрела туда, куда смотрела Куина. Они были на середине склона почти отвесного утеса, на тропе, которая петляла взад и вперед. И с их высоты открывался такой чуждый вид, что Яз попятилась назад, пока не споткнулась и не упала на крутой склон позади себя. Это было *слишком* много. Зелень на зелени, леса, поля, дороги, изолированные фермерские дома, далекий город, пухлые облака. Без словарного запаса, который она позаимствовала у Эррис, Яз не смогла бы разделить то, что она видела, на почти управляемые части. Куина, пораженная внезапной полнотой мира, в который она никогда до конца не верила, могла только стоять в благоговейном страхе.

— Это слишком много, — повторила Куина и протянула руку, как будто в этом месте она больше не понимала разницы между близким и далеким и могла бы провести пальцами среди каких-нибудь далеких деревьев. Она судорожно вздохнула, разрыдалась и рухнула на землю, как сломанная. Мали последовала за ней вниз, обняла ее за плечи и тихим голосом произнесла свои бессмысленные слова.

Турин стоял, как будто был серьезно ранен и беспокоился, что любое движение может привести к тому, что его кровь прольется наружу. Двигались только его глаза, его взгляд то туда, то сюда, то возвращался. Слезы ручьями текли по грязи, которой он был покрыт, карабкаясь по обломкам в Аидисе.

— Я совсем забыл, — сказал Эррис, тоже охваченный благоговением. — Я думал, что все помню. Я думал, что моделирование было совершенным...

Яз хотелось смеяться и плакать одновременно. Мир вокруг нее был так полон, и полноте внутри нее некуда было деваться. То, что показал ей Эррис, казалось реальным и чудесным, и даже сейчас она не могла точно определить его недостатки. Но тот мир был лишь бледной тенью этого. Нежный ветер нес с собой музыку. Где-то рядом певчая птица выводила трели из своего крошечного сердечка, рассыпая ноты по склонам. Яз и остальные стояли, их лица застыли от эмоций, проливая еще больше слез, которые даже не замерзали в эту южную жару.

Яз медленно подняла глаза.

— В небе полно птиц, — выдохнула она.

Мали, нахмурившись, посмотрела на облака, потом рассмеялась:

— Это еще не полно. Я отведу вас в лес и покажу, что такое полно.

— Это просто грач, которого окружили несколько скворцов. Бедняжка, наверное, направляется в монастырское гнездовье. Он несет послание от кого-то важного. — Мали помогла Куине подняться на ноги. — Я отведу вас в Сладкое Милосердие. Вы не можете просто так бродить по округе. Я не уверена, что существуют законы, запрещающие это, но так близко к столице на банду жителей лед-племен будут смотреть с подозрением. Скорее всего, вы окажешься в камере в Истине. А он, — Мали снова взяла сковороду и указала ею на Зокса, — он устроит бунт. Академики разберут его на части, чтобы посмотреть, как он работает.

Яз нахмурилась. Большая часть ее просто хотела поскорее спуститься по тропинке и затеряться среди деревьев у подножия утеса. Она видела, что Куина и Турин хотели бы сделать то же самое. Если здесь, наверху, было так, то каково же должно быть там, внизу? Вместо этого она попыталась сосредоточиться на практических вопросах. Мысль о том, что кто-то может возражать против того, чтобы она куда-то пошла, была ей чужда. На льду не было никаких ограничений, кроме одного — нельзя ловить рыбу в море другого клана. Мысль о том, что это место невероятно переполнено и есть достаточно людей, которые следят за соблюдением любого такого закона, также с трудом укладывалась у нее в голове.

— Ты хочешь сказать, что Зокс... я имею в виду Теус... они оба не могут пойти с нами?

— Он мог бы прийти в монастырь, но мы должны были бы сначала предупредить их. Спросить у настоятельницы.

— По крайней мере, это означает, что нам не придется беспокоиться о монстрах Сеуса, — сказал Эррис. — Звучит так, как будто любой из его ужасов, спустившихся со льда после нас, поднял бы против них армии.

— Есть другой способ. — Голос Теуса-Зокса пронесся через склон. Это все равно заставило Яз подпрыгнуть. Зокс так долго был их молчаливым спутником. Казалось неправильным, что он говорит. — Один из вас может меня нести.

— Этого *не* произойдет. — Яз спустила свои звезды с их высоких орбит, и они угрожающе выстроились позади нее. — Если ты все еще не будешь в Зоксе, когда мы уйдем, тогда я собираюсь посвятить все свои таланты, которые, по твоему мнению, у меня есть, чтобы разорвать тебя на части, с которых ты начал, а затем распространить их на восемьдесят восемь ветров. Если тебе нужны я и Стержень-корень, тогда тебе придется понять, что теперь ты — часть клана, и обязательства идут в обоих направлениях. Ты останешься здесь и...

— Он мог бы поехать в ящичке со Стержень-корнем? — предположила Куина, ее голос все еще был хриплым от эмоций, но разум оставался острым.

— В этой тюрьме? Я предпочитаю остаться здесь. — Зокс попятился в трещину, из которой ему еще предстояло полностью выбраться.

— Тогда решено, — сказала Яз. — Мали может отвести нас в свой клан, и мы поговорим с этой Матерью Настоятельницей. Если мы хотим чего-то добиться в этом месте, нам нужно встать на ноги, понять, как здесь все устроено. — Перед ее мысленным взором промелькнуло безглазое лицо Эулара. Увечья были его наградой за то, что, по его словам, он ступил на зеленые земли. Правда это или нет, но универсальный инстинкт требовал

защищать то, что у тебя есть, и Яз знала, что им придется действовать осторожно. — Мали?

Девушка нервно оглядела их, словно вспоминая, как странно они все будут выглядеть для ее народа. Она взглянула на свою культу и привязанные к ней шкуры, покрытые коркой крови.

— Эррис должен прикрыть свою руку. Эти раны выглядят неестественно. Он привлечет внимание. Я имею в виду, еще больше внимания. — Она поморщилась. — Если бы вы могли поделиться своими шкурами, чтобы он был одет так же, как и вы... Я просто беспокоюсь, что за ним придут академики и...

— Они его заберут. — Яз уже не нравились эти академики.

— Как и звезды. Лучше всего было бы их спрятать. Они опасны и пугают людей. Это не лучший способ произвести хорошее первое впечатление, — сказала Мали.

Яз послала свои звезды в трещину вслед за Зоксом, достаточно далеко, чтобы их сияние не было видно. На самом деле трещину было почти невозможно заметить с тропы, поэтому звезды, казалось, были хорошо спрятаны.

— Такое чувство, что мы постепенно разоружаемся. — Турин положил руку на свой нож. — Мы тоже должны оставить наши клинки?

— Он спрашивает о своем ноже, — перевела Яз.

Мали усмехнулась в ответ на это:

— Ты видела, как я сражаюсь. И я даже не очень хороша. Я бы никогда не стала Красной Сестрой. Поверьте мне, монахини не будут беспокоиться о ваших ножах. Они могут попросить вас сдать их просто для того, чтобы проверить вашу добрую волю. Так что лучше всего взять их с собой. Тогда у тебя будет немного доброй воли, чтобы проявить ее.

— Я заметил, что она не отпускает эту кастрюлю, — проворчал Турин.

Яз перевела, и Мали усмехнулась. Она подбросила ее в воздух и поймала.

— Я пока подержу это у себя. На случай, если мы встретим еще каких-нибудь монстров! — Она подняла помятую сковороду и критически осмотрела ее. — Я могла бы даже попросить изменить мое сестра-имя.

— Извини? — Яз не поняла.

— Мое сестра-имя. Когда мы принимаем священный сан — выходим замуж за Предка и становимся монахинями, — мы берем имя какого-нибудь мирского предмета, чтобы оставаться смиренными. Ну, знаешь, типа, Камень, Горшок или... Сапог. Ну, я думаю, что теперь мое имя должно быть Сковородка. Предполагается, что ты не должна его менять, но... — Она подняла культу. — Теперь я другая девушка. Так что, может быть, мне позволят взять другое имя.

Мали повела их вверх по крутой тропинке, которую она называла Дорогой Безмятежности. Яз, Куина, Турин и Эррис последовали за ней, Эррис выглядел почти комично в шкурах и мехах, которыми они сумели поделиться. Через пятьдесят ярдов Яз вернулась назад, чтобы проверить, что Теус все еще внутри Зокса. Он ворчливо согласился, что никуда не убежал.

По мере того как они набирали высоту, пейзаж, который они могли видеть, расширялся все больше и больше. Яз пришлось заставить себя следить за тропой впереди, рассудив, что иначе она оступится и будет катиться по склону до тех пор, пока не достигнет дна. Она решила, что идти вверх было правильным решением. Пребывание на этой каменистой середине между пустым льдом и переполненными землями внизу было лучшим способом

успокоиться. Она никогда не представляла себе такую обширную территорию без льда. Даже горизонт был зеленым.

По мере того как они поднимались, Мали, казалось, шла все медленнее и медленнее, опустив голову. Яз видела, что подъем не утомил ее, и уже собиралась спросить, когда через их связь почувствовала печаль девушки. Яз думала, что Мали будет рада вернуться, но теперь она вспомнила, что послушница возвращалась с призраками трех своих друзей за плечом. Возможно, и больше. Яз не поинтересовалась, сколько еще людей сопровождали Мали на льду. Скоро девушке придется рассказать историю их смерти.

— Там кто-то есть, — сказал Эррис, понизив голос.

Яз бросила быстрый взгляд на вершину, где удивительно мягкий, желтоватый камень внезапно сдался небу. На краю обрыва в ожидании стояла фигура. Кто-то в бледно-голубой одежде, ее волосы были покрыты тем же материалом, который обрамлял лицо, слишком далекое, чтобы можно было разглядеть какие-либо детали.

— Зубы Предка! — прорычала Мали. — Как она узнала?

— Кто это? — Куина открыто смотрела на женщину, явно очарованная цветом ее мехов и тем фактом, что это были вовсе не меха.

— Госпожа Путь, — сказала Мали. — Она одна из тех, кто учит нас, послушниц. В наши дни она очень редко покидает монастырь.

Когда они подошли ближе, Яз увидела, что Госпожа Путь действительно была очень старой женщиной. Самый старой из всех, кого она когда-либо видела. Гораздо более морщинистой и покрытой пятнами, чем даже Эулар, который был самым старым мужчиной, которого она встречала. Годы, казалось, сморщили и высушили ее, а затем навалились сверху, чтобы согнуть своим весом. Она опиралась на черную палку и терпеливо наблюдала за их приближением огромными глазами.

Когда они приблизились, Мали открыла рот, чтобы заговорить:

— Госпожа П...

— Добро пожаловать. — Старуха заговорила на лед-языке со странным акцентом. Она коротко сморщила нос. — Я Сестра Сова, и это монастырь Сладкого Милосердия, посвященный служению Предку. Послушницу Мали я знаю, хотя и не ожидала встретить ее здесь. — Ее взгляд на мгновение опустился на отсутствующую руку Мали. — К кому еще я имею удовольствие обратиться?

— Яз, из Икта. — Яз не знала, как эти люди проявляют уважение, поэтому она наклонила голову.

— Куина дочь Хелланса, из Кас-Кантор.

— Лестал Эррис Кроу из свободного города Эйнджелстоун.

— Турин... — Турин, казалось, пытался найти какое-то название, чтобы превзойти Эрриса. — Турин Лед-Копье, из Сломанных.

Яз улыбнулась упоминанию Турина о том, как он проткнул эйдолона, но и без того широко раскрытые глаза Сестры Совы расширились еще больше при представлении Эрриса, и ее пристальный взгляд не отрывался от него.

— Ах! Сотворенный человек. — Она подняла свою палку одной морщинистой рукой, и ноги Яз оторвались от земли всего на дюйм или два. Все они поднялись, за исключением Эрриса, который остался на месте. Монахиня вернула их всех на положенные места. Магия ощущалась точно так же, как у Турина. — Лестал Эррис Кроу из свободного города Эйнджелстоун, — продолжила сестра Сова с кривой улыбкой. — Я так долго ждала встречи

с тобой.

Для Яз понятие разных языков было чем-то совершенно новым и она не удивилась, что монахиня могла говорить на них. Именно замешательство на лице Мали напомнило ей о странности происходящего. Яз сделала все возможное, чтобы помочь, протолкнув слова старухи к Мали через их связь, надеясь, что это даст ей их понять. Мали в ответ улыбнулась.

Эррис склонил голову набок, глядя на Сестру Сову:

— Ты меня знаешь?

— Когда я была маленькой девочкой. — Сова взглянула на Мали. — Возможно, твоего возраста. У нас здесь была легендарная Сестра Облако в качестве Госпожи Путь. Та самая, которая подчинила себе Западного короля. У этого гордого человека в замке был любопытный пруд, полный не воды и даже не крови, как в культах ведьм Баррона, а других мест и других времен. Сестра Облако целый год смотрела в это темное зеркало. Не так долго, чтобы потерять рассудок, но достаточно долго, чтобы стать странной. Она сделала много пророчеств — ни одно из них не является правдой, потому что, если ты предсказываешь будущее, ты его меняешь, — она просто использовала их, чтобы направлять нас. Прикосновение света Предка, так она назвала это. Она рассказала мне только об одном из них. Остальные записаны в железной книге, которую хранит Церковь. Мне, по ее словам, она рассказала только потому, что увидела сомнение в моем сердце. И чтобы я знала, что все, что она когда-либо говорила мне, было правдой. Она сказала, что это подарок. Хотя сейчас, сто лет спустя, это кажется горьким, потому что на смертном ложе она рассказала много темных секретов. — Сестра Сова улыбнулась, показав несколько зубов. — Простите бредни старой женщины. Эррис из Эйнджелстоуна: ты долго приходил, и у меня был утомительный день. Добро пожаловать.

— Но... — Мали переводила взгляд с одного на другого. — Как вы узнали, что должны быть здесь? Сестра Облако сказала вам прийти? — Мали произнесла имя Сестры Облако так же, как Икта могли бы говорить о Боге в Море.

— Нет, дитя. Ничего столь точного никогда не слетало с губ этой женщины. Я почувствовала сильный пульс в нитях и поняла, что это какое-то рода прибытие. Поскольку я сомневалась, что вы спуститесь с небес, я решила ждать здесь. Я полагаю, вы могли бы подняться по Винной Лестнице и сделать меня скорее глупой, чем мудрой. Но, похоже, я сделала правильный выбор.

Сестра Сова повела их прочь от тропинки на утесе, бормоча что-то Мали на их родном языке. Яз обнаружила, что они достигли вершины широкого плато, покрытого все тем же голым камнем. Ветер здесь был сильнее, воздух прохладнее, но все равно оставался лишь слегка сильнее приятного бриза, даже в ее нижней рубашке, шкурах крот-рыбы и немногом другом. Плато простиралось на мили, простираясь на север и запад. Монахиня повела их к ближайшему углу, где странный лес огромных каменных колонн отраживал пространство, отведенное под здания.

Яз улучила момент, когда они добрались до колонн, чтобы оттащить Мали назад и прошептать:

— Что она тебе сказала там, на утесе?

Мали усмехнулась:

— Что мы все пахнем рыбой и могли бы принять ванну, прежде чем встретимся с аббатисой.

Яз нахмурилась и задумалась, чем еще должны пахнуть люди и что такое ванна.

Проходя между огромными колоннами, Яз вспомнила лед-город, который они совсем недавно пересекли. Те башни были в десятки раз выше, но урок, казалось, заключался в том, что если ты хочешь только одного — заставить людей чувствовать себя крошечными, — ты, в значительной степени, напрасно стараешься, если уже вышел за определенную черту.

— Послушницы будут считать, что вы спасли юную Мали со льда и вернули ее домой, — сказала Сестра Сова. — Это, по сути, мое предположение. Но, учитывая странность, предшествовавшую вашему прибытию, и то, что один из вас намного больше, чем кажется, я думаю, что за вашим прибытием кроется гораздо бóльшая история, чем я могу себе представить. — Она какое-то время молчала. — Я не спросила тебя об остальном Мистическом Классе, Послушница Мали. Я молюсь, чтобы новости были хорошими, но плохие новости стоит рассказывать как можно реже, и я вижу, как печаль тянется за тобой. Так что соберись с духом и, когда придет время, честно расскажи о своих сестрах.

Они видели монастырь лишь мельком, пока не прошли колонны, которых было сотни и сотни. Они не служили никакой цели, которую могла видеть Яз, и их не смогли построить все три известных племени за десяток лет. Монастырь поразил бы Яз шестимесячной давности, но сегодняшнюю Яз, которая видела города Пропавших — как над землей, так и под землей, — удивить было труднее. Центральный купол, однако, был впечатляющим произведением архитектуры, а здания, разбросанные вокруг него, казались одновременно величественными и завораживающими.

— Вы пришли во время урока, — объяснила сестра Сова. — Я вышла из Серого Класса оставив их глядеть на головоломки. Надеюсь, ничего не подожгли. — Она посмотрела поверх крыш на далекую башню и нахмурилась. Дым выходил из полудюжины труб, расходясь черными полосами.

Учитывая количество зданий, это место действительно казалось довольно пустынным. Несколько монахинь в черных одеждах двигались между дверными проемами, съезжившись, как будто думали, что здесь холодно. В здании с открытым фасадом монахиня — герант по размерам — колотила молотком по куску раскаленного железа. Это напомнило Яз о Кайлале за работой перед его кузнечным горшком.

Куина остановилась, когда они проходили мимо одного из дверных проемов, и неуверенно потянулась к двери:

— Это... это дерево?

Сестра Сова повернулась и после минутного замешательства улыбнулась:

— Да. Ты ведь не часто видишь это на льду, не так ли?

Куина не ответила, но с медленным восхищением приложила кончики пальцев к шероховатой поверхности:

— Яз, оно настоящее! Иди и почувствуй.

Яз поняла, что нужно ее подруге, и подошла, чтобы присоединиться к ней. Она приложила обе руки к поверхности, удивляясь ее структуре.

— Так много всего, — Она повернулась к Сестре Сова. — Вы сочтете нас странными, но нас сюда привела маленькая деревянная бусинка, не больше ногтя большого пальца, самая ценная вещь, которая у нас была. Все дерево, которое мы когда-либо видели. А теперь... это.

Монахиня нахмурилась, все еще продолжая улыбаться.

— Вы не проходили через леса, чтобы добраться до нас? — Она отвернулась и пошла дальше.

Куина и Яз последовали за ней, переглянувшись, понимая, что им придется быть более осторожными в своих словах.

— Ну... — начала Яз, надеясь, что правдоподобный ответ придет ей в голову, когда она заговорит. — Ну, когда мы...

— Что, черт возьми, это такое? — взвизгнула Куина и пронеслась мимо Яз, как будто ее преследовали демоны.

Яз повернулась, чтобы посмотреть, и отступила назад, потрясенная. Существо было маленьким, но двигалось с яростной важностью, не выказывая никакого страха. Его ноги были похожи на тонкие, ребристые кости, и оно стояло на двух из них, все его ступни были растопыренными пальцами и ничем больше, как у Наблюдателя. Оно смотрело на нее черными глазами-бусинками, расположенными по обе стороны от острого выступа, торчащего из его лица.

— Боги в Море! Здесь их еще больше! — Куина прижалась к Эррису, пытаясь использовать его как щит. — Сеус послал их, чтобы убить нас!

— Мы называем их цыплятами, — сказала сестра Сова. — Это нелетающие одомашненные птицы. Они бродят вокруг и клюют в поисках пищи.

— Они выглядят злыми. — Куина, казалось, не успокоилась.

Прежде чем сестра Сова успела рассказать про цыплят, раздался резкий металлический звон. Сначала Яз подумал, что это, возможно, кузнец ковала новый кусок металла, но тон был слишком ровным, и казалось, что он доносится откуда-то сверху.

— Бител, — сказала сестра Сова, как будто это все объясняло.

Яз задумалась, не вернулась ли старуха на свой родной язык:

— Прости?

— Это колокол, он прозвонил предупреждение, — сказала Мали. — Мы должны собраться у дома настоятельницы. Это очень срочно.

— Пойдем! — Сестра Сова резко повернула и направилась к одному из больших строений, расположенных рядом с большим куполом, с самой высокой точки которого, как теперь поняла Яз, звонил колокол.

Открытые пространства монастыря быстро начали заполняться. Монахини, как молодые, так и старые, появились из дверных проемов, некоторые вытирали руки о фартуки или поправляли повязки на волосах. Двое в красных одеждах уверенно прошествовали мимо, стройные, прикрытые оружием, свисающим с их бедер. Женщина в сером спрыгнула с ближайшей крыши и приземлилась без видимых трудностей, прежде чем последовать за потоком. Послушницы начали высыпать из арочных проходов, одна группа поспешила вверх по каменным ступеням из того, что служило подземным городом монастыря. Многие были маленькими детьми, другие — почти взрослыми женщинами, отличающимися от младших монахинь только тем, что их волосы оставались непокрытыми.

Многие послушницы уставились на Яз и ее друзей. Эррис и Турин привлекли к себе больше всего внимания, но присутствие Мали также вызвало интерес. Пока они спешили к дому настоятельницы, послушницы переговаривались, и Яз уловила на их губах имя Мали.

Казалось, все здания монастыря опустели. Сотня или около того монахинь и послушниц жались друг к другу от ветра, который едва ли был ветром, наблюдая за ступенями дома

настоятельница и ожидая. Сестра Сова подошла и встала на ступеньки вместе с другими старшими монахинями перед большой дверью из обитого железом дерева. Бител замолчал, последний лязг эхом отразился от башен и крыш.

Яз и ее друзья стояли на краю толпы. Наблюдая. Ожидая.

— Это как-то связано с сообщением, которое принесла птица, — предсказала Мали.

— Я думала, ты шутишь. Птицы приносят сообщения? — Яз удивленно посмотрела на небо. Она огляделась вокруг, наконец-то в этот момент тишины осознав, что они добились своего. Они достигли конца своего невозможного путешествия. Так далеко ото льда, что его не было видно. Так тепло, что они могли бы ходить голыми, если бы позволяли приличия. Они стояли среди людей, которые всю свою жизнь прожили в этой жаре и изобилии, на острове из камня посреди зеленого моря. Деревянная бусина Куины была бесценной наградой, и все же в пределах видимости было достаточно деревьев, чтобы у каждого человека на собрании могла быть тысяча таких. Не тысяча бусин — тысяча деревьев!

— Мы добились своего. Мы здесь. — Она сразу же захотела, чтобы Зин это увидел. Она хотела, чтобы Квелл мог полюбоваться лесами и полями, бегущими реками, цыплятами, расхаживающими тут и там, как крошечные лорды, находя еду, просто лежащую на земле. Майя должна была быть с ними. И Као. И все остальные, кто пал после того, как Яз сама упала в Яму Пропавших.

Чья-то рука нашла ее. Куина крепко сжала ее руку:

— Это действительно настоящее, не так ли? Это происходит на самом деле?

Турин тоже стоял очень близко, словно они втроем должны были прикрывать друг другу спины в толпе.

— Это удивительно. Я хочу спуститься туда, где зелень. Я хочу все увидеть. — Он взял ее другую руку, голые пальцы переплелись с голыми пальцами. — Мы могли бы жить здесь. Подбирать еду с земли, как цыпленок. Нам даже не понадобится убежище.

— Теус и Стержень-корень дышат нам в затылок, — предупредил Эррис, — и Сеус не перестанет пытаться убить нас. Если он не сможет использовать своих металлических монстров, он просто найдет другой способ. Он контролирует сети. Теус смог найти для нас выход, но Сеус вскоре узнал об этом. И мы потратили впустую несколько часов в тех пещерах.

Мали прислушалась к невнятной болтовне среди младших послушниц. Она повернулась к остальным, чтобы сообщить о своих выводах:

— Архонт приехал в гости!

— Кто такой архонт? — спросила Яз.

— Большой человек, — объяснила Мали. — Есть первосвященница Церкви Предка, и под ней — четыре архонта. Этого назначили недавно, после несчастного случая с Архонтом Эльбрада. Вся империя разделена на четыре престола, и архонт, который приехал в гости, отвечает за престол, в котором мы находимся.

— К нам приезжает важный жрец, — перевела Яз для остальных.

Вскоре появилась настоятельница, высокая угловатая женщина, держащая еще более высокий посох, заканчивающийся золотым завитком. Она сказала им то же самое, что и Мали, используя гораздо больше слов. Очевидно, архонт прибудет так скоро, что они все должны были стоять там и ждать его. Сестра Сова что-то сказала настоятельнице со своего места несколькими ступеньками ниже, и настоятельница нашла в толпе группу Яз. Мали перевела ее приветствие и заверила, что у них будет время поговорить позже в этот же день.

Яз не терпелось все исследовать — ожидание казалось бесконечным. Ей хотелось побегать по монастырю. Она хотела видеть, трогать, чувствовать и пробовать все на вкус. Теперь она знала, каково это было для Турина — вылезти из дыры, которую он проделал во льду, и впервые увидеть солнце, висящее в небе, плоское пространство льда и почувствовать ветер; впервые за всю жизнь, проведенную в тесноте пещер, позволить своим глазам остановиться на далеких местах. Яз вынырнула из-под льда спустя время, которое казалось долгим, но на самом деле было всего лишь горсткой дней. Но этот новый уход ото льда означал такой же глубокий переход, каким для Турина было его бегство.

— Он идет! — прошипела Куина.

Все головы повернулись в сторону леса колонн. Появилось странное и ужасающее существо, намного большее человека, с четырьмя длинными ногами и длинным клином головы, украшенной черной гривой. Ужасно, но оно, казалось, слилось с лохматым, покрытым волосами человеком или чем-то подобным, верхняя половина которого выступала из горизонтальной спины существа. Люди в доспехах с копьями последовали за зверем между двумя колоннами, ничуть не обеспокоенные его присутствием.

— Его послал Сеус? — потрясенно спросил Турин. Он отпустил руку Яз и потянулся за ножом, готовый сразиться с монстром.

— Я... я не уверена, — слабо произнесла Яз.

Мали, казалось, была смущена их реакцией:

— Это архонт. Он ездит на лошади, потому что он старый. Кроме того, кажется, все ездят повсюду, если у них есть на это деньги.

— Лошадь? — Когда архонт и его люди подошли ближе, Яз увидела, что лохматый мех, который она считала частью человеческого облика, был одеждой, а ноги мужчины были по обе стороны от существа, которое его несло. Лошадь выглядела больше, чем хула. — Это безопасно?

Мали рассмеялась:

— Довольно безопасно. Они едят траву. Но не становитесь позади них. Они иногда лягаются.

— Они едят траву? — Яз была поражена. До недавнего времени все животные, о которых она знала, ели животных помельче. — Вы можете есть траву?

— Ну, лошади могут, — сказала Мали. — Мы — нет.

Монахини и послушницы отошли в сторону, чтобы позволить архонту и его десяти стражникам подойти к ступеням дома настоятельницы. В отличие от своих людей, архонт носил отполированную белую маску, которая облегла его черты.

— Как он видит? — прошипела Куина.

— Что?

— Никаких прорезей для глаз, — сказала Куина.

— Ты, должно быть, пропустила их. — Яз была слишком отвлечена цветом одежды охранников, одинаковым и сложным, и странностью лошади, чьи ноги звенели по камню так же, как у Зокса.

Архонт спешил, ему помог стражник, и подошел, чтобы встать рядом с настоятельницей. Они обменялись несколькими словами и посмотрели туда, где стояли Яз и ее друзья. Аббатиса выглядела озадаченной. Было сказано еще несколько слов, но это было слишком далеко, чтобы Яз могла расслышать, даже если бы она могла говорить на этом

языке. Настоятельница медленно кивнула, как будто неохотно, и они с архонтом спустились по лестнице. В сопровождении стражи архонта они приблизились к Яз и ее группе, толпа монахинь и послушниц сдвинулась так, что, не сделав ни шага, Яз оказалась перенесенной с края в центр собрания. Одна из монахинь позади нее была выше семи футов, мускулы натягивали ее черные одежды. Монахини в сером и красном одеяниях теперь были ближе, со всех сторон.

— Яз? — Турин огляделся вокруг, тоже чувствуя перемену, как будто ветер переменялся.

— Ничего не делай, — сказала Яз. Эти женщины были опасны. Она это чувствовала. И они, естественно, будут остерегаться незнакомцев. Особенно тех, кто со льда, где жизнь была такой тяжелой, кто оказался среди этого невообразимого изобилия. Возможно, живущие здесь воспитывали только людей, которые будут защищать то, что у них есть. Возможно, любой другой бы вид погиб.

Послушницы перед ними расступились в стороны, и там, во всем великолепии, предстали церковные стражники в богатой униформе, ярких цветах и изящно сработанных доспехах. На нагруднике каждого мужчины или женщины было изображено дерево, инкрустированное каким-то золотым металлом, ветви разделялись и снова разделялись, когда тянулись к небесам, а под стволом виднелись другие ветви, которые, должно быть, тянулась под землей точно так же, как тонкие корни грибов Сломанных пронизывали тощую землю на полу пещеры. *Корни*. Яз вспомнила это слово. Эти корни уходили так же глубоко, насколько ветви тянулись в высь, но уменьшались до одного корня, уходящего глубже, чем все остальные.

Стражники разделились, открыв аббатису с суровым лицом, ее серые глаза изучали каждую деталь жителей лед-племен. Архонт стоял рядом с ней, мужчина гораздо более худощавого телосложения, чем предполагала его меховая мантия, гладкая белая маска без отверстий для глаз, носа или рта. Сестра Сова и гораздо более молодая монахиня в сером стояли позади настоятельницы, по одной за каждым плечом.

Настоятельница начала говорить. Яз ничего из этого не поняла, но выражения лиц окружающих начали застывать. Женщина говорила, и Яз прикусила язык, борясь с желанием, чтобы Мали перевела. Если дела пойдут плохо, Яз не хотел, чтобы Мали считали запятнанной ассоциацией. Она заставила девушку подумать, надеясь, что их связь позволит ей воспринять это: *Не говори мне, что она сказала. Сохрани нашу связь в секрете.*

— Ты мог мя?.. понимай? — спросила монахиня в сером. Это прозвучало почти так, как будто она использовала настоящие слова.

Сестра Сова покачала головой, что-то сказала настоятельнице, а затем заговорила на языке племени со странным акцентом. Первое слово, сорвавшееся с ее губ, заставило пустую маску архонта резко повернуться к ней лицом.

— Госпожа Тень думает, что вы — один из местных лед-кланов, которые торгуют с пеларти или джурегами на окраинах. Очень немногие в этой империи говорят на языке севера. — Древняя женщина прочистила горло. — Настоятельница сказала вам, что, наряду с другими делами, наш архонт прибыл с новостями о жестоком ограблении по дороге в Истину. Церковная экспедиция на лед была лишена ценного артефакта. Несколько охранников были убиты. К сожалению, нападавшие были жителями лед-племен, подходящими под ваше описание.

— Что было украдено? — Яз с подозрением посмотрела на бесстрастную маску

архонта.

— Белый ящичек, — сказал архонт на прекрасном языке племен, удивив даже Сестру Сова. Его скрюченные руки сформировали что-то размером с ящичек, в настоящее время занимавшего самый большой из внутренних карманов Яз. — Ценный артефакт сам по себе. Но в определенных кругах содержимое ценится еще больше.

Архонт протянул обе руки, взявшись за края своей маски. Он снял ее, открыв знакомое безглазое лицо.

— Добро пожаловать в зеленые земли, дитя, — сказал Эулар. — Ты проделала долгий путь, чтобы умереть здесь.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

БЛАГОДАРНОСТИ

Как всегда, я очень благодарен Агнес Месарош за ее постоянную помощь и обратную связь. Она никогда не стесняется высказаться, когда думает, что можно было лучше или я малость ленюсь. В то же время, ее страсть и энтузиазм делали работу над этой историей еще более приятной.

Я также должен поблагодарить, как всегда, весь персонал «Асе» за их поддержку, особенно моего замечательного редактора, Джессику Уэйд. И, конечно, моего агента, Иэна Друри и команду из Шейл-Лэнда.

notes

Загадочная фраза. У Яз никогда не было железного ножа, только костяной (из зуба кинжал-рыбы). И этот костяной унесла в себе Хетта...

Непереводимая игра слов. Watergate, дословно вода-ворота(врата) — название вашингтонского комплекса, по-русски «Уотергейт», включающего отель, два административных здания и 3 жилых здания. Стал широко известен после скандала с попыткой подслушивания, который привёл 9 августа 1974 года к отставке американского президента Ричарда Никсона, единственной в истории США. Более подробно см https://ru.wikipedia.org/wiki/Уотергейтский_скандал. Сам скандал к нашей теме отношения не имеет, но все это подчеркивает, что четыре племени прилетели с Земли.

По Фаренгейту. -65.5 по Цельсию.